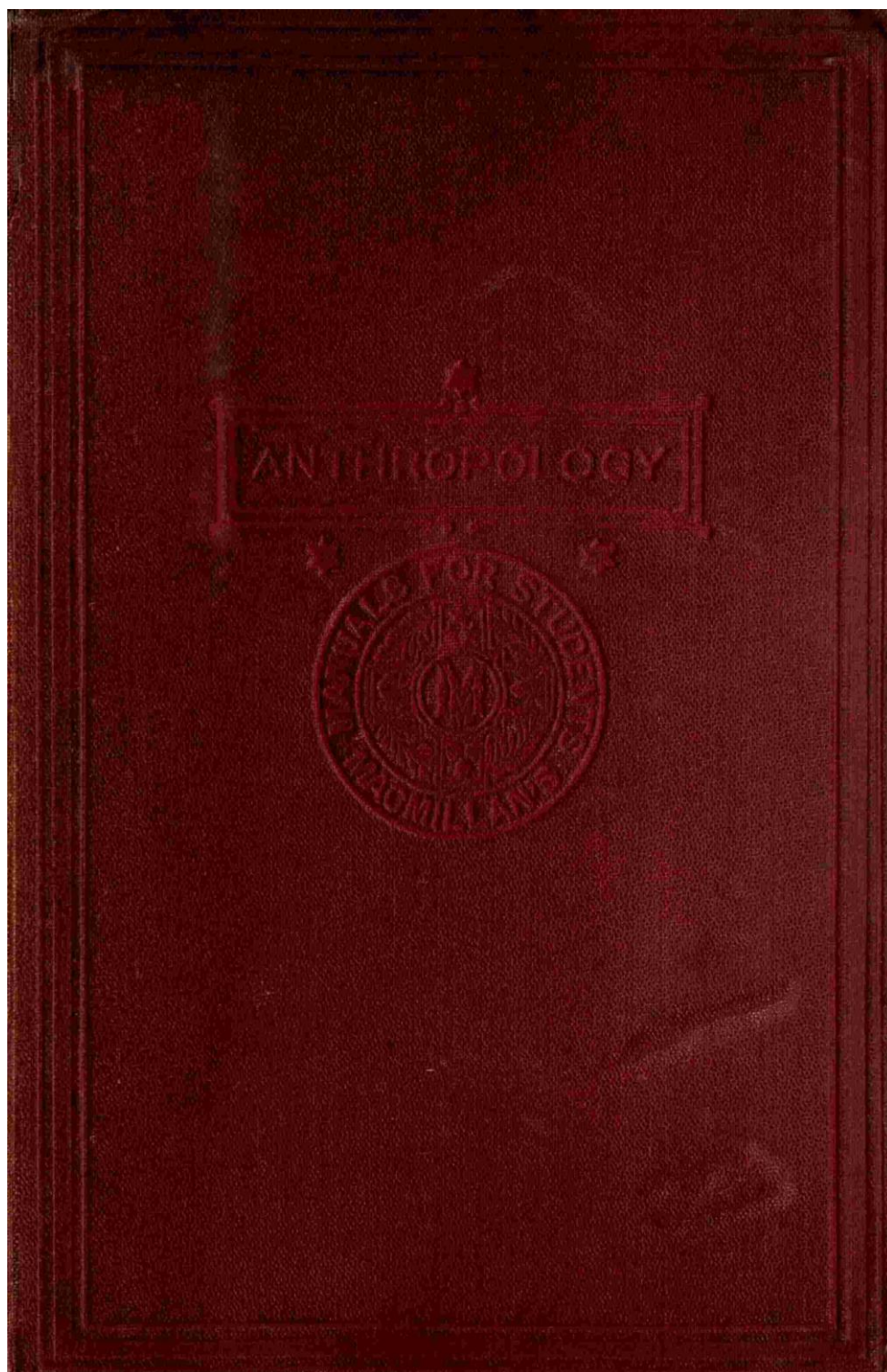

Антропология

Эдвард Б. Тайлор

The Project Gutenberg eBook of Anthropology

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Антропология

Введение в изучение человека и цивилизации

Автор: Эдвард Б. Тайлор

Дата выхода: 20 июля 2023 года [eBook #71233]

Язык: Английский

Оригинальное издание: United Kingdom: Macmillan and co, 1881

Кредиты: Тим Линделл, Тургут Динсер и группа онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом/канадскими библиотеками).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK ANTHROPOLOGY ***

АНТРОПОЛОГИЯ.

ANTHROPOLOGY

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЦИВИЛИЗАЦИИ.

BY EDWARD B. TYLOR, D.C.L., F.R.S.

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

London:

MACMILLAN AND CO.

1881.

Право на перевод и воспроизведение сохраняется.

Лондон:

R. Clay, Sons, and Taylor,

ХЛЕБ СТРИТ ХИЛЛ, Е.В.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Во времена, когда предметы образования множатся, на первый взгляд может показаться тяжким бременем взваливать на плечи студента, и без того испытывающего большие трудности, новую науку. Но окажется, что реальный эффект антропологии заключается скорее в облегчении, чем в увеличении нагрузки при обучении. В горах мы видим, как носильщики тяжелой ноши с удовольствием взваливают на плечи еще и раму, потому что ее вес с лихвой компенсируется удобством удержания и балансировки груза. Так и с наукой о человеке и цивилизации, которая соединяет в единое целое разрозненные предметы обычного образования. Большая часть трудностей в обучении и преподавании заключается в том, что ученый не видит четко, для чего нужна каждая наука или искусство, каково ее место среди целей жизни. Если он знает что-то о ее ранней истории и о том, как она возникла из более простых потребностей и обстоятельств человечества, он оказывается в состоянии лучше усвоить ее, чем когда, как это часто бывает, его призывают взяться за заумный предмет не в начале, а в середине. Узнав кое-что о грубейших способах общения человека с помощью жестов и криков, а затем убедившись, что более высокие устройства членораздельной речи являются усовершенствованием таких низких методов, он делает более справедливое начало в науке о языке, чем если бы он упал неподготовленным среди тонкостей грамматики, которые без объяснения выглядят как произвольные правила, созданные скорее для того, чтобы озадачить, чем для того, чтобы информировать. Неприязнь многих новичков к геометрии в изложении Эвклида, тот факт, что ни один из трех никогда по-настоящему не понимает, что он делает, объясняется тем, что ученому не показали сначала практическую точку отсчета здравого смысла, с которой старые плотники и строители начинали определять отношения расстояний и пространств в своей работе. Так студент-юрист сразу же погружается в хитросплетения правовых систем, выросших в результате борьбы, реформ и даже ошибок на протяжении тысячелетий; однако он мог бы проложить свой путь более четко, увидев, как законы начинаются в своих простейших формах, созданных для удовлетворения потребностей диких и варварских племен. Нет нужды перечислять все отрасли образования в области знаний и искусств; нет ни одной, которую не было бы легче и лучше изучить, зная ее историю и место в общей науке о человеке.

С этой целью настоящий том представляет собой скорее введение в антропологию, чем краткое изложение всего, чему она учит. В нем не рассматриваются сугубо технические вопросы, недоступные читателям, получившим или получающим обычное высшее английское образование. Так, разве что для студентов, подготовленных в области анатомии, будут бесполезны минутные современные исследования, касающиеся различия рас по размерам черепа и тому подобное. В было уделено много внимания тому, чтобы сделать главы, посвященные различным отраслям науки, максимально обоснованными, но более продвинутые работы должны быть оставлены для специальных студентов.

Хотя различные отделы науки о человеке чрезвычайно многообразны, от тела до разума, от языка до музыки, от изготовления огня до морали, все они представляют собой вопросы, над природой и историей которых должен задуматься каждый хорошо осведомленный человек. Однако одному писателю трудно отважиться даже на элементарное рассмотрение столь огромного количества предметов. При выполнении такой задачи я имею право просить, чтобы ошибки и недостатки были легко осуждаемы. Я не смог бы предпринять эту попытку, если бы не помощь друзей, выдающихся в различных отраслях науки, с которыми я мог консультироваться по сомнительным и трудным вопросам. Я особенно признателен профессору Хаксли и доктору Э. А. Фримену, сэру Генри Мэну, доктору Берчу, мистеру Фрэнксу, профессору Флауэру, генерал-майору Питт-Риверсу, профессору Сэйсу, доктору Беддоу, доктору Д. Х. Тьюку, профессору У. К. Дугласу, мистеру Расселу Мартино, мистеру Р. Гарнетту, мистеру Генри Свиту, мистеру Рудлеру и многим другим друзьям, которых я могу лишь поблагодарить без названия. Иллюстрации рас выгравированы с фотографических портретов, многие из которых взяты с разрешения господ Дамманнов из Хаддерсфилда из их ценных альбомов этнологических фотографий.

Ф. В. Т.

Февраль, 1881.

СОДЕРЖАНИЕ.

	PAGE
ГЛАВА I.	
Человек, древний и современный	1
Древность человека, 1 - время, необходимое для развития рас, 1 - языки, 7 - цивилизация, 13 - следы человека в каменном веке, 25 - поздний период, 26 - более ранний четвертичный или дрейфовый период, 29.	
ГЛАВА II.	
Человек и другие животные	35
Позвоночные животные, 35-Последовательность и происхождение видов, 37-Обезьяны и человек, сравнение строения, 38-Руки и ноги, 42-Волосы, 44-Черты лица, 44-Мозг, 45-Мозг у низших животных и человека, 47.	
ГЛАВА III.	
Расы человечества	56

Различия рас, 56-рост и пропорции, 56-череп, 60-черты лица, 62-цвет кожи, 66-волосы, 71-конституция, 73-темперамент, 74-типы рас, 75-постоянство, 80-смесь, 80-вариация, 84-расы человечества, 87.

ГЛАВА IV.

Язык 114

Изготовление знаков, 114-жестовый язык, 114-звуковые жесты, 120-естественный язык, 122-выражения животных, 122-эмоциональные и подражательные звуки в языке, 124-изменение звука и чувства, 127-другое выражение чувства с помощью звука, 128-детские слова, 128-артикуляционный язык, его отношение к естественному языку, 129- происхождение языка, 130.

ГЛАВА V.

Язык (продолжение) 132

Артикулированная речь, 132 - Рост значений, 133 - Абстрактные слова, 135 - Реальные и грамматические слова, 136 - Части речи, 138 - Предложения, 139 - Аналитический язык, 139 - Словосочетание, 140 - Синтетический язык, 141 - Аффиксы, 142 - Звукоизменение, 143 - Корни, 144 - Синтаксис, 146 - Управление и согласие, 147 - Гендер, 149 - Развитие языка, 150.

ГЛАВА VI.

Язык и раса 152

Принятие и утрата языка, 152 - предковЯзык , 153 - семьиЯзыковые , 155 - Арийская, 156 - Семитская, 159 - Египетская, Берберская и т.д., 160 - Татарская или Туранская, 161 - Юго-Восточная Азия, 162 - Малайско-Полинезийская, 163 - Дравидийская, 164 - Африканская, Банту, Хоттентотская, 164 - Американская, 165 - Ранние языки и расы, 165.

ГЛАВА VII.

Письменность 167

Картинное письмо, 168-звуковые рисунки, 169-китайская письменность, 170-клинопись, 172-египетская письменность, 173-буквенное письмо, 175-орфография, 178-печать, 180.

ГЛАВА VIII.

Искусство жизни 182

Развитие инструментов, 183-Клуб, молоток, 184-камнемет, 185-шляпа, 188-сабля, нож, 189-копье, кинжал, шпага, 190-плотницкие инструменты, 192-ракеты, копье, 193-праща, копьеметалка, 194-пила и стрела, 195-труба, пистолет, 196-механическая сила, 197-колесо, 198-ручной станок, 200-сверло, токарный станок, 202-винт, 203-водяная мельница, ветряная мельница, 204.

ГЛАВА IX.

Искусство жизни (продолжение) 206

Поиск дикой пищи, 206 - Охота, 207 - Ловля рыбы, 211 - Рыбалка, 212 - Земледелие, 214 - Орудия труда, 216 - Поля, 218 - Скот, пастбища, 219 - Война, 221 - Оружие, 221 - Доспехи, 222 - Война низших племен, 223 - Высших народов, 225.

ГЛАВА X.

Искусство жизни (продолжение) 229

Жилища: - пещеры, 229 - хижины, 230 - палатки, 231 - дома, 231 - каменные и кирпичные здания, 232 - искусство, 235 - развитие архитектуры, 235 - одежда: - окраска кожи, 236 - татуировка, 237 - деформация черепа и т. д., 240 - Орнаменты, 241 - Одежда из коры, кожи и т.д., 244 - Циновки, 246 - Прядение, ткачество, 246 - Шитье 249 - Одежда, 249 -

Мореплавание: - Лодки, 252 - Лодки, 253 - Плоты, 255 - Атриггеры, 255 - Весла и гребцы, 256 - Паруса, 256 - Галеры и корабли, 257.

ГЛАВА XI.

Искусство жизни (окончание) 260

Огонь, 260 - Кулинария, 264 - Хлеб и т.д., 266 - Ликеры, 268 - Топливо, 270 - Освещение, 272 - Сосуды, 274 - Гончарные изделия, 274 - Стекло, 276 - Металлы, 277 - Бронзовый и Железный века, 278 - Бартер, 281 - Деньги, 282 - Торговля, 285.

ГЛАВА XII.

Искусство наслаждения 287

Поэзия, 287 - Стих и метр, 288 - Аллитерация и рифма, 289 - Поэтическая метафора, 289 - Речь, мелодия, гармония, 290 - Музыкальные инструменты, 293 - Танцы, 296 - Драма, 298 - Скульптура и живопись, 300 - Древнее и современное искусство, 301 - Игры, 305.

ГЛАВА XIII.

Наука 309

Наука, 309-Счет и арифметика, 310-Измерение и взвешивание, 316-Геометрия, 318-Алгебра, 322-Физика, 323-Химия, 328-Биология, 329-Астрономия, 332-География и геология, 335-Методы рассуждения, 336-Магия, 338.

ГЛАВА XIV.

Дух-мир 342

Религия низших рас, 342 - Души, 343 - Погребение, 347 - Будущая жизнь, 349 - Переселение, 350 - Божественные предки, 351 - Демоны, 352 - природыДухи , 357 - Боги, 358 - Поклонение, 364 - Моральное влияние, 368.

ГЛАВА XV.

История и мифология 373

Традиция, 373-Поэзия, 375-Факт в вымысле, 377-Древнейшие поэмы и писания, 381-Древняя хроника и история, 383-Мифы, 387-Интерпретация мифов, 396-Диффузия мифов, 397.

ГЛАВА XVI.

Общество 401

Социальные ступени, 401 - Семья, 402 - Нравы низших рас, 405 - Общественное мнение и обычаи, 408 - Моральный прогресс, 410 - Месть и справедливость, 414 - Война, 418 - Собственность, 419 - Юридические церемонии, 423 - семьиВласть и ответственность , 426 - Патриархальные и военные вожди, 428 - Нации, 432 - Социальные ранги, 434 - Правительство, 436.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

ФИГ.	СТРАНИЦА
1. Орудия позднего каменного века (неолита)	27
2. Кремневые кирки или топоры более раннего каменного века (палеолита)	29
3. Набросок мамонта из пещеры Ла-Мадлен (Лартет и Кристи)	31

4.	Зарисовка человека и лошади из пещеры (Лартет и Кристи)	32
5.	Скелеты обезьян и человека (по Хаксли)	39
6.	Руки и ноги шимпанзе и человека	42
7.	Мозг шимпанзе и человека	46
8.	Патагонец и бушмен	58
9.	Вид сверху на черепа	61
10.	Вид сбоку на черепа	62
11.	<i>a</i> , суахели; <i>b</i> , персидский	63
12.	Женские портреты	64
13.	Африканский негр	65
14.	Участок кожи негра, сильно увеличенный (по Келлиkerу)	66
15.	Участки волос, сильно увеличенные (после Прунера)	73
16.	Раса или популяция, упорядоченная по росту (метод Гальтона)	76
17.	Расы или население, упорядоченное по росту (метод Кетеле)	77
18.	Карибы	78
19.	(<i>a</i>) Голова Рамсеса II, Древний Египет, (<i>b</i>) Сын шейха, Современный Египет (по Хартманну)	79
20.	Малайская мать и дочери-полукровки	81
21.	Женщина-кафуса	82
22.	Кайрен	84
23.	Андаманские острова	88
24.	Ахета (негрито) Филиппинские острова	90
25.	Меланезийцы	91
26.	Южноавстралийцы (мужчина)	92
27.	Южная Австралия (женщина)	92
28.	Австралийские (Квинсленд) женщины	93
29.	Дравидийский человек-холм (после Фрайера)	94
30.	Калмук (после Голдсмида)	95
31.	Голди (Амур)	96
32.	Сиамские актрисы	97
33.	Кочинско-китайские	98
34.	Корейцы	99
35.	Финн (мужчина)	100
36.	Финн (женщина)	100
37.	Малайцы	101
38.	Малайцы	101
39.	Даяки	103
40.	Островитянин Кингсмилл	104
41.	Индеец Колорадо (Северная Америка)	106
42.	Индеец Колорадо (Северная Америка)	107

43.	Индейцы кауиксана (Южная Америка)	108
44.	Грузины	110
45.	Шведы	111
46.	Цыганка	112
47.	Картина-письмо, скала у озера Верхнего (после Школькрафта)	168
48.	<i>Pater noster</i> на мексиканской картине (после Обена)	169
49.	Китайские древние рисунки и поздние скорописные формы (после Эндлихера)	170
50.	Китайские составные иероглифы, изображения и звуки	171
51.	Египетские иероглифы и иератические знаки в сравнении с буквами финикийского и более поздних алфавитов (по Де Руже)	176
52.	Ядро и чешуйки оружейного мастера (по Эвансу)	185
53.	Каменные чешуйки	186
54.	Орудия позднего каменного века (неолита)	187
55.	Кремневые кирки или топоры более раннего каменного века (палеолита)	187
56.	Каменные топоры и т. д.	188
57.	<i>a</i> , египетский боевой топор; <i>b</i> , египетский фальчион; <i>c</i> , азиатская сабля; <i>d</i> , европейский нож в ножнах; <i>e</i> , римский культер; <i>f</i> , индусский билль-крюк	189
58.	<i>a</i> , каменный наконечник копья (о. Адмиралтейство); <i>b</i> , каменный наконечник копья или кинжальный клинок (Англия); <i>c</i> , бронзовый наконечник копья (Дания); <i>d</i> , бронзовый кинжал; <i>e</i> , бронзовый листовидный меч	191
59.	Австралийское копье, брошенное копьеметателем (по рисунку Броу Смита)	194
60.	Луки	196
61.	Древняя повозка с быками, с Антониновой колонны	199
62.	Кукурузодробилка, Англси (после У. О. Стэнли)	201
63.	Женщины Гебридских островов, молотящие кукурузу с помощью кверна или ручной мельницы (после Pennant)	202
64.	<i>a</i> . Австралийская палка для копания; <i>b</i> . Шведская деревянная рубильная машина	216
65.	Древнеегипетские мотыга и плуг	217
66.	Туземцы острова Прокаженного (Новые Гебриды)	239
67.	Рука китайского аскета	241
68.	Женщина-ботокудо с украшениями на губах и ушах	242
69.	<i>a</i> , австралийская машинка для наматывания шнура ручной работы; <i>b</i> , египетская женщина, прядущая с помощью веретена	247
70.	Девушка ткёт. С изображения ацтеков	248
71.	Древняя нильская лодка, с настенной росписи, Фивы	258
72.	Бушмен, сверлящий огонь (после Чепмена)	262

73.	Древнеегипетский гончарный круг (Бени Хассан)	275
74.	Древнеегипетское стеклодувное дело (Бени Хасан)	277
75.	Развитие арфы	295
76.	Древнеегипетская и ассирийская нумерация	313
77.	Способ вычисления с помощью счетчиков и цифр на абакусе	315
78.	Рудиментарная практическая геометрия	318

АНТРОПОЛОГИЯ.

ГЛАВА I.

ЧЕЛОВЕК ДРЕВНИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ.

Древность человека, **1 - время**, необходимое для развития рас, **1 - языки**, **7 - цивилизация**, **13 - следы** человека в каменном веке, **25 - поздний** период, **26 - ранний** четвертичный или дрейфовый период, **29**.

Студенту, который стремится понять, как человечество стало таким, какое оно есть, и живет так, как живет, прежде всего необходимо четко знать, являются ли люди новоприбывшими на землю или ее давними обитателями. Появились ли они со своими различными расами и образом жизни в готовом виде, или же они формировались в течение долгих, медленных веков? Чтобы ответить на этот вопрос, первым делом мы проведем быстрый обзор разновидностей людей, их языков, цивилизации и древних реликвий, чтобы увидеть, какие доказательства возраста человека в мире можно получить таким образом. набросанный таким образом эскиз будет также полезен в качестве введения к более полному рассмотрению человека и его образа жизни в последующих главах.

Сначала о разновидностях человечества. Давайте представим, что мы стоим в доках Ливерпуля или Лондона и смотрим на группы людей, принадлежащих к расам, сильно отличающимся от нашей собственной. Вот знакомая фигура африканского негра, кожа которого настолько темно-коричневая, что ее принято называть черной, а черные волосы настолько естественно вьются, что их можно назвать шерстяными. Но это не единственные моменты, в которых он не похож на нас. Действительно, белые люди, которые чернят лица и укладывают волосы, чтобы походить на негров, очень плохо подражают им, ведь черты лица негров вполне отчетливы; мы хорошо знаем плоский нос, широкие ноздри, толстые выступающие губы и, если смотреть на лицо в профиль, замечательные выступающие челюсти. Шляпник сразу же заметит, что голова негра более узкая по сравнению с обычным овалом шляп, изготавливаемых для англичан. Негра можно отличить от белого человека даже в темноте по особой атласной коже и еще более специфическому запаху, который никто из тех, кто его заметил, никогда не перепутает. В тех же доках, среди экипажей восточных пароходов, мы наблюдаем и другие хорошо заметные типы людей. Кули Южной Индии (который не является индусом, а принадлежит к так называемым горным племенам) имеет смуглую кожу, черные, шелковистые, волнистые волосы, широкоскулое лицо, тяжелые челюсти и мясистые губы. Более привычным является китаец, которого наблюдатель отмечает по его не слишком европейскому росту, желтоватой коже и грубым, прямым черным волосам; особый характер его черт аккуратно передан на его родных фарфоровых

пластинках и бумажных экранах, на которых изображены курносый нос, высокие скулы и тот любопытный раскосый разрез глаз, который мы можем имитировать, приложив палец к внешним уголкам собственных глаз и надавив вверх. Сравнивая такие расы с нашими соотечественниками, мы можем увидеть огромные различия между людьми по цвету лица и чертам. При этом становится очевидным, что белые люди, как мы согласны себя называть, демонстрируют как минимум два основных расовых типа. Взойдя на борт торгового судна из Копенгагена, мы обнаружим, что команда в основном состоит из голубоглазых мужчин со светлым цветом лица и волос, что составляет удивительный контраст с генуэзским судном, пришвартованным рядом, чьи моряки почти все имеют смуглый цвет лица и блестящие черные глаза и волосы. Эти два типа людей хорошо описаны как светло-белые и темно-белые.

Только в наше время различия между расами были разработаны научными методами. Однако с ранних веков раса привлекала внимание своей связью с политическими вопросами: соотечественник или иностранец, завоеватель или покоренный, свободный или раб, и поэтому за ее признаками следили с ревностной точностью. На юге Соединенных Штатов, пока рабство не было отменено несколько лет назад, следы негритянского происхождения отмечались с особой тщательностью. Смешанные породы не только регулярно классифицировались как мулаты, квадруны и вплоть до октарунов, но даже там, где смешение было настолько незначительным, что нетренированный глаз не замечал ничего, кроме брюнетистого цвета лица, незваного гостя, рискнувшего сесть за общественный стол, просили показать руки, и по темному оттенку у корней ногтей определяли африканское происхождение.

Видя, как разительны расовые различия, следовало ожидать, что древние надписи и рисунки должны дать некоторое представление о человеческих расах, какими они были в начале исторических времен. Так и произошло в Египте, где появились самые древние письмена в мире. Более 4 000 лет назад мы начинаем находить фигуры самих египтян, в чертах, во многом схожих с более поздними временами. При шестой династии, около 2 000 лет до н.э., в знаменитой надписи принца Уны упоминаются *нахи*, или негры, которых набирали и обучали десятками тысячами для египетской армии. При двенадцатой династии на стенах гробницы Кнумхетпа изображена процессия *аму*, которые по своим чертам напоминают представителей расы, к которой принадлежали сирийцы и евреи. Особенно настенные росписи гробниц царей в Фивах XIX династии сохранили цветные портреты четырех великих рас, выделяемых египтянами. Это красно-коричневые египтяне, жители Палестины с их аквилинным профилем и смуглым цветом лица, плосконосые, толстогубые африканские негры и светлокожие ливийцы. Таким образом, человечество уже было разделено на хорошо заметные расы, отличающиеся цветом кожи и чертами лица. Удивительно, но эти древние типы людей до сих пор можно распознать. Эфиоп, изображенный на древних памятниках, и по сей день может быть точно идентифицирован. Несмотря на многочисленные вторжения иноземцев в Египет, масса деревенского населения достаточно воспитана, чтобы можно было легко выделить представителей времен фараонов. Достаточно нарисовать их портреты в строгом стиле памятников, с условным изображением глаз в профиль, и перед нами предстанут те самые египтяне, какими они изображали себя в те давние времена, когда держали в рабстве израильтян. Точно так же древнеегипетские портреты пленников из Палестины, будь то сирийцы, финикийцы или евреи, демонстрируют ярко выраженный израильский тип черт, который сегодня можно увидеть в каждом городе Европы. В целом, свидетельства древних памятников, географии и истории доказывают, что великие расовые деления человечества появились не недавно, а были заселены еще до начала исторического периода. С тех пор их изменения, по-

видимому, были сравнительно незначительными, за исключением образования смешанных рас в результате межродовых браков.

Отсюда следует, что исторические века следует рассматривать лишь как современный период жизни человека на земле. За ними лежит праисторический период, когда была проделана основная работа по формированию и распространению по миру человеческих рас. Хотя нет шкалы, по которой можно было бы измерить длину этого периода, есть веские основания считать его большим отрезком времени. Если взглянуть на этнологическую карту, раскрашенную так, чтобы показать, какая раса людей населяет каждый регион, то с первого взгляда становится ясно, что мир был заселен не просто случайным разбросом народов - белое племя здесь, коричневое племя там, и, возможно, черное племя между ними. Далеко не так, целые расы рассеяны по обширным регионам, как будто они там выросли, а особый тип расы, похоже, в большей или меньшей степени связан с климатом, в котором она живет. Особенно заметно, что масса черных рас принадлежит экваториальным областям Африки и Восточного архипелага, желтая раса - Центральной и Южной Азии, белая - Азии и Европе с умеренным климатом. По карте можно даже предположить, какой район был первобытным центром, где сформировалась каждая из этих рас, и откуда она распространилась далеко и широко. Если бы, как считают некоторые, негры, монголы, белые и другие расы были отдельными видами, каждый из которых возник из отдельного источника в своем регионе, то заселение земного шара потребовало бы лишь умеренного времени, расы должны были бы распространиться каждая из своего места рождения. Но мнение современных зоологов, чье изучение видов и пород животных делает их лучшими судьями, противоречит этому взгляду на несколько вариантов происхождения человека по двум основным причинам. Во-первых, все племена людей, от самых черных до самых белых, от самых диких до самых культурных, имеют такое общее сходство в строении своего тела и работе своего ума, которое легче всего объяснить тем, что они произошли от общего предка, каким бы далеким он ни был. Во-вторых, все человеческие расы, несмотря на их форму и цвет кожи, способны свободно скрещиваться и образовывать скрещенные расы любой комбинации, как, например, миллионы мулатов и метисов, появившихся в Новом Свете от смешения европейцев, африканцев и коренных американцев; это снова указывает на общее происхождение всех человеческих рас. Мы можем принять теорию единства человечества как наиболее согласующуюся с обычным опытом и научными исследованиями. Однако пока еще очень несовершенны средства, позволяющие судить о том, какими были телесные и душевные качества прародителей человека в те времена, когда праотцы нынешних негров, татар и австралийцев еще не разделились на отдельные расы. Неясно также, по каким причинам эти группы или расы перешли к различным типам черепа и конечностей, цвета кожи и волос. В настоящее время невозможно определить, насколько особенности отдельных предков были унаследованы их потомками и усилились в результате скрещивания; насколько, когда слабые и тупые племена потерпели неудачу в борьбе за землю и жизнь, более сильные, храбрые и умелые племена выжили, чтобы оставить свои типы, запечатленные на народах, произошедших от них; насколько целые мигрирующие племена подвергались телесным изменениям в результате смены климата, пищи и привычек, так что заселение Земли продолжалось вместе с ростом новых рас, приспособленных к жизни в различных ее регионах. Какова бы ни была доля этих и других, еще более непонятных причин в изменении человеческих рас, не следует думать, что такие различия, как между англичанином и негром с Золотого Берега, объясняются незначительными вариациями породы. Напротив, они имеют такое зоологическое значение, что их можно сравнить с различиями между животными, которых натуралисты считают отдельными видами, например, между бурым медведем с округлым лбом и белым медведем с белым мехом и длинным приплюснутым черепом. Если мы хотим вернуться мыслями к тому времени, когда предки африканцев,

австралийцев, монголов и скандинавов были еще единой неразделенной массой, то теория их общего происхождения должна быть сформулирована таким образом, чтобы допустить достаточно сильные причины и достаточно длительное время, чтобы вызвать изменения, намного превосходящие все известные, произошедшие в исторические эпохи. Если посмотреть на них с этой точки зрения, то черные, коричневые, желтые и белые люди, которых мы якобы рассматриваем на берегах, являются живыми свидетельствами далекого прошлого, каждый китаец и негр несет на своем лице доказательства древности человека.

Далее, что может сказать язык о возрасте человека на земле? Оказывается, что известных языков насчитывается около тысячи. Однако с первого взгляда становится ясно, что все они возникли не по отдельности. Существуют группы языков, которые демонстрируют такое близкое сходство в своих грамматиках и словарях, что это доказывает, что каждая группа произошла от одного языка-предка. Такая группа называется языковой семьей, и в качестве примера пути ее развития можно взять одну из самых известных семей. В древние времена латынь (используем это слово в довольно широком смысле) была языком Рима и других итальянских районов, и с распространением Римской империи она распространилась далеко и широко, вытеснив ранние языки целых провинций. Претерпевая в каждой стране свои изменения, латынь дала начало романской семье языков, известными представителями которой являются итальянский, испанский и французский. О том, как различаются эти языки после долгих веков раздельной жизни, можно судить по тому, что моряки из Дьеппа не могут изъясняться на малага, а знание французского не позволяет читать Данте. Тем не менее романские языки достаточно четко сохраняют следы своего римского происхождения, чтобы можно было брать итальянские, испанские и французские предложения и ссылаться на каждое слово, близкое по значению к классической латыни, которую можно условно считать оригинальной формой. В качестве иллюстраций здесь приводятся знакомые пословицы, при этом читателя предупреждают, что для удобства сравнения не все они приводятся в точной грамматической форме.

Итальянский.

E meglio un uovo oggi che una gallina domani.
est melius unum ovum hodie quid una gallina de mane.
Т.е. лучше яйцо сегодня, чем курица завтра.

Chi va piano va sano, chi va sano va lontano.
qui vadit planum vadit sanum, qui vadit sanum vadit longum.
Т.е. Тот, кто идет осторожно, идет безопасно, тот, кто идет безопасно, идет далеко.

Испанский.

Quien canta sus males espanta.
quem cantat suos malos expav(ere).
Т.е. тот, кто поет, отпугивает свои беды.

Por la calle de despues se va á la casa de nunca.
per illam callem de de-ex-post se vadit ad illam casam de nunquam.
Т.е. по улице проезжих и прохожих человек идет к дому неизвестного.

Французский.

Un tiens vaut mieux que deux tu l'auras.

unum tene valet melius quod duos tu illum habere-habes.

Т.е. одно "возьми" стоит больше, чем два "ты должен иметь".

Parler de la corde dans la maison d'un pendu.

parabola de illam chordam de intus illam mansionem de unum pend(o).

Т.е. (никогда не) говорить о веревке в доме повешенного.

Из подобных предложений становится ясно, что итальянский, испанский и французский языки - это фактически преобразованная латынь, слова которой постепенно изменялись по мере того, как они поколение за поколением сходили с родительского языка. Теперь, даже если бы латынь была утеряна, филологи все равно смогли бы, сравнив набор романских языков, сделать вывод, что такой язык должен был существовать, чтобы породить их все, хотя, несомненно, такая реконструкция латыни даст лишь скудное представление либо о ее запасе слов, либо о ее грамматических инлексиях. Подобный аргумент, с помощью которого утраченный родительский язык обнаруживается по сходству между его потомками, можно хорошо рассмотреть на примере другого ряда европейских языков. Предположим, что мы слушаем группу голландских моряков; сначала их разговор может показаться невразумительным, но через некоторое время острый слух уловит звучание хорошо знакомых слов и, возможно, наконец, целые предложения, подобные этим: - *Kom hier! Wat zegt gij? Hoe is het weder? Это очень сильный шторм, я очень волнуюсь. Is de maan op? Ik weet niet.* Написание этих слов, отличное от нашего, маскирует их сходство, но в произнесенном виде они очень близки к соответствующим предложениям в английском языке, несколько старомодным или провинциальным, таким как: - *Come here! What say ye? Как погода? Сильный шторм, я сильно простудился. Луна взошла? Я не знаю.* Логично предположить, что два языка не могли бы быть так похожи, если бы оба не произошли от одного родительского языка. Этот спор во многом схож со спором о происхождении самих людей. Как мы говорим, что голландцы и англичане - существа, настолько похожие друг на друга, что, должно быть, произошли от общей породы, так и мы говорим, что эти языки настолько похожи, что, должно быть, произошли от общего языка. Соответственно, говорят, что голландский и английский языки тесно связаны друг с другом, а язык Фрисландии при исследовании оказывается еще одним близким родственником. Отсюда следует вывод, что родительский язык или группа диалектов, которые можно назвать исходным нижненемецким или нижненемецким, должны были когда-то использоваться, хотя на самом деле их не найти, так как они не были записаны и сохранены.

Теперь легко понять, что с течением времени, когда языки одной семьи меняются каждый в свою сторону, становится все менее возможным показать их родство, сравнивая целые предложения. Филологам приходится полагаться на менее совершенные сходства, но и их достаточно, когда в двух языках не только совпадают слова из словаря, но и они переходят в реальную речь с помощью соответствующих форм грамматики. Так, если сравнить санскрит, древний язык брахманов в Индии, с греческим и латынью, окажется, что санскритский глагол *dâ* выражает идею давать, и образует настоящее время путем редупликации и добавления личного аффикса, становясь *dadâmi*, почти как греческий *didômi*: от того же корня санскрит образует причастие будущего времени *dâsyamânas*, соответствующее греческому *dōsomenos*, а санскритское *dâtâr* соответствует греческому *dotēr* = даритель. Таким образом, там, где в латыни есть *vox, vocis, vocem, voces, vocum, vocibus*, в санскрите есть *vâk, vâcas, vâcam, vâcas, vâcâm, vâgbhyas*. Когда обнаруживается, что подобная аналогия прослеживается в нескольких языках, таких как санскрит, греческий и латынь, невозможно найти иное объяснение, кроме как то, что их породил один древний

родительский язык, от которого они лишь отклонились в разные стороны. Таким образом, показывается, что не только эти конкретные языки связаны по происхождению, но и группы древних и современных языков в Азии и Европе, индийская группа, персидская группа, эллинская или греческая группа, итальянская или латинская группа, славянская группа, к которой принадлежит русский язык, тевтонская группа, к которой принадлежит английский язык, кельтская группа, к которой принадлежит валлийский язык, - все они являются потомками одного общего языка-предка, который сейчас теоретически называют арийским, хотя практически его природу можно определить лишь смутно, сравнивая языки-потомки. Некоторые из них дошли до нас в формах, которые являются чрезвычайно древними, если говорить о древности в нашей ограниченной хронологии. В священных книгах Индии и Персии сохранились санскрит и зендский языки, которые по своей структуре демонстрируют филологу древность, превосходящую древнейшие греческие и латинские надписи и древнеперсидскую клинопись Дария. Но арийские языки даже в их древнейших известных состояниях уже стали настолько разными, что показать, что они вообще имели общее происхождение, было величайшим подвигом современной филологии. Слабое сходство валлийского языка с греческим и немецким может дать некоторое представление о времени, прошедшем с тех пор, как все три языка развились из первоначального арийского языка, который сам, вероятно, прекратил свое существование задолго до начала исторического периода.

Среди языков древних народов еще одна большая группа занимает важное место в мировой истории. Это семитская семья, включающая древнееврейский и финикийский языки, а также ассирийский, расшифрованный по клиновым иероглифам Ниневии. Арабский язык, язык *Корана*, является великим современным представителем этой семьи, и о том, насколько близко он совпадает с ивритом, можно судить по знакомым фразам. Араб по-прежнему приветствует незнакомца "*салам алейкум*", "мир тебе", почти так же, как древнееврейский сказал бы "*шалом лахем*", то есть "мир тебе", а часто слышимое арабское восклицание "*бисмиллах*" можно перевести на иврит как "*бе-шкм ха-Элохим*", "во имя Бога". Так и древнееврейские имена людей, упоминаемых в Библии, дают толкование многим арабским именам, например, *Эбед-мелех*, "слуга царя", который вывел Иеремию из темницы, носил имя, почти похожее на имя халифа *Абд-эль-Мелика* в магометанской истории. Но ни один из этих семитских языков не претендует на роль родоначальника семьи, стоящего по отношению к остальным так же, как латынь по отношению к итальянскому и французскому. Все они, ассирийский, финикийский, иврит, арабский, являются языками-сестрами, указывающими на более ранний родительский язык, который давно исчез. Древнеегипетский язык иероглифов не может быть отнесен к семитской семье, хотя в нем можно найти сходство, которое может указывать на некоторую отдаленную связь. Известно также, что до 2000 года до н. э. существовали два важных языка, не относящихся ни к арийской, ни к семитской семье; это древневавилонский и древнекитайский. Что касается языков более отдаленных регионов мира, таких как Америка, то при ближайшем рассмотрении оказывается, что они также состоят из множества отдельных групп или семей.

Этого небольшого взгляда на самое раннее известное состояние языка в мире достаточно, чтобы понять, что основная работа по созданию языка была проделана в доисторические века. Если заглянуть в прошлое настолько далеко, насколько это может сделать филология, то мы обнаружим, что уже существует целый ряд языковых групп, различающихся по словам и структуре, и если они когда-либо имели какую-либо связь друг с другом, то уже не проявляют ее в виде признаков, достаточно ясных для того, чтобы мы могли их разобрать. Самые терпеливые исследования не нашли никаких следов первоначального примитивного языка человечества. Самые древние типы языка, до которых мы можем добраться,

отталкиваясь от известных языков, не показывают никаких признаков того, что они были примитивными языками человечества. Более того, можно с уверенностью утверждать, что они таковыми не являются, но что века роста и упадка в основном стерли следы того, как каждый конкретный звук стал выражать свой конкретный смысл. Человек, начиная с исторического периода, почти ничего не сделал для абсолютного создания нового языка, по той веской причине, что его потребности уже были обеспечены словами, которые он узнал от своих отцов, и все, что ему нужно было сделать, когда к нему приходила новая идея, - это переделать старые слова в какую-то новую форму. Таким образом, изучение языков дает во многом такое же представление о древности человека, какое уже было получено при изучении рас. Филолог на вопрос, как долго, по его мнению, существовало человечество, отвечает, что, должно быть, достаточно долго, чтобы человеческая речь из самых ранних зачатков превратилась в развитые языки, а те, в свою очередь, развились в семьи, разбросанные по всему миру. Эта огромная работа уже была проделана за века до появления самых ранних надписей Египта, Вавилона, Ассирии, Финикии, Персии, Греции, так как они показывают великие семьи человеческой речи, уже полностью существующие.

Далее мы должны рассмотреть культуру или цивилизацию, чтобы увидеть, есть ли в ней признаки того, что человек жил и трудился в эпохи более ранние, чем самые ранние, о которых могут рассказать исторические записи. Для этого необходимо понять, каков был общий ход развития искусств, знаний и институтов. Старое доброе правило - работать от известного к неизвестному, и все разумные люди могут многое рассказать о том, как развивается цивилизация, исходя из собственного опыта. Рассказ старика об Англии, какой он ее помнит в школьные годы, и об изобретениях и усовершенствованиях, которые он видел с тех пор, сам по себе является ценным уроком. Так, отправляясь из Лондона на скоростном поезде, чтобы добраться до Эдинбурга к обеду, он думает о том, что раньше было честным путешествием на карете, которое можно было проделать за два дня и ночь. Увидев на линии сигнальный столб, он вспоминает, как такие семафоры (то есть знаменосцы) были тогда лучшим средством телеграфирования и стояли, размахивая руками, на холмах между Лондоном и Плимутом, сигнализируя о сообщениях Адмиралтейства. Размышления об электрическом телеграфе, пришедшем им на смену, напомнили ему, что это изобретение возникло благодаря сделанному в юности открытию о связи между электричеством и магнетизмом. Это снова наводит на мысль о других современных научных открытиях, открывших нам тайны Вселенной, например о спектральном анализе, который теперь с такой точностью определяет материалы звезд, что наши отцы были совершенно уверены, что ни один человек на земле никогда не сможет этого узнать. Наш информатор также может рассказать нам, как знания не только увеличились, но и распространились гораздо шире, чем раньше, когда сын процветающего фермера едва ли мог получить практически такое же хорошее образование, какое сейчас по праву полагается сыну рабочего. Затем он может объяснить своим слушателям, как с его времен были усовершенствованы и лучше выполняются законы страны, так что людей больше не вешают за воровство, что больше делается для исправления преступных классов вместо того, чтобы просто наказывать их, что жизнь и имущество находятся в большей безопасности, чем в прежние времена. Наконец, но не в последнюю очередь, он может показать по собственным воспоминаниям, что люди в нравственном отношении стали на несколько порядков лучше, чем были, что общественное мнение требует несколько более высоких стандартов поведения, чем в прошлых поколениях, как это видно из более резкого неодобрения, которое теперь падает на мошенников и пьяниц. Из таких примеров прогресса цивилизации, достигнутого в одной стране и за одну жизнь, становится ясно, что мир не стоял на месте, а новые искусства, новые мысли, новые институты, новые правила жизни возникали или развивались на основе более старого положения вещей.

Этот рост или развитие цивилизации, столь стремительный в наше время, похоже, происходил более или менее активно с ранних веков существования человека. Доказательства этого приходят к нам разными путями. История, насколько она простирается назад, показывает, что искусства, науки и политические институты начинались в более грубых состояниях и становились в течение веков более разумными, более систематическими, более совершенными или организованными, чтобы отвечать своим целям. Чтобы не приводить много примеров столь знакомого факта, история парламентского правления начинается с советов вождей и бурных собраний всего народа в старом мире. История медицины восходит к тем временам, когда считалось, что *эпилепсия* или "припадок" (греч. *epilēpsis*) на самом деле является действием демона, захватывающего и бьющегося в конвульсиях пациента. Но наша цель - выйти за рамки обычных сведений из учебников истории и судить о том, какие этапы прошла цивилизация в более ранние времена. Здесь ценным подспорьем является археология, которая, например, показывает нам каменные топоры и другие грубые инструменты, принадлежавшие ранним племенам людей, тем самым доказывая, насколько низким был уровень их искусства; об этом мы еще поговорим. Еще одним полезным ориентиром могут послужить пережитки культуры. Внимательно изучая мысли, искусства и привычки любого народа, студент повсюду находит остатки более древнего состояния вещей, из которого они возникли. В качестве примера можно привести тривиальный случай: если мы хотим узнать, почему носят одежду столь причудливого покроя, как вечернее платье-пальто, то объяснение можно найти следующим образом. Отрезное по талии пальто когда-то имело разумную цель предотвратить мешающие юбки при верховой езде, а пара бесполезных пуговиц за поясом - это тоже пережиток тех времен, когда пуговицы действительно служили для застегивания юбок сзади; воротник причудливого кроя хранит теперь неуместные вырезы, сделанные для того, чтобы его можно было носить повернутым вверх или вниз, нарядная подкладка представляет собой старую обычную подкладку, а фиктивные манжеты, сделанные теперь со швом вокруг запястья, - это пережиток настоящих манжет, когда рукав отворачивался. Таким образом, видно, что нынешнее церемониальное платье-пальто обязано своими особенностями тому, что произошло от старомодного практичного пальто, в котором человек ездил верхом и работал. Или, если поискать в современной английской жизни доказательство того, что восемь веков назад было норманнское завоевание, можно найти его в "О да! О да!" городского глашатая, который все так же неосознанно повторяет старую французскую форму провозглашения: "Oyez! Oyez!", то есть "Слушайте! Слушайте!". К каким еще более отдаленным периодам цивилизации могут восходить подобные пережитки, хорошо видно на примере Индии. Там, хотя люди испокон веков разжигают огонь для практического использования с помощью кремня и стали, брахманы, чтобы разжечь священный огонь для ежедневного жертвоприношения, до сих пор используют варварское искусство с силой вколачивать заостренную палку в кусок дерева, пока не появится искра. На вопрос, зачем они тратят свой труд, если знают, что лучше, они отвечают, что делают это для получения чистого и священного огня. Но для нас очевидно, что на самом деле они по неизменному обычаю сохраняют пережитки более грубой жизни, которую когда-то вели их далекие предки. В целом, все эти различные способы изучения искусств и наук доказывают, что они никогда не возникают в совершенстве, как Афина из расколотой головы Зевса. Они возникают последовательными шагами, и там, где другие сведения не помогают, наблюдатель часто может доверять себе судить по одному только виду изобретения, как оно, вероятно, возникло. Так, никто не может взглянуть на арбалет и обычный длинный лук, не будучи уверенным, что длинный лук был создан раньше, а арбалет - позже, путем установки обычного лука на чучело и устройства спускового крючка для спуска тетивы после прицеливания. И хотя история не сообщает нам, кто и когда это сделал, мы чувствуем себя

почти так же уверенно, как в известных исторических фактах, что арбалет привел к спичечному замку, а тот - к мушкету с кремневым замком, а тот - к ударному мушкету, а тот - к винтовке с казнозарядным механизмом.

Соединив эти различные способы получения информации, часто можно представить себе весь ход развития того или иного искусства или института, проследив его путь от его наивысшего состояния в цивилизованном мире до его истоков в жизни самых грубых племен людей. Например, давайте рассмотрим курс современной математики, представленный в книгах, взятых для университетских экзаменов. Студенту, жившему во времена королевы Елизаветы, не пришлось бы изучать ни исчисление бесконечно малых, ни даже алгебраическую геометрию, ведь то, что сейчас называют высшей математикой, было изобретено уже тогда. Возвращаясь в Средневековье, мы приходим к тому времени, когда алгебра только появилась - новинка, появившаяся благодаря индусским математикам и их ученым, арабам; далее мы находим цифровые шифры, 0, 1, 2, 3 и т. д., которые стали известны как улучшение старой счетной доски и римских I., II., III. В классические века, еще более ранние, мы достигаем времени, когда впервые появились методы Эвклида и других греческих геометров. Таким образом, мы возвращаемся к тому, что было известно математикам самого раннего исторического периода в Вавилонии и Египте: арифметика, неуклюже выполняющая то, что дети в младших классах учатся делать гораздо аккуратнее, и грубая геометрия, состоящая из нескольких правил практической мензурации. Это настолько далеко, насколько история может дойти до зарождения математики, но есть и другие способы узнать, на каких низших этапах возникла эта наука. Сами названия, до сих пор используемые для обозначения длины, такие как куб, рука, нога, пролет, гвоздь, показывают, что искусство измерения зародилось в те времена, когда стандартные меры еще не были изобретены, а люди прикладывали свои руки и ноги к объектам, размеры которых они хотели оценить. Таким образом, существует множество доказательств того, что арифметика возникла из счета на пальцах рук и ног, который до сих пор можно встретить у дикарей. Слова, до сих пор используемые для обозначения чисел во многих языках, очевидно, были созданы в тот период, когда такой счет на руках и ногах был обычным делом, и сохранились с тех пор. Так, малаец обозначает пять словом *lima*, которое (хотя он этого и не знает) когда-то означало "рука", так что, как видно, оно сохранилось с тех времен, когда его предки, не имея слова для обозначения пяти, поднимали одну руку и говорили "рука". Действительно, причина нашей десятичной системы счисления, почему мы считаем десятками, а не более удобными двенадцатью, заключается в том, что наши предки переняли от своих собственных пальцев привычку считать десятками, которая с тех пор сохранилась, как неизменный пережиток первобытного человека. В последующих главах приведено множество других примеров такого развития искусств от самых простых истоков. Так, рассматривая орудия труда, можно увидеть, как грубо обтесанный камень, который держали в руке для рубящих ударов, привел к каменному долоту более искусственной формы, закрепленному в деревянной рукоятке в качестве топорика, как затем, когда появился металл, вместо камня стали использовать бронзовое или железное лезвие, пока, наконец, не был достигнут самый совершенный современный топор лесоруба со стальным лезвием, насаженным на хорошо сбалансированную рукоятку. Образцы, подобные приведенным в главе VIII, демонстрируют эти великие этапы развития топора, которые начались еще до появления хронологии и истории и с самого начала были одним из главных помощников человека в его цивилизации.

Из подобных аргументов не следует, что цивилизация всегда находится в движении или что ее движение - это всегда прогресс. Напротив, история учит, что в течение длительных периодов она остается неподвижной и часто отступает назад. Чтобы понять такой упадок

культуры, необходимо помнить, что самые высокие искусства и самые продуманные общественные устройства не всегда преобладают, более того, они могут быть слишком совершенными, чтобы удержать свои позиции, ведь люди должны иметь то, что соответствует их обстоятельствам. Поучительный урок можно извлечь из замечания одного англичанина в Сингапуре, который с удивлением заметил, что там процветают два любопытных промысла. Один из них заключался в покупке старых кораблей английской постройки, их разделке и оснащении джонками; другой - в покупке английских ударных мушкетов и превращении их в старомодные кремневые ружья. На первый взгляд это выглядит просто глупостью, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что все достаточно разумно. Восточных моряков было так трудно заставить работать на кораблях европейской постройки, что лучше было предоставить им более неуклюжее судно, к которому они привыкли; что касается оружия, то охотникам, живущим далеко в жарких и сырых лесах, лучше было иметь кремневые ружья, чем носить с собой и держать в сухости запас капсюлей. В обоих случаях им нужен был не высший продукт цивилизации, а что-то подходящее к ситуации и самое простое, что можно было достать. Это правило применимо как к новой цивилизации, так и к старой. Когда жизнь народа меняется в результате эмиграции в новую страну, или войны и бедствий на родине, или смешения с низшей расой, культура предков может оказаться больше не нужна или невозможна, и тогда она исчезает. Такое вырождение можно наблюдать среди потомков португальцев в Ост-Индии, которые смешались с туземцами и выпали из шествия цивилизации, так что вновь прибывшие европейцы ходят смотреть на них, слоняющихся по своим убогим лачугам посреди роскошных тропических фруктов и цветов, как будто они были поставлены там, чтобы показать пример того, как человек падает в культуре там, где нет необходимости прилагать усилия. Другой частой причиной гибели цивилизации является то, что люди, некогда более процветающие, разоряются или изгоняются из своих домов, как те индейцы шошони, которые укрылись от своих врагов, блэкфитов, в диких местах Скалистых гор, где они теперь кочуют, называемые индейцами-диггерами из-за диких корней, которые они выкапывают в качестве части своего жалкого пропитания. Не только деградирующее состояние таких изгоев, но и утрата отдельных видов искусства другими народами часто может быть объяснена утратой культуры в неблагоприятных условиях. Например, жители островов Южного моря, хотя и не были очень грубым народом, когда их посетил капитан Кук, использовали только каменные топоры и ножи, будучи настолько невежественными в отношении металла, что сажали первые железные гвозди, полученные от английских моряков, в надежде вырастить новый урожай. Возможно, у их предков никогда не было металлов, но не менее вероятно, что эти предки были азиатским народом, которому металл был известен, но который, эмигрировав на океанские острова и оторвавшись от своих сородичей, утратил его использование и впал в каменный век. Студенту необходимо осознавать важность упадка цивилизации, но здесь мы говорим об этом более подробно, чтобы указать на то, что это ни в коем случае не противоречит теории, согласно которой цивилизация развивается от низких ступеней к высоким. Нельзя потерять вещь, не имея ее сначала, и везде, где племена отпадают от более высокой цивилизации своих предков, остается только выяснить, как эта более высокая цивилизация выросла.

В целом получается, что везде, где встречаются сложные искусства, заумные знания, сложные институты, они являются результатом постепенного развития из более раннего, простого и грубого состояния жизни. Ни одна из стадий цивилизации не возникает спонтанно, а вырастает или развивается из предшествующей ей стадии. Это великий принцип, который должен твердо усвоить каждый ученый, если он намерен понять мир, в котором он живет, или историю прошлого. Давайте посмотрим, как это отражается на древности и раннем состоянии человечества. Памятники Египта и Вавилонии показывают,

что около 5 000 лет назад некоторые народы уже достигли высокого уровня культуры. Несомненно, большая часть земли тогда была заселена варварами и дикарями, как и впоследствии. Но в регионах Нила и Евфрата существовала цивилизация. Древние египтяне владели этим величайшим признаком цивилизованной нации - искусством письма; иероглифы их надписей, по-видимому, послужили основой для нашего алфавита. Они были искусны в сельском хозяйстве, выращивая на своих полях, удобряемых ежегодными наводнениями, богатые урожаи зерна, которые обеспечивали пропитание многочисленному населению. Насколько многочисленны и искусны в конструктивном искусстве были древние египтяне, видит каждый путешественник, который смотрит на пирамиды, прославившие их имя на всю историю. Великая пирамида Гизе до сих пор входит в число чудес света - гора из тесаного известняка и сиенита, размеры которой лондонцы описывают, говоря, что она стоит на площади размером с Линкольнс-Инн-Филдс и возвышается над собором Святого Павла. Совершенство его огромных блоков и прекрасная кладка внутренних камер и переходов свидетельствуют о мастерстве не только каменотеса, но и практичного геометра. Расположение сторон по отношению к кардинальным точкам настолько точно, что доказывает, что египтяне были прекрасными наблюдателями элементарных фактов астрономии; день равноденствия можно определить, наблюдая за закатом солнца через грань пирамиды, а соседние арабы до сих пор корректируют свои астрономические даты по ее тени. Как только о них стало известно, египтяне, похоже, работали с бронзой и железом, а также с золотом и серебром. Таким образом, их искусства и привычки, их скульптура и плотницкое дело, их подсчеты и измерения, их система официальной жизни с ее губернаторами и писцами, их религия с ее орденами жречества и постоянными церемониями - все это результаты долгого и постепенного роста. Что, пожалуй, дает самое высокое представление о древности, так это взгляд на очень ранние памятники, такие как гробница принца Тета из IV династии в Британском музее, и заметить, как египетская культура уже тогда начала становиться жесткой и традиционной. Искусство уже достигло той стадии, когда людям казалось, что прогресс уже невозможен, ведь их предки заложили идеальные правила жизни, которые грех менять путем реформ. О ранних вавилонянах или халдеях известно меньше, но их памятники и надписи показывают, насколько древней и высокой была их цивилизация. Их письменность состояла из клинописи или клинообразных знаков, изобретателями которых, по-видимому, были они сами, а их преемники, ассирийцы, научились у них. Они были великими строителями городов, и кирпичи с именами их царей сохранились как свидетельства их великих храмов, таких как, например, посвященный богу Ур в городе, известном в библейской истории как Ур Халдейский. Существуют письменные копии их законов, настолько развитых, что в них содержатся положения об имуществе замужних женщин, о тюремном заключении отца или матери за отказ от сына, о ежедневном штрафе в полмешка кукурузы, взимаемом с хозяина, убившего или плохо использовавшего своих рабов. Их астрология, прославившая с тех пор имена халдеев и вавилонян, побудила их к регулярным наблюдениям за небесными телами, которые привели к возникновению науки астрономии. Нация, которая вписала свое имя в книгу цивилизации, относится к тому же периоду высокой древности, что и египетская. Итак, это две нации, чья культура наиболее ранним образом подтверждается надписями, сделанными во времена их древнего величия, и поэтому безопаснее обращаться к ним, чем к другим нациям, которые могут предъявить в качестве доказательств своей древности лишь надписи, составленные в гораздо более поздние века. Если взглянуть на их древнюю цивилизацию, то кажется, что она была сформирована людьми, чей разум работал так же, как наш собственный. Для работы не требовалось никаких сверхчеловеческих способностей, просто человеческая природа шла окольными путями, достигая великих результатов, но не зная и половины того, как извлечь из них пользу; решая великую проблему письменности, но не видя, как упростить неуклюжие

иероглифы в буквы; посвящая серьезные мысли религии, но поддерживая поклонение собакам и кошкам, которое было шуткой даже для древних; культивируя астрономию, но оставаясь запутавшимся в глупостях астрологии. Среди самых поразительных достижений цивилизации можно заметить следы прежнего варварского состояния; египетские пирамиды - это курганы, подобные курганам праисторической Англии, но огромных размеров и построенные из тесаного камня или кирпича; египетские иероглифы с их изображениями людей, зверей и разных вещей рассказывают историю их собственного изобретения, как они начинались с простых рисунков, подобных тем, что писали грубые охотники Америки. Таким образом, получается, что цивилизация в самые ранние периоды, когда история дает о себе знать, уже достигла уровня, который можно объяснить только ростом в течение долгого праисторического периода. Этот результат согласуется с выводами, к которым уже пришли в результате изучения рас и языка.

Не пытаясь нарисовать здесь картину жизни, какой она могла быть у людей при их первом появлении на земле, важно вернуться настолько далеко назад, насколько нас могут привести подобные свидетельства прогресса цивилизации. Для того чтобы судить о том, как человечество жило когда-то, очень полезно наблюдать за тем, как оно живет сейчас. Жизнь человека можно условно разделить на три большие стадии: дикарскую, варварскую и цивилизованную, которые можно определить следующим образом. Самым низким, или *дикарским*, является состояние, когда человек питается дикими растениями и животными, не обрабатывая землю и не одомашнивая существ для своей пищи. Дикари могут обитать в тропических лесах, где обилие фруктов и дичи позволяет небольшим кланам жить на одном месте и добывать пропитание круглый год, в то время как в более сухих и холодных регионах они вынуждены вести бродячую жизнь в поисках дикой пищи, которую они вскоре исчерпывают в любом месте. Для изготовления своих грубых орудий дикари используют те материалы, которые попадают им под руку: дерево, камень, кость, но они не могут добывать металл из руды и поэтому принадлежат к каменному веку. Можно считать, что люди перешли в следующий, или *варварский*, период, когда они занялись сельским хозяйством. С определенным запасом пищи, которую можно хранить до следующего урожая, устанавливается оседлая жизнь в деревнях и городах, что приводит к огромным результатам в совершенствовании искусств, знаний, манер и управления. Пастушеские племена следует отнести к варварской стадии, поскольку, хотя их жизнь, связанная с переносом лагеря с пастбища на пастбище, не позволяет вести оседлый образ жизни и заниматься сельским хозяйством, они имеют постоянный запас молока и мяса от своих стад. Некоторые варварские народы не вышли за рамки использования каменных орудий, но большинство из них перешли в эпоху металлов. Наконец, *цивилизованная* жизнь начинается с искусства письменности, которое, записывая историю, закон, знания и религию на службу грядущим векам, связывает прошлое и будущее в непрерывную цепь интеллектуального и нравственного прогресса. Эта классификация трех великих стадий культуры практически удобна и имеет то преимущество, что описывает не воображаемые состояния общества, а те, которые реально существуют. Насколько можно судить, цивилизация в мире действительно развивалась через эти три стадии, так что взгляд на дикаря из бразильских лесов, варварского новозеландца или дахомана и цивилизованного европейца может стать для студента лучшим руководством к пониманию прогресса цивилизации, только его следует предупредить, что сравнение - это лишь руководство, а не полное объяснение.

Таким образом, можно сделать разумный вывод, что даже в странах, которые сейчас являются цивилизованными, когда-то жили дикие и низкие варварские племена. К счастью, не стоит полностью полагаться на воображение, чтобы представить себе жизнь этих грубых и древних людей, ведь найдено множество их реликвий, которые можно увидеть и потрогать в

музеях. Теперь необходимо рассмотреть, какие доказательства возраста человека можно получить из археологии и геологии и что они доказывают.

Когда антиквар изучает предметы, выкопанные в каком-либо месте, он, как правило, может судить о том, в каком состоянии цивилизации находились его жители. Так, если там найдено оружие из бронзы или железа, кусочки тонкой керамики, кости домашнего скота, обугленная кукуруза и обрывки ткани, это будет доказательством того, что люди жили там в цивилизованном или, по крайней мере, варварском состоянии. Если же найдены только грубые орудия из камня и кости, но нет ни металла, ни глиняной посуды, ни останков, свидетельствующих о том, что землю обрабатывали или держали скот, это будет доказательством того, что страну населяло какое-то дикое племя. Один из главных вопросов, который следует задать о состоянии любого народа, - есть ли у него металл, используемый для изготовления инструментов и оружия. Если да, то можно сказать, что они находятся в металлическом веке. Если же у них нет ни меди, ни железа, а топоры, ножи, наконечники копий и другие режущие и колющие инструменты сделаны из камня, то можно сказать, что они находятся в каменном веке. Где бы ни попадались такие каменные орудия, как это часто бывает на наших вспаханных полях, они доказывают, что люди каменного века когда-то обитали на этой земле. Важно, что во всех регионах обитаемого мира в земле находят древние каменные орудия, свидетельствующие о том, что когда-то их обитатели были похожи на современных дикарей. В странах, где люди долгое время занимались обработкой металлов, они часто теряют всякую память о том, что представляют собой эти каменные предметы, и рассказывают причудливые истории, чтобы объяснить, что они встречаются при пахоте или копании. В Англии и других странах распространено мнение, что каменные топоры - это "молнии", упавшие с неба при вспышке молнии. Предполагалось, что на Востоке, где находились самые древние цивилизации, можно найти район, где не было бы никаких следов пребывания человека в состоянии ранней грубости, так что в этой части мира он мог бы быть цивилизован с самого начала. Но это не так. В Ассирии, Палестине, Египте, как и в других странах, можно найти остроугольные кремни, которые показывают, что и здесь когда-то жили племена каменного века, прежде чем использование металла привело к более высокой цивилизации.

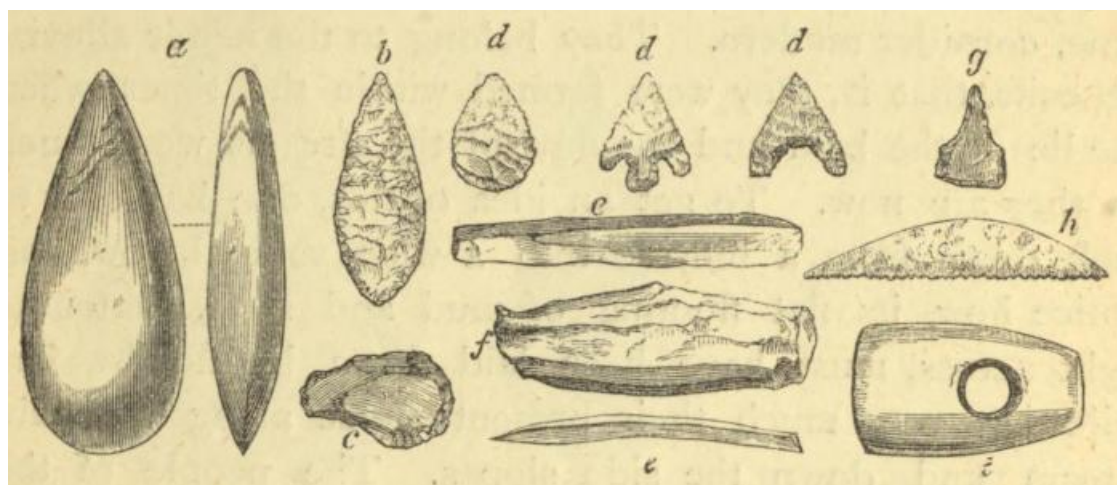

Рис. 1. Орудия позднего каменного века (неолита). *a*, каменный кельт или топор; *b*, кремневый наконечник копья; *c*, скребок; *d*, наконечники стрел; *e*, кремневые отщепы; *f*, стержень, с которого сняты кремневые отщепы; *g*, кремневое шило; *h*, кремневая пила; *i*, наконечник каменного молота.

Можно ли считать, что Европа была четвертью земного шара, заселенной самыми ранними племенами людей, или нет, но так уж случилось, что останки, найденные в Европе, служат в настоящее время лучшими доказательствами древности человека. Чтобы понять их, необходимо объяснить, что каменный век имел более ранний и более поздний периоды, в чем можно убедиться, взглянув на хорошую коллекцию каменных орудий. [Рис. 1](#) призван дать некоторое представление о тех, что использовались в более позднем каменном веке. Топорик имеет аккуратную форму и заточку, выполненную путем трения о точильный камень, как и наконечник молота. Копье и стрелы, скребок и чешуйчатый нож было бы бесполезно шлифовать, но они выбиты с большим мастерством. В целом эти каменные орудия очень похожи на те, которыми североамериканские индейцы пользуются до наших дней. Вопрос в том, как давно в Европе жили племена, которые изготавливали подобные каменные орудия. Об этом можно с уверенностью судить по тому, в каком положении они найдены в Дании. Леса этой страны состоят в основном из бука, но в торфяных мхах лежат бесчисленные стволы дубов, которые показывают, что в более ранний период преобладали дубовые леса, а еще глубже лежат стволы сосен, которые показывают, что сосновые леса были еще старше дубовых. Таким образом, здесь сменилось три лесных периода: буковый, дубовый и сосновый, а глубина торфяных мхов, которая местами достигает тридцати футов, показывает, что период сосновых деревьев наступил тысячи лет назад. Пока менялись леса, менялось и состояние людей, живущих среди них. Современный дровосек рубит буковые деревья своим железным топором, но среди дубовых стволов в торфе находят бронзовые мечи и щиты-босы, которые показывают, что жители страны тогда жили в бронзовом веке, и, наконец, кремневый топор, извлеченный оттуда, где он лежал еще ниже в торфе под сосновыми стволами, доказывает, что люди каменного века в Дании жили в сосновом лесу период, который уводит их в глубокую древность. В Англии племена, оставившие такие каменные орудия, жили на этой земле до вторжения кельтской расы, которую мы называем древними бриттами, и которая, несомненно, пришла с оружием из металла. Каменные топоры и наконечники стрел более древнего населения разбросаны по всей нашей стране, на холмах и в долинах, на болотах и в болотах, у поверхности земли или глубже под землей в торфяных мхах, или пластах грязи и ила. Такие болота или грязевые топи возникли в те времена, которые хронологи называли бы древними. Но геологи, привыкшие к более масштабным периодам времени, считают их современными. Они относятся к более новым аллювиальным отложениям, то есть образовались в те времена, когда положение земли и течение ручьев были такими же, как сейчас. Чтобы понять это, достаточно взглянуть со склона холма на широкую долину внизу и заметить, как ровный пол из грязи и песка, простирающийся прямо по склону, был уложен водами наводнения, следующими в точности по своему нынешнему руслу вдоль основного потока и по боковым склонам. Люди нового каменного века, чьи орудия труда показаны на [рис. 1](#), жили в этот исторически древний, но геологически современный период, и их реликвии находят только в тех местах, куда их мог поместить человек или природа.

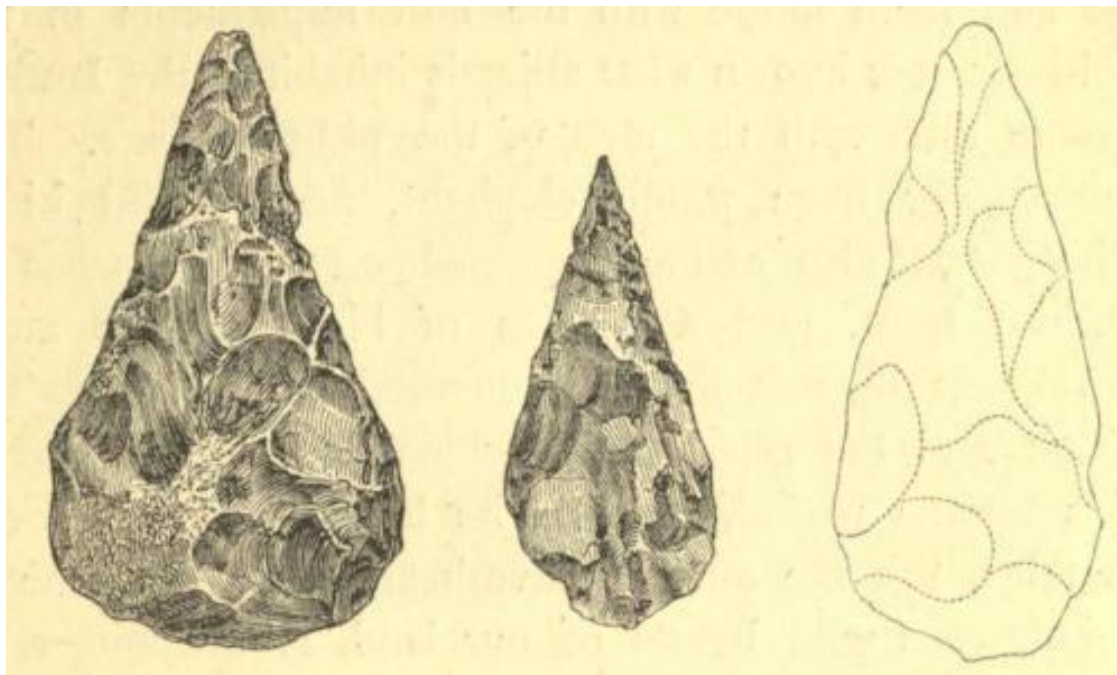

Рис. 2 - Кремневые кирки или топорики раннего каменного века (палеолита).

Но был еще более ранний период каменного века, когда в наших краях жили еще более грубые племена людей, когда климат и облик страны странным образом отличались от современного состояния вещей. На склонах речных долин, таких как Оус в Англии и Сомма во Франции, на 50 или 100 футов выше нынешних берегов рек и, таким образом, совершенно вне досягаемости любого наводнения в настоящее время, находятся пласты так называемого дрейфующего гравия. Из этих пластов было выкопано множество грубых орудий из кремня, оббитых руками людей, которые приобрели немалую сноровку в этом искусстве, как может убедиться любой, кто попытается сделать их своими руками, используя любые инструменты, которые сочтет нужными. Наиболее примечательными орудиями этого раннего каменного века являются кирки или топорики, показанные [на рис. 2](#). Грубость их отделки и отсутствие каких-либо следов шлифовки даже на краях рубящих или режущих инструментов свидетельствуют о том, что их изготовители еще не достигли мастерства более позднего каменного века. Обычно эти два вида орудий и периоды, к которым они относятся, принято различать с помощью терминов, введенных сэром Дж. Лаббоком: "палеолит" и "неолит", то есть "старый камень" и "новый камень". Если взглянуть на высокие гравийные отложения, в которых встречаются палеолитические орудия, как показано [на рис. 2](#), то из их положения становится ясно, что они не имели ничего общего ни с водной стихией, которая сейчас откладывает и сдвигает песчаные и грязевые валы на дне долин, ни с нынешними дождевыми потоками, которые размывают поверхность склонов холмов. Должно быть, они отложились в прежние времена, когда состояние суши и воды было иным, чем сейчас. Насколько такое положение вещей было обусловлено тем, что долины еще не были прорезаны на близкую к нынешней глубину, что вся страна лежала ниже над уровнем моря или что реки были гораздо больше, чем сейчас, из-за более обильных осадков в плювиальный период, это было бы слишком сложным геологическим вопросом, чтобы обсуждать его здесь. Геология показывает, что старые дрейфующие галечники относятся к тому времени, когда в Европе проходил или уже прошел ледниковый или ледяной период с его арктическим климатом. По костям и зубам, найденным вместе с кремневыми орудиями в галечниках, можно узнать, какие животные обитали на этой земле одновременно с людьми древнекаменного века. Мамонт, или огромный шерстистый слон, и несколько видов носорогов, также вымерших, питались на ветвях лесных деревьев, а вид бегемота, очень

похожий на ныне живущего, часто встречался в реках. На мускусную лисицу и медведя гризли, которых Англия приютила в этот далекий период, до сих пор можно охотиться в Скалистых горах, но древний пещерный медведь, который был одним из опасных диких зверей нашей земли, больше не встречается на земле. Британский лев был более крупной породы, чем те, что обитают сейчас в Азии и Африке, и, возможно, чем те, о которых Геродот упоминает, что они бродили по Македонии в пятом веке до нашей эры и падали на верблюдов армии Ксеркса. Судя по таким признакам, как наличие северного оленя и мамонта с его волосатой шерстью, климат в Европе был суровее, чем сейчас, возможно, как в Сибири. О том, как давно человек появился на этой земле, нет четких данных. Насколько нам известно, он мог существовать с более раннего и более благоприятного периода, или же он только недавно переселился в Европу из какого-то более теплого региона. Орудия, подобные его, небезызвестны в Азии, например, в Южной Индии, выше Мадраса, у подножия Восточных Гат лежит терраса из железистой глины или латерита, содержащая каменные орудия, очень похожие на те, которыми пользовались дрейфтерные люди в Европе.

Рис. 3.- Рисунок мамонта из пещеры Ла-Мадлен (Лартет и Кристи).

Европейские дикари эпохи мамонтов часто укрывались у подножия нависающих скал и в пещерах, таких как "Дыра Кента" близ Торки, где в изобилии встречаются орудия людей и кости зверей. Особенно в Центральной Франции исследование таких костяных пещер позволило обнаружить свидетельства всего образа жизни группы древних племен. Северные олени, которые сейчас отступили в высокие северные широты, в то время были многочисленны во Франции, о чем свидетельствуют их кости и рога, вкрапленные вместе с останками мамонта под сталагмитовыми полами пещер Перигора. Вместе с ними найдены грубые каменные топоры и скребки, отбойные камни, костяные наконечники копий, шилья, выпрямители стрел и другие предметы, относящиеся к жизни современных эскимосов, которые охотятся на северных оленей на побережье Гудзонова залива. Как и эскимосы, эти ранние французские и швейцарские дикари проводили свой досуг за вырезанием фигурок животных. Среди многих таких фигурок, найденных во французских пещерах, - мамонт (рис. 3), нацарапанный на куске собственной слоновой кости, чтобы аккуратно подчеркнуть лохматую шерсть и огромные изогнутые бивни, которые отличают мамонта от других видов слонов. Также было найдено грубое изображение человека (рис. 4), сгруппированного с двумя лошадиными головами и змеей или угрем; оно интересно тем, что является самым древним из известных человеческих портретов.

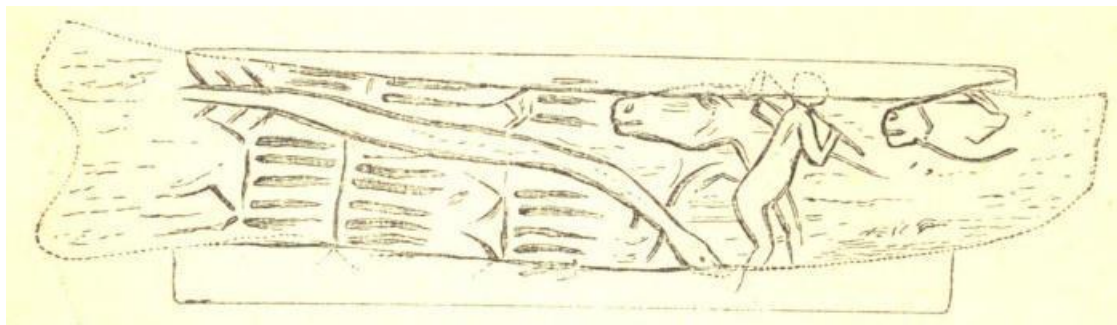

Рис. 4 - Изображение человека и лошадей из пещеры (Лартет и Кристи).

Таким образом, получается, что человек более древнего каменного века уже жил, когда потопа поднимались так высоко над нашими нынешними долинами, как сейчас достигают верхушки растущих там высоких деревьев, и когда климат был лапландским, подходящим для шерстистого мамонта, северного оленя и остальной неанглийской группы животных, ныне вымершей в этом регионе или вымершей совсем. Из всего, что известно о медленности, с которой происходят подобные изменения в положении земли, климате и диких животных, мы не можем предположить, что столь значительные изменения произошли без длительного промежутка времени до наступления нового каменного века, когда ручьи осели почти до своего нынешнего уровня, а климат и дикие существа стали такими же, какими они были в исторический период. Из найденных останков также ясно, что эти древнейшие известные племена были дикими охотниками и рыболовами, такими, которых мы сейчас относим к дикарям. Однако лучше не применять к ним термин "первобытные люди", поскольку это может означать, что они были первыми людьми, появившимися на земле, или, по крайней мере, похожими на них. Жизнь, которую люди мамонтового периода должны были вести в Аббевиле или Торки, на первый взгляд, свидетельствует о том, что она не является первобытной жизнью человека. Скорее всего, эти древние люди каменного века были племенами, чьи предки, живя в более мягком климате, приобрели некоторые грубые навыки в добычании пищи и самозащите, чтобы потом в упорной борьбе противостоять суровой погоде и свирепым зверям четвертичного периода.

Сколько лет назад наступил этот период, пока точно неизвестно. Некоторые геологи предполагают двадцать тысяч лет, другие говорят о ста тысячах и более, но это лишь предположения, сделанные там, где нет шкалы, по которой можно было бы отсчитывать время. В настоящее время безопаснее всего рассматривать его как геологический период, лежащий за пределами хронологии. Несколько выдающихся геологов считают, что камни, сформированные человеком и, следовательно, доказывающие его присутствие, встречаются в Англии и Франции в слоях, отложенных до последнего ледникового периода, когда большая часть континента была погружена под ледяное море, где дрейфующие айсберги сбрасывали на то, что сейчас является сухой землей, огромные каменные глыбы, перенесенные с далеких гор. Это нельзя считать доказанным, но если это правда, то это значительно увеличит нашу оценку возраста человека. Во всяком случае, убедительные доказательства существования человека в четвертичный или мамонтовый период даже не дают нам представления о более отдаленном времени, когда человеческая жизнь впервые зародилась на Земле. Таким образом, геология устанавливает принцип, который лежит в самом фундаменте науки антропологии. До недавнего времени, когда хронологи считали, что Земле и человеку менее 6 000 лет, геология едва ли могла существовать, поскольку в ней не

было места для длительных процессов наращивания пластов, содержащих останки огромных последовательностей растений и животных. Теперь все это объясняется теорией, согласно которой геологическое время растягивается на миллионы лет. Правда, человек проделывает сравнительно небольшой путь назад в этом огромном промежутке времени. Однако его первое появление на Земле относится к эпохе, по сравнению с которой древние, как мы их называем, - всего лишь современники. Несколько тысяч лет записанной истории лишь возвращают нас к праисторическому периоду несметной продолжительности, в течение которого происходило первичное распределение человечества по земле и развитие великих рас, формирование речи и расселение великих языковых семей, а также рост культуры до уровня народов старого мира на Востоке, предтеч и основателей современной цивилизованной жизни.

Набросав в общих чертах, что история, археология и геология говорят о возрасте и ходе развития человека на Земле, мы перейдем в следующих главах к более полному описанию человека и его разновидностей, как они выглядят в естественной истории, затем рассмотрим природу и рост языка, а после - развитие знаний, искусств и институтов, составляющих цивилизацию.

ГЛАВА II. ЧЕЛОВЕК И ДРУГИЕ ЖИВОТНЫЕ.

Позвоночные животные, [35-Последовательность](#) и происхождение видов, [37-Обезьяны](#) и человек, сравнение строения, [38-Руки](#) и ноги, [42-Волосы](#), [44-Черты лица](#), [44-Мозг](#), [45-Мозг](#) у низших животных и человека, [47](#).

Чтобы правильно понять строение человеческого тела и сравнить наши конечности и органы с органами других животных, необходимо глубокое знание анатомии и физиологии. Здесь мы не будем пытаться составить реферат по этим наукам, для чего следует изучить такие справочники, как *"Элементарная физиология"* Хаксли и *"Элементарная анатомия"* Миварта. Но будет полезно дать небольшой обзор доказательств места человека в мире животных, что можно сделать, не требуя от читателя специальных знаний.

То, что тела других животных более или менее соответствуют по строению нашему собственному, - один из уроков, которые мы начинаем усваивать еще в яслях. Мальчики, играющие с лошадьми, один из которых стоит на четвереньках, а другой сидит верхом на спине, уже имеют некоторое представление о том, как воображаемая лошадь соответствует реальной: голова, глаза и уши, рот и зубы, спина и ноги. Если спросить деревенского паренька, сидящего на сваях и наблюдающего за охотниками, он прекрасно понимает, что егерь и его лошадь, гончие и заяц, которого они преследуют, - все это существа, построенные на одном и том же костном каркасе или скелете. Их жизнь протекает с помощью одинаковых органов: легких для дыхания, желудка для переваривания пищи, поступающей в рот и глотку, сердца для движения крови по сосудам, а глаза, уши и ноздри одинаково воспринимают впечатления от зрения, слуха и обоняния. Скорее всего, крестьянин воспринимает все это как нечто само собой разумеющееся, никогда не задумываясь над этим, и даже более образованные люди склонны поступать так же. Если бы это было новым открытием, оно заставило бы любой разумный ум задуматься о том, какими должны быть связи между существами, сформированными таким образом по одному

первоначальному образцу, только измененному в разных вариантах для разных целей. Научное сравнение животных, даже если оно проводится самым элементарным образом, сразу же ставит перед нашим сознанием эту великую проблему. В некоторых случаях более точные знания показывают, что первое грубое сравнение человека и зверя может нуждаться в корректировке. Например, когда скелет человека и лошади ставят рядом, становится ясно, что колено и бедро лошади не соответствуют, как принято считать, нашему локтю и колену, а запястью и лодыжке. Изучение конечностей человека и лошади приводит к еще одному замечательному выводу: передняя и задняя ноги лошади действительно соответствуют руке и ноге человека, в которых все пальцы должны были стать бесполезными и уменьшиться, за исключением одного пальца и одной ноги, которые остались для ходьбы, а ноготь превратился в копыто. Общий закон, который можно извлечь из серии скелетов в музее естественной истории, заключается в том, что через порядок за порядком рыб, рептилий, птиц, зверей, вплоть до самого человека, можно проследить общий тип или модель, принадлежащую всем животным, которые являются позвоночными, то есть имеют позвоночник. Конечности все еще можно распознать, хотя их форма и назначение изменились, и даже, возможно, они превратились в остатки, как будто оставленные не для использования, а для поддержания старой модели. Так, хотя скелет окуня сильно отличается от человеческого, его грудные и брюшные плавники по-прежнему соответствуют рукам и ногам. Змеи в основном без конечностей, но есть формы, которые связывают их с четвероногими: например, на скелете удава-констриктора видна пара рудиментарных задних лап. Гренландский кит не имеет видимых задних конечностей, а его передние конечности - это весла или ласты, но при расчленении скелета видны не только остатки того, что у человека было бы костями ног, но и ласт, в действительности содержащий внутри себя набор костей, которые принадлежат человеческой руке и кисти. Принято считать, что человек особенно отличается от низших животных тем, что у него нет хвоста; однако хвост явно виден в человеческом скелете, представленном последними сужающимися позвонками позвоночника.

Все это - ныне живущие животные. Но геология показывает, что в давно минувшие эпохи на Земле обитали виды, отличные от ныне существующих, но, тем не менее, явно родственные им. В третичном периоде Австралия, как и сейчас, отличалась своими сумчатыми или сумчатыми животными, но они не были похожи ни на один из ныне существующих видов и в основном были гораздо крупнее; даже самый высокий кенгуру, которого можно увидеть сейчас, - ничтожное существо по сравнению с огромным вымершим дипротодоном, чей череп был три фута длиной. Так и в Южной Америке жили огромные беззубые животные, ныне слабо представленные ленивцами, муравьедами и броненосцами, которых можно увидеть в наших зоологических садах. В миоценовых отложениях находят ископаемых слонов, но все их виды отличались от тех, что обитают сейчас в Африке и Индии. Это обычные примеры великого принципа, принятого сейчас всеми зоологами: с далекой геологической древности на Земле время от времени появляются новые виды животных, настолько похожие на тех, что были до них, что кажется, будто старые типы были изменены, чтобы соответствовать новым условиям жизни, а более ранние формы имеют тенденцию вымирать и исчезать. Это соотношение между старыми видами позвоночных животных и новыми видами, которые их вытеснили, является предметом фактического наблюдения и не подлежит сомнению. Многие зоологи, а теперь, возможно, и большинство, идут дальше, не только признавая, что существует связь между новыми видами и старыми, но и пытаются объяснить ее гипотезой происхождения или развития, которую теперь часто называют, от ее великого современного выразителя, дарвиновской теорией. Образование пород или разновидностей животных является общепризнанным фактом, поэтому утверждается, что естественная изменчивость в изменившихся условиях жизни может зайти достаточно

далеко, чтобы произвести новые виды, которые благодаря лучшей адаптации к климату и обстоятельствам могут вытеснить старые. Согласно этой теории, нынешние кенгуру в Австралии, ленивцы в Южной Америке и слоны в Индии являются не только преемниками, но и фактическими потомками вымерших видов, а ископаемые кости третичных лошадеподобных животных с трехпальными и четырехпальными ногами показывают, какими были далекие предки наших лошадей в эпоху, предшествующую тому, как неиспользуемые пальцы сократились до шиловидных костей, которые представляют их сейчас в ноге лошади. Согласно доктрине происхождения, когда несколько видов животных, живущих в одно и то же время, обнаруживают близкое сходство в строении, делается вывод, что это сходство должно было быть унаследовано всеми от одного предкового вида. Итак, из всех млекопитающих, или животных, которые сосут своих детенышей, те, чье строение наиболее приближает их к человеку, - это обезьяны, или мартышки, и среди них катарининовые, или почти безносые обезьяны Старого Света, и среди них группа, называемая антропоидной, или человекоподобной, которая населяет тропические леса от Африки до Восточного архипелага. Сравнивая их скелеты, мы увидим, что в любой шкале природы или схеме творения эти животные должны быть поставлены в несколько близкое отношение к человеку. Ни один компетентный анатом, изучивший строение тела этих обезьян, не считает возможным, что человек может произойти от кого-либо из них, но согласно доктрине происхождения они представляются ближайшими существующими ответвлениями от того же первобытного фонда, откуда произошел и человек.

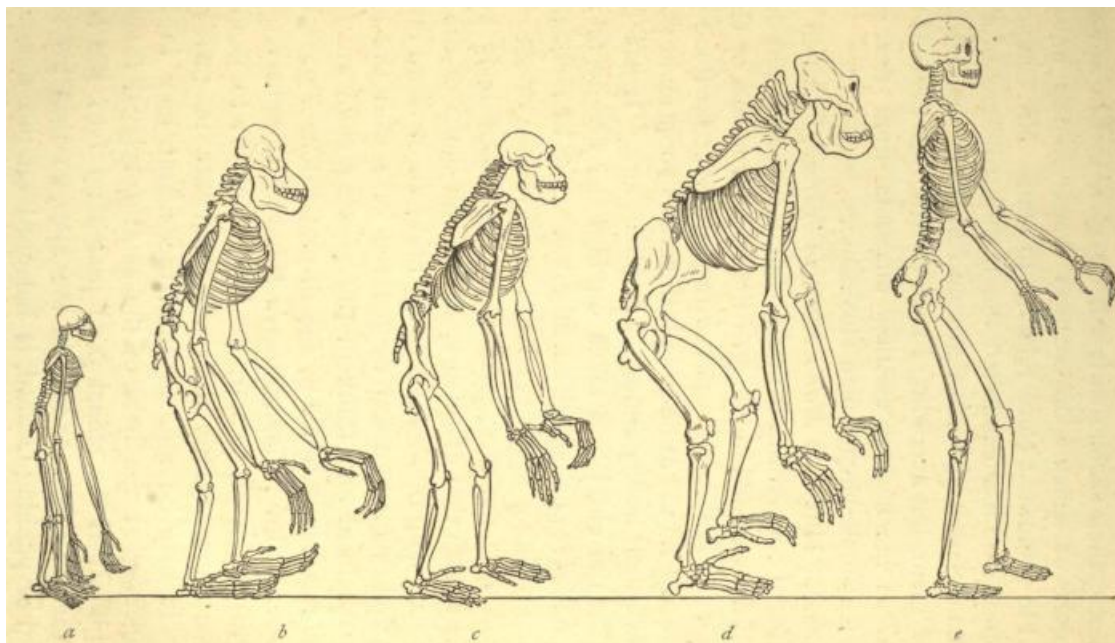

Рис. 5 - Скелеты обезьян и человека. а - гиббон; b - оранг; с - шимпанзе; d - горилла; е - человек (по Хаксли).

В книге профессора Хаксли *"Место человека в природе"*, где приводится это анатомическое сравнение, есть знаменитый рисунок, который скопирован на [рис. 5](#) как наиболее наглядный способ показать, насколько антропоидные обезьяны соответствуют нам по костям. В то же время он иллюстрирует некоторые основные моменты, в которых их телесные действия не похожи на наши. Говорят, что ребенок впервые обретает достоинство человека, когда перестает ходить на четвереньках. Но на самом деле стоять и ходить прямо - это не просто

вопрос обучения; это связано с тем, что человеческое тело устроено иначе, чем у четвероногих. Конечности собаки или коровы имеют такие пропорции, что позволяют им опускаться на четвереньки, и это в меньшей степени относится к обезьянам, в то время как голова и туловище растущего ребенка поднимаются к вертикальному положению за счет непропорционального роста нижних конечностей. Хотя вертикальное положение человека требует постоянных мышечных усилий, он построен таким образом, что сохраняет равновесие легче, чем другие животные в этой позе. На рисунке можно заметить, что у человека отверстие в основании черепа (затылочный проход), через которое спинной мозг проходит в головной, находится дальше спереди, чем у обезьян, поэтому его череп, вместо того чтобы наклоняться вперед, балансирует на вершине атланта (названного так от атланта, поддерживающего земной шар). На рисунке также показан S-образный изгиб позвоночника человека и то, как костный таз или впадина образует широкую опору для его кишечника, когда он стоит вертикально, при этом ступни служат основанием, позволяющим ногам нести туловище. Таким образом, прямая поза, которую с трудом имитируют только животные, выступающие в шоу, для человека легка и необременительна. Не из-за больших различий в строении, а благодаря настройке костей и мышц, передние и задние конечности четвероногих работают согласованно, в то время как у человека, чья мускулатура приспособлена для передвижения на ногах, нет такого взаимного действия между ногами и руками. Из племени обезьян многие ходят на четвереньках, как четвероногие: ноги согнуты, руки выпрямлены вперед, подошвы и ладони касаются земли. Но высшие человекообразные обезьяны по своему строению приспособлены к лазанию по деревьям, за ветви которых они хватаются ногами и руками. Когда орангутанг спускается на землю, он неуклюже ковыляет по ней, как правило, опираясь на внешний край ступней и согнутые костяшки рук. Оранг и горилла имеют любопытную привычку опираться на согнутые кулаки, чтобы вытянуть свое тело вперед между длинными руками, как калека между костылями. Ближайшее приближение обезьян к прямохождению - это когда гиббон идет на ногах, касаясь земли костяшками пальцев сначала с одной стороны, потом с другой, или бежит некоторое расстояние с руками, закинутыми назад над головой для сохранения равновесия, или когда горилла поднимается на ноги и бросается вперед для атаки. Все эти способы передвижения можно понять по скелетам, представленным на рисунке. Таким образом, обезьяны представляют собой интересную промежуточную стадию между четвероногими и двуногими. Но только человек сформирован так, что, используя ноги для передвижения, он имеет свободные руки для их специальной работы.

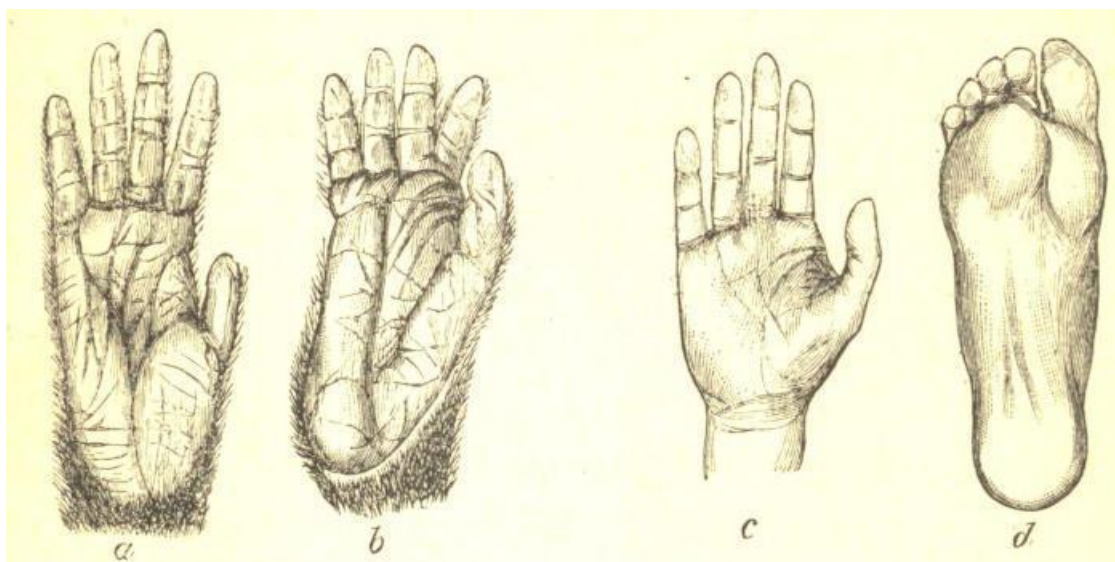

Рис. 6.- а, рука, б, нога, шимпанзе (по Фогту); в, рука, г, нога, человек.

Сравнивая человека с низшими животными, ошибочно относить его превосходство исключительно к разуму, не замечая превосходства его конечностей как инструментов для практических искусств. Если посмотреть на иллюстрации к "Рейнальду Лису", где художник из всех сил старается изобразить льва, держащего скипетр, волчицу, флиртующую с веером, или лису, пишущую письмо, то на самом деле он показывает, насколько плохо приспособлены конечности четвероногих к таким действиям. То, что человек является "животным, использующим орудия труда", объясняется тем, что у него есть руки для использования орудий труда, а также ум для их изобретения; и только обезьяны, как наиболее приближенные к человеку по своим конечностям, могут достоверно имитировать использование таких инструментов, как ложка или нож. На рис. 6 можно сравнить руку и ногу шимпанзе с рукой и ногой человека. Здесь нога обезьяны *б* настолько похожа на руку, что многие натуралисты отнесли высших приматов к четвероруким животным, или *квадруманам*. По анатомическому строению это стопа, но стопа прехенильная или хватательная, способная зажать или ущипнуть предмет, прижав большой палец к остальным, чего не может сделать человеческая стопа *д*. Правда, у людей, которые ходят босиком, большой палец ноги не так беспомощен, как у европейца, носящего сапоги. Голый ногой дикарь-австралиец поднимает копье, а индусский портной держит ткань, сидя на корточках. На рисунке специально взята не свободная нога дикаря, а нога европейца, стесненная жестким кожаным сапогом, потому что это в наибольшей степени показывает контраст между обезьяной и человеком. У обезьяны видно, что и руки, и ноги приобретают свою пригодность для жизни на деревьях, теряя при этом свою пригодность для ходьбы по земле. Но верхние и нижние конечности человека дифференцировались или специализировались в двух противоположных направлениях: человеческая стопа стала шагающей машиной с меньшей хватательной силой, чем обезьянья нога, в то время как человеческая рука превосходит обезьянью руку как специальный орган для ощущения, удержания и обработки. На рисунке с показан более длинный и свободно действующий большой палец и широкая гибкая ладонь человека, а чувствительные подушечки на кончиках пальцев обеспечивают большую деликатность прикосновений. Очень поучительно посетить обезьянник в Зоологическом саду, чтобы сравнить руки высоких и низких видов. Рука марышки с пятью когтями-ногтями - это просто хватательный инструмент, едва ли способный справиться с задачей. У других низших обезьян большие пальцы маленькие и не разгибаются, то есть их концы не встречаются с концами других пальцев, в то время как большие пальцы высших приматов (как показано на рисунке) разгибаются, как у нас. Насколько ценность руки как механического инструмента зависит от этой противоположности, каждый может убедиться, используя свою руку с оттопыренным большим пальцем. Очевидно, что рука человека, позволяющая ему создавать оружие и инструменты для подчинения природы своим целям, является одной из причин его первого места среди животных. Не так очевидно, но верно, что его интеллектуальное развитие в немалой степени было обусловлено использованием рук. Начиная с , когда он перебирал предметы, ставил их в разные положения и клал рядом, он пришел к простейшим видам сравнения и измерения, которые являются первыми элементами точного знания, или науки.

Внешне лохматая шерсть обезьян контрастирует со сравнительной наготой человеческой кожи. У человека, как и у низших животных, волосной покров действительно служит эффективным укрытием для головы. Волосная бахрома вокруг рта у взрослого мужчины в некоторых расах сильно разрослась, как у европейцев или австралийцев. Но у других, таких как африканские негры и так называемые американские индейцы, скудные волосы на лице выглядят так, как будто они сведены к остаткам более полного роста. Если посмотреть на это

с другой стороны, то волосяные пятна на груди и конечностях англичанина, хотя и не имеют практически никакого значения, представляют любопытный интерес для натуралистов, которые считают их реликтами того далекого периода, когда у предков человека был более полный волосяной покров, потребность в котором теперь удовлетворяется искусственным укрытием, соответствующим сезону и климату. Интересно отметить, что есть несколько человеческих существ, чьи лица и тела в значительной степени покрыты длинными лохматыми волосами. Такое покрытие лица скрывает игру черт - выразительное средство общения разума с разумом. Если бы скелеты обезьян и человека на нашем рисунке были облечены в плоть, мы бы ясно увидели признаки высшей организации человека в гибких разносторонних чертах, в движениях и складках которых символизируются удовольствия и боль, любовь и ненависть, каждый этап человеческой жизни. Как грубы и неуклюжи соответствующие изменения лица в обезьяньих племенах, такие как оттягивание уголков рта и морщинка нижнего века, составляющие улыбку обезьяны, или подъем и опускание бровей бабуина и лба в гневе. Гость с другой планеты, которого так часто представляют себе прилетевшим на нашу Землю и формирующим свои суждения на основе увиденного, вполне мог бы увидеть в разнице между лицом человека и мордой гориллы некую меру несоответствия внутри.

Мозг - это инструмент или орган разума, поэтому анатомы, сравнивая мозг животных, ищут хорошо заметные различия между менее и более умными. В естественном порядке приматов, к которому человек принадлежит вместе с обезьянами и лемурами, ряд мозгов демонстрирует заметный подъем или развитие от низших форм к высшим. У лемура маленький и сравнительно гладкий мозг, тогда как у высших антропоидных обезьян мозг поразительно близок к человеческому. На самом деле у лемура очень мало ума по сравнению с проницательным и обучаемым шимпанзе или орангутангом. Но разум человека настолько превосходит разум высших приматов, что натуралисты удивляются сходству их мозга с нашим, которое иллюстрирует прилагаемый [рис. 7](#), изображающий мозг шимпанзе *a* и человека *b*, цельный слева, чтобы показать свертки, и разрезанный справа, чтобы обнажить внутренности. Для сравнения их строения два мозга нарисованы одинакового размера, но на самом деле мозг шимпанзе гораздо меньше человеческого. Одно из главных отличий человека от антропоидных обезьян заключается в том, что его мозг превосходит их по количеству; грубо говоря, у него три фунта мозга против одного у них. Видно также, что в мозге обезьяны доли или полушария имеют меньше и проще извилин, чем более сложные извилины человеческого мозга, на который они в общих чертах похожи. Теперь и размер, и сложность означают силу разума. Доли мозга внутри состоят из "белого вещества" с его бесчисленными волокнами, несущими нервные токи, а снаружи покрыты "серым веществом", содержащим мозговые корпускулы или клетки, из которых исходят волокна, и являющимся центром, в котором создаются комбинации, осознаваемые нами как мысли. Поскольку покрытие из серого вещества следует за складками мозга вниз в расщелины, очевидно, что повышенная сложность извилин в сочетании с большим фактическим размером мозга обеспечивает человеку гораздо более обширный и сложный мыслительный аппарат, чем у животных, стоящих ниже его в порядке природы.

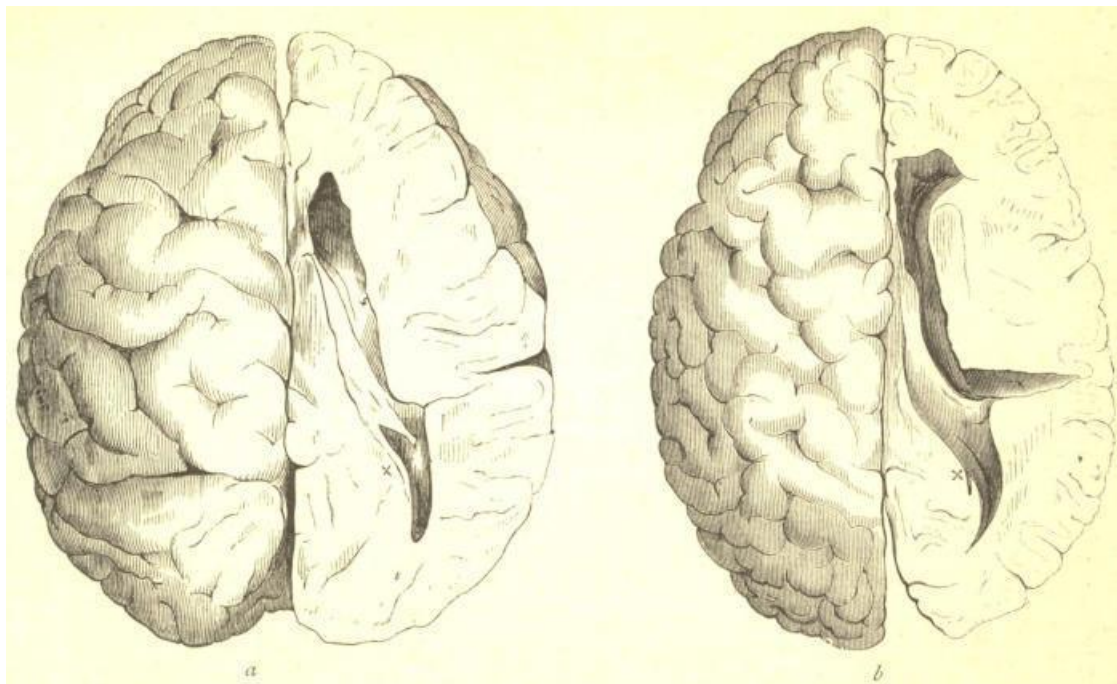

Рис. 7 - Мозг шимпанзе (а) и человека (б), вид сверху, изображение полушарий головного мозга, слева - целое, справа - в разрезе (по Хаксли).

Рассмотрев некоторые важные различия между телами человека и низших животных, мы можем осмелиться задать еще более сложный вопрос: насколько их разум похож на наш? Полного ответа на этот вопрос дать невозможно, однако есть несколько точно установленных моментов, по которым можно судить. Начнем с того, что очевидно, что простые процессы ощущения, воли и действия осуществляются у человека с помощью тех же телесных механизмов, что и у других позвоночных животных. Насколько похожи их органы чувств, хорошо иллюстрирует анатом, который препарирует глаз быка вместо глаза человека, чтобы показать, как картина внешнего мира отбрасывается линзами на сетчатку или экран, в который уходят концевые волокна зрительного нерва, ведущие в мозг. Осязание, зрение и другие органы чувств у различных видов животных имеют свои особые различия, например, глаза орла сфокусированы так, что видят мелкие предметы, находящиеся далеко за пределами досягаемости человека, а глаза лошади так устроены в голове, что не сходятся, как у нас, и ей приходится практически иметь дело с двумя картинками по обе стороны дороги. Однако такие особые различия делают общее сходство еще более поразительным. Далее, нервная система животных и человека имеет один и тот же общий план: головной и спинной мозг образуют центральный нервный орган, к которому сенсорные нервы передают сообщения органов чувств, а от него двигательные нервы проводят токи, вызывающие сокращение мышц и движение. Непроизвольные действия животных похожи на наши собственные, например, спящая собака отводит ногу назад, если к ней прикоснуться, как это сделал бы ее хозяин, а в бодрствующем состоянии и человек, и зверь подмигивают, когда палец притворяется, что ударяет по их глазам. Если перейти к добровольным действиям, совершаемым с сознательной волей и мыслью, то низшие существа могут на некоторое время составить компанию человеку. В Зоологическом саду иногда можно увидеть, как горсть орехов делят между собой обезьяны, сидящие за решеткой, и дети, сидящие снаружи. Поучительно заметить, что и те и другие совершают почти одинаковые движения: смотрят, приближаются, упираются локтями, хватают, раскалывают, хрустят, глотают, протягивают руки за добавкой. До этого уровня обезьяны

демонстрируют все умственное сходство с человеком, которого можно было бы ожидать от их телесного сходства. Теперь мы знаем, что в процессе карабканья в сознании детей происходит многое, помимо простого вида и ощущения орехов, а также желания взять и съесть их. Между ощущениями и действиями возникает мысль. Проще говоря, мальчик узнает орех на ощупь, хочет возобновить приятный вкус прежних орехов и направляет свои руки и рот, чтобы схватить, расколоть и съесть. Но здесь происходят сложные психические процессы. Знать орех в лицо, или иметь представление об орехе, означает, что в сознании ребенка сгруппированы воспоминания о ряде прошлых ощущений, которые так связаны между собой опытом, что определенная форма и цвет, ощущение и вес приводят к ожиданию определенного вкуса. О том, что происходит в сознании мальчика, мы можем судить, хотя и не вполне определенно, на основании того, что знаем о своих собственных мыслях и о том, что рассказывали нам другие люди. О том, что происходит в голове обезьян, мы можем только догадываться, наблюдая за их действиями, но они настолько похожи на человеческие, что их легче всего объяснить, если считать, что их мозг тоже похож на человеческий, хотя и менее ясен и совершенен. Кажется, что идея или мысль зверя о предмете может быть, как и наша собственная, группой запомнившихся ощущений, объединенных в единое целое. Это тем более вероятно, что, представив часть ощущений, животное, похоже, решает, что остальные тоже должны быть там, как это склонны делать мы сами. Так, собака прыгает на покрытый отбросами ручей, который она принимает за сушу, или, когда ей предлагают мнимое печенье, она подходит к нему, отворачиваясь, когда запах и вкус доказывают, что остальная часть идеи не согласуется с тем, что предлагает зрение.

Точно так же все люди, наблюдающие за действиями животных, объясняют их с помощью способностей, более или менее похожих на их собственные. Мало того, что существа всех высших порядков подают безошибочные знаки удовольствия и боли, наши отношения с животными основаны на том, что они разделяют с нами такие более сложные эмоции, как страх, привязанность, гнев, даже любопытство, ревность и месть. Некоторые из них проявляются в телесных симптомах, которые вполне человечески, как признает каждый, кто ощущал дрожание конечностей и сердцебиение испуганного щенка или смотрел на картинку в *"Выражении эмоций"* Дарвина, где изображен шимпанзе, у которого отняли фрукты, и он демонстрирует свою обиду, надувая губы, что является карикатурой на ребенка. Опять же, низшие животные демонстрируют хорошо выраженную волю, которая, как и у человека, является не просто желанием, а результатом или балансом желаний, так что два человека, называющие собаку по-разному, или оба предлагающие ей кости, могут отвлечь ее волю таким образом, что это напоминает нам воображаемого осла философа, который умер от голода между сеном и водой. Что касается силы памяти у животных, мы все имели возможность заметить, насколько она прочна и точна. Некоторые вещи, которые животные запоминают, можно объяснить просто тем, что их представления ассоциируются с привычкой, как, например, когда лошадь предает пути своего бывшего хозяина, останавливаясь у каждого публичного дома; это может означать только то, что знакомая дверь наводит животное на воспоминания об отдыхе, и оно останавливается. Но наблюдение за сном собаки заставляет нас думать, что перед ее сознанием, как и в наших снах, проносятся целые шлейфы идей из хранилища памяти. Память, в которой возможно такое оживление прошлого, - это источник опыта, из которого можно черпать понимание настоящего и предвидение будущего. Сделать память о том, что было, средством контроля над тем, что будет, - это великая интеллектуальная способность человека, и в простых и элементарных формах она проявляется у низших существ. Расскажем лишь одну из бесчисленных историй о животных, в которых проявляется ожидание и замысел, основанные на опыте. Некий мистер Копс, у которого был молодой орангутанг, однажды дал ему половину апельсина, вторую половину убрал с глаз долой на высокий пресс, а сам лег на диван, но

движения обезьяны привлекли его внимание, и он только притворился, что заснул; Существо осторожно подошло и убедилось, что хозяин спит, затем забралось на пресс, съело остаток апельсина, аккуратно спрятало кожуру среди опилок на решетке, еще раз осмотрело притворившегося спящим, а затем улеглось на свою кровать. Такое поведение может быть объяснено только ходом мысли, включающим в себя то, что мы называем разумом.

Измерить различия между зверем и человеком на самом деле сложнее, чем найти их сходство. Одним из очевидных признаков более высокого интеллектуального уровня человека является то, что он менее зависим от инстинктов, чем животные, которые мигрируют в определенное время года или строят гнезда по фиксированной и сложной схеме, свойственной их виду. У человека есть некоторые инстинкты, явно совпадающие с инстинктами низших животных, например, необученные движения ребенка, чтобы уберечься от опасности, и родительская привязанность, которая оберегает потомство в первый беззащитный период жизни. Но если бы человеком овладело непреодолимое желание отправиться перед зимой на юг или построить убежище из сучьев, уложенных определенным образом, это было бы менее полезно для его вида, чем разумное приспособление своих действий к климату, запасам пищи, опасности со стороны врагов и множеству обстоятельств, различающихся в разных районах и меняющихся из года в год. Если у далеких прародителей человека и были инстинкты, подобные тем, что были у бобров, заложенные в самой структуре их мозга, то эти инстинкты уже давно отпали, вытесненные более свободным и высоким разумом. Способность человека приспосабливаться к миру, в котором он живет, и даже управлять им во многом обусловлена его способностью приобретать новые знания. Однако нельзя упускать из виду, что этой способностью в меньшей степени обладают и другие животные. Мы можем застать их в процессе обучения на собственном опыте, и это действительно одно из самых любопытных зрелищ в естественной истории, как, например, когда в новом районе устанавливают телеграфные провода, и после второго года куропатки больше не убивают себя, налетая на них, или когда в Канаде хитрая куница озадачивает изобретательность ловца, выясняя, как вытащить приманку, даже из нового вида ловушки, не дав ей упасть. Способность к обучению путем подражания проявляется у обезьян почти по-человечески. Антропоидная обезьяна Мафука, содержавшаяся в последнее время в Зоологическом саду в Дрездене, увидев, как отпирают дверь ее клетки, не только сделала это сама, но даже украла ключ и спрятала его под мышкой для дальнейшего использования; подсмотрев за плотником, она схватила его брадобрея и просверлила им отверстия в маленьком столике, на котором ела; во время еды она не только сама наполняла свою чашку из кувшина, но, что еще более примечательно, аккуратно прекращала наливать, пока не переполняла ее. Смерть этой обезьяны была почти человеческой; когда ее друг, директор сада, пришел к ней, она обняла его за шею, трижды поцеловала, а затем легла на кровать и, протянув ему руку, погрузилась в свой последний сон. Невозможно не думать, что столь проникательные существа должны учиться в диком состоянии. Действительно, менее умные животные, похоже, в какой-то степени учат своих детенышей, птицы - петь, волки - охотиться, хотя натуралистам в таких случаях очень трудно судить о том, что происходит по инстинкту, а что - сознательно.

Философы пытались провести жесткую и быструю границу между животным и человеческим разумом. Самая известная из этих попыток - попытка Локка, который в своем *"Очерке о человеческом понимании"* утверждает, что звери действительно имеют идеи, но не обладают способностью человека формировать абстрактные или общие идеи. Правда, мы научились рассуждать с помощью абстрактных идей, таких как твердость и текучесть, количество и качество, растительное и животное, смелость и трусость; и нет ни малейших оснований полагать, что такие абстракции формируются у собак или обезьян. Но хотя

способность к абстрагированию и обобщению поднимается до высочайших высот философской мысли, следует иметь в виду, что она начинается с простых умственных действий, которые кажутся животным вполне возможными. Абстрагирование - это подмечание того, что объединяет несколько мыслей, и игнорирование их различий; таким образом, общая идея достигается за счет того, что мы не слишком внимательно относимся к частностям. В простейшем виде это происходит, когда задействуется только одно чувство, как в примере Локка с идеей белизны, как того, в чем сходятся мел, снег и молоко. Но, если судить по действиям животных, они также будут воспринимать по одному чувству за раз, как, например, бык, которого возбуждает все красное. И очень интересно наблюдать, как животные сравнивают новый объект со своими воспоминаниями или представлениями о предыдущих, практически узнавая в нем то, что уже знакомо, и ожидая, что он будет вести себя так же, как другие особи его класса. Кошкам или обезьянам не нужно показывать, как пользоваться новым ковриком или подушкой, если они совсем не похожи на старые, на место которых их положили, а "полковая собака" примет за хозяина любого человека в форме, независимо от того, видел он его раньше или нет. Таким образом, сама простота мышления животных предвосхищает результаты высшей абстракции и обобщения человека. Давайте прочтем несколько строк дальше у Локка, и мы увидим, почему он приходит к выводу, что животные не способны формировать абстрактные идеи. Это, говорит он, потому, что они не пользуются словами или другими общими знаками. Но это более легкий и гораздо более достойный аргумент, чем сложный вопрос о том, есть ли у животных абстрактные идеи. На самом деле способность к речи дает самое четкое различие, которое можно провести между действием разума в животном и человеке. Оно гораздо более удовлетворительно, чем другое разделение, которое пытаются провести философы, утверждающие, что в то время как другие животные обладают сознанием, только человек обладает самосознанием, то есть он не только чувствует и думает, но и осознает себя как чувствующего и думающего. Человек, как мы знаем, способен к такому самосознанию, которое культивируется тем, что он может говорить о себе так же, как о других людях; но никогда не было доказано, что животные, которые, как мы знаем, не склонны принимать свои собственные тела за что-то внешнее, не имеют сознания самих себя. Когда мы изучаем правила создания знаков и языка, у нас действительно появляется возможность противопоставить животных нам самим. Очевидно, что именно с помощью языка человеческий разум смог выработать и обозначить те высокие абстрактные идеи, с которыми мы так легко имеем дело; без слов как бы мы смогли достичь таких результатов комбинированного и сопоставительного мышления, как импульс, множественность, праведность? Огромный умственный разрыв между нами и животными, которых мы изучаем, хорошо измеряется разницей между их слабыми способностями называть друг друга и понимать, когда их зовут, и способностью человека к совершенной речи. Дело не только в том, что у высших антропоидных обезьян нет речи; у них нет такой организации мозга, которая позволила бы им овладеть даже ее зачатками. Способность человека использовать слово или даже жест в качестве символа мысли и средства ее выражения - один из моментов, когда мы наиболее отчетливо видим, как он расходится со всеми низшими видами и начинает свой путь завоевания высших интеллектуальных областей.

При сравнении человека с другими животными эталоном, естественно, должен быть самый низкий человек, или дикарь. Дикарь обладает человеческим разумом и речью, а его мозговая сила, хотя сама по себе и не возвысила его до цивилизации, позволяет ему получить большее или меньшее образование, которое превращает его в цивилизованного человека. Показать, как человек мог пройти путь от дикости к цивилизации, - вполне разумная задача, которая в определенной степени решается в последующих главах этого тома. Но для преодоления ментальной пропасти, разделяющей низшего дикаря и высшую

обезьяну, таких доказательств не существует. В целом, самый безопасный вывод, обоснованный фактами, заключается в том, что умственные механизмы низших животных примерно похожи на наши собственные, до определенного предела. За этим пределом человеческий разум открывается в широкие диапазоны мыслей и чувств, к которым звериный разум не проявляет никаких признаков приближения. Если мы рассмотрим жизненный путь человека от рождения до смерти, то увидим, что он, так сказать, основан на функциях, которые у него общие с низшими существами. Человек, наделенный инстинктом и способный учиться на опыте, влекомый удовольствием и гонимый болью, должен, подобно зверю, поддерживать свою жизнь пищей и сном, спастись бегством или сражаться с врагами, размножать свой вид и заботиться о следующем поколении. На этом низшем каркасе животной жизни возвышается удивительное здание человеческого языка, науки, искусства и права.

ГЛАВА III. РАСЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

Различия рас, 56-рост и пропорции, 56-череп, 60-черты лица, 62-цвет кожи, 66-волосы, 71-конституция, 73-температура, 74-типы рас, 75-постоянство, 80-смесь, 80-вариация, 84-расы человечества, 87.

В первой главе уже говорилось о поразительных различиях между различными расами человека, которые можно увидеть при внимательном рассмотрении африканского негра, индийского кули и китайцев. Даже среди европейцев широкий контраст между светлыми датчанами и темными генуэзцами признается всеми. Теперь необходимо провести дальнейшее сравнение особых различий между расами, хотя читатель должен понимать, что без надлежащего анатомического исследования такое сравнение может быть лишь незначительным и несовершенным. Антропология наиболее четко обнаруживает расовые различия в росте и пропорциях конечностей, строении черепа и мозга внутри него, чертах лица, коже, глазах и волосах, особенностях конституции, умственном и моральном темпераменте.

Сравнивая расы по росту, мы имеем дело не с самыми высокими или самыми низкими людьми каждого племени, а с обычными или среднего роста мужчинами, которые могут быть приняты за справедливых представителей всего племени. Разница общем росте хорошо видна, когда в одном районе собираются высокие и низкие люди. Так, в Австралии средний английский колонист ростом 5 футов 8 дюймов выглядит на голову выше китайских рабочих ростом 5 футов 4 дюйма. китайских рабочих. В Швеции швед ростом 5 футов 7 дюймов возвышается над низкорослыми саамами, средний рост которых не превышает 5 футов. Среди самых высоких людей - патагонцы, которые казались гигантами европейцам, впервые наблюдавшим, как они идут вдоль скал, закутавшись в свои кожаные плащи; было даже заявлено, что головы людей Магальенса едва достигали талии первого встреченного ими патагонца. Современные путешественники, измеряя их, обнаруживают, что они действительно часто достигают 6 футов 4 дюйма, а их средний рост составляет около 5 футов 11 дюймов - на три или четыре дюйма выше, чем средние англичане. Самые низкорослые из людей - бушмены и родственные им племена в Южной Африке, средний рост которых не превышает 4 футов 6 дюймов. Наглядный контраст между самыми высокими и самыми низкими расами человечества можно увидеть на [рис. 8](#), где патаговец нарисован бок о бок с

бушменом, чья голова достигает лишь груди. Таким образом, самый высокий представитель человеческой расы менее чем на одну четвертую выше самого низкого, что кажется удивительным для тех, кто не привык к измерениям. Пораженный эффектом такой разницы в росте, человек склонен формировать преувеличенное представление о ее величине, которая на самом деле невелика по сравнению с диспропорцией в размерах между различными породами других видов животных, такими как игрушечный мопс и мастиф, шетландский пони и ломовая лошадь. В целом рост женщин любой расы можно принять примерно на одну шестнадцатую меньше, чем рост мужчин. Таким образом, в Англии мужчина ростом 5 футов 8 дюймов и женщина ростом 5 футов 4 дюйма выглядят обычной хорошо сочетающейся парой.

Рис. 8. Патагонец и бушмен.

Не только рост, но и пропорции тела отличаются у мужчин разных рас. Следует быть осторожным, чтобы не спутать реальные расовые различия с изменениями, внесенными ранним обучением или привычками жизни человека, такими как ноги-бабочки конюхов и еще более кривые ноги индейцев Британской Колумбии, которые приобретают неправильную форму из-за постоянного сидения в тесноте в своих каноэ. Окружность груди человека во многом зависит от его образа жизни, как и длина рук и ног, которая не одинакова даже у солдат и моряков. Но есть определенные различия, которые передаются по наследству и отмечают разные расы. Так, среди человечества есть длиннорукие и короткорукые племена. Африканский негр отличается длиной рук и ног, индеец аймара из Перу - коротконогостью. Если переделать обычного англичанина под телосложение негра, то ему потребуется на 2 дюйма больше в руке и на 1 дюйм больше в ноге, а чтобы привести его к пропорциям аймара, руку придется укоротить на $\frac{1}{2}$ дюйма, а ногу - на 1 дюйм от их нынешней длины. Поучительный способ заметить эти различия - обратиться к скелетам обезьян и

человека (рис. 5). В вертикальном положении, потянувшись вниз средним пальцем, гиббон может коснуться ступни, оранг - лодыжки, шимпанзе - колена, в то время как человек лишь частично дотягивается до бедра. Здесь, однако, похоже, существует реальное различие между расами людей. Негритянские солдаты, стоящие на учениях, приближают кончик среднего пальца на дюйм или два к колену, чем это могут сделать белые мужчины, а некоторые даже дотрагиваются до коленной чашечки. Такие различия, однако, менее примечательны, чем общее соответствие пропорций тела образца силы и красоты, к какой бы расе он ни принадлежал. Даже хорошие судьи были вынуждены забыть о тонкостях расового типа и рассматривать форму атлета как везде одну и ту же. Так, Бенджамин Уэст, американский художник, приехав в Рим и увидев Бельведерского Аполлона, воскликнул: "Это молодой ирокезский воин!". То же самое можно сказать и о пропорциях зулусских атлетов. И все же, если сравнить удачно подобранные фотографии кафи́ров с классической моделью, такой как Аполлон, то можно заметить, что туловище африканца имеет несколько приземистую прямую форму, лишено наклона внутрь, который придает тонкость талии, и расширения внизу, которое придает широту бедрам, а это два наиболее заметных момента в классической модели, которую наши художники признают идеалом мужественной красоты. С помощью такого сравнения можно многое сделать для выделения стандартных типов рас. Однако, признавая реальность таких различий в телосложении людей разных рас, мы должны еще раз отметить, насколько они незначительны по сравнению с различиями в конечностях разных пород низших животных.

При сравнении рас один из первых вопросов, который возникает, - это вопрос о том, есть ли у людей, которые так сильно различаются в интеллектуальном плане, как дикие племена и цивилизованные народы, соответствующие различия в мозге. На самом деле разница есть, и немалая. Самый обычный способ определить количество мозга - это измерить емкость мозговой коробки, заполнив черепа дробью или семенами. Профессор Флауэр приводит среднюю оценку содержимого черепов в кубических дюймах: австралийский - семьдесят девять, африканский - восемьдесят пять, европейский - девяносто один. Видные анатомы также считают, что мозг европейца несколько сложнее по своим извилинам, чем мозг негра или готтентота. Таким образом, хотя эти наблюдения далеки от совершенства, они показывают связь между более полной и запутанной системой клеток и волокон мозга и более высокой интеллектуальной силой у рас, поднявшихся по шкале цивилизации.

Сама форма черепа, столь важная в ее отношении к мозгу внутри и выразительным чертам лица снаружи, была для анатома одним из лучших средств различения рас. Осмотрев череп, часто можно определить, к какой расе он принадлежит. Узкий череп негра (рис. 9 а) не спутаешь с широким черепом самоеда (рис. 9 с). Взяв с музейной полки узкий, приземистый, крышеобразный, наклоненный вперед череп с необычайно сильными надбровными дугами (рис. 10 d), нетрудно признать в нем австралийца. При сравнении черепов наиболее легко заметны следующие различия.

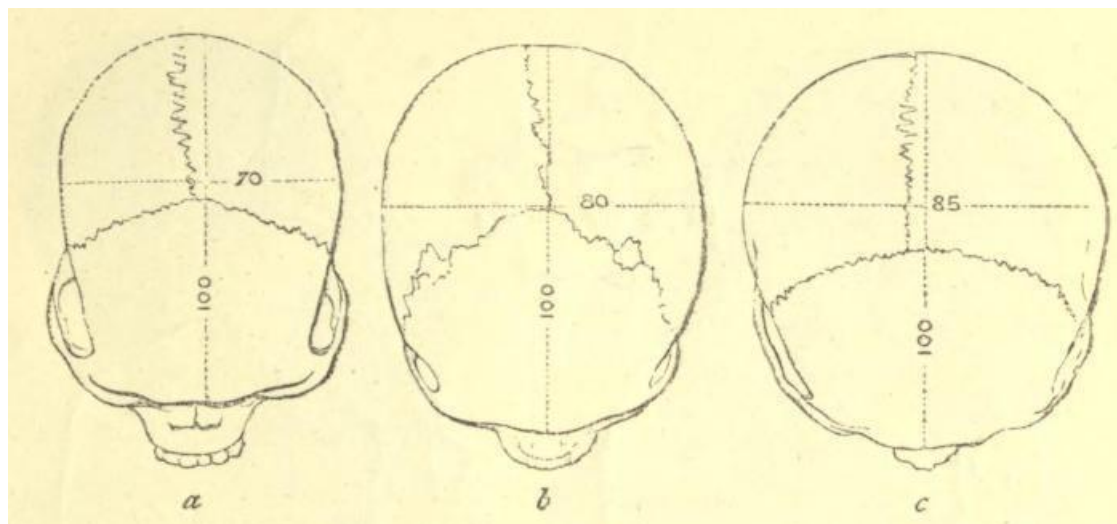

Рис. 9. Вид сверху черепов. *a*, негр, индекс 70, долихокефалический; *b*, европеец, индекс 80, мезокефалический; *c*, самоед, индекс 85, брахицефалический.

При взгляде сверху пропорция ширины к длине выглядит так, как показано на рис. 9. Если принять диаметр от затылка к передней части за 100, то поперечный диаметр дает так называемый индекс широты, который здесь составляет около 70 у негра (*a*), 80 у европейца (*b*) и 85 у самоеда (*c*). Такие черепа классифицируются соответственно как *долichoкефалические*, или "длинноголовые"; *мезокефалические*, или "среднеголовые"; и *брахицефалические*, или "короткоголовые". Модель черепа из такого гибкого материала, как гуттаперча, если она имеет среднюю форму, как у обычного англичанина, может, надавливая по бокам, стать длинной, как у негра, или, надавливая сзади и спереди, быть приведена к широкой татарской форме. На приведенном выше рисунке можно заметить, что в то время как некоторые черепа, как *b*, имеют несколько эллиптическую форму, другие, как *a*, являются яйцевидными, имея самый длинный поперечный диаметр значительно ниже центра. Также в некоторых классах черепов, как в *a*, полностью видны скуловые дуги, соединяющие череп и лицо, а в других, как *b* и *c*, выпуклость черепа почти скрывает их. При виде черепа спереди и сзади пропорция ширины к высоте определяется примерно так же, как и только что описанный показатель ширины. Далее, на рис. 10, где представлены в профиль черепа австралийца (*d*), негра (*e*) и англичанина (*f*), показана сильная разница в лицевом угле между двумя низшими расами и нашей собственной. Австралийцы и африканцы *прогнатичны*, или "впередсмотрящие", в то время как европейцы *ортогнатичны*, или "прямосмотрящие". В то же время у австралийцев и африканцев лоб более отступает назад, чем у европейцев, что негативно сказывается на лобных долях их мозга по сравнению с нашими. Таким образом, сочетание верхней и нижней частей профиля придает лицам этих менее цивилизованных народов несколько обезьяноподобный наклон, в отличие от более прямого европейского лица.

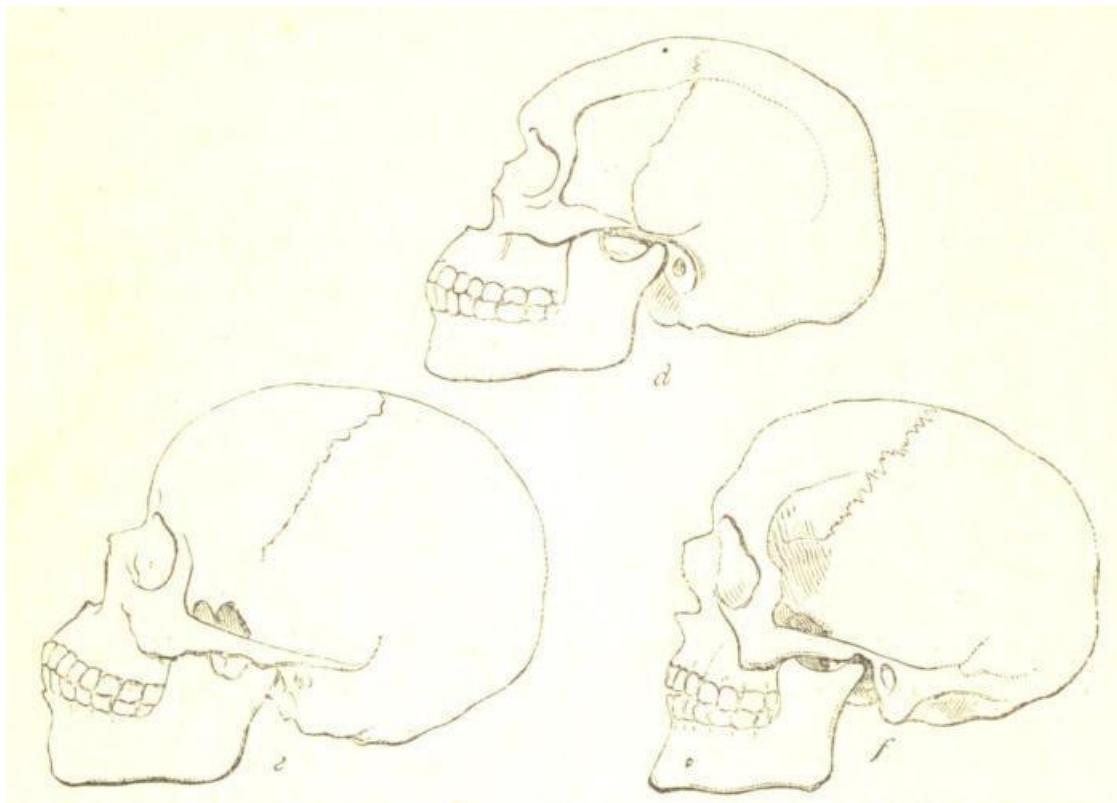

Рис. 10. Вид сбоку черепов. *d*, австралийский, прогнатический; *e*, африканский, прогнатический; *f*, европейский, ортогнатический.

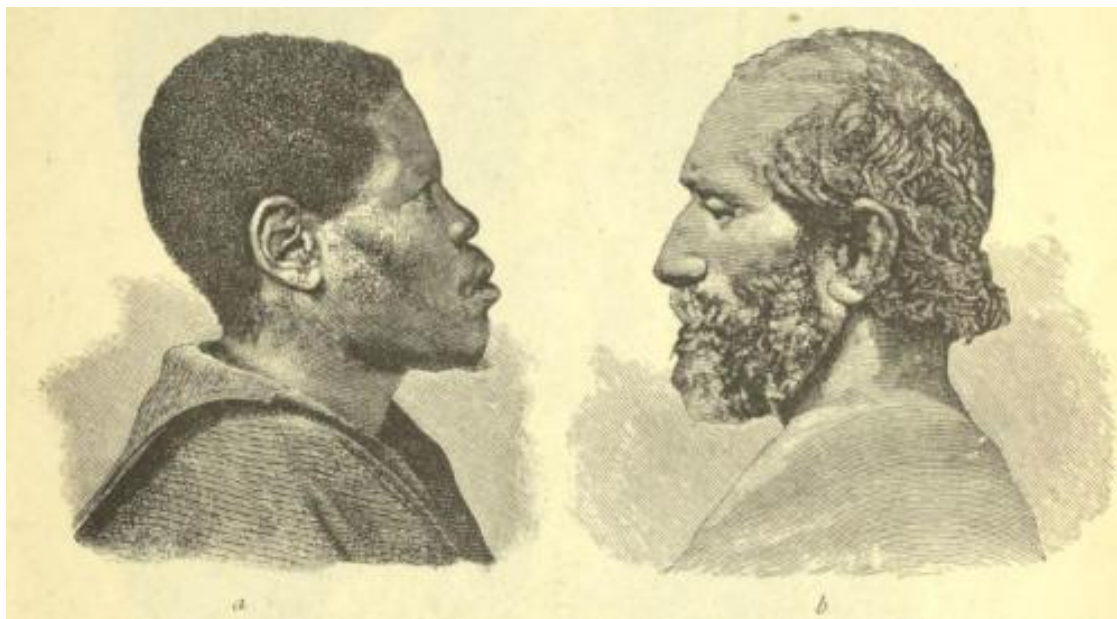

Рис. 11.-а, суахели; б, персидский.

Рис. 12.- Портреты женщин. *a*, негритянка (Западная Африка); *b*, баролонг (Южная Африка); *c*, готтентот; *d*, гиляк (Северная Азия); *e*, японка; *f*, индеец Колорадо (Северная Америка); *g*, англичанка.

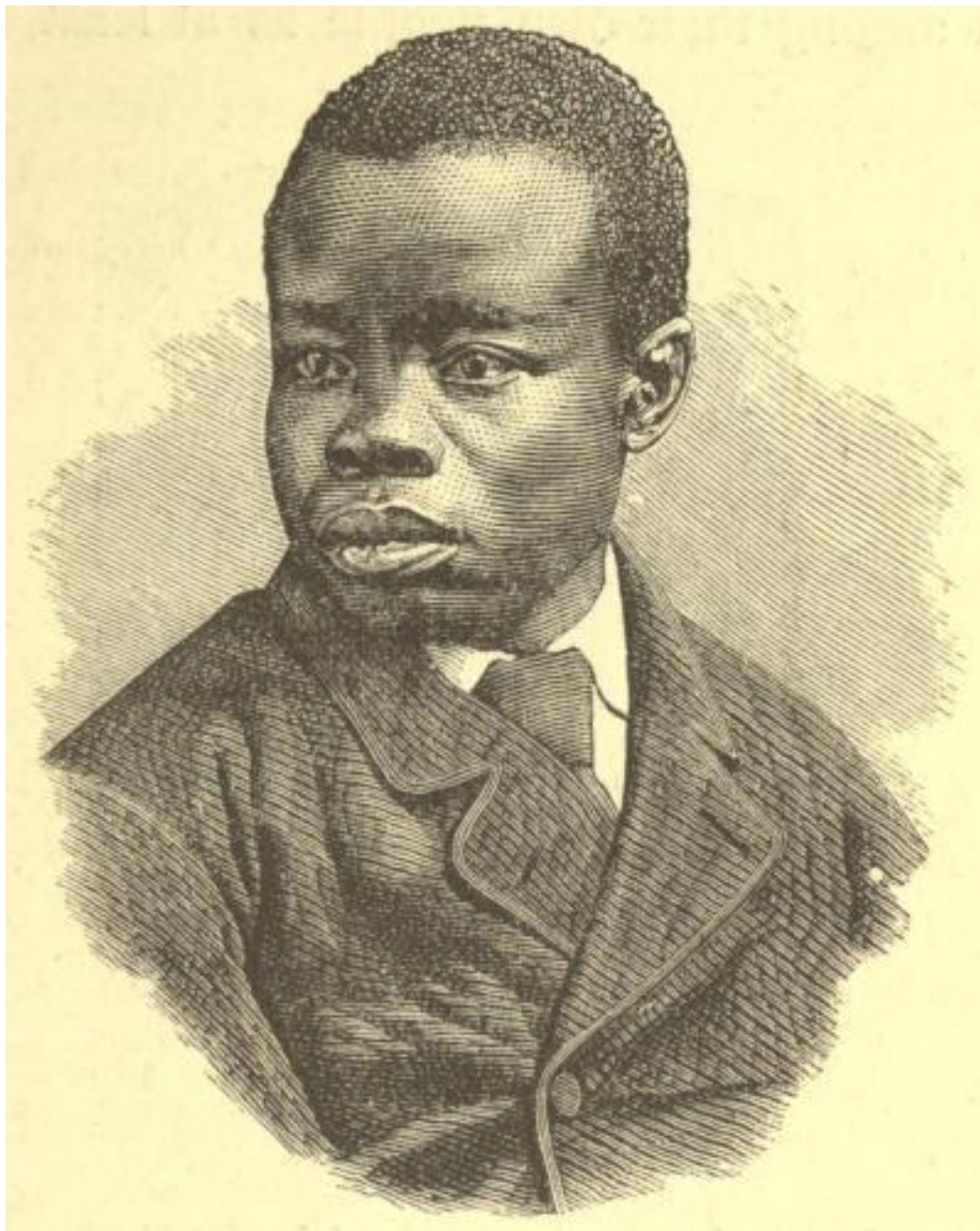

Рис. 13. Африканский негр.

Чтобы не вдаваться в более приятные различия черепных размеров, давайте теперь взглянем на очевидные черты живого лица. В некоторой степени черты лица непосредственно следуют за формой черепа. Так, только что упомянутый контраст между наклоненным вперед черепом негров и его более вертикальной формой у белой расы так же хорошо виден на портретах негра из Свахели и перса, представленных на рис. 11. Если посмотреть на женские портреты на рис. 12, то в качестве примера эффекта узкого черепа (*b*), контрастирующего с более широкими татарскими и североамериканскими лицами (*d*, *f*), можно выбрать девушку Баролонг (Южная Африка). Она также демонстрирует выпуклый африканский лоб, в то время как они, как и Хоттентот (*b*), демонстрируют эффект высоких скул. На татарских и японских

лицах (d, e) видны косые веки монгольской расы. Во многом характер человеческого лица зависит от формы мягких частей - носа, губ, щек, подбородка и т. д., которые часто являются отличными признаками для различения расы. Контрасты в форме носа могут даже превышать тот, что показан здесь между аквилиным носом перса и курносим носом негра на рис. 11 и 13. Европейские путешественники, побывавшие в Тартарии в средние века, описывали ее плосконосых жителей как не имеющих носов вообще, а дышащих через отверстия в лице. Выдвигая кончики носов вверх, мы можем в некоторой степени имитировать манеру, в которой различные другие расы, в частности негры, демонстрируют раскрытие ноздрей во весь рост. Наши тонкие, плотно прилегающие губы отличаются от губ негров, что хорошо видно на портрете (рис. 13) Джейкоба Уэйнрайта, верного мальчика Ливингстона. Мы не можем имитировать губы негра, просто надувая их, но должны подталкивать края пальцами вверх и вниз, чтобы показать больше внутренней части губы. Выражение человеческого лица, на котором интеллект и чувства пишут себя в видимых символах, требует подготовки художника, чтобы понять и описать его. Просто контур черт лица, снятый фотографией в неизменном положении, имеет тонкие черты, которые мы оценили благодаря долгому опыту изучения лиц, но которые не поддаются точному описанию или измерению. Для того чтобы обратить внимание на некоторые хорошо заметные особенности человеческого лица у разных рас, приведем небольшую группу женских лиц (рис. 12), все молодые и такие, которые в своей среде считаются, по крайней мере, умеренно красивыми. Если не принимать во внимание волосы и цвет лица, то в реальных очертаниях черт остается достаточно различий, чтобы отличить лица негров, кафиров, готтентотов, татар, японцев и североамериканцев от английского лица, представленного ниже.

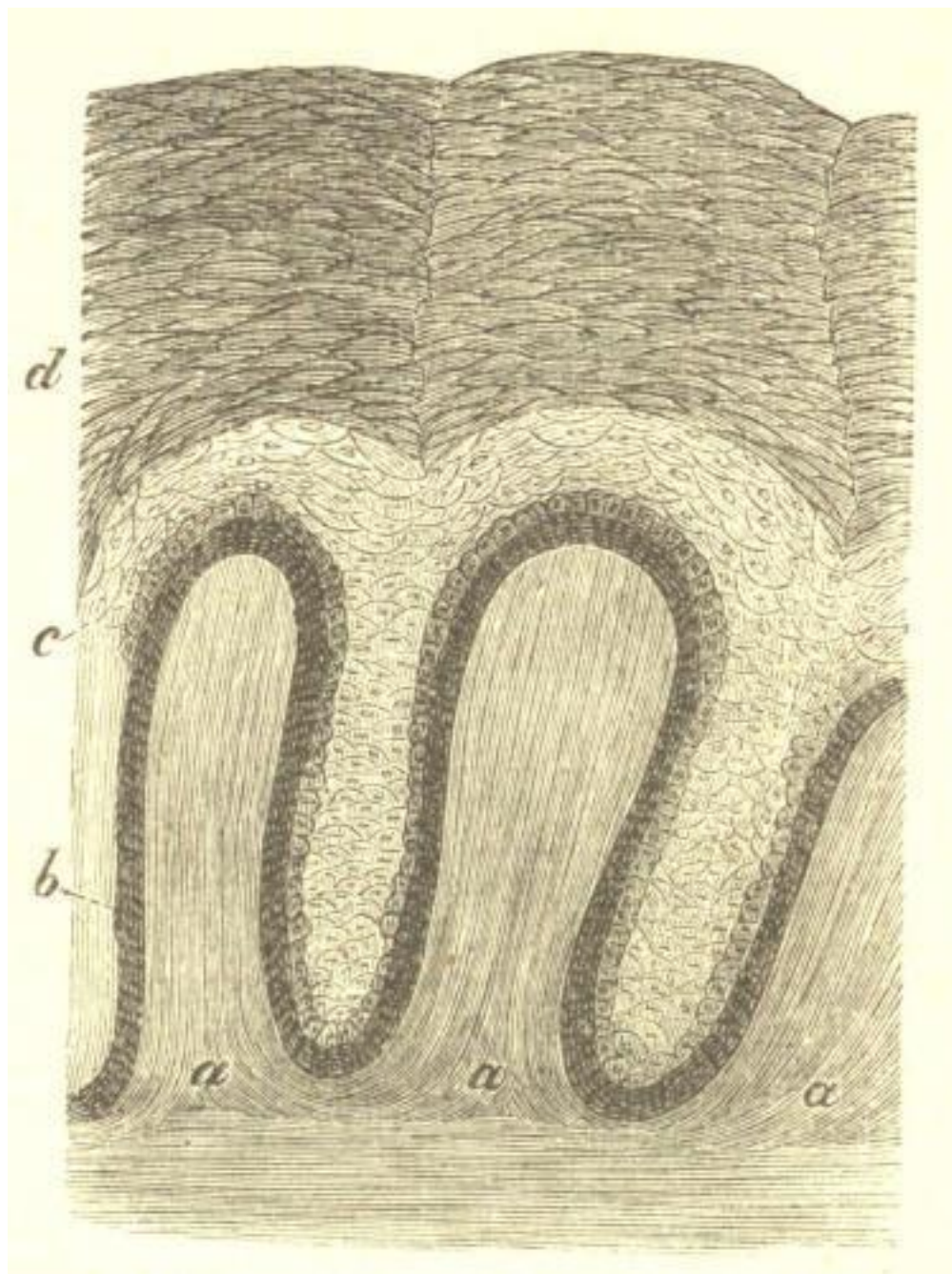

Рис. 14. Разрез кожи негра в большом увеличении (по Келлиkerу). *a*, дерма, или настоящая кожа; *b*, *c*, rete mucosum; *d*, эпидермис, или кожа-шарф.

Цвет кожи, этот важный признак расы, можно лучше всего понять, рассмотрев самые темные ее разновидности. Темный оттенок негра лежит не так глубоко, как внутренняя или истинная кожа, которая в значительной степени одинакова у всех рас человечества. Место окраски хорошо показано на рис. 14, сильно увеличенном разрезе кожи негра. Здесь *a* показана поверхность настоящей кожи с папиллами; она покрыта слизистым слоем, внутренние клетки которого (*b*) глубоко окрашены мелкими зернами черного или коричневого пигмента, цвет снижается до коричневатого или желтоватого к внешней поверхности этого слизистого слоя (*c*), в то время как даже внешняя рубцовая кожа (*d*) слегка окрашена. Негр, несмотря на свое название, не черный, а темно-коричневый, и даже этот самый темный оттенок появляется не в самом начале жизни, поскольку новорожденный негр имеет красновато-коричневый цвет, который вскоре становится иссиня-серым, а затем темнеет. Темный оттенок также не распространяется на все тело негра, но его подошвы и ладони коричневые.

Когда антрополог Блюменбах увидел Кембла в роли Отелло (загримированного обычным способом, с затемненным лицом и черными перчатками, чтобы изобразить негра), он пожаловался, что вся иллюзия была испорчена, когда актер раскрыл руки. Смуглые расы, такие как коренные американцы, имеют окраску кожи в меньшей степени, чем африканцы, и у них также только через некоторое время после рождения достигается полная глубина цвета лица. Окраска темных рас, по-видимому, схожа по своей природе с временными веснушками и солнечными ожогами светлой белой расы. Кроме того, у европейцев некоторые участки кожи, не подвергающиеся воздействию солнца, имеют постоянную темную окраску: например, ареолы груди; а при некоторых заболеваниях, известных под медицинским названием меланизм, на теле появляются пятна, очень напоминающие кожу негров. В целом кажется, что различие в цвете кожи, от самого светлого англичанина до самого темного африканца, не имеет жестких и быстрых линий, а постепенно меняется от одного оттенка к другому. Поучительно отметить, что среди представителей различных рас встречаются индивидуумы, у которых отсутствует окраска кожи, так называемые альбиносы. Контраст между их нездоровой белизной и обычной светлотой кожи наиболее заметен у негров-альбиносов (если называть их этим противоречивым термином), которые имеют хорошо известные африканские черты, но мертвенно-белые, словно гипсовый слепок негра.

Самый далекий от негритянского природный оттенок кожи - это цвет лица светлой расы Северной Европы, идеальные образцы которой можно встретить в Скандинавии, Северной Германии и Англии. У таких светлокожих или светловолосых людей почти прозрачная кожа приобретает розовый оттенок за счет просвечивающих сквозь нее мелких кровеносных сосудов. У народов Южной Европы, таких как итальянцы и испанцы, более смуглая кожа в некоторой степени скрывает этот красный цвет, который у более темных народов в других частях света перестает быть заметным. Таким образом, разница между светлыми и темными расами хорошо заметна в их румянце, который вызван приливом горячей красной крови в сосуды у поверхности тела. У альбиносов он проявляется с наибольшей интенсивностью: не только появляется общий румянец, но и четко выделяются цветочные пятна. Румянец, ярко выраженный на светлой коже датчанина, более неясно виден у испанского брюнета; но у темно-коричневого перуанца или еще более черного африканца, хотя рука или термометр, приложенный к щеке, обнаруживают румянец по его теплу, несколько увеличенная глубина цвета едва уловима глазом. Противоположный эффект, бледность, вызванная оттоком крови от поверхности, точно так же маскируется темными оттенками кожи.

Как расовый признак, цвет кожи с древних времен считался самым отличительным из всех. Египетские художники три или четыре тысячи лет назад использовали для этой цели обычные оттенки, которые можно увидеть на картинах в Британском музее. Эти цвета не претендуют на точность, как видно из того, что египетские джентльмены были окрашены в темно-кирпично-красный цвет, а дамы - в бледно-желтый, чтобы преувеличенно подчеркнуть их светлый цвет лица. Именно таким условным образом они раскрасили четыре основные известные им расы человечества: самих египтян в красно-коричневый цвет, народы Палестины - в желто-коричневый, ливийцев - в желто-белый, а эфиопов - в угольно-черный (см. [стр. 4](#)). В мировой истории цвет часто служил признаком, по которому народы, считающие себя более благородными, выделяли своих низших. Санскритское слово "каста" означает "*варна*", то есть "цвет", и это показывает, как возникло разделение на высшие и низшие касты. Индия была населена темными коренными народами еще до того, как туда вторглась более светлая арийская раса, и потомки завоевателей и покоренных до сих пор в той или иной степени прослеживаются среди светлых семей высшей касты и темных семей низшей касты. Различия по цвету кожи не исчезли и в условиях современной цивилизации. Белая кожа англичанина, как и раньше, является для него кастовым знаком, отделяющим его

от желтых, коричневых или черных "туземцев", как он презрительно называет их в других уголках земного шара.

Диапазон цвета лица среди человечества, начиная с оттенка светло-белых Северной Европы и темно-белых Южной Европы, переходит в коричневато-желтый малайцев, полнокоричневый американских племен, темно-коричневый австралийцев и черно-коричневый негров. До наших дней эти расовые оттенки обычно описывались с недостаточной тщательностью и назывались так же условно, как их рисовали египтяне. Однако теперь путешественник, используя набор цветов Брока, может записать цвет любого племени, которое он наблюдает, с точностью мерсера, подбирающего кусок шелка. Испарения с человеческой кожи сопровождаются запахом, который различается у разных рас. Особый прогорклый запах, по которому африканского негра можно определить даже на расстоянии, - самый заметный из них. Запах коричневых американских племен также отличается, хотя известно, что они выражают неприязнь к запаху белого человека. Эта особенность, которая не только указывает на различия в выделениях кожи, но и, по-видимому, связана с подверженностью некоторым лихорадкам и т. д., является расовым признаком, имеющим определенное значение.

Часть человеческого тела, которая демонстрирует наибольшее разнообразие цвета у разных людей, - это радужная оболочка глаза. Это тем более заметно, что соседние части особенно мало отличаются друг от друга. Склеротическая оболочка, которая у здорового европейца является почти тем, что называется "белизной" глаза, принимает слегка желтый оттенок только у самых темных рас, как у африканских негров. Опять же, в обычных глазах всех рас зрачок в центре радужной оболочки кажется абсолютно черным, будучи на самом деле прозрачным, и сквозь него просвечивает черный пигмент, выстилающий хориоидную оболочку на задней поверхности глаза. Но сама радужная оболочка, если ее исследовать у нескольких типов людей, имеет самый разнообразный цвет. Для понимания окраски глаз, как и кожи, поучительны особенности альбиносов. Розовый цвет глаз (как у белых кроликов) обусловлен отсутствием вышеупомянутого черного пигмента, поэтому свет, проходящий через радужку и зрачок, окрашивается в красный цвет кровеносными сосудами сзади; таким образом, можно заметить, что глаза краснеют вместе с остальной частью лица. Отсутствие защитного черного пигмента также объясняет чувствительность к свету, которая заставляет альбиносов избегать бликов; именно по этой причине голландцы дали им название *kakkerlaken*, или "тараканы", - эти существа также избегают света. Профессор Брока в своей шкале цветов глаз расположил оттенки оранжевого, зеленого, голубого и фиолетово-серого. Но стоит только внимательно всмотреться в любой глаз, чтобы понять, что невозможно зафиксировать сложный рисунок его цветов; на самом деле все, что делается, - это наблюдение с расстояния, чтобы оттенки слились в один равномерный оттенок. Нет нужды говорить, что глаза, которые в народе называют черными, далеко не всегда имеют радужную оболочку, как и зрачок; глаза, которые называют черными, обычно имеют глубочайшие оттенки коричневого или фиолетового. Эти так называемые черные глаза, безусловно, самые многочисленные в мире, они принадлежат не только кареглазым, смуглым и желтым расам, но даже преобладают среди более темных разновидностей белой расы, таких как греки и испанцы. Аристотель отмечает, что цвет глаз следует за цветом кожи. Действительно, очевидно, что среди людей существует связь между цветом кожи, глаз и волос. В расах со смуглой кожей и черными волосами обычно преобладают темные глаза, в то время как светлый цвет лица обычно сопровождается более светлыми оттенками радужной оболочки, особенно голубыми. На светлого саксонца с черными глазами или рослого негра с бледно-голубыми глазами посмотрели бы с удивлением. Однако на примере наших соотечественников мы знаем, как трудно установить точные правила сочетания цветов в

цвете лица. Так, в некоторых районах Великобритании часто встречается сочетание черных волос с темно-синими или серыми глазами. Доктор Барнард Дэвис и доктор Беддоу считают, что это указывает на кельтскую кровь.

С древних времен цвет и форма волос считались отличительными признаками расы. Так, Страбон упоминает эфиопов как чернокожих людей с шерстяными волосами, а Тацит описывает германских воинов своего времени с их свирепыми голубыми глазами и рыжими волосами. Что касается цвета волос, то наиболее распространенным является черный или настолько темный оттенок, что его можно принять за черный, который присущ не только темнокожим африканцам и американцам, но и желтокожим китайцам и темнокожим белым, таким как индусы или евреи. Мистер Сорби отмечает, что чернота волос обусловлена тем, что черный пигмент присутствует в таком количестве, что пересиливает любой красный или желтый пигмент, который также может содержаться в волосах. У светлокожих народов Северной Европы, напротив, преобладают льняные или каштановые волосы. Таким образом, мы видим, что существует связь между светлыми волосами и светлой кожей, а также темными волосами и темной кожей. Но невозможно установить правило для промежуточных оттенков, поскольку рыжевато-коричневые или русые волосы, характерные для светлокожих народов, встречаются и у более темных рас, а темно-коричневые волосы имеют еще более широкий диапазон. В нашей собственной чрезвычайно смешанной нации представлены все оттенки - от льняного и золотистого до вороньего черного. Что касается формы волос, то ее хорошо известные различия можно увидеть на женских портретах [на рис. 12](#), где африканки слева демонстрируют шерстяной или пушистый тип, где волосы естественным образом завиваются в маленькие штопорообразные спирали, а азиатки и американки справа имеют прямые волосы, как грива у лошади. Между этими крайними видами находятся струящиеся или волнистые волосы, а также вьющиеся волосы, которые закручиваются в большие спирали; английские волосы на рисунке скорее относятся к последнему виду. Если рассмотреть под микроскопом поперечные срезы отдельных волосков, то можно увидеть различия в их форме, как на четырех срезах Прунер-Бея ([рис. 15](#)). Почти круглый монгольский волос (а) висит прямо; более вьющийся европейский волос (б) имеет овальное или эллиптическое сечение; шерстяной африканский волос (в) более сплюснут; а вьющийся папуасский волос (г) представляет собой еще более экстремальный пример сплюснутого лентообразного вида. Вьющиеся и шерстяные волосы имеют висячий рост от корня, что придает им изгиб. У разных рас варьируются не только цвет и форма волос, но и их количество. Так, головы бушменов более скудно укомплектованы волосами, чем наши, а среди индейцев кроу было принято, чтобы грубые черные волосы воина лежали на земле позади него. Волосы на теле также скудны у одних рас и обильны у других. Так, айносы, коренные жители Йесо, - лохматый народ, в то время как японцы, владеющие их островом, сравнительно безволосы. Контраст настолько силен, что японцы придумали легенду о том, что в древние времена матери айно сосали молодых медвежат, которые постепенно превращались в мужчин.

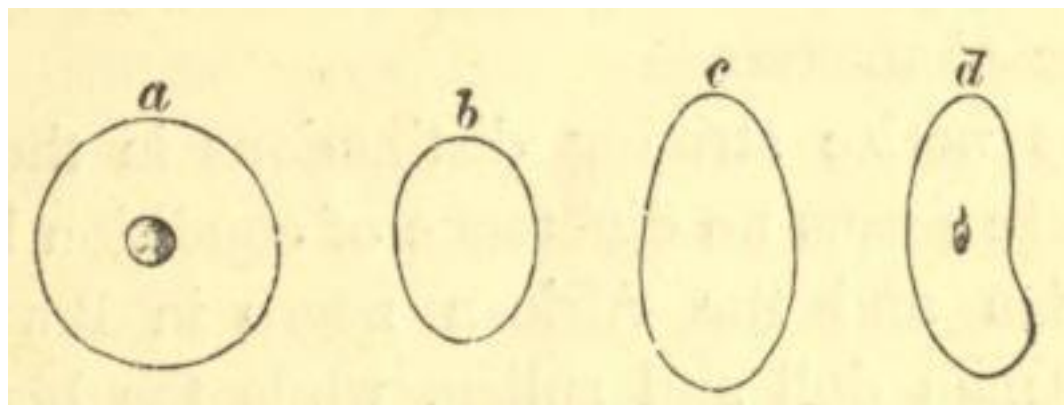

Рис. 15. Участки волос, сильно увеличенные (по Прунеру). *a* - японец; *b* - немец; *c* - африканский негр; *d* - папуас.

То, что одни расы по своей конституции подходят, а другие не подходят для определенного климата, - это факт, который англичане знают не понаслышке: на палящих равнинах Индии они сами становятся вялыми и хилыми, а их детей вскоре приходится перевозить в более прохладный климат, чтобы они не чахли и не умирали. Известно также, что расы не одинаково подвержены определенным заболеваниям. Если в Экваториальной Африке или Вест-Индии береговая лихорадка и желтая лихорадка так смертельны или вредны для новоприбывших европейцев, то негров и даже мулатов почти не трогает этот бич белых народов. С другой стороны, мы, англичане, смотрим на корь как на пустяковую жалобу и с изумлением слышим о том, как ее завезли на Фиджи и там, несомненно усугубленную неправильным лечением, она тысячами сметает туземцев. Очевидно, что народы, переселяющиеся в новый климат, если они хотят процветать, должны приспособиться телом к новому образу жизни; так, в разреженном воздухе высоких Анд требуется больше дыхания, чем на равнинах, и у живущих там племен грудная клетка и легкие развиты до необычайных размеров. Расы, хотя и способны к постепенной акклиматизации, не должны слишком резко менять климат, к которому они приспособлены. Приспособление к определенному климату во многом зависит от цвета кожи, который подходит неграм для тропиков и светло-белым для умеренного пояса; хотя, действительно, цвет кожи не всегда зависит от климата, как, например, в Америке, где коричневая раса одинаково распространена в жарких и холодных регионах. Приспособленность к особому климату, являющаяся вопросом жизни или смерти для расы, должна быть отнесена к числу главных расовых качеств.

Путешественники отмечают поразительные различия в нравах рас. В Бразилии между коренным индейцем и африканским негром, кажется, нет разницы в условиях жизни, чтобы смуглый человек стал скучным и угрюмым, в то время как черный переполнен энтузиазмом и весельем. Так и в Европе непохожесть меланхоличного русского крестьянина и бойкого итальянца вряд ли может зависеть исключительно от климата, питания и правительства. Похоже, что в человечестве есть врожденный темперамент и врожденные способности ума. История преподносит великий урок: одни расы продвигаются вперед по пути цивилизации, в то время как другие стоят на месте или отступают назад, и отчасти мы должны искать объяснение этому в различиях интеллектуальных и моральных сил между такими племенами, как коренные американцы и африканцы, и нациями Старого Света, которые их превзошли и покорили. При оценке умов низших рас хорошим критерием является то, насколько их дети способны воспринять цивилизованное образование. Европейские учителя, у которых в школах учились дети низших рас, обычно говорят, что, хотя они часто учатся не хуже белых детей примерно до двенадцати лет, потом они отпадают и остаются позади детей господствующей расы. Это согласуется с тем, что анатомия учит о меньшем развитии мозга у

австралийцев и африканцев, чем у европейцев. Это также согласуется с тем, чему учит история цивилизации, что до определенного момента дикари и варвары похожи на тех, кем были наши предки, а наши крестьяне - на тех, кем они являются и сейчас, но с этого общего уровня превосходящий интеллект прогрессивных рас поднял их народы до высот культуры. Белый человек, хотя сейчас и доминирует в мире, должен помнить, что интеллектуальный прогресс отнюдь не был монополией его расы. На заре истории лидерами культуры были смуглые египтяне и вавилоняне, чей аккадский язык не связан с языком белых народов, а желтые китайцы, чье татарское родство очевидно в их волосах и чертах лица, уже четыре тысячи лет или более являются цивилизованной и литературной нацией. Темно-белые - ассирийцы, финикийцы, персы, греки, римляне - не начали, а продолжили движение культуры вперед, а светло-белые, как часть населения Франции, Германии и Англии, с тех пор вносят свою, пусть и незначительную, долю в мировой прогресс.

Рис. 16. Раса или население по росту (метод Гальтона).

После того как мы отметили некоторые из основных моментов различия между расами, будет нелишним более подробно рассмотреть, что же такое раса. Одиночные портреты мужчин и женщин могут лишь в общих чертах отражать нацию, к которой они принадлежат, поскольку ни один из ее представителей не похож на другого, даже на брата. В расовом портрете нужно искать общий характер, присущий всей расе. Путешественники часто замечают, что европеец, высаживающийся среди людей, не похожих на его собственный народ, например, китайцев или мексиканских индейцев, сначала считает их всех похожими друг на друга. После нескольких дней внимательного наблюдения он вычленяет их индивидуальные особенности, но сначала его внимание было занято общими типичными чертами чужой расы. Именно этот широкий тип антрополог хочет зарисовать и описать, и в качестве примера он выбирает такие портреты мужчин и женщин, которые лучше всего его демонстрируют. Можно даже измерить тип народа. Чтобы дать представление о том, как решается эта задача, предположим, что мы изучаем шотландцев, и первое, что нужно выяснить, - это их рост. Очевидно, что среди них есть такие же низкорослые, как саамы, и такие же высокие, как патагонцы; эти очень низкие и высокие люди принадлежат к расе, но не являются ее обычными представителями. Однако если измерить все население и расставить его по росту, то окажется, что среди них есть люди ростом около пяти футов восьми дюймов, но гораздо меньше - пяти футов четырех дюймов или шести футов, и так далее, пока число не уменьшится с каждой стороны до одного-двух гигантов и одного-двух карликов. Это видно на [рис. 16](#), где каждый человек представлен точкой, а точки, изображающие людей среднего или типичного роста, сливаются в единую массу. Посмотрев на это, читателю будет легче понять диаграмму Кетеле, [рис. 17](#), где высоты или ординаты биномиальной кривой показывают количество мужчин каждого роста, уменьшаясь в обе стороны от центральных пяти футов восьми дюймов, которые являются ростом среднего или типичного мужчины. Здесь, в общей сложности около 2600 человек, 160 имеют рост пять футов восемь дюймов, но только 150 - пять футов семь дюймов или пять футов девять дюймов, и так далее, пока не найдется даже десяти человек ростом пять футов или шесть футов четыре дюйма. Как гласит пословица, "для создания мира нужны все типы", так и получается, что раса - это совокупность людей, состоящая из регулярного набора вариаций, которые

сосредоточены вокруг одного репрезентативного типа. Таким же образом раса или нация оценивается и по другим характеристикам, например, средний или типичный англичанин может иметь размер груди 36 дюймов и весить около 144 фунтов. Таким же образом можно определить типичный оттенок лица у той или иной нации, например, у зулусов - черно-коричневый. Результат этих планов - показать, что грубый и готовый метод путешественника достаточно точен, когда он выбирает в качестве представителя расы тот тип мужчины и женщины, который, по его мнению, существует в большем количестве, чем любой другой.

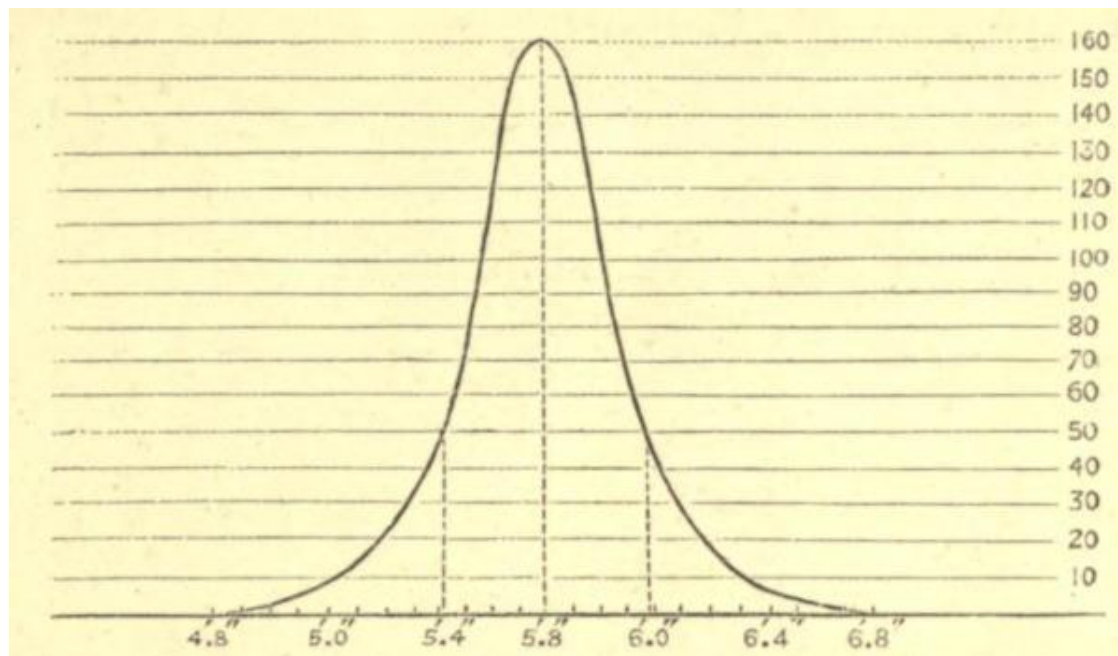

Рис. 17.- Раса или популяция, упорядоченная по росту (метод Кетеле).

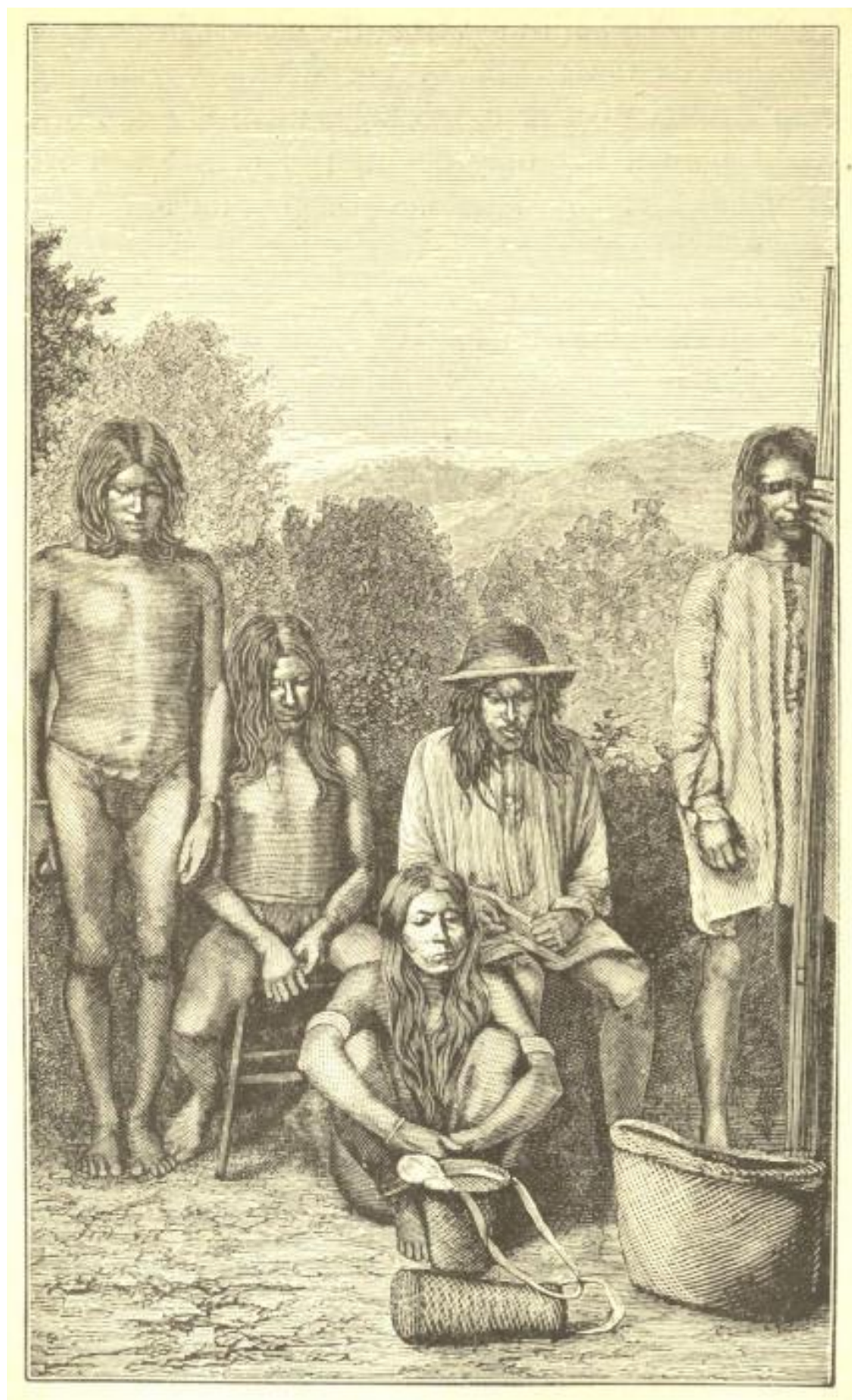

Рис. 18.- Карибы.

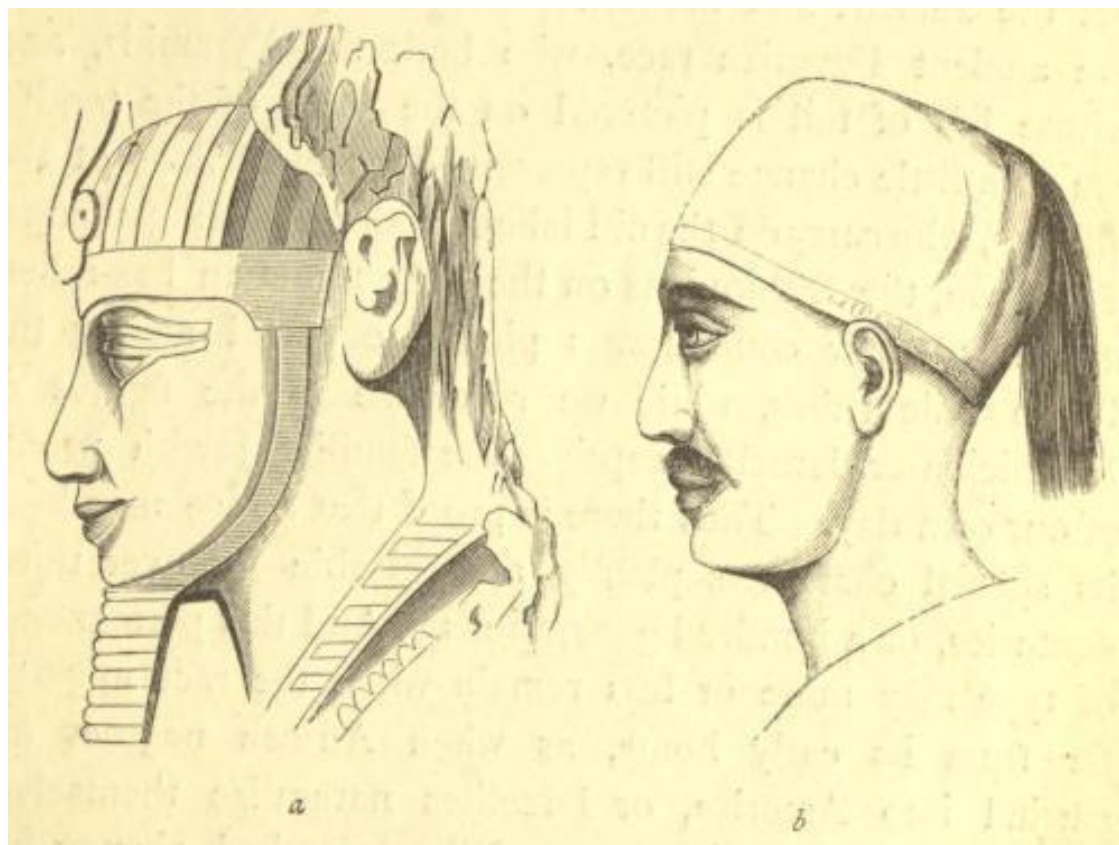

Рис. 19.- (а) Голова Рамсеса II, Древний Египет. (б) Сын шейха, современный Египет. (После Хартманна.)

Люди, которых легче всего изобразить отдельными портретами, - это нецивилизованные племена, в пище и образе жизни которых мало что отличает одного человека от другого, и которые живут вместе и вступают в браки на протяжении многих поколений. Так, [рис. 18](#), сделанный с фотографии группы карибов, поражает близким сходством, пронизывающим всех. В таком народе особенно легко распознать расовый тип. Далеко не всегда так легко представить всю популяцию. Чтобы понять, насколько это сложно, достаточно взглянуть на английскую толпу с ее бесконечным разнообразием. Но чтобы получить представление о проблеме человеческих разновидностей, лучше всего сначала рассмотреть простейшие случаи, обратившись к какой-нибудь однородной и хорошо обозначенной расе, и спросить, что с ней может произойти в течение веков.

Первое, на что следует обратить внимание, - это ее способность сохраняться. Если народ продолжает жить в своем районе, не слишком меняя привычки и не смешиваясь с другими народами, то нет причин ожидать, что его тип изменится. Египетские памятники демонстрируют хорошие примеры такого постоянства. На [рис. 19 а](#) - голова статуи Рамсеса, явно тщательно выполненный портрет, датируемый примерно 3 000 лет назад, а [б](#) - египтянин наших дней, однако древние и современные фигуры удивительно похожи. Действительно, древний египетский род, построивший пирамиды и чья трудовая жизнь изображена на стенах гробниц, с небольшими изменениями все еще представлен феллахами в деревнях, которые продолжают старый труд под руководством новых сборщиков налогов. Таким образом, и на ранних египетских барельефах эфиопы могут иметь своих двойников среди племен Белого Нила, а в фигурах пленников-финикийцев или израильтян мы узнаем знакомые еврейские профили наших дней. Таким образом, существует доказательство того, что раса может сохранять свои особые черты, хорошо

узнаваемые на протяжении более тридцати веков или ста поколений. И это постоянство типа может более или менее сохраняться, когда раса мигрирует далеко от своего раннего дома, как в случае, когда африканские негры попадают в Америку, или израильтяне натурализуются от Архангела до Сингапура. В тех случаях, когда во внешнем облике нации происходят заметные изменения, причину этих изменений следует искать в межнациональных браках с иностранцами, или в изменившихся условиях жизни, или в том и другом.

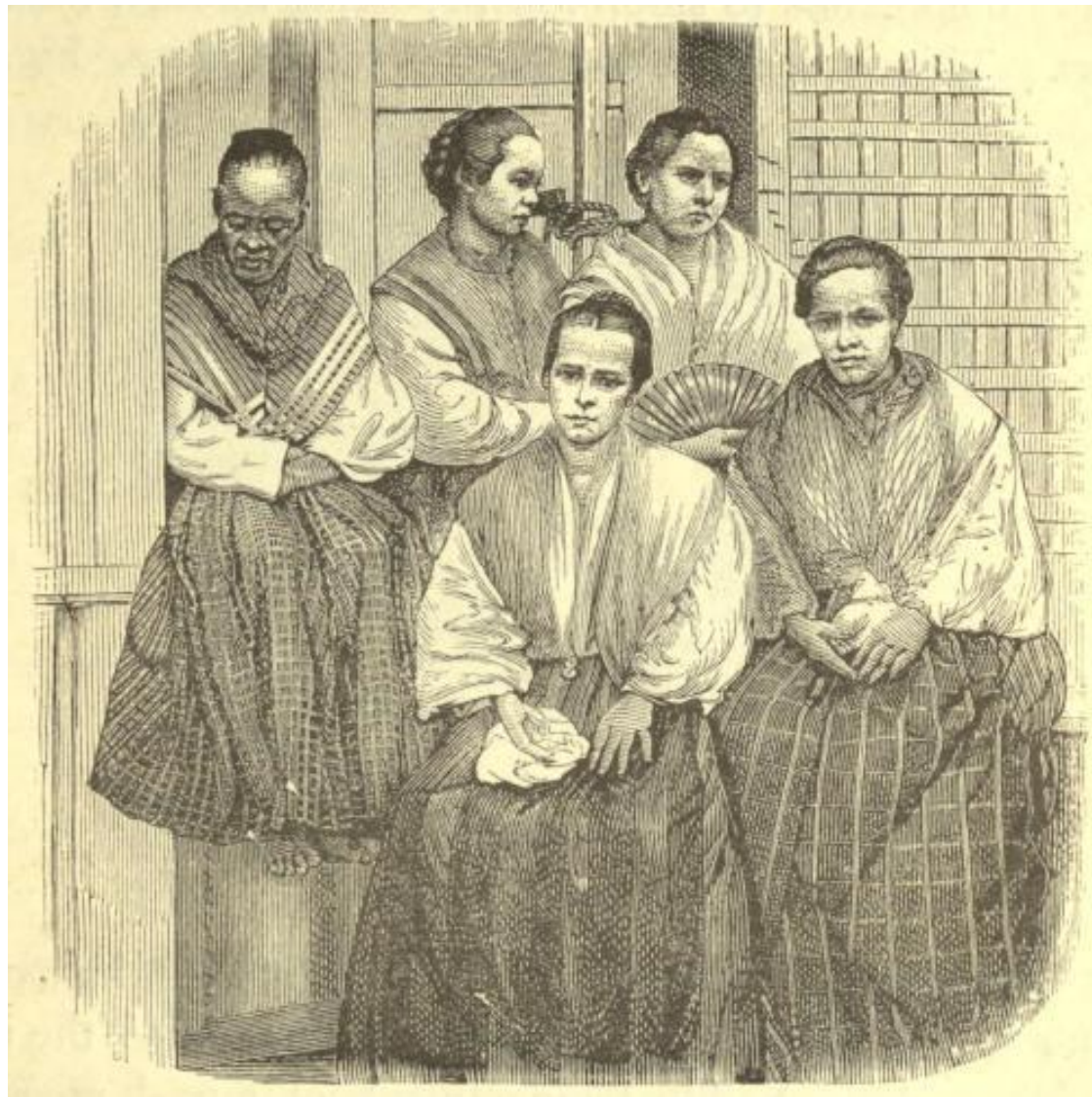

Рис. 20. Малайская мать и дочери-полукровки.

Результат межрасового брака или скрещивания рас знаком всем англичанам по одному из самых ярких примеров - скрещиванию белых и негров, называемому мулатом (исп. *mulato*, от *mula* - мул). Цвет лица мулата и волосы являются промежуточными между родительскими, и новые промежуточные сорта цвета кожи появляются у детей белых и мулатов, называемых квадран или четверть-кровь (исп. *cuarteron*) и т. д.; с другой стороны, потомки негров и мулатов, называемые самбо (исп. *zambo*), возвращаются к полному негритянскому типу. Этот промежуточный характер является общей природой скрещенных рас, но с большей или меньшей тенденцией к возвращению к одному или другому родительскому типу. Для иллюстрации этого на рис. 20 приведен портрет матери-малайки и ее дочерей-полукровок, отец которых - испанец; здесь, хотя все дети демонстрируют смешанную расу, иногда преобладает европейский, а иногда малайский тип черт. Эффект смешения прослеживается и в волосах, что часто можно заметить по пунцовым, вьющимся локонам мулатов, расположенным между более прямыми европейскими и

шерстистыми африканскими. Бразильские кафузо, представляющие собой своеобразное скрещивание коренных племен этой страны и импортированных негров-рабов, отличаются своими волосами, которые поднимаются в виде вьющейся массы, образуя естественный перистый парик, который заставляет их обладателей низко наклоняться, проходя через двери хижин. Это видно на портрете кафуса, [рис. 21](#), и, кажется, легко объясняется тем, что длинные жесткие волосы коренного американца приобрели в некоторой степени негритянскую пушистость. Телесный темперамент представителей смешанных рас также имеет черты родителей, как это видно на примере мулата, который унаследовал от своих негритянских предков способность переносить тропический климат, а также свободу от желтой лихорадки.

Рис. 21.- Женщина-кафуса.

Смешанная раса возникает не только там, где две расы населяют один и тот же район, но и в последние несколько столетий, как известно, значительная часть населения Земли появилась на свет в результате скрещивания рас. Нигде это не проявляется так явно, как на американском континенте, где со времен испанского завоевания такие районы, как Мексика, в основном заселены метисами - потомками испанцев и коренных американцев, а ввоз африканских рабов в Вест-Индию привел к появлению мулатского населения. Принимая во внимание такое скрещивание рас, антропологи получают повод для объяснения бесконечных оттенков разнообразия среди человечества, не пытаясь при этом решить безнадежную задачу классификации каждой мало-мальски неопределенной группы людей в особую расу. Водонос из Каира, изображенный [на рис. 22](#), может служить примером того, как трудно систематически определять расовую принадлежность каждого человека. Этот человек говорит по-арабски и является мусульманином, но он не араб, не египтянин старого царства, а дитя земли, где на протяжении веков смешивались нубийцы, копты, сирийцы, бедуины и многие другие народы, и

фактически его предки могут происходить из трех четвертей земного шара. Среди уроженцев Индии встречается такое разнообразие черт лица, которое невозможно точно классифицировать по расам. Но следует помнить, что в состав населения страны входило несколько совершенно разных типов людей: темно-коричневые индигены или горные племена, желтые монголы, пересекшие границы Тибета, и более светлые древние арийцы или индоевропейцы, пришедшие с северо-запада; не говоря уже о других, смешение этих народов, продолжавшееся веками, конечно, породило бесчисленное множество крестов. Так и в Европе, если принять светлые народы Балтики и темные народы Средиземноморья за две отдельные расы или разновидности, их скрещивание может объяснить бесконечное разнообразие каштановых волос и промежуточный цвет лица, которые можно встретить. Если считать, что человек уже в далекой древности был разделен на несколько основных рас, то их скрещивание на протяжении многих веков объясняет бесчисленное множество мелких разновидностей, которые переливаются друг в друга.

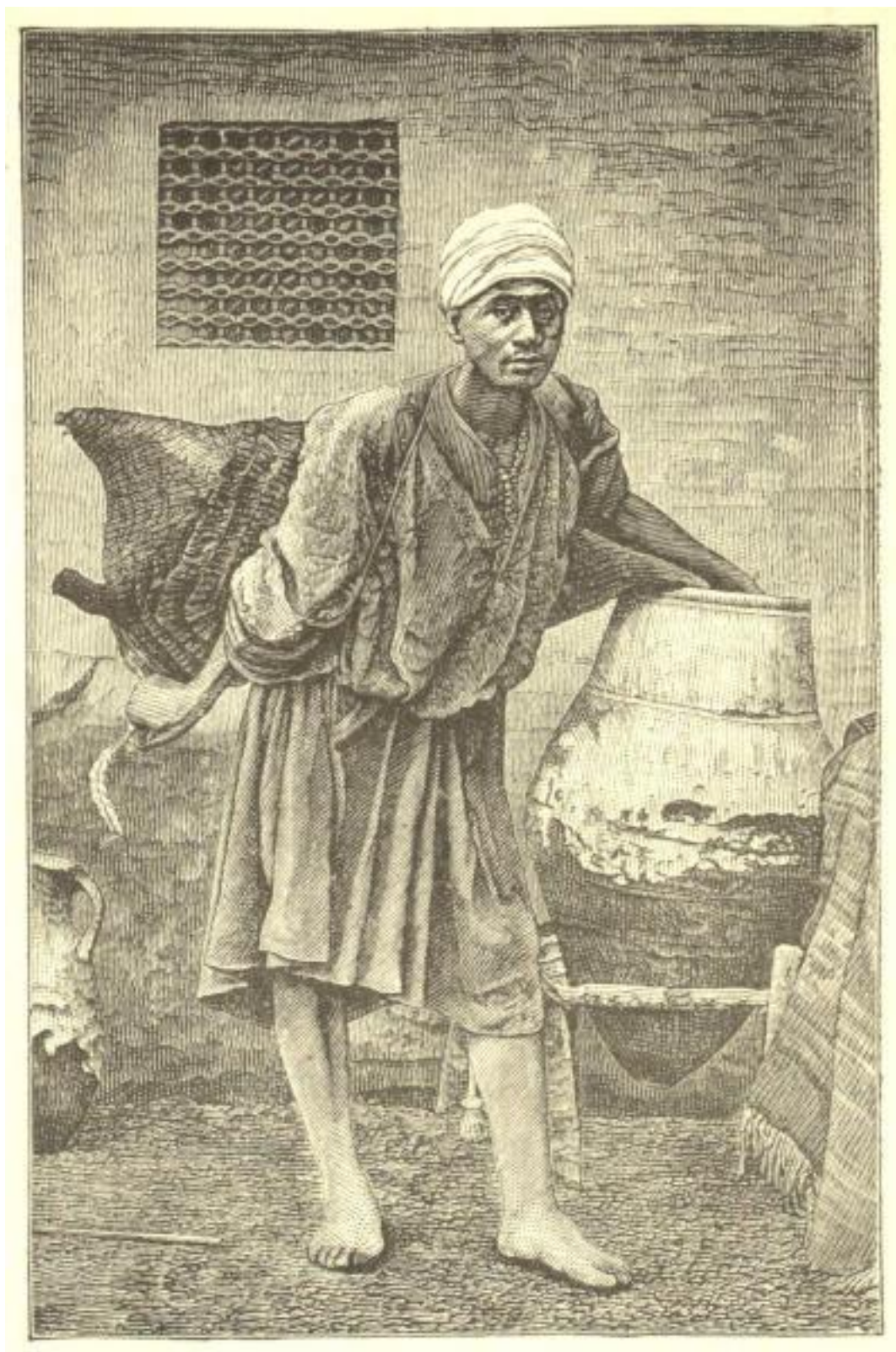

Рис. 22. Кэрн.

Недостаточно смотреть на расу людей как на простое скопление людей, имеющих общий тип или сходство. Ведь причина их сходства очевидна, и, действительно, называя их расой, мы считаем их породой, общая природа которой унаследована от общих предков. Опыт животного мира показывает, что раса или порода, хотя и способна сохранять свое сходство из поколения в поколение, также способна изменяться. В самом деле, умелый животновод, тщательно подбирая и спаривая особей, различающихся в определенном направлении, может в течение нескольких

лет создать особую породу крупного рогатого скота или овец. Без такого прямого вмешательства человека в новых климатических и пищевых условиях формируются особые расы или породы животных, как в знакомых нам примерах шетландских пони или мустангов мексиканских равнин, которые произошли от лошадей, завезенных испанцами. Естественно, напрашивается вывод, что человеческие расы можно рассматривать как породы, произошедшие от одного исходного вида. В этом направлении можно привести убедительные доводы, что не только телесные и умственные разновидности человечества постепенно сливаются друг с другом, но и что даже самые несхожие расы могут смешиваться во всех направлениях, производя смешанные или субрасы, которые, будучи предоставлены сами себе, продолжают свой род. Сторонники полигенистической теории, согласно которой существует несколько отдельных рас человека, произошедших от независимого происхождения, отрицают, что некоторые расы, такие как англичане и коренные австралийцы, производят плодовых полукровок. Но факты все больше и больше склоняются к тому, что скрещивание возможно между всеми расами, что доказывает, что все разновидности человечества зоологически относятся к одному виду. Хотя этот принцип, казалось бы, стоит на твердой почве, следует признать, что наши знания о способах и причинах расовой изменчивости среди человечества все еще очень несовершенны. Великие расы, черная, коричневая, желтая, белая, уже оформились в свои хорошо известные черты еще до появления письменности, так что их формирование скрыто далеко в праисторическом периоде. Не известно также, чтобы изменения такого масштаба происходили у какого-либо народа в пределах истории. Было убедительно доказано, что наши грубые первобытные предки, будучи менее способными, чем их потомки, сделать себя независимыми от климата с помощью убежища, огня и запасов пищи, были более подвержены изменениям в организме под влиянием нового климата, в который они мигрировали. Даже в наше время, кажется, можно проследить нечто вроде расовых изменений, происходящих в новых условиях жизни. Так, измерения доктора Беддоу доказывают, что в Англии жизнь в промышленном городе привела к появлению населения на дюйм или два ниже ростом, чем их предки, когда они приехали из своих сельских деревень. Так и в Скалистых горах есть кланы индейцев-змеев, чьи низкорослые формы и низкие черты лица, обусловленные поколениями нищенской жизни изгоев, отличают их от их более упитанных сородичей на равнинах. Утверждают, что чистый негр в Соединенных Штатах за несколько поколений претерпел изменения, в результате которых его цвет лица стал на тон светлее, а черты изменились, в то время как чистый белый в том же регионе стал менее румяным, с более темными и блестящими волосами, более выдающимися скулами и массивной нижней челюстью. Это, пожалуй, самые достоверные случаи изменения расы. Очень трудно наблюдать за расой, претерпевающей изменения, которые повсеместно маскируются более значительными изменениями, вызванными приходом новых народов, смешивающихся со старыми и вступающих с ними в брачные отношения. Тот, кто на основании греческих скульптур станет утверждать, что национальный тип изменился со времен Перикла, получит ответ, что остатки старой расы уже давно неразрывно смешались с другими. Приведенных примеров достаточно, чтобы показать неопределенность и трудность любой попытки точно проследить происхождение и ход развития человеческих рас. Но в то же время есть основа, на которую можно опереться: эти расы не разбросаны беспорядочно по поверхности Земли, а определенные расы явно принадлежат к определенным регионам, и, похоже, каждая из них сформировалась под влиянием климата и почвы в своем районе, где она процветала, а затем распространилась далеко и широко, изменяясь и смешиваясь с другими расами по мере продвижения. Приведенный ниже краткий очерк может дать представление о том, как происходило распространение и смешение великих рас. В нем воплощены хорошо продуманные взгляды выдающихся анатомов, особенно профессоров Хаксли и Флауэра. Хотя такая схема не может быть представлена как доказанная и несомненная, желательно прояснить и закрепить наши представления, поняв, что распространение человека по земле происходило не

путем беспорядочного разброса племен, а по большим линиям движения, закономерность которых часто можно заметить там, где она не может быть точно прослежена.

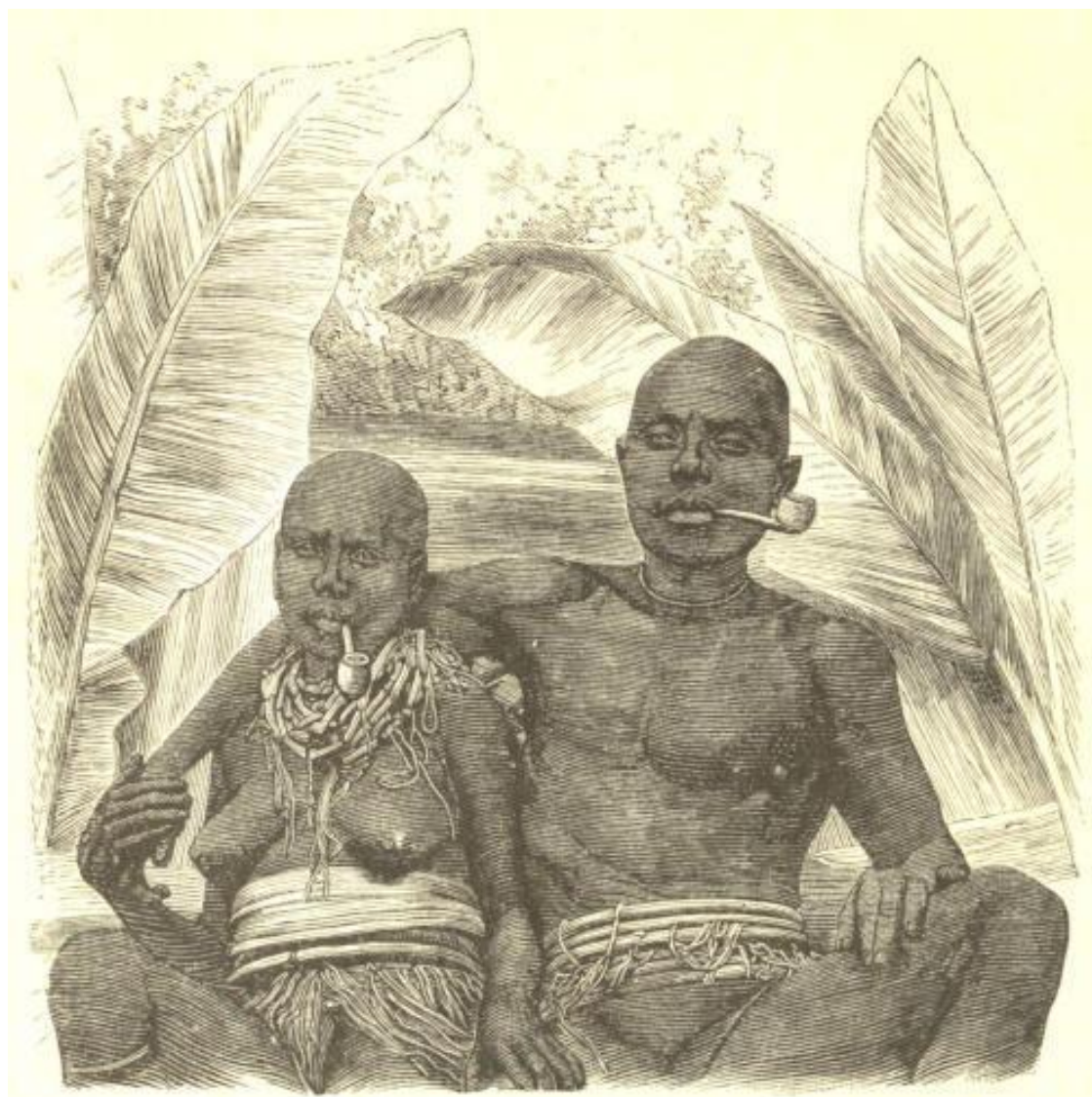

Рис. 23. Жители Андаманских островов.

То, что существует реальная связь между цветом расы и климатом, к которому она принадлежит, кажется наиболее вероятным на примере так называемых черных народов. Древние писатели объясняли цвет кожи эфиопов тем, что солнце выжгло их черным, и хотя современные антропологи не стали бы решать вопрос подобным образом, карта мира показывает, что этот самый темный расовый тип в основном встречается в тропическом климате. Основная линия черных рас тянется вдоль жарких и плодородных регионов экватора, от Гвинеи в Западной Африке до того большого острова Восточного архипелага, который получил свое название Новая Гвинея от его негроподобных туземцев. В прошлом геологическом периоде экваториальный континент (которому Склейте́р дал название Лемурия), возможно, даже простирался от Африки до Дальнего Востока, объединяя эти ныне разделенные земли. Внимание антропологов особенно привлекла гряда островов в Бенгальском море - Андаманы, которые, возможно, были частью этого бывшего континента и были заселены скудным населением грубых и похожих на детей дикарей. Эти минкопы (рис. 23) небольшого роста (мужчины ниже пяти футов), с кожей черного цвета и волосами, очень плоскими в сечении и выющимися, что, судя по их привычке брить голову, читатель должен себе представить. Но хотя по этим параметрам они похожи на африканского негра, они не похожи на него тем, что имеют череп не узкий, а широкий и округлый,

а также не имеют таких полных губ, такого широкого носа и таких выступающих челюстей, как у него. Анатомам пришло в голову, и это мнение укрепилось после изучения черепов Флауэром, что андаманские племена могут быть остатком очень раннего человеческого вида, возможно, лучшими представителями примитивного негритянского типа, который с тех пор изменился в различных аспектах при распространении по широкому району мира. Африканская раса негров с ее особыми признаками - узким черепом, выступающими челюстями, черно-коричневой кожей, шерстяными волосами, приплюснутым носом, полными и вывернутыми губами - уже была описана здесь (см. с. 61-67). Возможно, наиболее полно этот тип проявляется у народов, живущих вблизи экватора, например в Гвинее, но он распространяется по континенту далеко и широко, сменяясь на его границах более светлыми расами, такими как берберы на севере и арабы на восточном побережье. По мере распространения расы на юг, в Конго и кафирские регионы, можно заметить менее полный негритянский цвет лица и черты, как будто миграция из центрального региона в новые климатические условия несколько изменила тип. В этом отношении наиболее примечательны низкорослые племена хоттентотов-бушменов Южной Африки (см. рис. 8, 12 с), поскольку при сохранении негритянского характера в узком черепе, вьющихся волосах и чертах лица их кожа имеет более светлый оттенок коричневатого-желтого. Ничто не указывает на то, что это произошло в результате скрещивания негритянского типа с более светлой расой, более того, нет никаких доказательств существования такой расы, с которой можно было бы скрещиваться. Если бушмен является особой модификацией негра, то это прекрасный пример трансформации рас, когда они оказываются в новых условиях. Вернемся теперь к Южной Азии: на Малайском полуострове и Филиппинах встречаются немногочисленные лесные племена, очевидно, родственные андаманцам и классифицируемые под общим названием негритосы (*m. e.* "маленькие негры"), которые, по-видимому, принадлежат к расе, когда-то широко распространенной в этой части света, остатки которой были вытеснены более сильными новыми пришлыми расами и нашли убежище в горах. На рис. 24 изображен один из них, ахета с острова Лусон. И наконец, широко распространенные и сложные разновидности восточной негроидной расы в регионе, известном как Меланезия, "черные острова", простирающиеся от Новой Гвинеи до Фиджи. Группа различных островитян (рис. 25), принадлежащих к миссии епископа Паттесона, демонстрирует явное сходство с африканскими неграми, хотя и с некоторыми заметными отличиями, например, брови более сильно изогнуты, а нос более выдающийся, даже аквилинный - поразительный контраст с африканцем. Меланезийцев, живущих на Новой Гвинее, называют папуасами из-за их шерстяных волос (малайское *papuah* = frizzed), которые часто вырастают в огромные космы. Большое разнообразие цвета кожи в Меланезии, от полностью коричнево-черного до шоколадного или орехово-коричневого, показывает, что здесь происходило много скрещиваний с более светлыми популяциями. Такое смешение очевидно для жителей побережья Фиджи, где темная меланезийская раса действительно преобладает, но скрещивается со светлой полинезийской расой, к которой принадлежит большая часть языка и цивилизации островов. И наконец, тасманийцы - это отдаленное население, принадлежащее к восточным неграм.

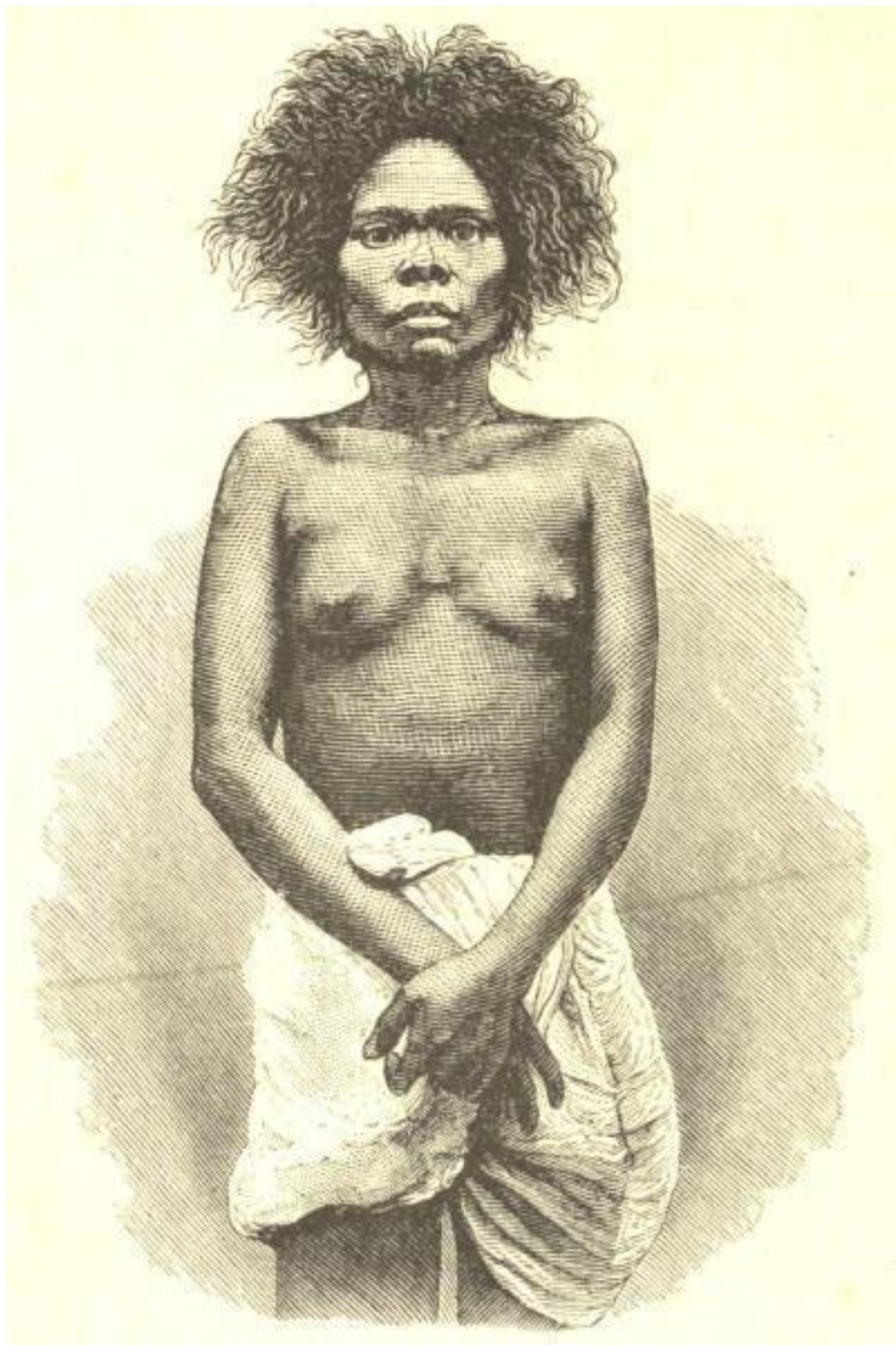

Рис. 24.- Ахета (негрито), Филиппинские острова.

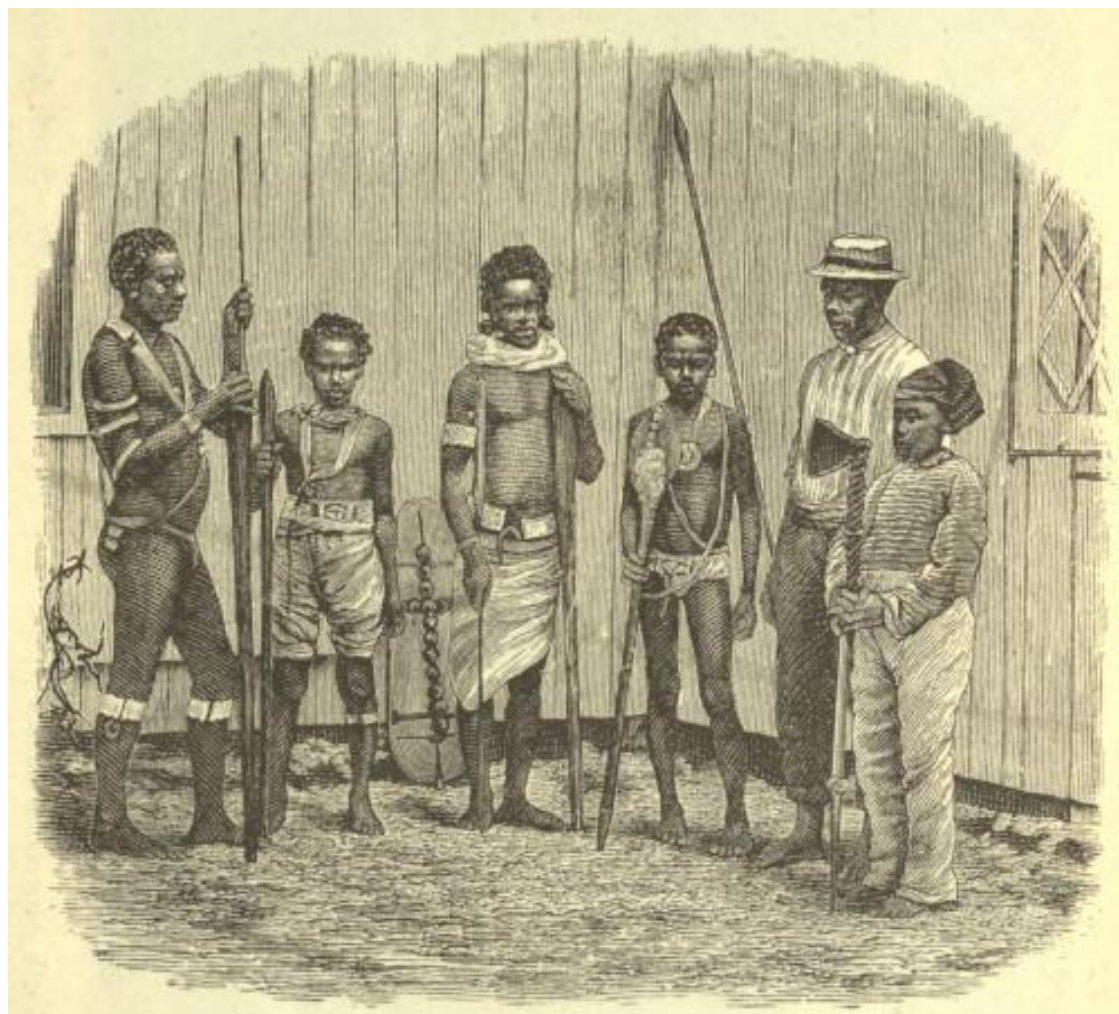

Рис. 25.- Меланезийцы.

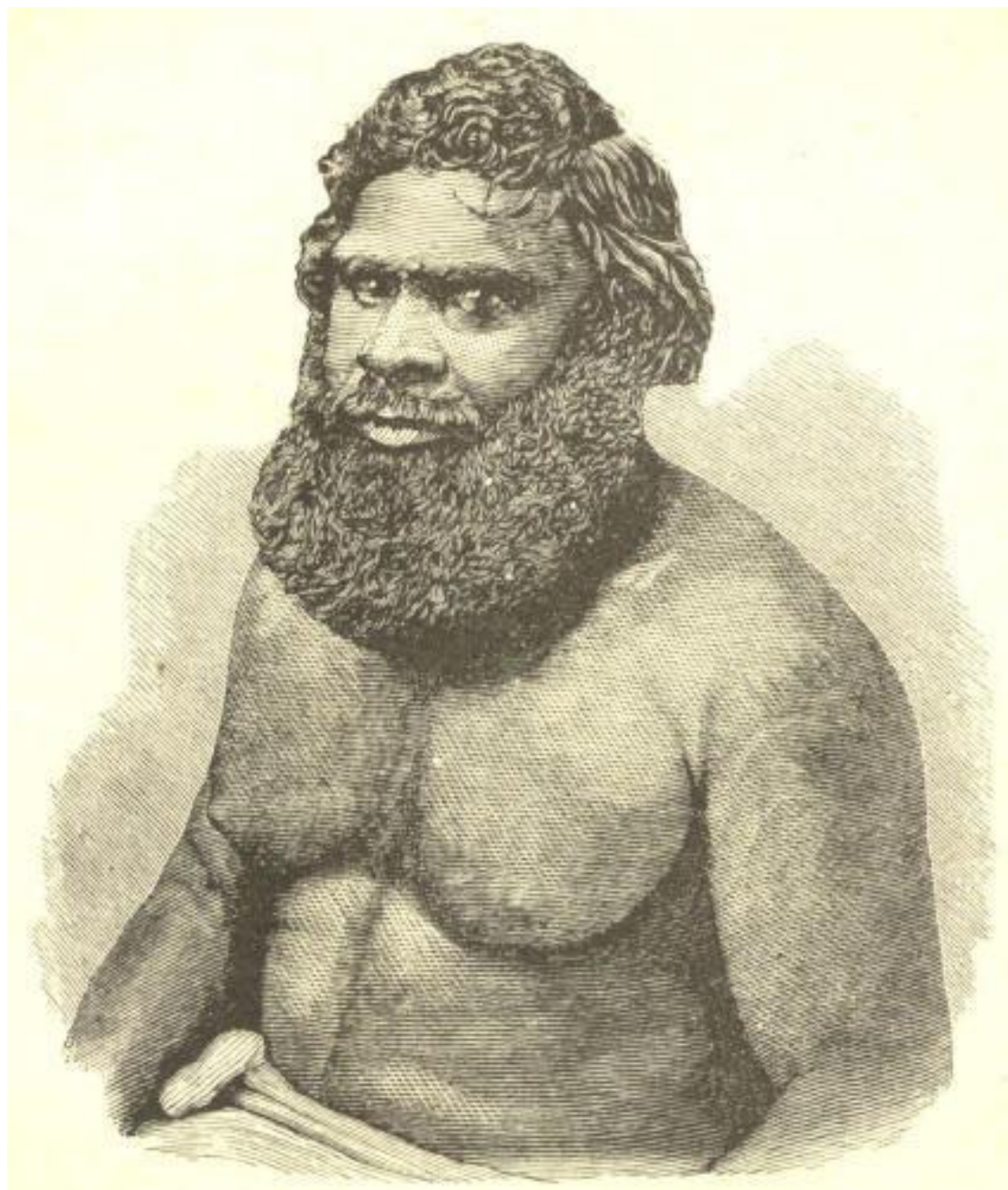

Рис. 26.- Южноавстралийцы (человек).

Рис. 27.- Южноавстралийцы (женщина).

Рис. 28.-Австралийские (Квинсленд) женщины.

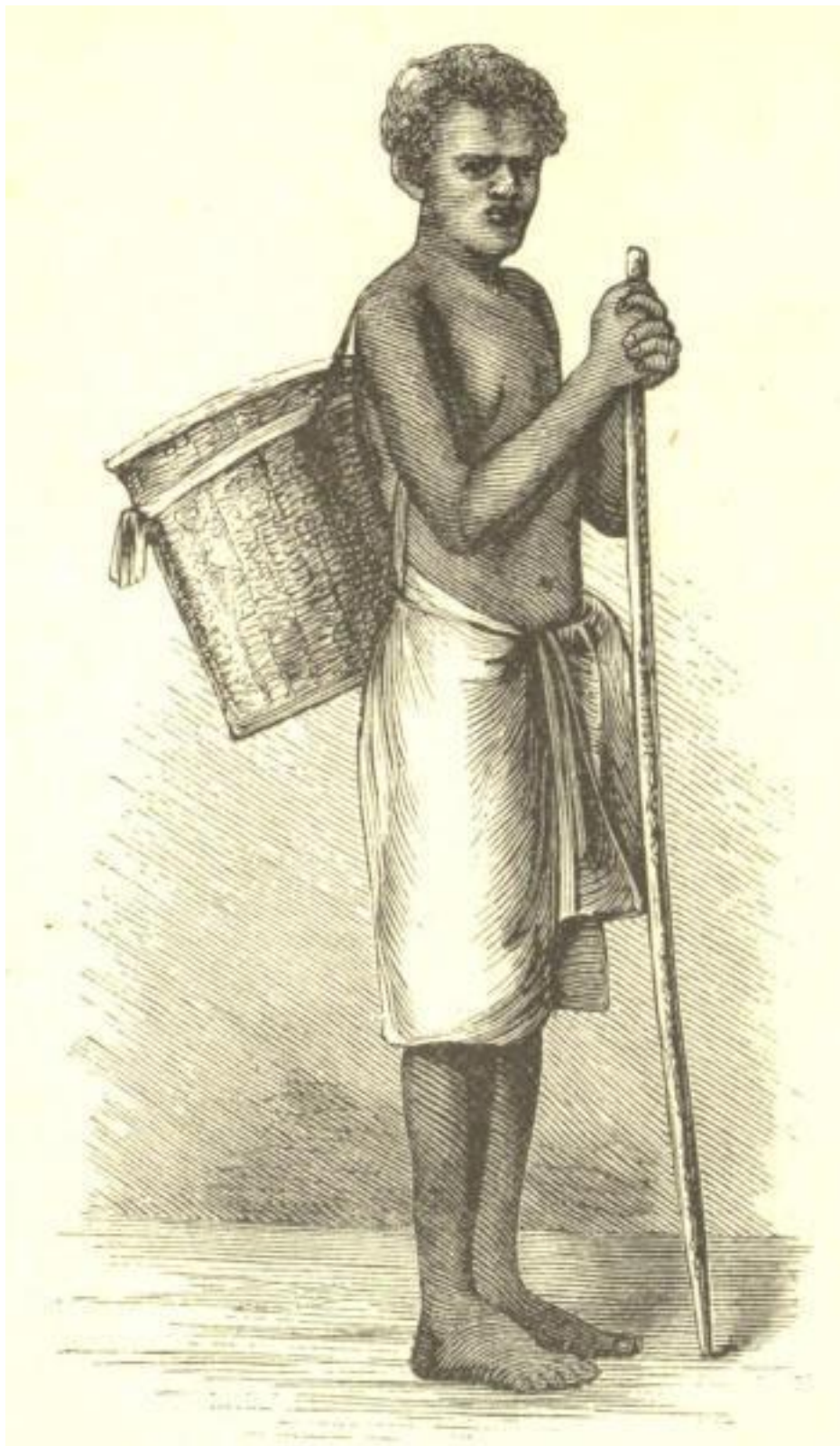

Рис. 29.- Дравидийский человек-холм (по Фрайеру).

В Австралии, на этом огромном острове-континенте, растения и животные которого не принадлежат Азии, а кажутся выжившими в давно прошедшем периоде истории Земли, живет немногочисленная популяция бродячих дикарей, резко отличающаяся от чернокожих жителей Новой Гвинеи на севере и Тасмании на юге. Австралийцев с кожей темного шоколадного цвета можно рассматривать как особый тип смуглой расы человека. Хотя их череп узкий и прогнатический, как у негров, он отличается от них в особых точках, о которых уже упоминалось

(стр. 60), и, более того, имеет особенности, которые совершенно точно отличают его от черепов других рас. На портретах австралийцев, [рис. 26, 27, 28](#), можно заметить тяжелые брови и выступающие челюсти, широкий, но не плоский нос, полные губы и вьющиеся, но не шерстяные черные волосы. Если посмотреть на карту мира, чтобы узнать, где в следующий раз появятся коричневые расы, то авторитетные специалисты определяют одну из них на континенте Индии. Там горные племена представляют собой тип старых обитателей южной и центральной Индии до завоевания арийцами-индусами, и в чистом виде проявляются в племенах, почти не обрабатывающих землю, а ведущих дикий образ жизни в джунглях, в то время как огромная масса, более смешанная по расе с индусами, под влиянием которых они находились на протяжении веков, сейчас образует великие дравидийские народы юга, такие как тамилы и телугу. На [рис. 29](#) изображен один из самых грубых дравидов из лесов Траванкора. Еще дальше на запад, в Африке, как полагают, можно выделить смуглую расу, которая прослеживается в нубийских племенах и менее отчетливо - в берберях Алжира и Туниса. Если это так, то к этой расе, по-видимому, в основном принадлежали древние египтяне, хотя и смешанные с азиатами, которые с далекой древности пришли через сирийскую границу. На рисунках египтян (как в гл. IX-XI) глаза должны быть поставлены в профиль, а тело окрашено в красновато-коричневый цвет, чтобы представить нам эту расу. Никто не чувствовал сильнее, чем египтянин из древних Фив, что среди главных различий между расами человечества были цвет лица и черты, которые отделяли его от эфиопа, с одной стороны, и ассирийца или израильянина - с другой.

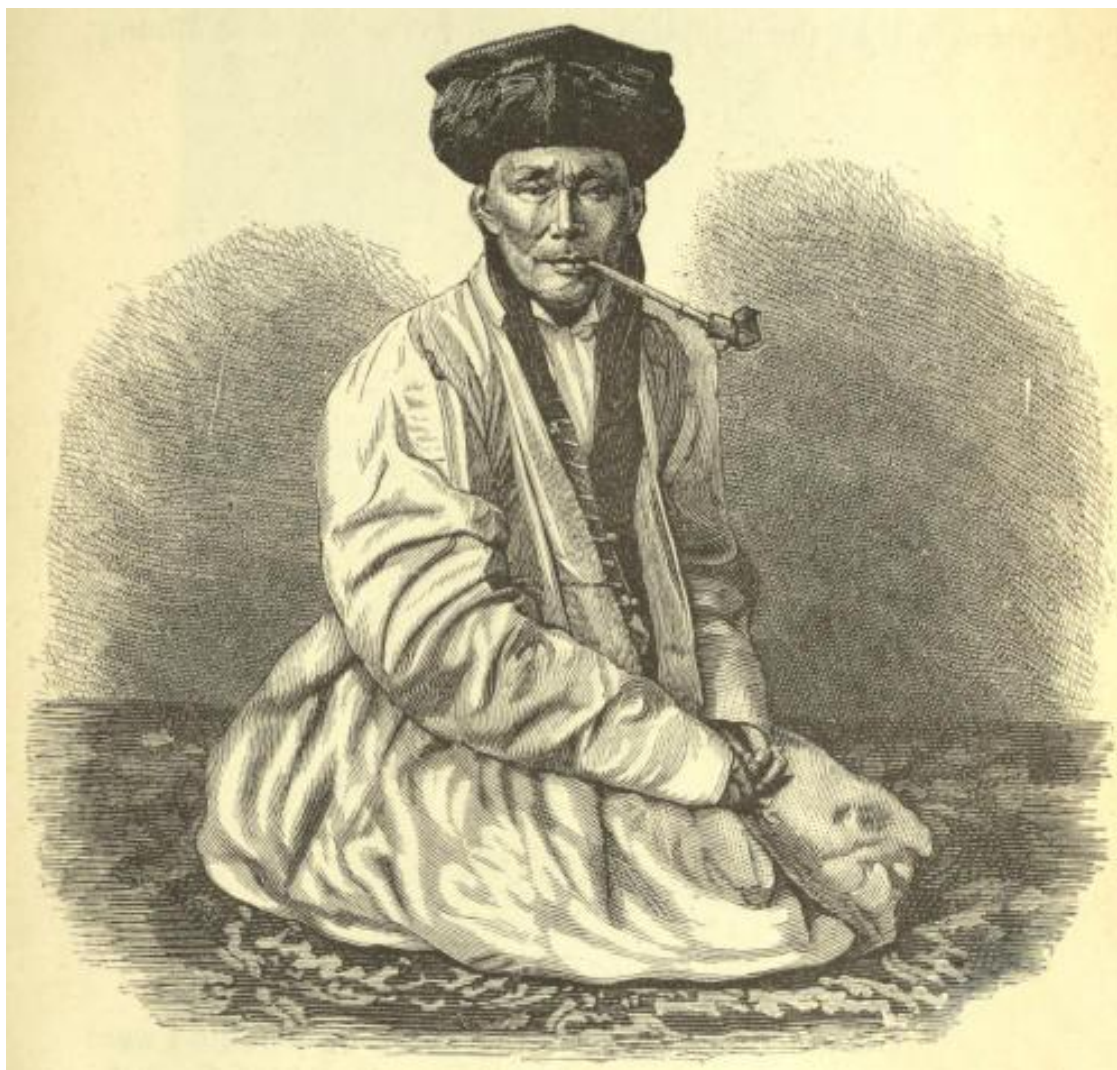

Рис. 30.- Калмук (по Голдсмиду).

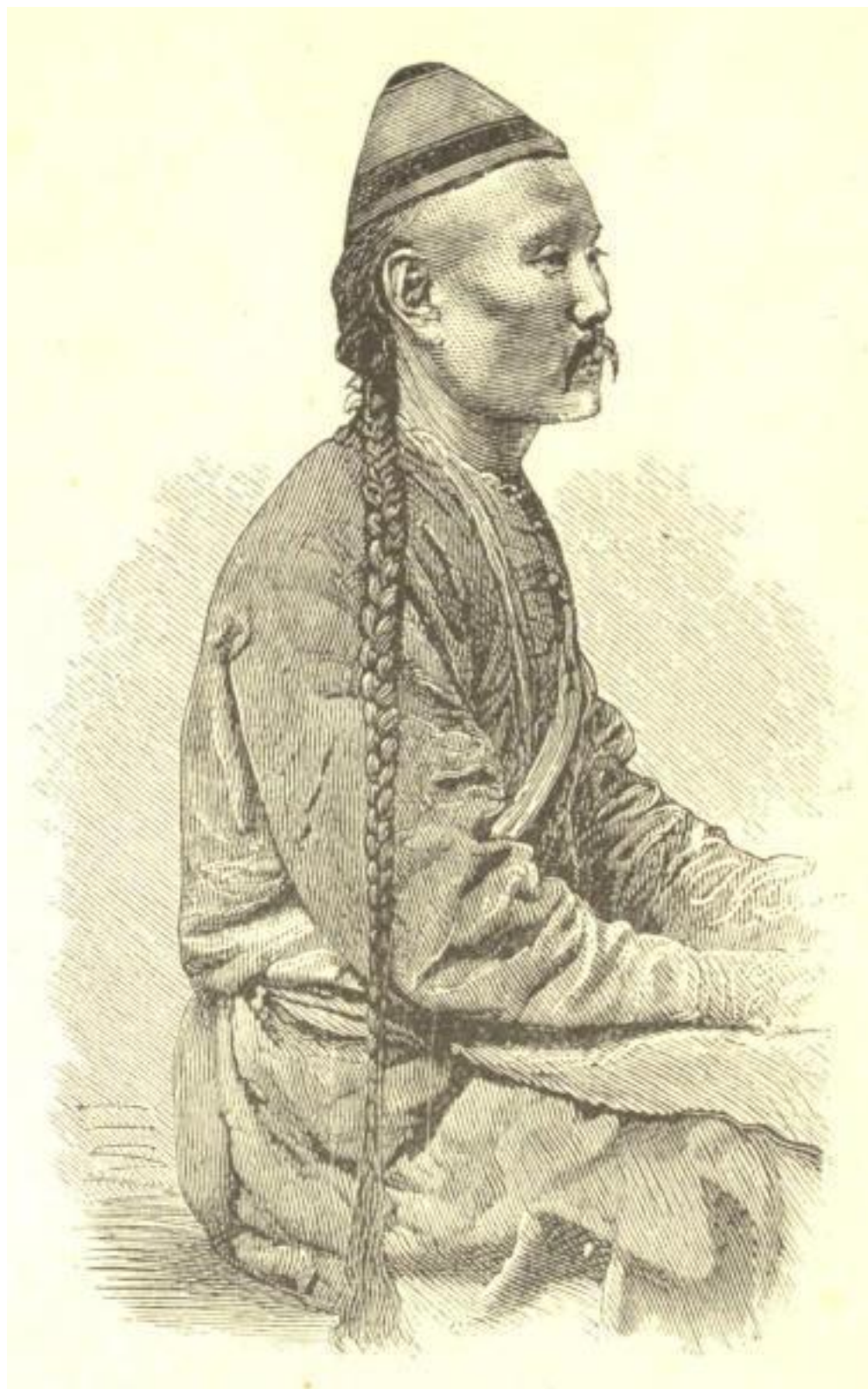

Рис. 31.- Гольды (Амур).

Рис. 32.- Сиамские актрисы.

Если обратиться к другому региону мира, то монголоидный тип человека имеет своих наиболее ярких представителей на просторах степей северной Азии. Кожа у них коричневато-желтая, волосы на голове черные, грубые и длинные, а на лице - скудные. Их череп характеризуется широтой, выступанием скул и передним положением внешнего края орбит, что, как и незначительность надбровных дуг, косое отверстие глаз и курносый нос, можно увидеть на [рис. 30 и 31](#), а также на [рис. 12 d](#). Монголоидная раса огромна по ареалу и численности. Великие народы Юго-Восточной Азии демонстрируют свою связь с ней в знакомом цвете лица и чертах китайцев и японцев. На [рис. 32, 33, 34](#) представлены портреты из Сиам, Кочин-Китая и Кореи. В своих широких миграциях по миру монголоид, благодаря смене климата и жизни, а еще дальше - благодаря браку с другими расами, все больше и больше теряет свои особые черты. Так происходит на юго-востоке, где в Китае и Японии уменьшается характерная широта черепа. В Европе, куда из глубокой древности хлынули орды татарской расы, их потомки часто сохраняли в своих языках, таких как венгерский и финский, более четкие следы своей азиатской родины, чем

это можно сделать в их нынешних типах лица и черт. Тем не менее, финны, [рис. 35 и 36](#), не утратили расовых различий, которые отличают их от шведов, среди которых они живут, а низкорослые саамы демонстрируют некоторое сходство со своими сибирскими сородичами, которые, как и они, бродят со своими оленями по арктическим просторам.

Рис. 33.- Кочинцы-китайцы.

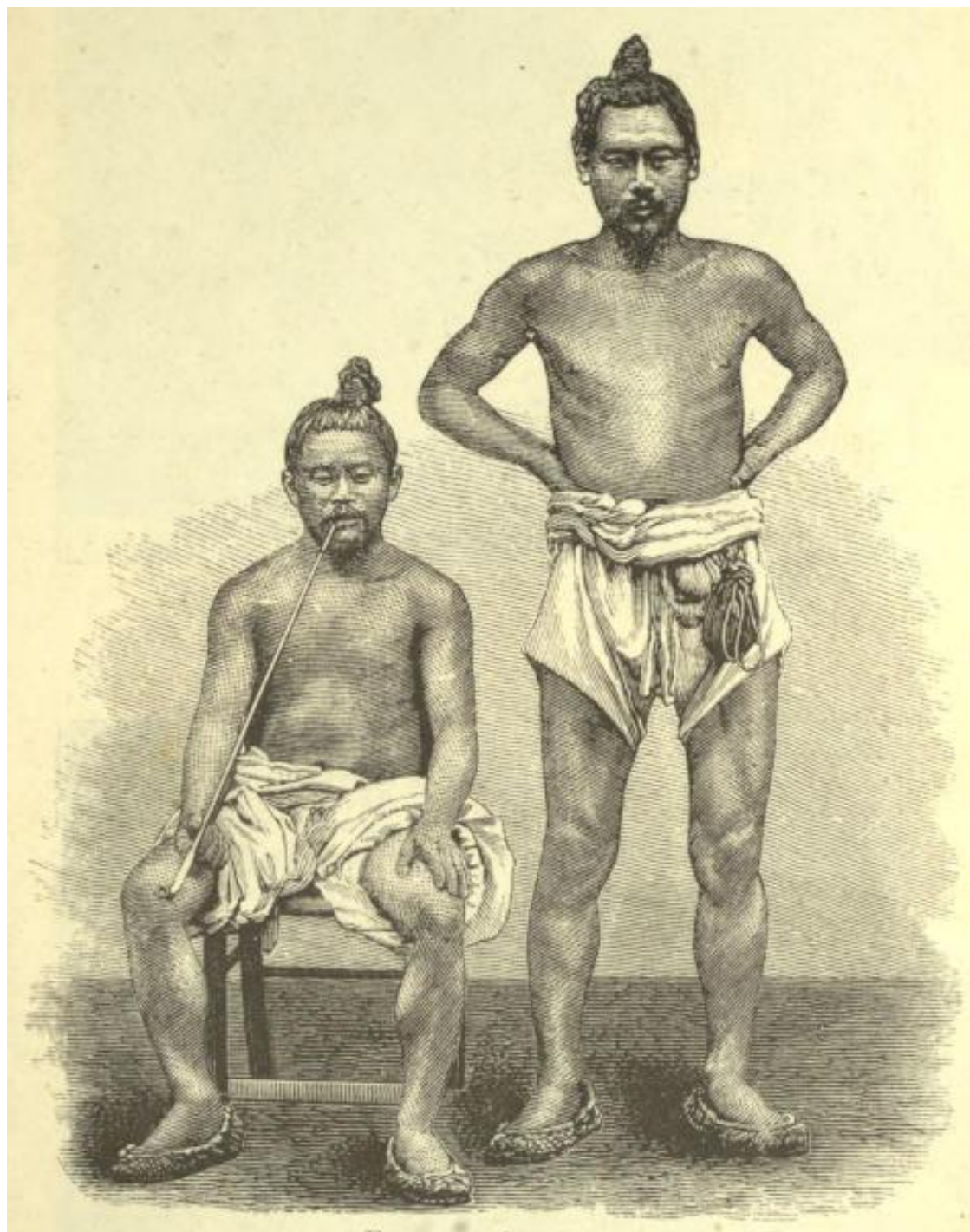

Рис. 34.- Корейцы.

Рис. 35.- Финны (человек).

Рис. 36.- Финны (женщина).

Рис. 37.- Малайцы.

Рис. 38.- Малайцы.

Если продолжить изучение рас мира, то проблема становится еще более туманной. На Малайском полуострове, в крайнем юго-восточном углу Азии, появляются первые представители малайской расы, по-видимому, отдаленной ветви монголоидной, которая распространена на Суматре, Яве и других островах Восточного архипелага. На рис. 37 и 38 представлены портреты более цивилизованных малайцев, а на рис. 39 - даяков с острова Борнео, которые представляют расу в более диком и, возможно, менее смешанном состоянии. От Малайского архипелага в Тихий океан простираются островные хребты сначала Микронезии, а затем Полинезии, пока мы не достигнем острова Пасхи на востоке и Новой Зеландии на юге. Микронезийцы и полинезийцы имеют сходство с малайцами по языку и в большей или меньшей степени по телосложению. Но они не являются собственно малайцами, и среди них встречаются высокие лица, узкие носы и маленькие рты, которые напоминают нам европейское лицо, как у микронезийца, рис. 40, который стоит здесь, чтобы представить эту разнообразную группу народов. Маори еще дальше от чистых малайцев, что видно по их более курчавым волосам, часто выдающимся и даже аквильным носам. Кажется вероятным, что азиатская раса, близкородственная малайцам, могла распространиться по островам Южных морей, изменив свой особый тип путем скрещивания со смуглыми меланезийцами, так что теперь население разных островных групп часто сильно

различается по внешнему виду. Эта раса мореплавателей даже попала на Мадагаскар, где их потомки более или менее смешались с населением африканского континента.

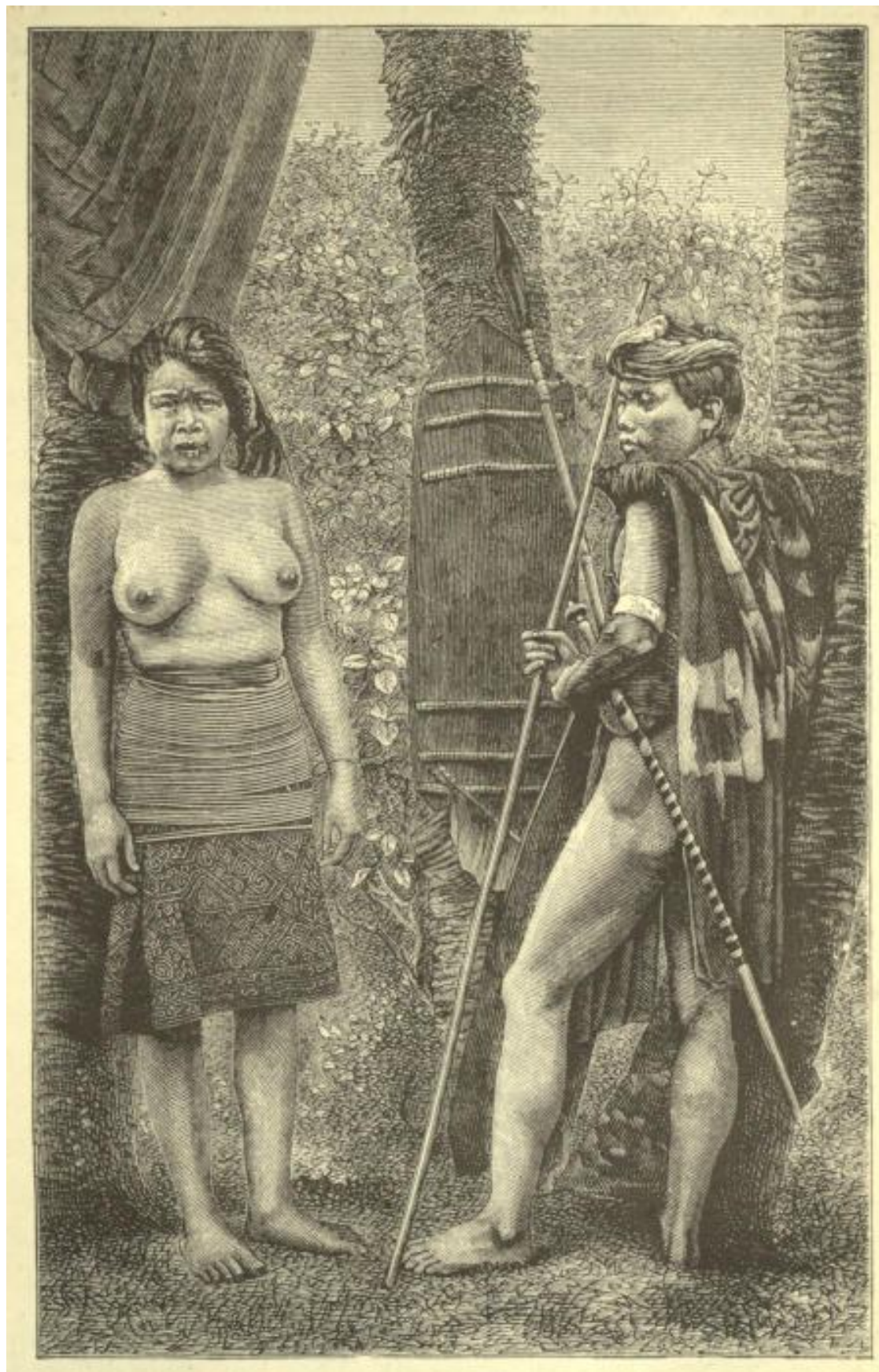

Рис. 39.- Даяки.

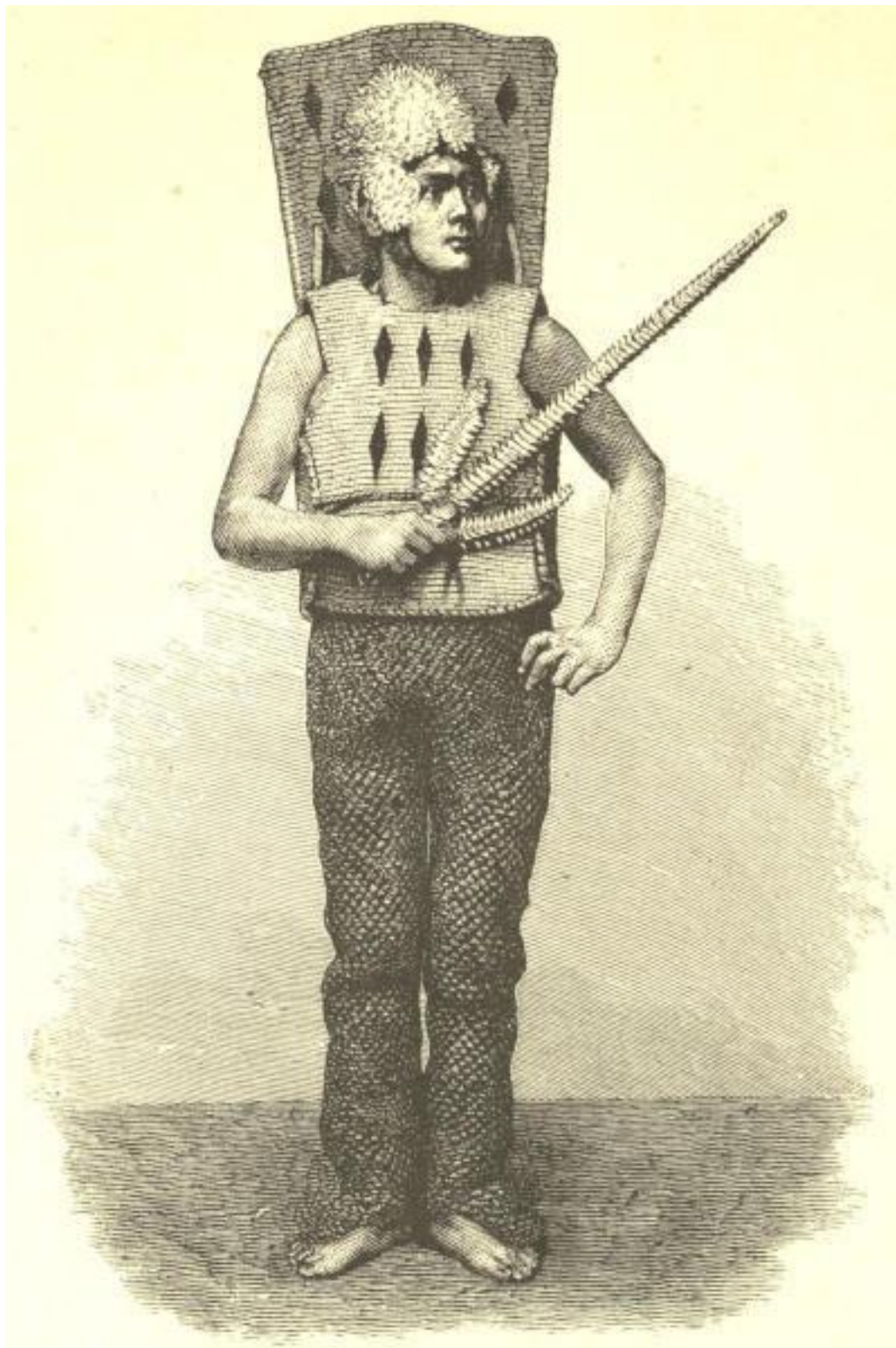

Рис. 40.- Островитяне Кингсмилла.

Обращаясь теперь к двойному континенту Америки, мы обнаруживаем, что в этом Новом Свете проблема расы значительно отличается от проблемы Старого Света. Путешественник, который пересечет Землю от Новой Земли до мыса Доброй Надежды или Земли Ван Демена,

обнаружит в различных климатических условиях различные ярко выраженные виды людей - белых, желтых, коричневых и черных. Но если бы Колумб обследовал Америку от Арктики до Антарктики, он не нашел бы такого крайнего сходства в ее жителях. Если не считать европейцев и африканцев, нахлынувших сюда с пятнадцатого века, коренные жители Америки в целом могут быть, как часто говорят, одной расы. Не то чтобы все они были похожи друг на друга, но их различия в росте, форме черепа, чертах лица и цвете кожи, хотя значительны, кажутся вариациями второстепенного рода. Это не так, как если бы несколько рас сформировали каждый свой тип в своем регионе, но как если бы страна была заселена мигрирующими племенами готовой расы, которым нужно было только распространиться и акклиматизироваться в тропических и умеренных зонах, как это сделали европейские лошади со времен Колумба, и менее совершенными сами белые люди. Раса, к которой большинство антропологов относят коренных американцев, - это монголоиды Восточной Азии, способные приспосабливаться к самым экстремальным климатическим условиям, а по форме черепа, светло-коричневой коже, прямым черным волосам и черным глазам демонстрирующие значительное сходство с американскими племенами. На рис. 41 и 42 представлены дикие охотничьи племена Северной Америки в одной из лучших форм, существующих в настоящее время, - индейцы Колорадо, а на рис. 43 индейцы Кауиксана могут служить примером грубых и неповоротливых лесных людей Бразилии. Хотя племена Америки и Азии, таким образом, могут принадлежать к одному первоначальному роду, мы должны с осторожностью относиться к теориям относительно океанских и островных путей, по которым азиаты могли мигрировать в Новый Свет. Вполне вероятно, что человек появился там, как и в Старом Свете, в более ранний геологический период, чем нынешний, так что первые родственные связи между монголами и североамериканскими индейцами могут восходить к тому времени, когда между ними не было океана. Что похоже на более позднюю связь между двумя континентами, так это то, что низкорослые эскимосы с их узкими черепами с крышами могут быть ответвлением японского племени, в то время как есть признаки того, что сравнительно цивилизованные мексиканцы и перуанцы в какой-то мере получили искусство и идеи от азиатских народов.

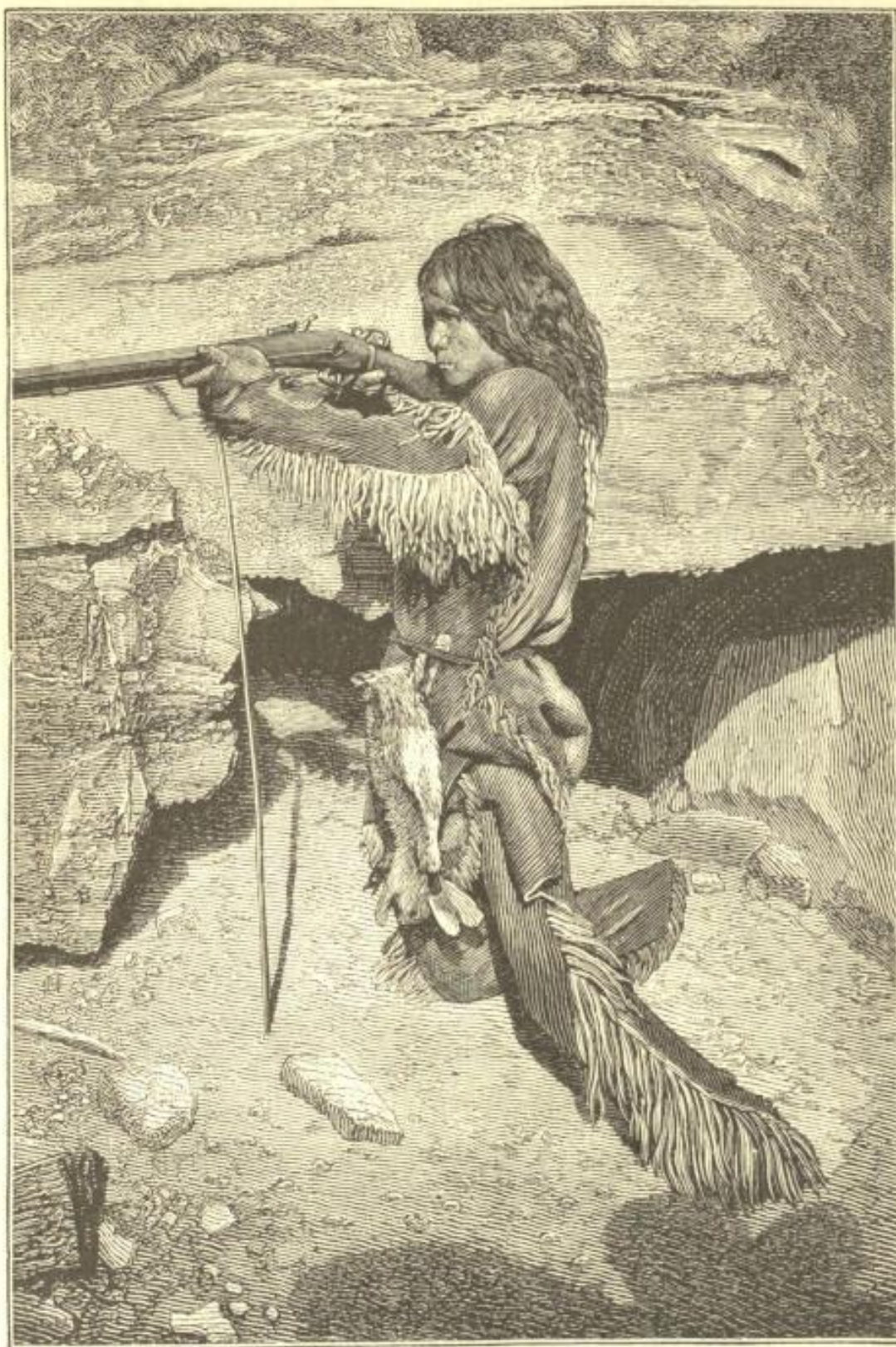

Рис. 41.- Индеец Колорадо (Северная Америка).

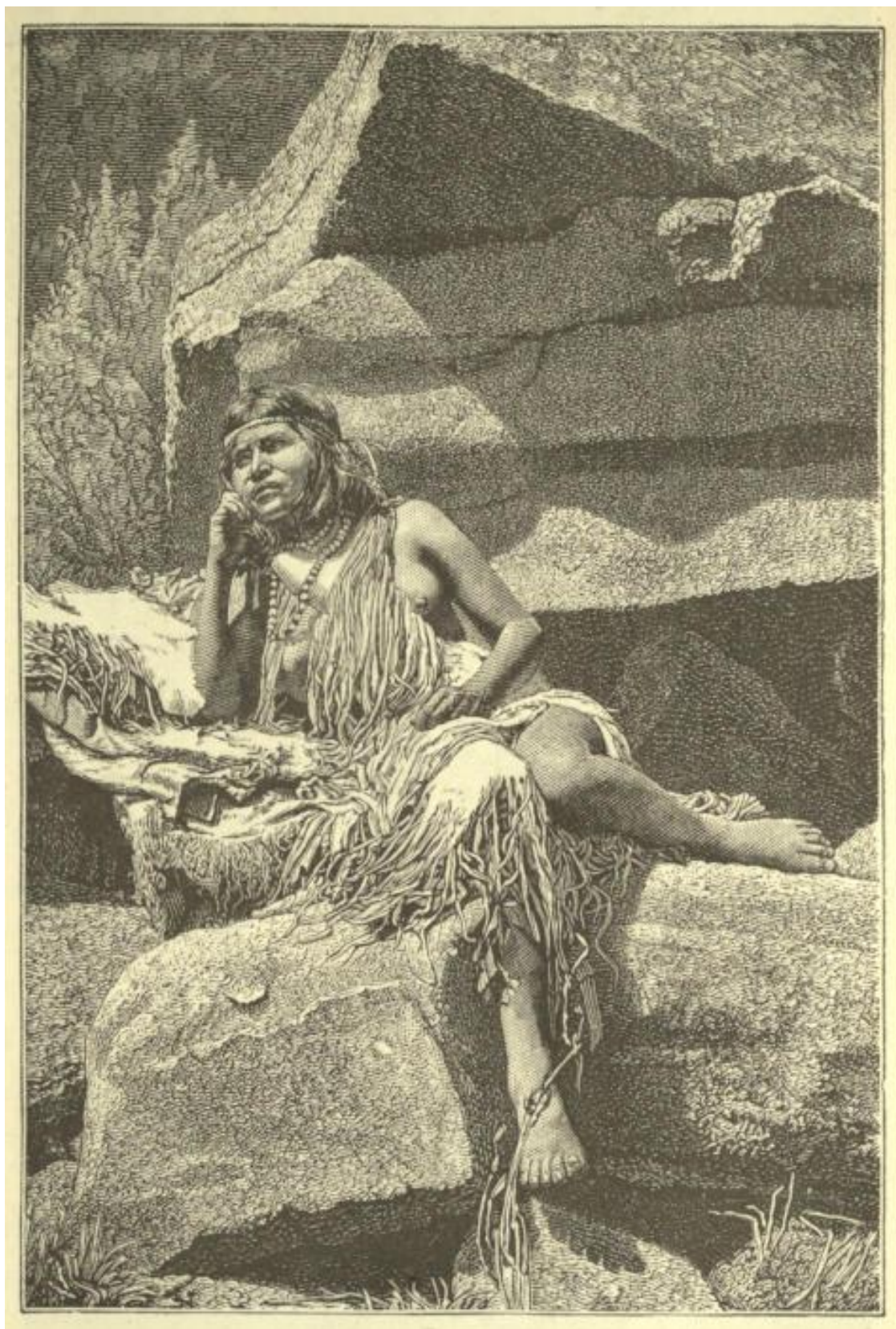

Рис. 42.- Индеец Колорадо (Северная Америка).

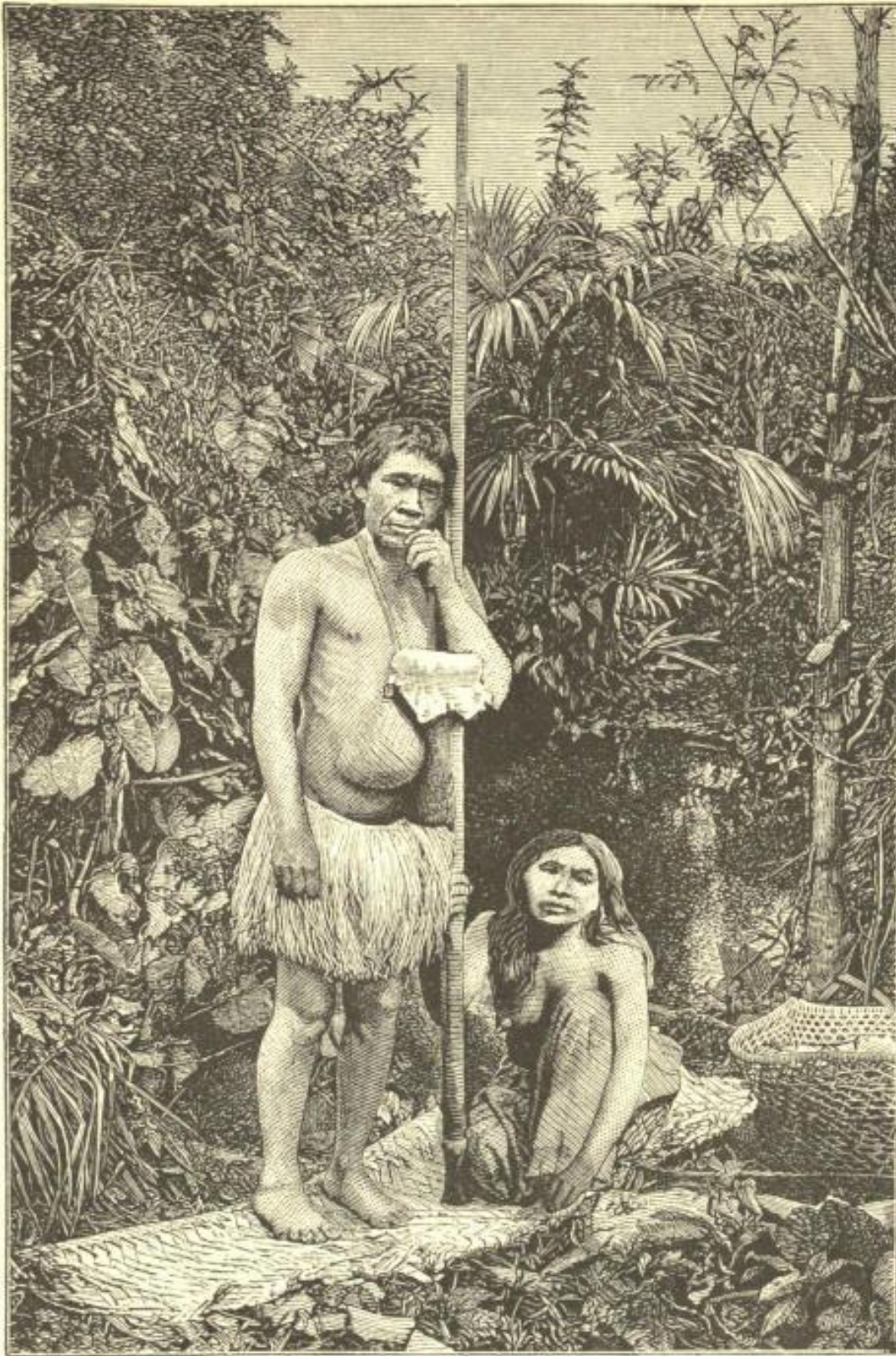

Рис. 43.- Индейцы Кауиксана (Южная Америка).

Последними мы подошли к белым людям, чьи нации на протяжении всей истории все больше и больше доминируют интеллектуально, морально и политически на земле. Хотя обычно о них говорят как об одной разновидности человечества, очевидно, что они не являются единой расой, а представляют собой разнообразное и смешанное население. Это шаг к их классификации, чтобы разделить их на два больших подразделения - темно-белых и

светло-белых (melanochroi, xanthochroi). До нас дошли древние портреты темно-белых народов, таких как ассирийцы, финикийцы, персы, греки, римляне; а если рядом с ними поместить современных, таких как андалузцы, темные валлийцы или бретонцы, выходцы с Кавказа, то станет очевидно, что сходство, проходящее через все это, может быть только в широких и общих чертах. У них смуглая или коричневатая-белая кожа, черные или темно-карие глаза, черные волосы, в основном волнистые или вьющиеся; черепа сильно различаются по пропорциям, хотя редко бывают очень широкими или узкими, а профиль прямой, нос прямой или аквилинный, губы менее полные, чем у других рас. Скорее для формы, чем для реального типа темно-белых, на [рис. 44](#) показана группа грузин. Напротив них на [рис. 45](#) изображена группа шведов, несколько лучше представляющая светло-белых, чью прозрачную кожу, льняные волосы и голубые глаза можно увидеть в Англии так же, хотя и не так часто, как в Скандинавии или Северной Германии. Самое раннее зафиксированное появление светлокожих, возможно, относится к картинам, где египетские художники изображают с желтовато-белой кожей и голубыми глазами некоторых уроженцев Северной Африки - района, где до сих пор известны остатки светловолосых племен. Эти светлые ливийцы, а также светлые рыжеволосые люди, которые появляются в Сирии и известны нам как тип евреев, возможно, связаны по расе со светлыми народами, которые уже были расселены по северу Европы, когда классические авторы начали рассказывать о ее варварских жителях, от готов на север до обитателей Туле. В результате смешения темных и светлых народов, которое происходило с тех давних времен, появилось множество разновидностей смуглых людей, от светлых до темных по цвету лица. Но что касается происхождения и первой родины светлых и темных рас, то здесь трудно составить мнение. Язык многое дает для прослеживания ранней истории белых народов, но он не проясняет трудности разделения светло-белых и темно-белых. Оба рода жили, объединенные национальным языком, как в наши дни на немецком говорят светлые ганноверцы и темные австрийцы. Среди кельтских народов шотландские горцы часто напоминают высоких рыжеволосых галлов, описанных в классической истории, но есть также отрывки, доказывающие, что тогда существовали и более мелкие темные кельты, такие как современные валлийцы и бретонцы. В качестве помощи в разрешении этой проблемы, которая так влияет на нашу собственную родословную, Хаксли предполагает, что светло-белые были первоначальным фондом, и что их скрещивание с коричневыми расами дальнего юга могло дать начало различным видам темно-белых. Как бы то ни было, такое смешение белой и коричневой рас, похоже, действительно в значительной степени сформировало население стран, где они встречаются. Мавры Северной Африки и многие так называемые арабы, которые темнее белых людей, могут быть объяснены таким образом. Так, в Индии миллионы людей, говорящих на индусских языках, своим цветом кожи показывают, что их раса смешана между арийскими завоевателями этой земли и ее более темными коренными жителями. Поучительный пример такого сочетания можно увидеть на примере цыган, странников из низших каст, которые нашли свой путь из Индии и распространились по Европе не так много веков назад. [Рис. 46](#). Цыганка из Валахии представляет собой благоприятный тип этих последних выходцев с Востока, чей ломаный индуистский диалект показывает, что часть их предков происходит от наших арийских праотцов, а их цвет лица, самый смуглый среди населения нашей страны, также указывает на принадлежность к более темной зоне человеческого вида.

Рис. 44.- Грузины.

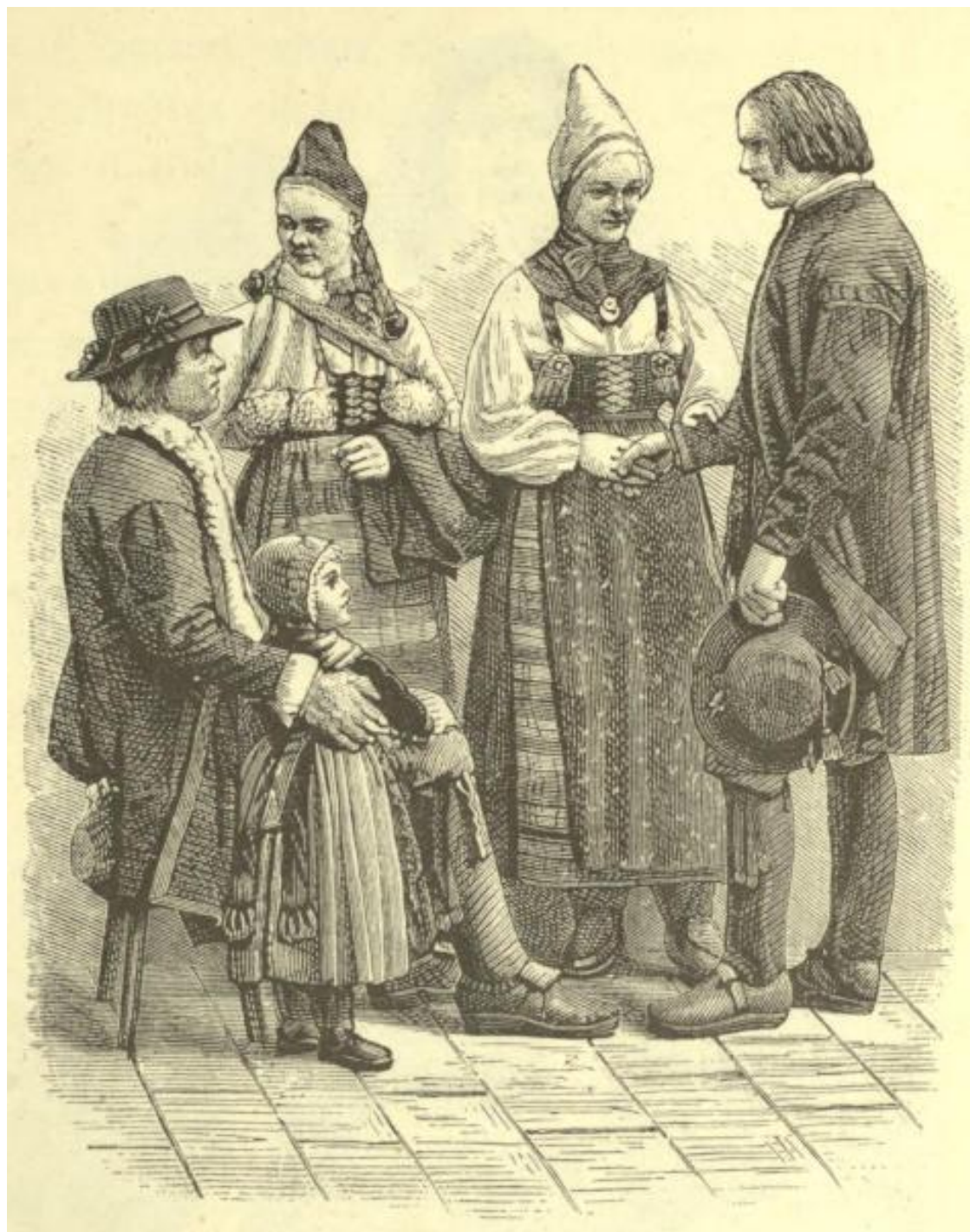

Рис. 45.- Шведы.

Рис. 46.-Цыгане.

Таким образом, выделить народы мира среди нескольких основных разновидностей человека и их сочетаний - задача, несмотря на всю ее сложность и неопределенность, выгодная. Но объяснить происхождение самих этих великих первичных разновидностей или рас, а также точно определить их ранние места обитания, при нынешней скудости фактов не представляется возможным. Если человек впервые появился в геологический период, когда распределение суши и моря и климат на Земле были не такими, как сейчас, то по обе стороны земного шара, за пределами нынешних тропических зон, существовали регионы, чье тепло и роскошная растительность благоприятствовали бы жизни человека, не нуждаясь в цивилизованных искусствах, и откуда последовательные волны населения могли

распространяться по более холодному климату. Возможно, было бы разумно представить себе в качестве самой поздней расы белую расу умеренного пояса, наименее способную переносить сильную жару или жить без приспособлений для культуры, но одаренную способностями к познанию и управлению, которые дают им возможность властвовать над миром.

ГЛАВА IV. ЯЗЫК.

Изготовление знаков, [114-жестовый язык](#), [114-звуковые жесты](#), [120-естественный язык](#), [122-выражения животных](#), [122-эмоциональные](#) и подражательные звуки в языке, [124-изменение звука и чувства](#), [127-другое](#) выражение чувства с помощью звука, [128-детские слова](#), [128-артикуляционный язык](#), его отношение к естественному языку, [129-происхождение языка](#), [130](#).

Люди могут общаться друг с другом различными способами. Они могут делать *жесты*, произносить *крики*, говорить *слова*, рисовать *картины*, писать *символы* или *буквы*. Это знаки разного рода, и чтобы понять, как они выполняют свою работу, давайте начнем с рассмотрения таких знаков, которые наиболее просты и естественны.

Когда по каким-либо причинам люди не могут общаться друг с другом на словах, они переходят на общение с помощью жестов, что называется немым шоу или пантомимой. Каждый читатель этой книги с детства умел вести беседу таким образом, более или менее ловко. Представьте себе простой случай. Мальчик открывает дверь в гостиную, сидящий там брат призывает его не шуметь, так как отец спит; мальчик знаками показывает, что он пришел за ключом от шкатулки, на что брат отвечает другими знаками, что он в кармане его пальто, висящего в прихожей, и в заключение многозначительным жестом приказывает ему уйти и тихо закрывает за ним дверь. Это и есть *язык жестов* в том виде, в каком мы все его знаем. Но чтобы увидеть, до какого полного и точного средства общения он может быть доведен, следует понаблюдать за его использованием среди глухонемых, которым приходится так много от него зависеть. Чтобы дать представление о том, насколько жесты могут выполнять работу устной речи, можно описать знаки, которыми глухонемой человек однажды рассказывал детскую сказку в присутствии автора этой статьи. Он начал с того, что поднял руку ладонью вниз примерно на метр от земли, как мы делаем, чтобы показать рост ребенка, - это означало, что он думает именно о ребенке. Затем он завязал под подбородком воображаемую пару чепчиков (его обычный знак, обозначающий женщину), чтобы дать понять, что ребенок - маленькая девочка. Затем на сцену выводилась мать ребенка. Она подзывает ребенка и дает ему два пенса, на что указывает, делая вид, что пересыпает две монеты из одной руки в другую; если бы возникло сомнение, медные это или серебряные монеты, его разрешили бы, указав на что-то коричневое, или даже презрительной манерой обращения с медяками, которая сразу же отличает их от серебряных. Мать также дает ребенку кувшин, демонстрируя его форму указательными пальцами в воздухе и совершая акт передачи. Затем, имитируя безошибочный поворот ложки с патокой, дает понять, что это патока, которую ребенок должен купить. Затем взмахом руки показывают, что ребенок отправляется по своим делам, и добавляют обычный знак ходьбы, который делается двумя пальцами по столу. Поворот воображаемой дверной ручки приводит нас в магазин, где прилавок показывается путем проведения по нему плоскими ладонями, как . За прилавком

стоит фигура, которая показывается как мужчина обычным знаком - поднести руку к подбородку и провести ею вниз, где находится или должна находиться борода; затем знак повязывания фартука вокруг талии добавляет информацию о том, что этот мужчина - продавец. Ему ребенок отдает свою банку, опуская деньги в его руку и двигая указательным пальцем, как будто берет патоку, чтобы показать, что она хочет. Затем мы видим, как банку ставят на воображаемые весы, которые поднимаются и опускаются; с полки достают большую банку с патокой и наполняют маленькую, как следует закручивая, чтобы ухватить последнюю струйку; бакалейщик кладет две монеты в кассу, и девочка уходит с банкой. Далее глухонемой рассказчик в пантомиме показывал, как ребенок, взглянув на банку, увидел на ободке каплю патоки, вытер ее пальцем и положил палец в рот, как у нее возникло искушение взять еще, как мать уличила ее в этом по пятну патоки на сарафане и так далее.

Ученик, желающий освоить принципы языка, найдет этот жестовый разговор настолько поучительным, что будет нелишним объяснить его работу подробнее. Используемые знаки бывают двух видов. В первом случае показываются реально существующие вещи. Так, если глухонемой хочет сказать "рука" или "ботинок", он прикасается к своей руке или ботинку. Там, где говорящий человек сказал бы "я", "ты", "он", глухонемой просто указывает на себя и других людей. Чтобы выразить "красный" или "синий", он прикасается к внутренней стороне губы или указывает на небо. Во втором типе знаков идеи передаются с помощью подражания. Так, притворство может означать "вода", "пить" или "хочу пить". Положить щеку на руку означает "спать" или "пора спать". Значительный рывок рукой с кнутом означает либо "кнут", либо "кучер", либо "ехать", в зависимости от ситуации. На "люцифера" указывает притворное чирканье спичкой, а на "свечу" - поднятие указательного пальца как свечу и притворное ее задувание. Также в языке жестов можно имитировать симптомы нрава, в котором находится человек, и таким образом превращать их в признаки того же нрава у других. Так, дрожь становится выразительным знаком "холода"; улыбка показывает "радость", "одобрение", "добро", а хмурый взгляд - "гнев", "неодобрение", "плохо". Может показаться, что такие разные значения одного знака могут сбить с толку, но есть способ исправить это, поскольку, когда один знак не проясняет смысл, в дело вступают другие, дополняющие его. Так, если кто-то хочет выразить "ручку", может оказаться недостаточным сделать вид, что пишет ею, поскольку это может означать "письмо" или "буква", но если затем сделать вид, что вытирает и держит ручку, это даст понять, что имеется в виду сама ручка.

Описанные выше знаки являются самовыразительными, то есть их значение очевидно на первый взгляд или, во всяком случае, может быть понято незнакомым человеком, наблюдающим за их использованием. Из таких самовыразительных или естественных знаков в основном и состоит жестовый язык. Но там, где глухонемые живут вместе, среди них появляются знаки, которые посторонний человек вряд ли сможет разобрать, пока ему не объяснят, как они возникли. Например, они называют друг друга по прозвищам, как в случае, когда к мальчику обращаются по знаку "шитье", который, как выясняется, был дан ему потому, что его отец был портным. Такие знаки могут быть очень надуманными; например, в Берлинском институте для глухонемых знак "отрубить голову" означает француза, и при расследовании выясняется, что дети, пораженные чтением о смерти Людовика XVI в учебнике истории, закрепили это как знак-имя для всей нации. Но любому новому ребенку, который выучил эти знаки, не зная, почему они были выбраны, они показались бы искусственными.

Помимо изучения жестового языка среди глухонемых, самый совершенный способ понять его принципы - это использование его людьми, которые могут говорить, но не понимают

языка друг друга. Так, знаменитые языки жестов в американских прериях, на которых общаются охотничьи компании белых и туземцев, и даже индейцы разных племен, являются лишь диалектами (так сказать) жестового языка. Так, "вода" выражается притворным зачерпыванием воды в руку и ее питьем, "олень" - прикладыванием больших пальцев к вискам и раздвиганием пальцев. Знаки отдельных племен отличаются большим разнообразием, но подобный способ общения настолько естественен во всем мире, что, когда таких необычных людей, как лапландцы, привозили на выставку в наши большие города, они утешались в своем одиночестве встречами с глухонемыми детьми, с которыми сразу же с удовольствием общались на универсальном языке знаков. Знаки, которые можно понять таким образом, должны быть естественного самовыражения. Однако и здесь встречаются знаки, которые посторонний человек мог бы принять за искусственные, пока не узнал бы, что это старые знаки, утратившие свой некогда ясный смысл. Так, североамериканский знак, означающий "собака", заключается в том, чтобы провести двумя первыми пальцами по земле, как по жердям. Этот бессмысленный на первый взгляд знак на самом деле относится к тем временам, когда у индейцев было мало лошадей, и они прикрепляли шесты для палаток к собакам, чтобы те перетаскивали их с места на место; хотя собакам больше не приходится это делать, обычай сохраняет этот знак.

Следует заметить, что жестовый язык ни в каком случае не совпадает, знак за словом, с нашим разговорным языком. Одна из причин заключается в том, что в нем так мало возможностей для выражения абстрактных идей. Глухонемой может показать конкретные способы изготовления вещей, например, построить стену или выкроить пальто, но ему не под силу сделать один знак, который бы отражал то, что является общим для всех этих вещей, как мы используем абстрактный термин "делать". Даже "входить" и "выходить" приходится выражать каким-то неуклюжим способом, делая вид, что вставляешь вещь, о которой говоришь, и вынимаешь ее. Далее давайте сравним английское предложение со знаками, с помощью которых тот же смысл был бы выражен среди глухонемых. Сразу станет ясно, что многие слова, которые мы используем, вообще не имеют соответствующих им знаков. Так, когда мы говорим: "Шляпа, которую я оставил на столе, черная", - это утверждение можно практически передать жестами, и для того, что мы можем назвать "настоящими" словами, такими как *шляпа, оставить, черный*, будут существовать знаки. Но для тех слов, которые можно назвать "грамматическими": *the, which, is*, - знаков не будет, поскольку в жестовом языке их нет. Опять же, грамматики устанавливают различия между субстантивами, прилагательными и глаголами. Но этих различий нет в жестовом языке, где указание на участок травы может означать "трава" или "зеленый", а притворное согревание рук - "тепло" или "согреться", или даже "камин". В жестовом языке также нет ничего (за исключением тех случаев, когда учителя привносят искусственные знаки), что соответствовало бы инфлексиям слов, например, отличить *goest* от *go*, *him* от *he*, *domum* от *domus*. Все, что делается, - это вызывает в сознании зрителей картину, сначала задавая нечто, о чем нужно подумать, а затем дополняя или действуя в соответствии с этим, пока не будет рассказана вся история. Если знаки не следуют в таком порядке, чтобы нести смысл по ходу действия, зритель будет в недоумении. Так, чтобы донести до глухонемого ребенка мысль о зеленой коробке, нужно сначала сделать знак "коробка", а затем показать, указывая на траву снаружи, что ее цвет - "зеленый". Правильный жест-синтакс - "коробка зеленая", и если бы этот порядок был обратным, как это происходит в английском языке, ребенок мог бы не понять, какое отношение трава имеет к коробке. Такое предложение, как английское "кошки убивают мышей", не согласуется с порядком знаков глухонемого, которые начинаются с показа бега крошечной мышки, затем кошки с ее гладкой шерстью и усами, и, наконец, кошки, набрасывающейся на мышку - как бы "мышку убивает кошку".

Из этого рассказа о языке жестов читателю станет ясно, какими простыми и разумными способами человек может выражать свои мысли в видимых знаках. Следующим шагом будет демонстрация работы другого вида знаков, а именно звуков человеческого голоса в языке. Звуки голоса могут использоваться в качестве знаков, выражающих наши чувства и мысли, по тем же принципам, что и жесты, только они не видны, а слышны.

Одним из видов звуков, используемых людьми в качестве знаков, являются эмоциональные крики или тоны. Люди показывают боль, произнося стоны, а также искажая лицо; радость выражают криками, а также прыжками; когда мы смеемся вслух, голос и черты лица идеально сочетаются. Такие звуки - это жесты, производимые голосом, звукожесты, и к этому классу относится большинство так называемых междометий. С помощью таких возгласов и тонов можно с удивительной точностью показать даже сложную температуру сочувствия, жалости или досады. Пусть любой человек наденет на себя смеющееся, усмехающееся или перекошенное лицо, а затем заговорит, он может заметить, как за этим последует его тон голоса; отношение черт, принадлежащих каждому конкретному нраву, действует непосредственно на голос, особенно влияя на музыкальное качество гласных. Таким образом, тон говорящего становится признаком эмоций, которые он испытывает или притворяется, что испытывает. О том, что этот способ выражения на самом деле музыкальный, свидетельствует его имитация на скрипке, которая, изменяя качество тона, может переходить от боли к радости. Человеческий голос использует и другие средства выражения, присущие музыке, такие как контраст низкого и громкого, медленного и быстрого, нежного и яростного, а также изменения высоты тона, то повышаясь в шкале, то понижаясь. Оратор, умело управляя этими разнообразными средствами, может перенестись в сознание слушателя через настроения мягкого томления и внезапного удивления, живого движения бодрости, переходящего в неистовую радость, вспышки бурной ярости, постепенно затихающей до спокойствия. Мы все умеем это делать, более того, мы делаем это, не обращая внимания на смысл используемых слов, ведь эмоции можно выразить и даже деликатно оттенить, произнося просто бессмысленные слоги. Например, слова итальянской оперы в Англии для значительной части публики - просто бессмысленные слоги, служащие средством музыкальной и эмоциональной экспрессии. Очевидно, что такого рода высказывания должны быть понятны всему человечеству, на каком бы языке оно ни говорило. Так оно и есть, ведь самые дикие и диковатые племена умеют с помощью таких междометий, как *ах!* *ох!* выражать своим тоном такие чувства, как удивление, боль, мольба, угроза, презрение, и они понимают не хуже нас рычащее "*ур-р-р!*" гнева или "*пух!*" презрения.

Следующий класс звуков, используемых в качестве выразительных знаков, - подражательные. Как глухонемой ребенок выражает представление о кошке, подражая тому, как это существо умывает мордочку, так и говорящий ребенок будет обозначать ее, подражая ее *мяу*. Если двое детей хотят показать, что они думают о часах, немой покажет рукой, как качается маятник, а говорящий скажет "*тик-так*". И здесь звуки - это жесты, производимые голосом, или звуко-жесты. Таким образом, бесконечное множество предметов и действий можно вызвать в памяти, имитируя их соответствующие звуки. Такие вокальные имитации не только нравятся детям, но и вошли в обычный язык, когда люди говорят о *ворковании* голубя, "*хи-хау*" осла, "*динь-дон*" колокольчика и "*крыса-тат*" стука. Нет нужды говорить, что эти способы выражения понятны человечеству во всем мире.

Теперь, соединив жесты-действия и жесты-звуки, они образуют то, что можно назвать естественным языком. Этот естественный язык действительно существует, а в диких регионах даже имеет определенную практическую ценность, как, например, когда

европейский путешественник переходит на него, чтобы поговорить с австралийцами у костра или с монгольской семьей в их войлочной палатке. Все, что ему нужно делать, - это изображать свои самые выразительные мимические жесты, сопровождая их восклицаниями и звукоподражаниями. Таким образом, перед нами естественное средство общения, гораздо более полное, чем простая пантомима, состоящая только из жестов. Это общий язык всего человечества, проистекающий так непосредственно из человеческого разума, что он должен был принадлежать нашей расе с самых отдаленных времен и самых примитивных условий, в которых существовал человек.

Здесь возникает очень интересный вопрос, над которым каждый студент имеет возможность самостоятельно провести эксперимент. Насколько общение низших животных, их действия и звуки, похожи на этот естественный язык человека? Каждый, кто следит за поведением зверей и птиц, уверен, что многие из их движений и криков не являются посланиями друг другу, а всего лишь симптомами душевного состояния существа; например, когда ягнята резвятся на лугу, или нетерпеливые лошади бьют лапами в конюшне, или звери стонут, когда испытывают сильную боль. Животные делают это, не подозревая о присутствии других существ, подобно тому как человек, находящийся в комнате в одиночестве, сжимает кулаки в гневе, или стонет от боли, или громко смеется. Когда жесты и крики служат сигналами для других существ, они приближаются к настоящим знакам. Низшие животные, как и человек, делают жесты и крики, которые действуют как сигналы, воспринимаемые другими, как, например, когда лошади нежно покусывают друг друга, чтобы пригласить потереться, или кролики бьют по земле, и другие кролики отвечают, а птицы и звери явно зовут друг друга, особенно самцы и самки во время спаривания. Жесты и крики животных при разных обстоятельствах настолько различны, что по опыту мы почти наверняка знаем их значение. Человеческий язык не отвечает своей цели лучше, чем кудахтанье курицы, подзывающей своих цыплят, или яростный крик, которым бык, запрокинув голову, отпугивает собаку, оказавшуюся рядом с его загонем. Однако пока ни один наблюдатель не смог проследить работу разума даже у собаки, которая прыгает в поисках пищи и лает, чтобы ей открыли дверь. Трудно сказать, насколько разум собаки просто ассоциирует прыжки с тем, что ее кормят, а лай - с тем, что ее впускают, или насколько он формирует концепцию, подобную нашей, о том, что она делает и почему она это делает. Как бы то ни было, очевидно, что звери и птицы заходят так далеко в естественном языке, что делают и воспринимают жесты и крики как сигналы. Но разум собаки, кажется, не идет дальше этого, и хорошая имитация мяуканья заставляет ее искать кошку в комнате; в то время как ребенок может быстро понять, что няня, говорящая "мяу", имеет в виду какую-то кошку, которая даже не обязательно должна быть рядом. То есть маленький ребенок может понять то, что, как доказано, не приходило в голову самой умной собаке, слону или обезьяне, - что звук может использоваться в качестве обозначения мысли или идеи. Таким образом, хотя низшие животные разделяют с человеком зачатки естественного языка, они едва ли выходят за пределы его рудиментов, в то время как человеческий разум легко переходит к более высоким стадиям.

Описывая естественный язык жестов и восклицаний, мы до сих пор рассматривали его только в тех случаях, когда не было возможности использовать более совершенный язык. Теперь необходимо заметить, что его фрагменты встречаются среди обычного языка. Люди могут говорить на английском, китайском или чоктау, как на своем родном языке, но, тем не менее, они будут продолжать использовать выразительные жесты, междометия и подражания, которые принадлежат естественному языку. Матери и няни используют их, обучая маленьких детей думать и говорить. Нет нужды приводить примеры этого детского лепета, поскольку, если он уже не поразил умы наших читателей, они вряд ли станут с пользой изучать филологию. В разговоре взрослых людей самовыразительные или

естественные звуки становятся более скудными, но они реальны и безошибочны, как покажут следующие примеры.

Что касается жестов, то многие из них, постоянно используемые как у нас, так и у других народов, должны были передаваться из поколения в поколение с первобытных времен человечества, например, когда оратор склоняет голову, или поднимает руку с угрозой, или отталкивает от себя воображаемого нарушителя, или указывает на небо, или считает своих друзей или врагов по пальцам. Далее, что касается эмоциональных звуков, то их разнообразие действительно используется в каждом языке. В качестве примера можно привести несколько междометий, описанных в грамматиках:

- English-ah! oh! ugh! foh! ha! ha! tut! (t-t) sh!
- Санскрит - ахо! (удивление), аха! (упрек), эм! (досада).
- Малайский - эх! (триумф), уэх! (сострадание), чих! (неприязнь).
- Галла-о! Войо! (печаль), mêt! (мольба).
- Australian-näh! (удивление), роох! (презрение).

Что касается звукоподражательных слов, то все языки человечества, древние и современные, дикие и цивилизованные, содержат их в большей или меньшей степени, и любой английский ребенок может увидеть, как следующий набор животных и инструментов был назван по соответствующему звуку:...

- Осел = еō (египетский).
- Ворон = kâka (санскрит).
- Кошка = таи (китайский).
- Соловей = бульбуль (персидский).
- Удод = ирира (латинский).
- Гремучая змея = ши-ши-гва (алгонкин).
- Муха = бумбуру (австралийский).
- Барабан = дунду (санскрит).
- Флейта = улуле (галла).
- Свисток = пипит (малайский).
- Колокольчик = ква-лал-ква-лал (якама).
- Духовая трубка = паб (киче).
- Ружье = рунг (ботокудо).

Такие слова постоянно появляются в диалектах и сленге; например, английское *por* означает имбирное пиво; немецкое *gaggele* - яйцо, от крика курицы, когда она его снесла; французское "maître fifi" - мусорщик (как бы "мастер *фу-фу*"). Точно так же многие действия выражаются соответствующими звуками. Так, в бразильском языке текуна глагол чихнуть - *haitschu*, а в валлийском чихнуть - *tis*. В жаргоне чинуков выразительный звук *humt* означает "вонять", а "киш-киш" в языке водителей становится глаголом, означающим "гнать лошадей или скот". Можно даже найти целое предложение, составленное из подражательных слов, например, галла из Абиссинии, чтобы выразить "кузнец надувает мехи", говорит: *tumtun bufa bufti*, подобно тому как английский ребенок может сказать "тумтум надувает пыхтелку". Такие слова взяты непосредственно из природы, поэтому следует ожидать, что люди, говорящие на совершенно разных языках, иногда прибегают к почти одинаковым имитациям. Так, в

языке ибо в Западной Африке есть слово *okoko*, обозначающее птицу, которую мы называем петухом. Английские глаголы *to pat* и *to bang*, похоже, происходят от звукоподражания, то же самое можно встретить и в других языках; например, японцы говорят *pata-pata*, чтобы выразить звук хлопанья или хлопка, а негры йоруба имеют глагол *gbang*, *to beat*.

Студенты, чье внимание однажды будет направлено на этот класс самовыразительных слов, с первого взгляда заметят их в каждом новом языке, который они осваивают. Требуется более тщательное наблюдение, чтобы отследить их, когда звук был перенесен в процессе метафоры (т. е. переноса) в какое-то новое значение, не близкое к первоначальному смыслу, но есть много ярких случаев, из которых можно выбрать иллюстрации. На жаргоне чинуков западного побережья Америки таверна называется "*хихи-хаус*", и этот термин озадачивает иностранца, пока он не поймет, что среди людей, говорящих на этом любопытном диалекте, звукоподражательное слово "*хихи*" означает не только смех, но и развлечение, которое его вызывает, так что на самом деле этот термин означает "дом развлечений". Может показаться, что трудно подобрать подражательное слово для обозначения придворного, но басуто Южной Африки прекрасно справляются с этой задачей; у них есть слово *ntsi-ntsi*, которое означает муху, являясь, по сути, имитацией ее жужжания, и они просто переносят это слово для обозначения ластивого паразита, который жужжит вокруг вождя, как муха вокруг мяса. Эти примеры из нецивилизованных языков похожи на те, что встречаются у самых отточенных наций, например, когда мы, англичане, берем имитационный глагол *to puff* из его собственного значения "дуть", чтобы выразить идею надутости, пустотелой похвалы. Если произношение таких слов изменяется, то их происхождение можно узнать только по старым записям, сохранившим их первое звучание. Так, когда английское *woe* восходит к англосаксонскому *wā*, выясняется, что это фактический стон, превращенный (как и немецкое *weh*) в субстантив, выражающий печаль или бедствие. Так что англичанин вряд ли догадается по нынешнему произношению и значению слова *pipe*, каково было его происхождение; однако, сравнив его с низко-латинским *pira*, французским *pipe*, произносившимся скорее как наше слово *реер*, щебетать, и означавшим тростниковую трубу, на которой играли пастухи, он увидит, как ловко сам звук музыкальной трубы был превращен в слово для обозначения всех видов трубок, таких как табачные и водопроводные. Подобные слова путешествуют, как индейцы на тропе войны, стирая на своем пути следы. Насколько нам известно, множество наших обычных слов, возможно, были созданы из реальных звуков, но теперь потеряли следы своей первой выразительности.

Мы еще не исчерпали все возможные способы, с помощью которых звук может выражать смысл. Когда люди хотят показать изменение смысла слова, достаточно внести некоторые изменения в его произношение. Нетрудно заметить, что в западноафриканском языке волоф, где *dagou* означает идти, *dâgou* означает идти гордо; *dagana* означает смиренно просить, а *dagâna* - требовать. В языке мпонгве значение может быть фактически перевернуто изменением произношения: как "*mi tonda*", я люблю, но "*mi tonda*", я не люблю. Английский читатель может проделать примерно те же фокусы, меняя тональность своих собственных глаголов *walk*, *ask*, *love*. Этот процесс выражения различий в смысле через различия в звучании может быть продолжен гораздо дальше. Поучительный пример четкого символизма с помощью звука можно найти в слове, придуманном химиком Гитоном де Морво. В его названиях химических соединений уже был термин *сульфат* (сделанный по латинскому образцу, как *sulphuratus*), но потом ему понадобилось слово для обозначения серно-солевых соединений разных пропорций, и тогда, чтобы выразить факт изменения, он изменил гласную и сделал термин *сульфит*. Возможно, он не знал, что здесь он прибегает к приему, который встречается во многих грубых языках. Так, в маньчжурском языке контраст звуков служит для обозначения половых различий: *чача* означает "мужчина", а *чече* -

"женщина", *ама* - "отец", а *эме* - "мать". Так и расстояния часто выражаются изменением гласных, например, в малагасийском языке *ао* означает "немного в стороне", *ео* - "ближе", *йо* - "рядом". Таким образом легко создавать наборы выразительных личных местоимений, как в языке тумаль *ngi* "я", *ngo* "ты", *ngu* "он". Другой хорошо известный процесс - редупликация или удвоение, которое служит нескольким различным целям. Он показывает повторение или усиление значения, как, например, в полинезийском языке *ака* "смеяться" становится *акаака* "много смеяться", а *лоа* "длинный" становится *лололоа* "очень длинный". Наши слова *haw-haw* и *bonbon* похожи на эти. Также легко образовать множественное число путем редупликации, например, малайское *оранг* "человек", *оранг-оранг* "мужчины"; японское *фито* "человек", *фито-бито* "мужчины". Среди наиболее известных нам видов редупликации - та, что обозначает времена глаголов, например *didōmi* и *tetupha* в греческом, *momordi* в латинском.

Эти умные, но понятные приспособления для того, чтобы заставить звук следовать за смыслом, показывают, как легко человек выходит за рамки простого подражания. Язык - это одна из ветвей великого искусства создания знаков или выбора знаков, и его задача - подобрать какой-нибудь звук в качестве подходящего знака или символа для каждой мысли. Каждый раз, когда звук был выбран таким образом, он, несомненно, имел под собой основания. Но из этого не следует, что каждый язык должен выбирать один и тот же звук. Это хорошо видно на примере особого класса слов, относящихся к детскому языку или языку младенцев, одним из которых является само слово "младенец". Эти слова создаются по всему миру из нескольких простых слогов, которые впервые произносят дети, выбранных почти так или иначе для выражения детских представлений о матери, отце, няне, игрушке, сне и т. д. Так, если мы по-своему используем слова *рара* и *тата*, то чилийцы говорят *рара* как "мама", а грузины *тата* как "отец", в то время как на разных языках *dada* может означать "отец", "кузен", "няня"; *tata* "отец", "сын", "прощай"! Такие детские слова часто попадают в язык взрослых людей, и любое незначительное изменение делает их похожими на обычные слова. Так, в английском языке вряд ли можно заподозрить, что слова *роpe* и *abbot* произошли от детских слов, однако это становится очевидным, если проследить их происхождение от латинского *рара* и сирийского *abba*, оба из которых означают "отец".

Эти ясельные слова уже вышли за рамки "естественного языка" самовыражающихся жестов и звуков. От простых и понятных фактов мы переходим к более сложным и непонятным принципам "артикуляционного языка". При изучении английского или любого другого из тысячи языков, на которых говорят в мире, обнаруживается, что в большинстве используемых слов нет той связи между звуком и смыслом, которая так очевидна в естественных или самовыразительных словах. Чтобы проиллюстрировать разницу, можно привести пример: когда ребенок называет карманные часы "тик-так", это явно самовыразительно. Но когда мы называем его часами, это слово не показывает, почему оно используется. Известно, что прибор получил свое название от того, что он отсчитывает часы, как часовщик, чье имя обозначает его обязанность *следить*, англосаксонское *wæссan*, от *wasan*, двигать, *будить*; но здесь объяснение обрывается, поскольку ни одному филологу не удалось показать, почему слог *was* стал обозначать именно эту идею. Или если тот же ребенок называет паровозный двигатель *пых-пых*, то это самовыражение. Взрослые люди называют его *двигателем*, термин, пришедший во французский язык из латинского *ingenium*, что означает "врожденный", отсюда природная способность или гений, отсюда гениальное усилие, изобретение или изобретение, отсюда машина. Если вернуться еще дальше назад и разобрать латинское слово на части, то можно увидеть, что слоги *in* и *gen* передают идеи "в" и "рождения"; но и здесь этимология обрывается, поскольку почему именно эти звуки были выбраны для этих значений, никто не знает. Так обстоит дело, по крайней мере, с девятью десятиными слов в словарях; нет никакой видимой причины, почему

слово *go* не должно было означать идею прихода, а слово *come* - идею ухода; и самое тщательное изучение не может показать причину, почему на иврите *chaу* означает "живой", а *mêth* - "мертвый", или почему на маори *pai* означает "хороший", а *kino* - "плохой". Некоторые филологи утверждают, что эмоциональные и звукоподражательные звуки, описанные в этой главе, являются первоисточником всего языка, и что, хотя в большинстве слов сейчас нет никаких следов такого происхождения, это потому, что они полностью утратили его в ходе долгой смены произношения и значения, через которую они прошли, так что теперь они стали просто символами, значение которых дети должны узнавать от своих учителей. Все это, конечно, имело место, но было бы ненаучно принимать это как полное объяснение происхождения языка. Помимо эмоционального и подражательного способов, здесь было показано еще несколько устройств, с помощью которых человек выбирает звуки для выражения мыслей, и кто знает, какие еще причины могли этому способствовать? Все, что мы вправе сказать, - это то, что, судя по тому, что известно о способах выбора человеком знаков, скорее всего, всегда существовало какое-то соответствие или связь, которая приводила к тому, что каждый конкретный звук использовался для выражения определенной мысли. Это, по-видимому, наиболее разумное мнение, которого можно придерживаться в отношении знаменитой проблемы происхождения языка.

В то же время то немногое, что известно о способах человека создавать новые слова из подходящих звуков, имеет огромное значение для изучения человеческой природы. Это доказывает, что если язык и можно проследить до его реального источника, то этот источник лежит не в каких-то утраченных дарах или способностях человека, а в состоянии разума, который все еще действует и не превышает уровень детей и дикарей. Происхождение языка не было событием, которое произошло давным-давно, раз и навсегда, а затем полностью прекратилось. Напротив, человек по-прежнему обладает способностью создавать новые оригинальные слова, подбирая подходящие звуки, и пользуется ею, когда ему это нужно. Но теперь он редко использует эту способность всерьез, по той веской причине, что на каком бы языке он ни говорил, запас слов готов дать выражение почти каждой свежей мысли, пришедшей ему в голову.

ГЛАВА V. ЯЗЫК - (продолжение).

Артикулированная речь, 130 - Рост значений, 131 - Абстрактные слова, 135 - Реальные и грамматические слова, 136 - Части речи, 138 - Предложения, 139 - Аналитический язык, 139 - словСочетание, 140 - Синтетический язык, 141 - Аффиксы, 142 - Звукоизменение, 143 - Корни, 144 - Синтаксис, 146 - Управление и согласие, 147 - Пол, 149 - Развитие языка, 150.

Предложение, состоящее из связанных между собой звуков, как конечность состоит из суставов, мы называем языком *артикулированным* или "соединенным", чтобы отличить его от *невнятных* или "несочлененных" звуков, произносимых низшими животными. Такой разговор жестами и восклицаниями, который, как было показано в предыдущей главе, является естественным языком, общим для человечества, представляет собой нечто среднее между общением животных и полноценной человеческой речью. Каждый народ, даже самое маленькое и дикое племя, обладает членораздельным языком, состоящим из целой системы звуков и значений, который служит говорящему своего рода каталогом содержимого мира, в котором он живет, вбирая в себя каждый предмет, о котором он думает, и позволяя ему

сказать, что он об этом думает. Каким сложным и хитроумным аппаратом может быть язык, в достаточной мере показывают греческая и латинская грамматики. Однако чем тщательнее изучаются такие сложные языки, тем яснее видно, что они выросли из более ранних и простых видов речи. В наши задачи не входит систематическое исследование структуры языков, подобное тому, что можно найти в трактатах Макса Мюллера, Сайса, Уитни и Пейла. Мы должны обратить внимание на то, что многие процессы, с помощью которых создавались языки, до сих пор происходят среди людей, и что грамматика - это не набор произвольных правил, установленных грамматистами, а результат усилий человека, направленных на то, чтобы получить более легкое, полное и точное выражение своих мыслей. Можно заметить, что наши примеры чаще всего взяты из английского, чем из какого-либо другого языка. Причина этого не просто в удобстве использования наиболее знакомых слов в качестве примеров, а в том, что английский язык из всех существующих языков, возможно, лучше всего подходит для объяснения развития языка в целом. Хотя его слова в значительной степени могут быть отнесены к глубокой древности, его структура претерпела огромные изменения, дойдя до наших дней, и в своем нынешнем состоянии язык одновременно сохраняет реликты древних образований и имеет самый свободный рост. Таким образом, английскому языку так или иначе есть что показать в качестве иллюстрации трех из четырех процессов, которые, как известно, способствовали созданию языка в любое время и в любом месте.

По мере того как с течением веков знания человека расширялись, а его цивилизация становилась все более сложной, его язык должен был идти в ногу с ними. Сравнительно немногочисленные и простые выражения были достаточны для его раннего грубого состояния, но теперь нужно было добавлять все больше и больше терминов для новых понятий, орудий, искусств, должностей и отношений более высокоорганизованного общества. Этимология показывает, как создаются новые слова путем изменения и комбинирования старых, переноса старых слов из старого состояния вещей в новое, изменения их значений и нахождения в любой новой мысли некоторого сходства со старой, чтобы дать ей название. Английский язык полон следов таких способов словотворчества и словоизменения. Например, это просторное каменное здание до сих пор называется, как и его грубые предшественники, *бараком* (то есть хижиной); в нем *полк* (то есть правление или команда) *солдат* (то есть платных людей) *пехоты* (то есть парней, сражавшихся в пешем строю) проходит *инспекцию* (то есть проверку); каждая *рота* (то есть те, кто вместе ел хлеб) находится под началом *капитана* (то есть старосты) и его *лейтенантов* (то есть замов). На фасаде здания находятся *часы*, машина, сохранившая свое старое название, означающее колокол, с тех времен, когда ее предшественник был только колоколом, по которому часовой отбивал часы; в более поздние времена к ним добавились *гири*, куски металла, так называемые гири баланса, *маятник* (или подвес), и то, что метафорически называется *циферблатом* и *стрелками*, для показа на *шкале* (или лестнице) *часов* (или времени), разделенных на *минуты* (или малые), а затем снова на *секунды* (или последующие). Эти примеры намеренно не взяты из глубин этимологии, а приведены для того, чтобы показать обычные способы, с помощью которых язык находит средства, чтобы снабдить новыми терминами развивающееся общество. Не лишним будет привести несколько примеров, показывающих, что языки менее цивилизованных рас выполняют свои обязанности во многом аналогичным образом. Ацтеки называли лодку "водяным домом" (*acalli*), и отсюда кадельница, в которой они сжигали копал в качестве благовоний, стала называться "маленькой копаловой лодкой" (*copalacaltontli*). Жители Ванкуверских островов, увидев, как работает винтовой пароход, сразу же назвали его *йетсех-йетсоклекс*, то есть "пинатель". Хидатсы на Миссури до недавнего времени использовали для своих стрел и топоров только твердый камень; поэтому, познакомившись с железом и медью, они придумали названия для

этих металлов - *уетсасиписа* и *уетсахиси*, то есть "камень черный" и "камень красный". Лошадь, когда белые люди привезли ее к народам, которые никогда ее не видели, должна была получить название, и поэтому таитяне называли ее "свиноносцем", а индейцы сиу - "волшебной собакой".

Чтобы понять, как слова стали выражать еще более сложные мысли, хорошо вспомнить контраст между жестовым языком и разговорным английским (с. 119). Было видно, как глухонемые не могут выразить общие и абстрактные идеи. Не то чтобы они вообще не могли представить себе такие идеи. Они используют знаки как общие термины, когда могут ухватиться за какое-то качество или действие как за признак целого класса. Так, хлопанье руками, как крыльями, означает любую птицу или птиц вообще, а знак "ноги-четыре" означает зверей или четвероногих вообще. Притворство, что выливаешь что-то из кувшина, выражает понятие жидкости, под которой они, как и мы, понимают воду, чай, зыбучее серебро; и, вероятно, у них есть, хотя и более смутно, чем у нас, такие абстрактные понятия, как белизна, присущая всем белым вещам, и длина, ширина и толщина, которыми обладают все твердые предметы. Но если знак глухонемого всегда заставляет нас думать о той самой вещи, которую он имитирует, то произнесенное слово может менять свое значение так, чтобы следовать за мыслью, куда бы она ни направилась. Поучительно взглянуть на слова в этом свете, чтобы увидеть, как, начиная с мыслей, столь же простых, как те, что показывают знаки американского дикаря, они могут прийти до самых сложных терминов юриста, математика и философа. Для нас слова стали, как сказал лорд Бэкон, счетчиками понятий. С помощью слов мы можем иметь дело с абстрактными идеями, полученными путем сравнения нескольких мыслей, но так, чтобы обратить внимание только на то, что у них есть общего. Читатель этого, несомненно, легко и, возможно, правильно использует такие слова, как *род*, *вид*, *вещь*, *причина*, *сделать*, *быть*, *делать*, *страдать*. Если он попытается прояснить для себя, что на самом деле подразумевается под этими словами, то есть какой смысл они несут в себе, где бы ни использовались, он может преподать себе лучший урок, который он когда-либо получал, будь то в языке или философии. Для англичан, не знающих другого языка, кроме своего собственного, эти слова действительно являются как бы считалками, выбранными наугад для выражения мыслей. Научившись на практике, как и где их применять, они даже редко осознают их абстрактную природу. Филолог не может проследить всю их историю, но он знает достаточно, чтобы убедиться, что они возникли из слов, более простых для понимания. Как в африканском языке борну *tando*, означающее "ткать", стало общим глаголом "делать", а в древнееврейском *bârâ*, означающее "резать" или "тесать", стало использоваться для обозначения создания небес и земли, так и наше слово *to make*, возможно, первоначально означало "подгонять" или "соединять". Английское слово *sort* происходит от латинского *sors*, "жребий", через такой набор значений, как "выделение", "прорицание", "судьба", "условие", "шанс", "доля"; *kind* означает "родственный" или "происхождение"; *to be*, возможно, означает "расти"; *to suffer* означает "нести бремя". Говорить о постижении *идей* - дело высокой метафизики, но эти ныне заумные слова первоначально означали "улавливать", "видеть". Одно из применений этимологии состоит в том, что она учит, как люди таким образом из слов, выражавших простые и легкие мысли, сделали термины для более сложных и заумных мыслей. Таков путь, по которому человеческий разум прошел от невежества к знанию.

Следующим приемом языка, на который следует обратить внимание, является использование "грамматических" слов, которые служат для того, чтобы соединить "настоящие" слова и показать, как они связаны друг с другом. Это хорошо видно на примере жестового языка (с. 119). Если глухонемой человек хочет передать жестами "Джон пришел,

он принес упряжь пони и положил ее на скамейку", он может передать смысл этого достаточно хорошо, но он делает это, просто называя реальные части, как "Джон, упряжь, пони, нести, скамейка, положить". Но артикли "a" и "the", предлог "of", связка "and", субстантивный глагол "is" и местоимения "he", "it" - это грамматические устройства, которые не имеют знаков в его естественной системе, и значение которых он узнает только после того, как его научат читать. Тем не менее, глухонемой, если он вынужден быть очень точным в своем рассказе, может дать нам хорошее представление о том, как мы, говорящие люди, пришли к использованию грамматических слов. Хотя он не может сказать, что это скамейка, он может поднять один палец, чтобы показать, что это *одна* скамейка; хотя у него нет знака для обозначения пони, он может как бы указать на него, чтобы показать, что это *тот* пони; вместо того чтобы выражаться о пони, как это делаем мы, он может пойти дальше, притворившись, что снимает с пони упряжь. Английская этимология часто показывает, что наши грамматические слова были созданы именно таким образом из реальных слов; *an* или *a* первоначально было числительным "один", еще шотландское *ane*; *the* относится к той же семье слов, что и *that* и *there*; *of* происходит из того же источника, что и *off*; Соединение *and* может восходить к более реальному значению "дальше" или "туда"; глагол *to have* стал просто вспомогательным в "*I have come*", но сохранил свой старый полный смысл - держать или хватать, когда один человек, схватив другого, кричит "*I have him!*" Когда англичанин говорит, что он "*стоит на ногах*", это не означает, что он стоит на ногах, но глагол опустился до грамматического вспомогательного, теперь передающего не более чем пассивный смысл "стоит на ногах". Любопытно наблюдать, как местоимения образуются таким образом от более реальных слов. Как глухонемой просто указывает пальцем, чтобы выразить "я" и "ты", так и гренландские *uvanga* = "я", *ivdlit* = "ты" явно образованы от *uv* = "здесь", *iv* = "там". Совсем другое устройство представлено в малайском языке, где *âmba* = "раб" используется как местоимение "я", а *tuwan* = "господин" - как местоимение "ты". Как это происходит, хорошо видно на примере иврита, в таких фразах, как переведено в английской Библии: "*thy servant saith*", "*my lord knoweth*"; эти термины находятся на пути к тому, чтобы стать просто личными местоимениями, означающими "я" и "ты", как в малайском языке они и сделали на самом деле. В английском или любом другом языке невозможно провести точную границу между реальными и грамматическими словами по той веской причине, что слова так постепенно переходят из реальной стадии в грамматическую, что одно и то же слово может использоваться в обоих смыслах. Но хотя это различие не является точным, его следует внимательно заметить. Любой, кто попытается рассказать выдуманную историю на английском языке только реальными словами, без помощи грамматических частиц, которые являются связующими звеньями и шарнирами предложения, увидит, как использование грамматических слов было одним из величайших шагов, сделанных человеком в формировании членораздельной речи.

Филология идет еще дальше, объясняя, как сложные устройства грамматики возникли из простых начал. Различение "частей речи", знакомое нам в высокоразвитом состоянии по греческим и латинским грамматикам, - полезный способ показать отношения между несколькими мыслями, о которых говорится в предложении. Но можно обойтись и без частей речи, и не стоит полагать, что они существовали в самых ранних формах языка. В жестовом языке, как уже было замечено, нет такого различия даже между существительным и

глаголом. В классическом китайском языке *thwan* означает "круглый", "шар", "делать круглым", "сидеть кругом" и т. д.; *ngan* означает "тихий", "спокойный", *to quiet, to be quiet* и т. д. Мы, англичане, вполне можем вникнуть в это, поскольку наш язык настолько отбросил древние инфлексии, что разрывает различия между частями речи почти по-китайски, используя слово либо как субстантив, либо как прилагательное, либо как глагол, например, *the people's quiet, a quiet people, to quiet the people*, и без колебаний превращая глагол в субстантив, например, *a workmen's strike*, или субстантив в глагол, например, *to horse a coach*. Можно наблюдать, как происходит образование новых частей речи, например, в китайском языке показано, как предлоги могут образовываться из существительных или глаголов. Так, "*kuo chung*", то есть "*середина* королевства", используется для обозначения "в королевстве", а "*sha jin i thing*", то есть "убить человека палкой", выражает "убить человека палкой". Так и в африканском языке мандинго, когда они говорят "*put table neck*" - "на стол" и "*house belly*" - "в дом", их можно поймать на том, что они делают предлоги из существительных *kang* - "шея" и *kono* - "живот".

Далее нам предстоит рассмотреть, как развивается язык, объединяя свои слова и образуя новые. Чтобы увидеть это, нужно обратить внимание не на слова, как они существуют сами по себе, а на то, как они сочетаются в реальной речи. Язык состоит из предложений, а предложение - из слов, причем каждое слово - это отдельный звук, несущий определенный смысл. Самое простое представление о предложении можно получить из такого языка, как китайский, где его можно разобрать на слова, каждое из которых состоит из одного слога. Так, *kou chi shi jin sse*, то есть "собака и свиноматка едят человеческую пищу", означает, что собаки и свиноматки едят человеческую пищу. Класс языков, которые можно разобрать на части таким совершенным способом, называется *аналитическим* или *изолирующим*. Однако в большинстве языков мира, которые в большей или меньшей степени являются *синтетическими* или *составными*, тенденция не так сильна, чтобы держать слова отдельно, и они склонны соединяться друг с другом. Чтобы ясно представить себе, как происходит соединение слов, давайте внимательнее, чем обычно, рассмотрим одно из наших английских предложений. Если прислушаться, то окажется, что в устной речи между словами нет разрывов, как в письменной, но слоги идут непрерывно, пока говорящий не сделает паузу, и что выделяет слово, так это не то, что оно действительно разделено, а то, что оно имеет ударение, или стресс (как его называет мистер Свит). Теперь, время от времени, можно заметить, как некоторые слова становятся фактически слитными. Как постепенно происходит это соединение, мы иногда пытаемся показать, написав их по-разному, например *hard ware, hard-ware, hardware*; или *steam ship, steam-ship, steamship*. При прослушивании таких соединенных слов обнаруживается, что одно из них потеряло свое ударение, и все соединение теперь имеет только одно ударение. Именно так, разговаривая по-английски, мы даем понять голосом, что два слова стали одним. Следующий шаг - когда звук одного из слов-частей становится невнятным или искаженным, как в конечных словах *waterman, wrongful*. Или оба простых слова могут распасться, как в *boatswain* и *coxswain*, где написание сохраняет первоначальное значение *swain*, отвечающий за лодку или кок-корабль, но в реальной речи слова сократились до того, что могут быть написаны *bōsun, сохип*. Этот процесс образования нового слова путем (так сказать) сваривания двух или более старых является одним из основных действий, с помощью которых словотворцы, древние и современные, обставляли себя более удобными терминами, которые, поскольку о значениях отдельных частей заботились меньше, были короче в разговорной речи. Когда это не заходит слишком далеко, филологи все же могут вернуться к первоначальным элементам таких слов, различая *четырнадцать ночей* в *фортнайт*; *unus* и *decem* в *undecim*, сократившиеся еще во французском *onze*; *jus, dico* в латинском *judex*, которое в английском сводится к *judge*.

В качестве примера того, как происходит словосложение в незнакомых языках, можно привести малайский термин "стрела", который называется *anak-panah*, или "дитя-лука", и австралийский термин "единодушный", который называется *gurdugynyul*, или "сердце-одним". Чтобы показать, как сокращаются такие сложные слова, возьмем слово мандинго, означающее "сестра", *inbadingmuso*, которое состоит из *mi bado dingo muso*, что означает "моя мать-ребенок-женщина". Туземцы острова Ванкувер дали некоему длиннорылому англичанину имя *Яklus*; оно, по-видимому, произошло от слова *yakhpekukselkous*, состоящего из слов, означающих "длиннолицый волосатый человек", которые в разговорной речи сократились до *yakpus*. Никто из тех, кому не рассказывали историю этого слова, не смог бы догадаться об этом. Это важный урок в науке о языке, ведь вполне вероятно, что десятки тысяч слов в языках мира пришли к тому состоянию, в котором мы их находим, в результате сокращения длинных сложных слов, а когда это было сделано безрассудно, как в последнем примере, и история потеряна, все разумные надежды когда-либо вернуться к первоначальной форме и значению исчезают. Этот процесс сокращения не затрагивает только сложные слова, он может действовать на целое предложение, сливая его как бы в одно слово. Здесь синтетический, или компаундирующий, принцип достигает своего апогея. В качестве контраста к аналитическому китайскому предложению, приведенному на странице 139, чтобы показать совершенную отчетливость их слов, мы можем взять предложение африканского языка, чтобы показать, как полностью может быть утрачена эта отчетливость. Когда негр Гребо хочет выразить, что он очень зол, он говорит в своей метафорической манере: "У меня в груди заныло". Его полные слова для выражения этого были бы *e ya mu kra wudi*, но он соединяет их вместе, так что на самом деле он произносит *yamukroure*. Там, где такая ломка продолжается бесконтрольно, легко понять, как язык варварского племени может настолько измениться за несколько поколений, что его едва ли можно будет узнать. Действительно, любой, кто обратит внимание на то, как английские слова сочетаются в разговоре, может убедиться, что его собственный язык претерпел бы такие же быстрые изменения, как и варварские языки, если бы не школьный учитель и печатник, которые настаивают на сохранении наших слов фиксированными и отдельными.

Приведенные здесь несколько примеров новых слов, образованных путем соединения старых, могут служить иллюстрацией того великого принципа, что такие сочетания, отнюдь не являясь простым источником путаницы, были одним из великих средств создания языка. В частности, одно из великих открытий в современной филологии - это то, что грамматическое образование и инфлексия частично происходят путем соединения слов. Старым ученым, должно быть, казалось загадочным и произвольным, что латынь должна была закрепить набор бессмысленных аффиксов для склонения и превращения в различные части речи *ago*, *agis*, *agit*, *agere*, *agens*, *actum*, *actor*, *actio*, *activus*, *activè*, &c. Но загадка в некоторой степени исчезла, когда было замечено, как в современных языках слияние слов приводит к чему-то подобному. Так, *капюшон женственности*, *священство*, которое сейчас является просто грамматическим суффиксом, в древнеанглийском было самостоятельным словом, *hâd*, означающим форму, порядок, состояние; а суффикс *-ly* когда-то был отдельным словом "подобный", как видно из англосаксонского *swên-lic*, "подобный королеве", где современный английский говорит *queenly*. В английском языке Чосера видно, как местоимение *thou* сократилось до простого глагольного окончания,

"He pokyd Johan, and seyde, *Slepistow?*

Herdistow ever slik a sang er now?".

В английском языке будущее время глагола *to give* - это "я дам", или, в просторечии, "я дам". Здесь письмо разделяет то, что соединяет речь, но современное французское будущее время *donnerai, donneras* - это глагол *donner* со вспомогательным глаголом *ai, as*, как в устной, так и в письменной форме, так что "je donnerai" - это фраза типа "я должен дать". Множественное число *donnerons, donnerez* уже нельзя разобрать на части, так как остатки вспомогательного глагола перешли в бессмысленные грамматические аффиксы *ons, ez*. Есть основания предполагать, что многие аффиксы греческой и латинской грамматики возникли именно таким образом, путем объединения отдельных слов и их последующего сокращения. Не то чтобы можно было с уверенностью утверждать, что все аффиксы возникли именно таким образом. Как было отмечено в предыдущей главе, люди, желающие выразить какую-то мысль, достаточно умны, чтобы придумывать весьма надуманные способы ее выражения. Так, приставка *ge*, с помощью которой в немецком языке образуются причастия прошедшего времени, по-видимому, первоначально означала "с" или "вместе", и этот смысл она сохранила в таких словах, как *gespiele* - "товарищ по игре"; но в результате любопытного изменения цели она стала служить средством образования причастий, как *spielen* - играть, *gespielt* - играть. Оно использовалось и в англосаксонском языке, например, *clypian, to call, geclypod, called*, а слово *yclept* в своей более поздней форме до сих пор хранит следы старого грамматического приема. Филологи должны постоянно следить за этой способностью создателей языка использовать звуки для новых целей, для которых они не предназначались. Так, в английском языке изменение гласных в *foot, feet* и *find, found* служит теперь средством склонения существительного и спряжения глагола. Но история показывает, что первоначально изменение гласных происходило вовсе не с таким намерением. Англосаксонское склонение доказывает, что гласная не тогда признаком числа в существительном; это было единственное число *fōt, fōtes, fēt*, множественное *fēt, fōta, fōtum*. Это также не было признаком времени в англосаксонском глаголе, где перфект *findan, to find*, имел разные гласные в единственном числе, *ic fand, I found*, и во множественном, *we fundon, we found*. Именно поздние англичане, ничего не зная о реальных причинах, которые привели к изменению гласных, стали использовать их для обозначения единственного числа от множественного и настоящего от совершенного.

Работа грамматиков при изучении любого языка заключается в том, чтобы по возможности разобрать на части все его сочетающиеся слова. Греческие и латинские грамматики теперь учат анализировать слова, отделяя их от аффиксов, чтобы дойти до настоящей части или корня, который, как правило, представляет собой простой звук, выражающий простое понятие. Корень лучше всего понять, если считать, что когда-то он был отдельным словом, как это происходит в таком языке, как английский. Даже в тех языках, где корни редко встречаются без какого-либо аффикса, они могут стоять сами по себе, как императив, например, латинское *dic!* say! Турецкий *sev!* love! Но во многих языках корни можно найти только как воображаемые формы, сравнивая группу слов и находя общую часть, принадлежащую им всем. Так, в латыни из слов *gnosco, gnotus* и т. д. следует, что должен существовать корень *gno*, который несет в себе мысль о знании. Если перейти к греческому, то в *gignōskō, gnōsis, gnōmē* и т. д. можно найти тот же корень *gno* с тем же значением. Если обратиться к санскриту, то в качестве корневой формы для слова "знать" обнаруживается аналогичный звук, *jñā*. Таким образом, при сравнении всего набора арийских или индоевропейских языков оказывается, что в древности должно было существовать слово, похожее на *gna*, означающее "знать", которое прослеживается не только в санскрите, греческом и латыни, но и во многих других языках этой семьи, например, в русском *znat*, английском *know*. Еще несколько таких арийских корней, которые читатель сразу узнает в известных языках, - *sta, to stand, sad, to sit, ga, to go, i, to go, ma, to measure, da, to give, vid, to see, rag, to rule, mar to die*. Эти простые звуки, по-видимому, уже закрепились, чтобы нести

свои значения, в те далекие времена, когда предки арийских народов бродили со своими стадами по высокогорьям Центральной Азии. Нет нужды говорить студенту-антропологу, как интересно прийти таким образом к самым ранним известным корневым словам любой семьи. Но в то же время следует заметить, что даже в самых ранних из этих наборов корней мы редко приходим к чему-то похожему на реальное происхождение или начало. Некоторые из них, возможно, были заимствованы непосредственно из естественного языка, например *ru* - реветь, и если это так, то здесь мы имеем реальное происхождение. Но большинство корней, к каким бы языкам мира они ни принадлежали, подобны приведенной выше группе, где невозможно с уверенностью сказать, как их звучание стало выражать их значение. Если этого нельзя сделать, то лучше не принимать такие корни за действительно примитивные образования, так как они могут иметь давно утерянную историю сильнейших изменений. Как это может произойти, наш собственный язык может преподать полезный урок. Представьте, что человек, не знающий ни одного языка, кроме английского, пытается докопаться до его корней. Для него глагол *to roll* может показаться корневым словом, примитивным элементом языка; более того, он действительно был придуман как естественный звук, имитирующий акт качения. Однако любой филолог скажет ему, что английский *roll* - это сравнительно современная форма, которая прошла через длинный ряд более ранних стадий; она была заимствована из французского *rolle*, *roller*, теперь *rôle*, *rouler*, все от латинского *rotulus*, уменьшительного от *rota*, а *wheel*, даже это происходит от более древнего глагола и означает бегущего или идущего. Еще более авантюрна история другого английского слова, которое теперь имеет все части глагола, *to check*, *checking*, *checked*, помимо таких форм, как *check in one's course*, *the check-string to stop the coachman*, *the check-valve to stop the water in a pipe*. Это слово *check* обладает всей простотой звучания и смысла, которые могли бы принадлежать исконному корневому слову. Однако, как ни странно, на самом деле это персидское слово "*шах*", означающее "король", которое пришло в Европу вместе с игрой в шахматы как слово вызова короля, а затем с помощью любопытной метафоры превратилось в общее слово для остановки кого-либо или чего-либо. Насколько известно, многие корневые слова у греков или евреев, или даже простые на вид односложные слова у китайцев, возможно, в течение праисторических веков ушли так же далеко от своего настоящего происхождения, как и эти английские глаголы. Таким образом, корни, из которых вырастает язык, часто сами прорастают из еще более ранних семян или черенков, выращенных на родине или привезенных из-за границы, и хотя в наше время слова в основном происходят от древних корней, способность пускать новые корни еще не умерла.

Рассмотрев образование слов в таком широком смысле, который подходит для данной цели, можно кое-что сказать о том, как язык стремится показать отношения между словами в предложении. Это делается с помощью того, что грамматики называют синтаксисом, согласованием и управлением. Мы видели (с. 119), что жестовый язык, хотя и лишен грамматических форм, имеет ярко выраженный синтаксис. Знаки глухонемого должны следовать друг за другом в правильном порядке, иначе они могут передать неверный смысл или показаться бессмыслицей. Так, в разговорных языках, которые не склоняют слова, например в китайском, синтаксис является основной частью грамматики; таким образом, *li ping* = острое оружие, *ping li* = оружие (является) острым; *chi kuo* = управлять королевством, но *kuo chi* = королевство управляется. Это кажется нам вполне естественным, поскольку современный английский язык далеко продвинулся к китайскому плану, согласно которому смысл предложения зависит от порядка слов, таким образом обозначая разницу между *рангом семей* и *рангом семей*, или между *мужчинами*, *убивающими львов*, и *львами*, *убивающими мужчин*. В латинском языке все обстоит совсем иначе, где слова можно расставлять с такой свободой, что английский читатель вряд ли сможет понять смысл одного из предложений Тацита, не рассортировав предварительно слова в том порядке, в котором

он может их представить. Особенно в латинских стихах синтаксиса зачастую едва ли больше, чем если бы слова были бессмыслицей - слогами, расположенными только для сканирования. Смысл приходится определять по грамматическим склонениям, как, например, в стихотворении "vile potabis modicis Sabinum cantharis" дешевизна связана с вином, а малость - с кружками. Именно потому, что из английского языка исчезло так много склонений, английский перевод вынужден добиваться правильного понимания за счет более строгого порядка слов. Там, где смысл предложений зависит от порядка или синтаксиса, этот порядок должен соблюдаться, но следует помнить, что в разных языках он различается. Например, в малайском языке, где *orang* = человек и *utan* = лес, дикари и обезьяны называются *orang utan*, что прямо противоположно английской конструкции "лесной человек".

Каждый, кто умеет толковать греческий и латынь, видит, какую реальную услугу оказывают правительство и соглашение, показывая, как слова в предложении связаны друг с другом, какое качество заявлено в отношении какой-либо вещи или кто утверждает, что действует в отношении чего-либо. Но даже греческий и латынь настолько изменились по сравнению с тем, что было раньше, что часто не могут ясно показать ученому, что они имеют в виду и почему. Полезно познакомиться с языками более грубых народов, которые показывают правительство и соглашение на более ранних и простых стадиях развития. Одна из важнейших задач грамматического построения - дать понять, какое из двух существительных является субъектом, а какое объектом, например, был ли это вождь, который убил медведя, или медведь, который убил вождя. Правильно присоединенная частица сделает это, как в случае, когда индейцы алгонкины присоединяют слог *in* и к существительному, и к глаголу, что мы можем попытаться перевести местоимением *him*, таким образом:-

Огимау	ogi	nissaun	муквун.
вождь	он сделал	убить его	медведь.

Муква	ogi	ниссаун	огимаун.
медведь	он сделал	убить его	вождь-он.

Это дает представление о том, каким естественным образом грамматическое управление могло появиться для обозначения частей предложения. В то же время это показывает, что разные языки могут работать по-разному, поскольку здесь глагол и объект согласуются вместе, а субъект (так сказать) управляет обоими, что совершенно не похоже на наше привычное правило согласования глагола с номинативом или субъектом. Чтобы увидеть работу согласования или согласия в гораздо более ясной и полной форме, чем это может показать латынь, мы можем взглянуть на язык хоттентотов, где предложение может звучать примерно так: "Эта женщина-она, нашего племени-она, богатая-она, другой деревни-она, хваленая-мы-делаем-скот-она, она-дает-нам-два-теленка-от-нее". Здесь местоимение, проходящее через все предложение, дает понять даже самому тупому слушателю, что речь идет о женщине, которая богата, живет в другой деревне, чей скот хвалят и кто дарит двух своих телят. Термины в греческом или латинском предложении, которые показывают согласование существительного и прилагательного с соответствующим глаголом, - это остатки аффиксов, которые, возможно, когда-то передавали свое значение так же ясно, как и сейчас в языке хоттентотов. Иной план согласования, но еще более поучительный для классического ученого, представлен в языке зулусов, который делит вещи на классы, а затем переносит маркирующий слог класса через все предложение, чтобы связать все слова, к которым он присоединен. Так, "u-bu-kosi b-etu o-bu-kulu bu-ya-bonakala si-bu-tanda" означает

"появляется наше великое королевство, мы любим его". Здесь *bi*, признак класса, к которому принадлежит королевство, повторяется через каждое слово, относящееся к нему. Чтобы дать представление о том, как это скрепляет предложение, доктор Блик переводит его, повторяя аналогичным образом слово *dom*, обозначающее царство: "Царь-дом, наш дом, который является великим домом, дом появляется, мы любим дом". Это неуклюже, но отвечает великой цели речи - сделать свой смысл определенным, не допускающим ошибок. Таким образом, используя разные классы слогов для единственного и множественного числа и перенося их на все предложение, зулусы показывают согласование в числе более четко, чем это могут сделать греческий или латынь. Но язык зулусов не распознает в своих слогах то, что мы называем полом. На самом деле это одна из загадок филологии, что могло заставить носителей арийских языков, таких как греческий, или семитских языков, таких как иврит, классифицировать вещи и мысли по полу так необоснованно, как они это делают. Для примера в латыни возьмем следующие группы: *pes* (masc.), *manus* (fem.), *brachium* (neut.); *amor* (masc.), *virtus* (fem.), *delictum* (neut.). В немецком языке гендер проявляется в практически абсурдном состоянии, как, например, *der Hund*, *die Ratte*; *das Thier*, *die Pflanze*. В англосаксонском языке *wif* (английская жена) была среднего рода, а *wif-man* (м. е. "жена-мужчина", английская женщина) - мужского. Современный английский язык, отказавшись от старой системы грамматического рода, которая стала хуже, чем просто бесполезной, подал пример, которому французский и немецкий языки могли бы последовать. Однако следует помнить, что языковые средства, хотя и могут распадаться до абсурда, никогда не были абсурдными изначально. Несомненно, гендерная система классических языков - это остатки более древнего и последовательного плана. За пределами нашего классического образования есть языки, которые показывают, что *пол* (то есть *род*, вид, класс) отнюдь не обязательно соответствует полу. Так, в алгонкинских языках Северной Америки и дравидийских языках Южной Индии вещи делятся не на мужские и женские, а на живые и мертвые, рациональные и иррациональные, и соответственно помещаются в одушевленный или главный род, или в неодушевленный или малый род. Заметив, как зулусское согласование выполняет свою работу, регулярно повторяя знак класса, мы, кажется, понимаем, как в арийских языках знаки числа и рода могли использоваться в качестве аналогичного средства передачи через предложение информации о том, что это существительное относится к этому прилагательному и этому глаголу. Однако даже в санскрите, греческом, латыни и готском такое согласование не достигает той полноты и четкости, которую оно имело у африканских варваров, а в языках современной Европы, особенно в нашем собственном, оно в основном исчезло, вероятно, потому, что с развитием интеллекта в нем больше не было необходимости.

Факты, приведенные в этой главе, должны были дать читателю некоторое представление о том, как человек создавал и продолжает создавать язык. Любой, кто начал бы изучать грамматику таких языков, как греческий или арабский, или даже таких варварских языков, как зулусский или эскимосский, подумал бы, что это удивительно искусственные системы. Действительно, если бы один из этих языков внезапно возник среди племени людей, это было бы в высшей степени загадочным и необъяснимым событием. Но если начать с другого конца, обратив внимание на то, как из самых простых и грубых начал возникают словообразование и композиция, склонение и спряжение, согласование и синтаксис, то можно увидеть, что формирование языка разумно, целенаправленно, и внятно. В прошлой главе было показано, что человек все еще обладает способностью использовать новые звуки для выражения мыслей, а теперь к этому можно добавить, что он все еще обладает способностью оформлять эти звуки в полноценную членораздельную речь. Таким образом, каждое человеческое племя обладает способностями, которые, если бы они не

унаследовали готовый язык от своих родителей, позволили бы им создать свой собственный язык.

ГЛАВА VI. ЯЗЫК И РАСА.

Принятие и потеря языка, [152 - предков](#)Язык , [153 - семьи](#)Языковые , [155 - Арийская](#), [156 - Семитская](#), [159 - Египетская](#), Берберская и др. [160-татарский](#) или туранский, [161-юго-восточноазиатский](#), [162-малайско-полинезийский](#), [163-дравидийский](#), [164-африканский](#), банту, готтентотский, [164-американский](#), [165-ранние](#) языки и расы, [165](#).

Следующий вопрос: что можно узнать из языков об истории народов, говорящих на них, и о расах, к которым эти народы принадлежат?

В предыдущих главах, когда человечество делилось на группы или расы в соответствии с их черепами, цветом лица и другими телесными характеристиками, язык не принимался во внимание как признак расы. На самом деле язык человека не является полным и определенным доказательством его происхождения. Бывают даже случаи, когда он полностью вводит в заблуждение, как, например, когда некоторые из нас видели людей, чей язык английский, а лица китайские или африканские, и при расследовании выяснялось, что они были увезены в младенчестве из своих родных стран. Каждому знакомо, как при межнациональных браках исчезает один из родительских языков, например, когда люди по фамилии Буало или Мюллер могут быть абсолютно английскими по языку, несмотря на их французское или немецкое происхождение. Теперь не только отдельные люди, но и целые популяции могут терять или поглощать свои родные языки. Негры, отправленные в Америку в качестве рабов, были взяты из многих племен и не имели общего родного языка, так что они стали разговаривать друг с другом на языке своих белых хозяев, и теперь можно наблюдать любопытное зрелище, когда черные шерстяные семьи говорят на ломаных диалектах английского, французского или испанского. В нашей стране кельтский язык древних бриттов не так давно вышел из употребления в Корнуолле, а со временем и в Уэльсе. Но независимо от того, говорят на кельтском языке или нет, кельтская кровь остается в смешанном населении Корнуолла, и относить современных корнуоллцев к чисто английской расе, потому что они говорят по-английски, означало бы неправильно использовать свидетельства языка. Много плохого было сделано в антропологии, когда по неосторожности взяли язык и расу, как будто они всегда и точно идут вместе. Однако в значительной степени они действительно сочетаются. Хотя на самом деле язык человека доказывает не его происхождение, а его воспитание, большинство детей на самом деле воспитываются своими родителями и наследуют их язык так же, как и их черты. Пока люди одной расы и одной речи живут вместе в своей нации, их язык будет оставаться общим для всех расовым признаком. И хотя миграция и межнациональные браки, завоевания и рабство время от времени вмешиваются в процесс, родной язык народа никогда не сможет рассказать всю историю его происхождения, он все же расскажет ее часть, и часть очень важную. Так, в Корнуолле английский язык - это настоящая летопись поселения там англичан, хотя он и не может рассказать о кельтской расе, которая была на этой земле до них и с которой они смешивались. Одним словом, информация, которую дает язык нации о ее расе, подобна той, что дает фамилия человека о его семье, - не вся история, но одна большая ее часть.

Далее следует посмотреть, что могут показать языки мира в отношении ранней истории народов. К доказательствам связи между языками следует относиться с большой осторожностью. Бесполезно сравнивать два языка, как это делали старомодные филологи, которые, обнаружив полдюжины схожих слов, без лишних слов принимали их за остатки одного первобытного языка, от которого произошли оба. При более тщательном филологическом сравнении в наши дни многие схожие слова приходится отбрасывать как не доказывающие связь вообще. В любом из двух языков несколько слов обязательно окажутся похожими по чистой случайности, как, например, на Островах Общества *tiputa* означает плащ, как у нас *tippet*. Сравнить слова следует только в том случае, если существует реальное соответствие как по смыслу, так и по звучанию, иначе открывается путь для фантазий, подобных той, что была у писателя, соединившего хорошо известное полинезийское слово *tabu*, священный, с *tabut*, арабским названием ковчега завета, видимо, потому, что это был очень священный предмет. Также ничего не доказывают слова, имитированные из природы, например, индусы и дикари с острова Ванкувер называют ворона *кака*, но не потому, что их языки связаны, а потому, что это крик птицы. Самое главное - убедиться, что сравниваемые слова действительно принадлежат к старому фонду языка, в котором они встречаются. Один писатель уже доказал, что турецкий, арабский и персидский языки являются ответвлениями одного первобытного языка. Его аргументом было то, что турки называют человека *адамом*, как арабы называют первого человека, а отца - *падером*, что похоже на персидское слово. Факт достаточно верный, но аргумент не учитывает, что турки веками обогащали свой варварский язык, заимствуя слова из культурных арабского и персидского, и *адам* и *падер* - это такие заимствованные в последнее время слова, а вовсе не филологически турецкие. Подобные заимствованные слова действительно являются ценным свидетельством, но они доказывают не общее происхождение языков, а взаимодействие между народами, говорящими на них. Они часто дают ключ к разгадке страны, из которой был получен новый продукт или освоен новый инструмент, или идея, или институт. Так, в английском языке по одним только словам видно, как Италия снабдила нас *оперой, сонатой, кьяроскуро*, а Испания дала *галлину* и *мулатку*, как от евреев мы получили *саббат* и *юбилей*, от арабов - *ноль* и *журнал*, а Мексика поставляет *шоколад* и *помидоры*, Гаити - *гамак* и *ураган*, Перу - *гуано* и *хинин*, и даже языки островов Южного моря представлены *табу* и *тату*. Но во всем этом нет ни малейшего доказательства того, что хоть один из этих языков происходит из одной семьи с другими.

Когда два языка имеют такое общее происхождение, филолог не довольствуется тем, чтобы установить это, просто отыскав несколько слов с похожим звучанием. Он ожидает обнаружить, что слова языка-прародителя не только изменились в языках-потомках, но и часто изменялись по другим правилам. Так, он знает, что в соответствии с правилом, называемым законом Гримма, английское *ten, tame* должно появиться в немецком языке с другим инициалом, *zehn, zahm*, а в латыни они будут представлены *decem, domare*. С той же регулярностью меняется звук, который в одних полинезийских языках является *k*, в других стал *t*; таким образом, слово *тап*, на Сандвичевых островах *kanaka* (откуда наши моряки называют любого жителя островов Южного моря *kanaker*), в Новой Зеландии появляется под формой *tangata*. Не ограничиваясь звуком слов, сравнительный филолог считает, что, когда два языка являются родственными, они должны демонстрировать такое сходство в корнях и в соединении, что ни случайность, ни заимствование не могут объяснить сходство. В первой главе, с другой целью, были приведены примеры языков, продолжающих демонстрировать свою тесную связь, хотя и расходящихся со своими родительскими языками. Читатель,

возможно, сочтет нужным обратиться к этим иллюстрациям (с. 8), прежде чем перейти к следующему обзору языковых семей, принадлежащих различным расам человека.

Языки белых людей в основном принадлежат к двум большим семьям - арийской и семитской. Сначала об арийской семье, называемой также индоевропейской, которая включает в себя языки части Южной и Западной Азии и почти всей Европы. Первоначальный язык, от которого произошли все эти языки, можно назвать примитивным арийским. О том, какими были корни этого древнего языка и как они складывались в слова, студент может получить представление из греческого и латыни, но еще лучше - из санскрита, где и корни, и инфлексии сохранились в более совершенном и регулярном состоянии. В качестве грубой иллюстрации того, как в санскрите можно различить слова привычных нам европейских языков, приведем одну строку из первого гимна Веды, где поклоняющиеся молят Агни, божественный огонь, чтобы он был близок к нам, как отец к сыну, и был рядом ради нашего счастья:

Sa nah pitâ-iva sūnave Agne su-upâyanah bhava: sachasva nah svastaye.

Здесь можно более или менее четко выделить слова, связанные с латинскими, греческими и английскими *nos, pater, son, ignis, up, be, sequi, cuestō* и другими. Хотя первоначальный арийский язык утрачен, филологи пытаются восстановить его, сравнивая с его древнейшими и наиболее совершенными потомками - санскритом, древнеперсидским, греческим, латинским, древнерусским, готским, древнеирландским и т. д. Если допустить, что примитивный арийский язык когда-то существовал, то должен был существовать народ, который говорил на нем, и чьи потомки донесли его до более поздних веков. Трудно составить какое-либо определенное телесное представление о самих первобытных арийцах (см. [стр. 109](#)), поскольку в ходе миграций и завоеваний они так смешались с другими расами, что теперь народы, объединенные арийской речью, охватывают все разновидности белых людей, от исландцев до индусов. Предполагается, что ранняя родина ариев находилась во Внутренней Азии, возможно, в нынешнем Туркестане, в районе рек Оксус и Яксартес, поскольку здесь практический путь миграции кочевников с отарами и стадами лежит через Персию с одной стороны и Индию с другой. Поскольку Индия и Персия сохранили в своих священных языках арийский язык, менее измененный, чем в других странах, можно предположить, что земля, откуда пришли вторгшиеся арии, была недалеко. Но она могла быть и дальше на востоке, в Центральной Азии, или дальше на западе, на русских равнинах. На этой родине, где бы она ни находилась, арии жили варварскими, но не дикими кланами, обрабатывая землю и пася свои стада и отары, работая по металлу и владея многими жизненными искусствами, воинственный народ, выезжавший на битву на колесницах, народ, способный управлять и подчиняться, создавать законы и соблюдать их, религиозный народ, искренне поклоняющийся солнцу, небу, огню и водам, с благочестивой верой в божественных духов своих предков. Неся с собой свой язык, законы и религию, эти основатели нации распространились по Юго-Западной Азии и всей Европе. Там, куда они приходили, землю заселяли дравиды, татары и, несомненно, многие другие народности, некогда распространенные далеко и широко, например баски, чей язык до сих пор сохранился в Пиренеях. Там, где старые языки исчезли, запись о раннем населении Европы можно получить только из их могил и увидеть в чертах нынешних народов, которые часто могут быть больше похожи на черты первоначального народа, чем на арийских захватчиков. Самые ранние арийские орды, которые начали свое движение на запад, возможно, были предками кельтских народов, так как их язык претерпел наибольшие изменения, и они встречаются на крайнем западе Европы, как будто их потеснили тевтонско-скандинавские племена, которые следовали за ними, дальние родственники, но не друзья. Предки греко-

итальянских народов мигрировали на запад, пока не достигли Средиземноморья, а последними пришли славянские народы, которые сегодня занимают Восточную Европу. Таким образом, многое о происхождении арийских народов можно узнать из их языков и мест на карте. Не в самые ранние века истории они появляются на мировой арене, где уже давно играли великие роли египтяне и вавилоняне. Арийцы становятся заметными за тысячу лет до христианской эры, когда в Индии возникает религия Будды, считающаяся сейчас самой многочисленной в мире; когда приходят к власти меды и персы, и появляется Кир со своим воинством-завоевателем; когда греки применяют свой удивительный интеллект в искусстве, науке и философии; а римляне создают военную и правовую систему, благодаря которой они стали империей. В более поздние века наши тевтонские народы, которые впервые появились как опустошители культуры, становятся ее поборниками. Арийские народы продолжили в современном мире завоевательную карьеру и союз с другими народами, начатый ими в праисторические века. За пределами мира, известного древним, на арийских языках сегодня говорят на далеких континентах и островах, независимо от того, являются ли люди, говорящие на них, белыми колонистами из Европы, которые убили или изгнали старых обитателей земли, или же они смешались с коренными народами, как в Мексике и Перу.

Если перейти к языкам следующей семьи, семитской, то представление о них легче всего получить на примере иврита. Любой студент, серьезно занимающийся наукой о языке, должен выучить иврит хотя бы настолько, чтобы прочесть по буквам несколько глав Бытия, поскольку все остальные языки, обычно изучаемые в Англии, принадлежат к арийской семье, и это поможет вывести его ум из этой колеи, ознакомив с речью из другого материала. Очень умеренное количество корней, в основном из трех согласных, путем изменения внутренних гласных и аффиксов образуют большую часть языка, причем настолько регулярно, что словари иврита повсеместно составлены по корням. Так, от корня *m-l-ch* образованы глагольные и именные формы со значением царствования, например *mâlach* = он царствовал, *mâlchû* = они царствовали, *yimloch* = он будет царствовать, *timloch* = ты будешь царствовать, *melech* = царь (знакомый по имени *Мелхи-зедек*, "царь праведности"), *melâchim* = цари, *malchenû* = наш царь, *malchâh* = царица; *mamlâchâh* = царство и так далее. Основные языки, принадлежащие к семитской семье, - ассирийский, древнееврейский и финикийский, сирийский, арабский и эфиопский. Ассирийский язык ниневийских надписей и арабский, на котором говорят бедуины пустыни между ними, лучше всего отражают первоначальный язык, от которого все они произошли. Древние и современные народы, говорящие на семитских языках, принадлежат в основном к темно-белой расе, и тип, в котором они сходятся, сейчас наиболее отчетливо виден в еврейском лице с его аквилинным носом, полными губами и вьющимися черными волосами. И все же по одним лишь чертам лица невозможно было бы выделить евреев, ассирийцев и арабов среди массы темно-белых народов. Здесь проявляется значение языка, который показывает, что определенная группа народов связана общим происхождением от древнего народа, который говорил на потерянном языке, откуда произошли арабский и иврит, и который в те времена, когда началась история, обитал в Юго-Западной Азии и посылал свои мигрирующие племена, чтобы основать новые народы, чьи деяния в мире составляют одну из великих глав истории. Завоеватели-ассирийцы подхватили и продолжили более древнюю халдейскую цивилизацию. Финикийцы стали великими купцами старого мира, с торговыми колониями по всему Средиземноморью и торговлей на далеком Востоке. Они перевозили не только товары и пряности, но и распространяли искусства и мысли в новые регионы, и в их руках неуклюжая иероглифическая письменность стала алфавитом. Израильяне, хотя как нация они никогда не достигали такого могущества и культуры, совершили свои завоевания в мире религии, и в то время как толпа божеств, которым поклонялись в ассирийских и

финикийских храмах, исчезла, поклонение Иегове перешло в христианство и охватило весь мир. Последние воинственные племена Аравии пронесли знамя своего пророка среди окружающих народов и основали веру ислама, цивилизующую силу в средние века и даже в наши дни ее упадка влияющую на весь мир от Западной Африки до островов Дальнего Востока.

Язык древних египтян, хотя и не может быть отнесен к семитской семье вместе с ивритом, имеет важные точки соответствия, что объясняется то ли долгим общением двух рас в Египте, то ли какой-то более глубокой связью с предками; подобные аналогии наблюдаются и в берберских языках Северной Африки. Эти сложные вопросы могут быть просто упомянуты здесь. Были предприняты попытки, хотя и безрезультатные, доказать, что арийские и семитские языки произошли от одного родительского языка. Если это и так, то века изменений настолько стерли следы общего происхождения, что филологическое сравнение не может их подтвердить. Говоря об арийской и семитской языковых семьях, следует заметить, что многие филологи относят их к одному классу, как "изменяющиеся" языки, или такие, которые могут смешивать свои корни и аффиксы, и изменять сами корни внутренне, так что, как хорошо известно начинающему изучать греческую грамматику, часто нелегко понять, где заканчивается корень и начинается окончание. Несомненно, семьи, образованные путем склонения, обладают способностью к компактному словообразованию, которая во многом способствовала приданию выразительности и точности таким поэтическим и философским языкам, как греческий и арабский. Но различие между структурой таких языков с флексиями и агглютинативными языками других народов, например, татар, далеко не однозначно. Если бы арийская и семитская семьи восходили к одной и той же семье, это не доказывало бы, что вся белая раса имела один первоначальный язык, поскольку грузинский на Кавказе, баскский на Пиренеях и еще несколько других языков все еще оставались бы за пределами, очевидно не связанными ни с одной из великих семей, ни друг с другом.

В средней и северной частях Азии, в степях или среди болот и лесов мрачного севера, бродячие орды охотников или скотоводов демонстрируют приземистое телосложение коричнево-желтого татарского или монгольского типа, и говорят на языках одной семьи, таких как маньчжурский и монгольский. Хотя эти татарские или туранские языки в основном принадлежат Азии, они утвердились в Европе. В далекие времена грубые татарские племена распространились по северной Европе, но их преследовали и теснили вторгшиеся арийцы, и теперь только их остатки, эсты, финны, саамы, говорят на татарских языках. В более поздние века история повествует о том, как армии татарской расы, гуннов и турок, в свою очередь, нахлынули в Европу, покоряя арийские народы, так что теперь венгерский и турецкий языки остаются свидетельствами этих последних волн вторжения из Центральной Азии. В истории татарские орды впервые упоминаются как варвары, как и многие другие племена, но их главные народы, став буддистами, магометанами или христианами, приняли цивилизацию, соответствующую этим религиям. Татарские языки относятся к так называемому агглютинативному типу, образуя слова путем выделения сначала корня, который несет в себе смысл, а затем суффиксов, изменяющих его. Так, в турецком языке корень *sev*, любить, образует *sevishdirilmediler*, они не должны были любить друг друга. В некоторых языках этого класса замечательный закон гармонии гласных заставляет суффикс согласовывать свою гласную с гласной корня, к которому он присоединен, как бы давая понять слушателю, что он принадлежит к нему; так, в венгерском *ház* = дом, образует *házam* = мой дом, а *szék* = стул, образует *székem* = мой стул.

Плотное население Юго-Восточной Азии, состоящее из бирманцев, сиамцев и особенно китайцев, по типу лица и чертам характера явно напоминает татар или монголов, но общий характер их языка отличается. Китайский язык состоит из односложных слов, каждое из которых имеет свой собственный реальный или грамматический смысл, так что наши школьные учебники в одном слоге дают некоторое представление о китайских предложениях. Другие соседние языки разделяют эту привычку использовать односложные слова, а поскольку это ограничивает их неудобно малым количеством слов, они прибегают к способу изменения значения музыкальной тональности или интонации, как в сиамском, где слог *ха*, в зависимости от нот, на которых он интонируется, означает мор, или число пять, или глагол *to seek*. Таким образом, интонирование, которое в Англии служит для выражения эмоций или отличия вопроса от ответа, на Дальнем Востоке используется для создания фактически разных слов - пример того, как язык ухватывается за любой доступный прием, когда нужно найти средство выражения. Если взглянуть на карту Азии и посмотреть на эту юго-восточную группу народов, то очевидно, что жители таких соседних районов не случайно стали говорить словами из одного слога, но эта привычка, по-видимому, идет от общего источника предков и придает всему набору языков семейный характер. Эти односложные языки часто используются для иллюстрации того, какими могли быть простые детские конструкции первобытной речи человека. Однако следует отметить, что китайский или сиамский языки, как бы просты они ни были, не должны рассматриваться в качестве примитивных языков. Детские китайские фразы могут быть вовсе не примитивными, а возникнуть в результате отхода от старой сложной грамматики, подобно тому как в нашем английском языке наблюдается тенденция к сокращению длинных слов и отказу от инлексий, использовавшихся нашими предками. Китайская простота грамматики отнюдь не означает простоту мысли и жизни. Китайская нация, как и египетская и вавилонская, была возведена в ранг высоко искусственной цивилизации за много веков до того, как из варварства вышли финикийцы и греки. Пока неясно, к какой расе принадлежали древние вавилоняне, говорившие на аккадском языке, но это показывает аналогии, которые могут связывать его с татарским или монгольским языками.

Мы уже видели (стр. 102), как малайцы, микронезийцы, полинезийцы и малагасийцы - разнообразное и смешанное население частично монголоидной расы - объединены на своей огромной океанской территории, опоясывающей половину земного шара, языками одной семьи, малайско-полинезийской. Родительский язык этой семьи, возможно, принадлежал Азии, поскольку в малайском регионе грамматика более сложная, и встречаются такие слова, как *tasik* = море и *langit* = небо, в то время как на далеких островах Новая Зеландия и Гавайи они сократились до *tai* и *lai*, как будто язык стал сжатым и бесформенным, когда раса мигрировала дальше от дома и погрузилась в варварскую жизнь жителей океанских островов.

На континенте Индия не утрачены языки племен, живших на этой земле до того, как арийское нашествие привело к появлению индусов. Особенно на юге целые народы, хотя и приняли индуистскую цивилизацию, говорят на языках дравидийской семьи, таких как тамильский, телугу и канаресский. О важности этого элемента индийского населения можно судить по тому, что эти неарийские языки до сих пор распространены на большей части большого треугольника Индии к югу от Нербудды, а также в остатках в районах к северу. Тем не менее, на арийских диалектах в Индии говорят многие смешанные племена, в которых, возможно, мало арийской крови. В лесах Цейлона живут единственные в мире люди, ведущие дикарский образ жизни и говорящие на арийском языке, схожем с нашим. Это ведды, или "охотники", застенчивые дикари, которые строят хижины из ветвей и живут дичью

и диким медом, дети, как кажется, лесных уроженцев, смешанные с сингальскими изгоями, на языке которых они говорят в раздробленном состоянии.

Среди черных рас, независимо от того, связаны ли восточные негры Меланезии по расе с африканскими неграми или нет, меланезийские языки стоят особняком. Не все африканские негры говорят на языках одной семьи, но некоторые, такие как мандинго, похоже, отделены от большой языковой семьи Центральной и Южной Африки, названной банту от племен, называющих себя просто "люди" (*ba-ntu*). Одной из главных особенностей языков банту является то, что они работают (в отличие от татарских языков), ставя префиксы впереди. Так, африканский маг называется *мганга*, множественное число которого - *ваганга*, маги. Кафиры определенного района носят известное название *басуто*, что является формой множественного числа, один туземец называется *мосуто*, в то время как его страна - *лесуто*, его язык - *сесуто*, а его характер или качество - *босуто*. В Южной Африке проживает совершенно иная языковая семья, хоттентоты-бушмены, примечательная тем, что "щелчки", подобные тем, что у нас няньки делают с детьми, а кучера с лошадьми, выполняют роль согласных в словах. Наконец, если обратиться к Америке, то здесь местные языки делятся на множество семей. Некоторые из них известны английскому читателю по одному-двум словам, например, эскимосский язык арктических побережий - по названию *кайка* или одноместной лодки, по образцу которой построены наши спортивные каноэ; алгонкинский язык, распространенный от Новой Англии до Виргинии во времена первых колонистов, откуда мы имеем *мокасин* и *томагавк*; ацтеки Мексики, известные по *оцелоту* и *какао-бобам*; тупи-кариб Вест-Индии и бразильских лесов, где обитают *тукан* и *ягуар*; наконец, кичуа или перуанцы, язык *инков*.

Завершая этот рассказ о главных языковых семьях, следует отметить, что их гораздо больше, некоторые состоят из нескольких диалектов или одного. В целом можно составить список из пятидесяти или ста семей, из которых ни одна не была удовлетворительно доказана как родственная какой-либо другой. Можно, конечно, ожидать, что часто два или три языка, которые сейчас кажутся отдельными, при ближайшем рассмотрении окажутся ветвями одной семьи, но нет никаких перспектив, что все эти семьи объединятся таким образом как ответвления одного первоначального языка. Вопрос о том, существовала ли одна первобытная речь или множество, в прошлые времена был наиболее полезен для научного сравнения языков. Обе теории претендуют на то, чтобы объяснить фактическое состояние языка в мире. С одной стороны, можно утверждать, что языки, произошедшие от примитивного языка, разветвились так далеко друг от друга, что зачастую уже не видно их связи; с другой стороны, если бы существовало много примитивных языков, из которых те, что сохранились, дали начало семьям, это привело бы к такому же положению вещей. Но если, как кажется вероятным, первоначальное формирование языка происходило не сразу, а было постепенным процессом, растянувшимся на века и не прекратившимся окончательно даже сейчас, то поиск первобытных языков вообще не представляет надежды (см. [с. 131](#)). При нынешнем улучшенном состоянии филологии лучше работать назад от известных языков к утраченным языкам предков, откуда они, должно быть, и пришли. Мы видели, что это исследование приводит к прекрасным результатам в области истории не только самих языков, но и народов, говорящих на них, например, оно дает ключ к разгадке заселения островов Южного моря или доказывает отдаленную связь между древними бриттами и англичанами и датчанами, которые пришли после них на нашу землю. Однако, несмотря на то, что язык является столь ценным помощником и проводником в национальной истории, ему нельзя доверять, как будто он может рассказать обо всем происхождении расы или дойти до ее истоков. Все негры не говорят на языках одной семьи, как и все желтые, коричневые или белые люди. При изучении ранней жизни наций их языки могут завести нас

далеко назад, часто гораздо дальше, чем исторические записи, но они вряд ли смогут приблизиться к истокам великих человеческих рас, а тем более к общему происхождению человечества.

ГЛАВА VII. ПИСЬМА.

Пишущие картинки, 168 - Звуковые картинки, 169 - Китайская письменность, 170 - Клинопись, 172 - Египетская письменность, 173 - Алфавитное письмо, 175 - Правописание, 178 - Печатание, 180.

Приученные к чтению и письму в раннем детстве, мы вряд ли осознаем, какое место занимает это чудесное двойное искусство в цивилизованной жизни, пока не увидим, как оно поражает варвара, который даже не подозревает, что такое может быть. Джон Уильямс, миссионер с островов Южного моря, рассказывает, как однажды, будучи занят плотницкими работами и забыв свой квадрат, он написал для него послание кусочком древесного угля на щепке и отправил его жене туземного вождя, который, пораженный тем, что щепка может говорить без рта, долго потом носил ее на веревочке у себя на шее и рассказывал удивленным соотечественникам, что он видел, как она делает. Так и в Южной Африке чернокожий гонец, несущий письмо, прятал его под камень, когда задерживался на дороге, чтобы оно не рассказало о нем, как и о том, что происходит. И все же искусство письма, каким бы загадочным оно ни казалось этим грубым людям, само развивалось путем нескольких шагов изобретения, которые если и не легко сделать, то, во всяком случае, легко понять, когда они сделаны. Даже нецивилизованные расы сделали первый шаг - письмо с помощью картинок. Если бы миссионер просто сделал набросок своего L-квадрата на щепке, она бы несла его послание, и туземец понял бы все как само собой разумеющееся. Начав с этой примитивной стадии, можно проследить всю историю развития письменности и печати.

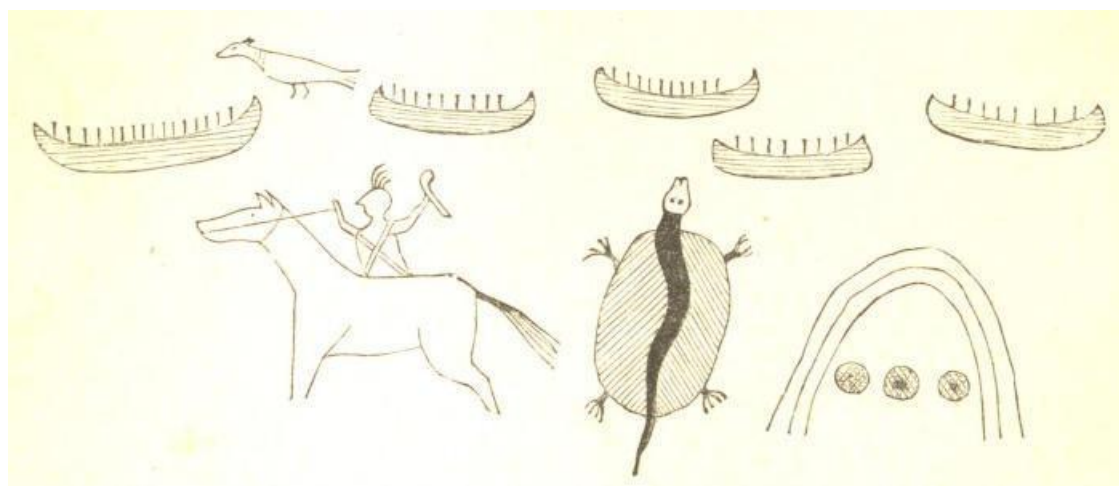

Рис. 47.- Пишущая картинка, скала у озера Верхнее (по Школькрафту).

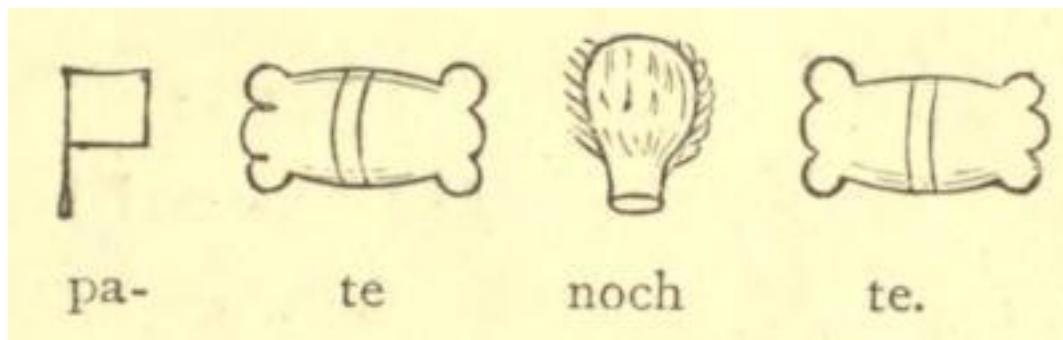

Рис. 48. - *Pater noster* в мексиканской картинной письменности (по Обену).

На рис. 47 показан образец рисуночного письма, использовавшегося охотничьими племенами Северной Америки. На ней изображена экспедиция через озеро Верхнее, возглавляемая вождом, который изображен верхом на лошади с волшебной барабанной палочкой в руке. Всего их было пятьдесят один человек в пяти каноэ, первое из которых возглавлял союзник вождя, чье имя - Кишкемуназе, то есть Зимородок, - показано на рисунке этой птицы. О том, что они достигли другого берега, говорит черепаха, известная эмблема земли, а изображение трех солнц на небе говорит о том, что переправа заняла три дня. Большая часть этих, детских по своей простоте, приемов заключается в создании изображений тех самых предметов, о которых идет речь. Но есть и такие приемы, которые выходят за рамки простого подражания. Так, когда черепаха изображается на , это уже не просто имитация, а эмблема или символ. А если нарисованная птица означает не настоящего зимородка, а человека с таким именем, то мы видим первый шаг к фонетическому письму или звуковому письму, принцип которого заключается в том, чтобы заставить изображение обозначать звук произносимого слова. О том, как люди сделали следующий шаг на пути к письменности, можно узнать из обычной детской игры "ребус", то есть написание слов "по предметам". Как и многие другие игры, эта сохраняет в детском спорте то, что в более ранние века было серьезным занятием человека. Так, если написать слово "водяной", изобразив кувшин с водой и человека, то это будет раскрытие смысла слова, едва ли выходящее за рамки изображения зимородка у американских индейцев. Но совсем другое дело, когда в детской книжке-загадке вы найдете рисунок с изображением кувшина с водой, человека, в которого стреляют, и финикового плода, представляющего в ребусе слово "can-di-date". Ведь теперь картинки обозначают уже не смысл, а просто звук. Это настоящее фонетическое письмо, хотя и грубоватое, и показывает, как на самом деле было изобретено практическое искусство письма. Похоже, что это изобретение было сделано не один раз и разными способами. Старые мексиканцы до прихода испанцев дошли до того, что писали свои имена людей и названия мест рисунками, в стиле ребус. Даже когда их начали христианизировать, они умудрялись использовать свои рисунки для латинских слов своей новой религии. Так, они рисовали флаг (*pan*), камень (*te*), колючую грушу (*noch*) (рис. 48), которые вместе произносились *pa-te-noch-te* и служили для написания *pater noster*, что было довольно точно для мексиканцев, не имевших *r* в своем языке. Таким же образом они заканчивали молитву изображением воды (*a*) и алоэ (*me*), чтобы выразить "аминь".

Далее речь пойдет о более важной системе письма. Глядя на обычные китайские иероглифы на чайных сундуках или вазах, вряд ли можно подумать, что они когда-то имели отношение к изображениям предметов. Но, к счастью, сохранились некоторые ранние китайские иероглифы, известные как "древние рисунки", которые показывают, как то, что сначала было четко сформированными набросками предметов, в несколько штрихов карандашом из кроличьего волоса превратилось в бессмысленные скорописные формы, используемые сейчас, как показано на рис. 49.

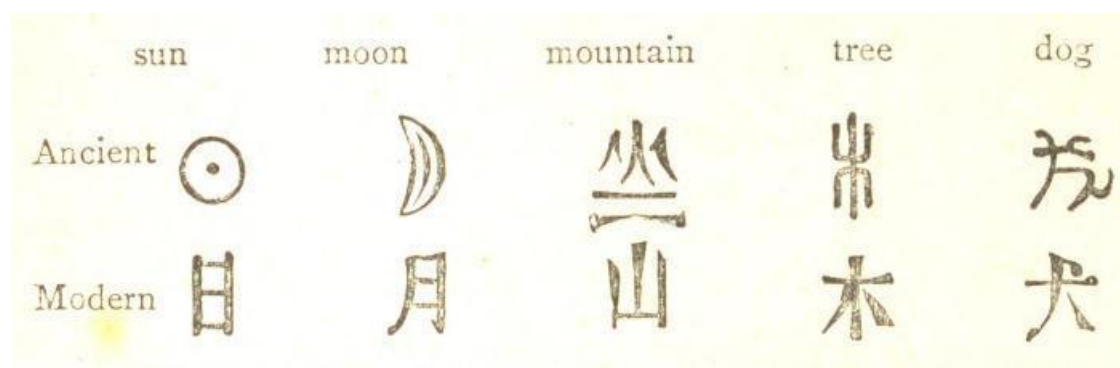

Рис. 49. Китайские древние рисунки и более поздние скорописные формы (по Эндлихеру).

Рис. 50.- Китайские составные иероглифы, изображения и звуки.

Китайцы не остановились на создании таких простых изображений предметов, которые мало подходят для письма. Изобретатели нынешнего способа китайской письменности хотели изобразить произносимые звуки, но здесь они оказались в затруднении из-за того, что их язык состоит из односложных слов, так что одно слово имеет много разных значений. Чтобы решить эту проблему, они придумали гениальный план создания составных иероглифов, или "изображений и звуков", в которых одна часть передает звук, а другая - смысл. Чтобы дать представление об этом, предположим, что было решено, что изображение коробки должно обозначать звук *box*. Поскольку, однако, этот звук имеет несколько значений, необходимо добавить какой-нибудь знак, чтобы показать, что имеется в виду. Так, рядом с ним может быть нарисован ключ, чтобы показать, что это *ящик*, в который кладут вещи, или лист, если он означает растение, называемое *ящиком*, или рука, если он предназначен для *ящика* на ухе, или кнут, чтобы показать, что он означает *ящик* кареты. Для нас это было бы неуклюжим занятием, но это было бы большим прогрессом по сравнению с простым написанием картинок, так как это позволило бы сразу убедиться и в звуке, и в значении. Так, в китайском языке звук *chow* имеет различные значения: корабль, пух, мерцание, тазик, болтливость. Поэтому иероглиф, обозначающий корабль, "чоу", помещенный первым на [рис. 50](#), впоследствии повторяется с дополнительными иероглифами, чтобы показать, какое именно значение "чоу" имеется в виду. Узнаваемая пара перьев помещена рядом с ним, чтобы означать *chow* = пух; затем знак огня делает его *chow* = мерцание; затем знак воды делает его *chow* = бассейн; и, наконец, к нему присоединяется иероглиф речи, чтобы сделать *chow* = болтливость. Эти примеры, хотя и не объясняют всей тайны китайского письма, дают некоторое представление о принципах работы его звуковых знаков и ключей или определяющих знаков, а также показывают, почему китайцу приходится осваивать столь сложный набор иероглифов для того, чтобы писать на своем языке. Введение такого способа письма было попыткой изобретательского гения древних китайцев, и их современные потомки демонстрируют свое уважение, отказываясь его совершенствовать. В то же время не совсем по причине консерватизма они не перешли на фонетическое письмо, как западные народы, поскольку это, например, запутало бы различные виды *чау-чау*, которые их нынешние иероглифы позволяют им разделять. Но японцы, чей язык лучше, чем китайский, подходит для фонетического письма, фактически создали себе фонетическую

систему из китайских иероглифов. Выбрав некоторые из них, они разделили их на знаки для выражения звуков: один обозначал "и", другой - "ро", третий - "фа" и т. д. Таким образом, набор из сорока семи таких иероглифов (которые они называют соответственно *ирофа*) служит основой системы, с помощью которой они пишут японский язык по звуку более точно, чем передает его наша письменность.

Далее, что касается клинописи, то ее можно увидеть в Британском музее на огромных человекоголовых быках из Ниневии или на плоских обожженных кирпичах, которые служили страницами книг в библиотеке Сеннахериба. Ометины в виде клиньев или наконечников стрел, расположенных группами и рядами, мало похожи на изображения предметов. Тем не менее есть свидетельства того, что сначала они произошли от рисуночной письменности; например, солнце изображалось грубой фигурой, сделанной четырьмя штрихами, расположенными по кругу. Из групп символов в надписи некоторые служат непосредственно для обозначения предметов, как мужчина, женщина, река, дом, в то время как другие группы читаются фонетически как обозначающие слоги. Изобретатели этой древней системы, по-видимому, принадлежали к аккадской группе народов, основателей ранней вавилонской цивилизации. В более поздние века ассирийцы и персы научились писать свои языки клинописью, в надписях, которые до сих пор сохранились как самые древние записи. Но клинопись была крайне громоздкой и вынуждена была уступить, когда вступила в конкуренцию с алфавитом. Чтобы понять происхождение этого изобретения, необходимо вернуться к плану письма, который датируется древностью, возможно, даже выше, чем клинопись Вавилонии, а именно к иероглифам Египта.

								
N	sun god	P	M	horizon	R	X	enemy pl.	F
K	one	R		T		F		
one		walk		one		T.		
nuk	ra netar	per	em	xut	er	xeftu—f		
I	sun god	coming forth	from	horizon	against	enemies—his		

Самые ранние из известных иероглифических надписей Египта относятся к периоду, приближающемуся к 3 000 лет до н. э. Даже в это древнее время план письма был настолько развит, что писцы имели возможность написать любое слово фонетически, когда им вздумается. Но хотя египтяне и пришли к звуковому письму, они доверяли ему лишь частично, сочетая его со знаками, которые, очевидно, являются остатками более раннего рисуночного письма. Так, простые изображения быка, звезды, пары сандалий могут означать быка, звезду, сандалии. Даже если они писали слова по звукам, у них был замечательный способ добавлять так называемые детерминативы, то есть картинки, подтверждающие или объясняющие значение написанного слова. Одно короткое предложение, приведенное в качестве примера из *"Египетской грамматики"* Ренуфа, демонстрирует все эти приемы. Смысл его таков: "Я (есть) бог-солнце, выходящий из-за горизонта против своих врагов". Здесь часть изображений животных и предметов - это буквы, которые нужно прочесть в египетских словах, как показано ниже. Но другие - это настоящие изображения, призванные обозначать то, что они представляют. Солнце показано его изображением, под которым стоит знак "один", за ним следует боевой топор, являющийся символом божества, а дальше идет изображение горизонта с солнцем на нем.

Кроме того, некоторые из фигур являются определяющими картинками, поясняющими слова: за глаголом ходить следует поясняющая пара ног, а за словом враг - изображение врага, а затем три штриха, знак множественности. Похоже, что египтяне начинали с простого рисуночного письма, как варварские племена Америки, и хотя в последующие века они стали использовать некоторые фигуры в качестве фонетических знаков или букв, у них никогда не хватало силы духа полностью полагаться на них, но они продолжали использовать и старые рисунки. Как они пришли к тому, что изображение обозначает звук, понять несложно. На рисунке можно заметить иероглиф, который читается как Р. Это очертание открытого рта, и действительно, его часто используют для изображения рта; но египетское слово, обозначающее рот, было РО, и этот знак стал использоваться как иероглиф или буква для написания звука РО или Р везде, где это было необходимо. Таким образом, большая часть истории искусства письма может быть прочитана в одном иероглифическом предложении.

Эти тщательно нарисованные иероглифические или "сакрально-скульптурные" изображения, использовавшиеся для торжественных записей церкви и государства, сохранялись в священных целях до времен греческой династии и даже Римской империи в Египте. И действительно, после того как секрет их расшифровки был утерян на долгие века, имена Птолемея и Клеопатры были одними из первых идентифицированы доктором Томасом Янгом. Но с древнейших времен египетские писцы, считая сложные рисунки слишком трудными для делового письма на папирусе, свели их (подобно тому, как это сделали китайцы) к нескольким быстрым штрихам. Это были "иератические" иероглифы, несколько из которых видны во второй колонке [рис. 51](#) после их иероглифических оригиналов. Но даже используя их, египетские писцы так и не освободились от пут раннего рисуночного письма, чтобы избавиться от ненужного множества фонетических знаков и отбросить определяющие рисунки как бесполезные. Этот великий шаг был сделан иностранцами.

Тацит в одном из отрывков своих *"Анналов"*, описывающих происхождение букв, говорит, что египтяне впервые изобразили мысли разума фигурками животных, которые как древнейшие памятники человеческой памяти можно увидеть отпечатанными на скалах, так что они (египтяне) представляются изобретателями букв, которые финикийские мореплаватели привезли оттуда в Грецию, получив славу, будто они открыли то, что действительно заимствовали. Этот рассказ может быть в значительной степени правдивым, но он не ставит в заслугу финикийцам их практический здравый смысл, которому они могли следовать, будучи чужаками и не связанными священными традициями Египта. Несомненно, изучив египетскую иероглифику, финикийцы (или другие семитские народы) увидели, что знаки-картинки, перемешанные с написанными словами, стали просто излишеством, и что все, что им действительно нужно, - это небольшое количество знаков, которыми они могли бы писать звуки своих слов. Так был изобретен самый ранний, так называемый финикийский алфавит. Некоторые из его букв, возможно, были фактически скопированы с египетских знаков, как видно из [рис. 51](#), где показана подборка из сравнительного набора, составленного де Руже, расположенная таким образом, чтобы перейти от оригинального египетского иероглифа к его иератической форме в нынешней письменности, а затем к соответствующей букве финикийского алфавита, с ее значением в наших буквах и примерами подобных букв в других хорошо известных формах алфавита.

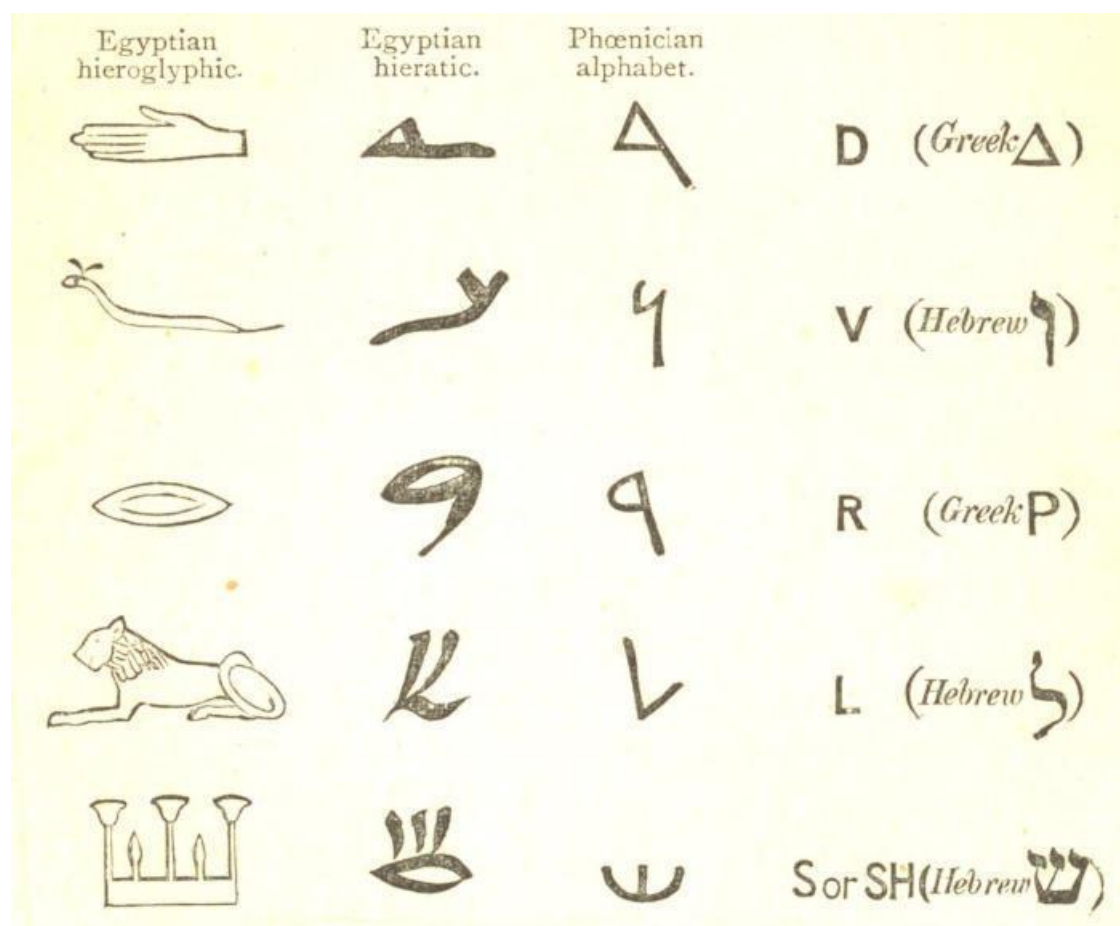

Рис. 51. Египетские иероглифы и иератические знаки в сравнении с буквами финикийского и более поздних алфавитов (по Де Руже).

По-видимому, примерно в десятом веке до нашей эры был создан первоначальный алфавит, формы которого использовались моавитянами, финикийцами, израильтянами и другими народами семитской семьи для записи своих языков. Любопытное доказательство того, что именно среди этих семитских народов впервые сформировался *алфавит*, дошло до нас в его названии. Чтобы понять это, следует обратить внимание на то, что буквы были названы, каждая - словом, начинающимся с нее. Еврейские формы этих названий знакомы английским читателям по Псалму сxiх, где они стоят в своем порядке: *aleph* или "вол" - *a*, *beth* или "дом" - *b*, *gimel* или "верблюд" - *g*, и так далее. Это естественный способ наименования букв; действительно, у наших англосаксонских предков был еще один такой набор имен, относящихся к рунным буквам, которые они использовали в старые времена, называя свою букву *b*, *beorc* или "береза", свою букву *m*, *man*, свою букву *th*, *thorn*. Что подтверждает историю о том, что у финикийцев был алфавит, а греки научились у них искусству письма, так это то, что греки действительно заимствовали финикийские названия букв, которые были похожи на только что приведенные еврейские, и которые в греческом языке перешли в известные формы *альфа*, *бета*, *гамма* и т. д. Отсюда происходит слово *алфавит*, которое, таким образом, сохраняет следы того, что буквы были созданы и названы финикийцами, перешли от них к грекам и латинянам и, наконец, дошли до нас. Интересно полистать книгу алфавитов, где не только прослеживается история греческих и латинских букв и других, явно родственных им, таких как готские и славянские, но даже выясняется, что такие непохожие на первый взгляд, как руны северян и санскритские иероглифы, должны быть потомками первобытного алфавита. Так, брахман пишет свою Веду, мусульманин - Коран, иудей -

Ветхий, а христианин - Новый Завет знаками, которые ведут свое происхождение от изображений на стенах храмов в Древнем Египте.

Однако в письменности произошли такие изменения, что зачастую требуется тщательнейшее сравнение, чтобы проследить их. Если показать китайцу английскую записку, написанную современным почерком, то будет нелегко доказать ему, что эти знаки произошли от старых финикийских, таких как на [рис. 51](#). Наша бегущая рука должна быть прослежена назад через тетрадную руку, от маленьких букв к римским прописным, и так далее. Читатели сочтут, что это стоит сделать в качестве упражнения. Можно также порекомендовать им посмотреть на старомодное английское письмо, например на приходской реестр XVI века, который покажет, насколько письмо того периода было похоже на корявую руку, которой до сих пор считается правильным писать по-немецки. Мы, англичане, к счастью, научились более простому и лучшему стилю у итальянских мастеров письма, которые научили нас "римской руке", которую Мальволио узнает в *"Двенадцатой ночи"*. Изменения в буквах делались не только для удобства, но и для украшения. Так среди писцов средневековья появились причудливые разновидности, такие как староанглийский и черный шрифт, которые до сих пор используются в декоративных целях. Этот стиль рукописей был в моде, когда в Европе появилось книгопечатание, и английские книги сначала печатались именно им, как и многие немецкие книги. Достаточно прочитать страницу напечатанной таким образом немецкой книги, чтобы убедиться, насколько большим выигрышем в четкости было отказаться от этих букв с формами, нарушенными бессмысленными линиями, и вернуться к более четким латинским буквам, которые мы используем сейчас.

Помимо этих общих изменений алфавита, история письменности показывает, как время от времени вносились изменения в отдельные буквы. Первоначальный финикийский алфавит был слаб в гласных, что понятно изучающему иврит, когда он пытается прочесть его без гласных точек, которые являются более современными знаками, поставленными в интересах тех, кто не знает язык достаточно хорошо, чтобы определить, как должно произноситься каждое слово. Финикийский алфавит не вполне устраивал авторов греческого и латинского языков, которые изменили некоторые буквы и создали новые, чтобы писать на своих языках более совершенным образом, и таким образом другие народы свободно добавляли, убирали и изменяли буквы и их звуки, чтобы получить средства, необходимые каждому для выражения своего языка. К таким причинам можно отнести буквы, не известные первобытному алфавиту, такие как греческая Ω и английская W, которые объясняются их названиями Omega или "большая O" и "двойная U". Дигамма или F вышла из употребления в греческом языке, а две ценные англосаксонские буквы *th*, *ð* и *ƿ*, потеряны для современного английского языка. Буквы H и X являются примерами букв, которые в греческом языке служили для других целей, нежели те, для которых они используются в английском. Организуя свои алфавиты в соответствии со звуками своих языков, народы придумывают, как с помощью большего или меньшего количества букв произносить слова с некоторой точностью. Итальянцам это удастся с двадцатью двумя буквами, а русским - с тридцатью шестью. Английский язык имеет алфавит из двадцати шести букв, но работает с ними без регулярной системы, так что наше написание и произношение расходятся на каждом шагу. Одной из причин такого положения вещей была попытка сохранить два разных написания, английское и французское, как, например, в случае, когда *g* используется для написания английского слова *get* и французского слова *gentle*. Другая причина - попытка сохранить древние звуки в письменной речи, хотя в устной они были отменены; так, в словах *throuGH*, *casTle*, *sCene* произносимые буквы являются реликтами звуков, которые раньше действительно были слышны в англосаксонском *thurH*, латинском *casTellum*, греческом

skēnē. Еще большее недоумение вызывает тот факт, что во многих словах английское письмо просто пытается написать то, что на самом деле произносится; английское *tail* не сохраняет утраченное гортанное англосаксонское *tægel*, как и английское *palsy* не сохраняет букв для звуков, исчезнувших при его происхождении от французского *paralysie*. Наше неправильное написание - результат не правил, а их отсутствия, и среди самых курьезных случаев - те, когда грамматики умудрились ошибиться сразу и в звучании, и в этимологии, написав *island*, *rhyme*, *scythe* там, где их предки рационально писали *iland*, *rime*, *sithe*. Считается, что в среднем год обучения английского ребенка уходит на преодоление недостатков нынешнего способа написания.

Изобретение письменности было великим движением, благодаря которому человечество поднялось от варварства к цивилизации. Насколько масштабным было его влияние, можно судить, взглянув на низкое состояние племен, все еще живущих без него, зависящих от памяти в своих традициях и правилах жизни и не способных накапливать знания, как это делаем мы, ведя записи событий и накапливая новые наблюдения для использования будущими поколениями. Поэтому, несомненно, правильно проводить границу между варварами и цивилизованными людьми там, где появляется искусство письма, поскольку оно придает постоянство истории, праву и науке. Знания настолько сопутствуют письму, что когда о человеке говорят как об ученом, мы сразу же подразумеваем, что он прочитал много книг, которые являются основным источником, по которому учатся люди. Уже в древние времена, по мере того как писались ценные сочинения, возник класс переписчиков или транскрибаторов, чьим делом было размножение книг. В Александрии или Риме можно было пойти в библиополу или к книготорговцу и купить рукопись Демосфена или Ливия, а в более поздние века копирование религиозных книг, великолепно иллюминированных, стало обычным занятием, особенно в монастырях. Но рукописи стоили дорого, читать их могли лишь немногие ученые, и так бы, несомненно, и продолжалось, если бы не появилось новое искусство размножения письменности.

Этот процесс был достаточно прост сам по себе и, более того, хорошо известен с давних времен. Каждый египтянин или вавилонянин, намазавший черной краской перстень или гравированный цилиндр и снявший с него копию, делал первый шаг к печати. Но каким бы легким ни казалось нам дальнейшее применение, никто в Старом Свете не видел его. По-видимому, именно китайцы придумали гравировать целую страницу иероглифов на деревянном блоке и печатать с нее множество копий. Возможно, они начали это делать уже в шестом веке, во всяком случае, в десятом веке они уже всюду печатали книги. Китайская письменность из-за огромного разнообразия иероглифов плохо подходит для печати подвижными шрифтами, но есть сведения о том, что этот план был разработан в их среде, и в одиннадцатом веке он был реализован с помощью отдельных терракотовых шрифтов. Мусульманские писатели в начале четырнадцатого века описывают китайское книгопечатание, так что, вероятно, именно через них это искусство попало в Европу, где вскоре после этого появились так называемые "блок-буки", напечатанные с целых страниц деревянных блоков по китайскому образцу, а затем книги, напечатанные подвижными шрифтами. Немногие вопросы вызывали больше споров среди антикваров, чем претензии Гутенберга, Фауста и других на свою долю чести как изобретателей книгопечатания. Как бы ни были велики заслуги этих выдающихся людей перед миром, справедливо будет вспомнить, что они всего лишь улучшили практическое применение китайского изобретения. С тех пор был достигнут прогресс в удешевлении шрифтов, изготовлении бумаги машинным способом, усовершенствовании прессов и их работе на паровой тяге, но идея осталась прежней. Такова, в нескольких словах, история искусства печати, которому,

возможно, больше, чем какому-либо другому влиянию, обязано отличие нашей современной жизни от жизни средневековья.

Рассматривая эти способы письма, мы начали с грубых рисунков охотников, перешли к использованию египтянами рисунка для обозначения звука названия, затем к дроблению рисунка до простого звукового знака, пока на последней стадии связь между рисунком и звуком не стала настолько произвольной, что ребенка приходится учить: этот знак обозначает А, этот - Б. Любопытным контрастом с этим является современное изобретение фонографа, где реальный звук, произнесенный в вибрирующую мембрану, отмечает углубления в движущейся полоске фольги, с помощью которой мембрана может быть впоследствии вызвана для повторения вибраций и повторного воспроизведения звука. Если прислушаться к тонам, издаваемым полоской фольги, то фантазия островитян Южных морей о говорящей микросхеме покажется необоснованной.

ГЛАВА VIII. ИСКУССТВО ЖИЗНИ.

Развитие инструментов, 183-Клуб, молоток, 184-каменет, 185-шляпа, 188-сабля, нож, 189-копье, кинжал, меч, 190-плотницкие инструменты, 192-ракеты, копье, 193-праща, копьеметалка, 194-лук и стрелы, 195-труба, пистолет, 196-механическая сила, 197-колесная тележка, 198-ручная мельница, 200-сверло, токарный станок, 202-винт, 203-водяная мельница, ветряная мельница, 204.

Искусство, с помощью которого человек защищает и поддерживает себя, а также управляет миром, в котором живет, настолько сильно зависит от использования им инструментов, что будет хорошо начать с некоторого описания инструментов и оружия, прослеживая их от самых ранних и грубых форм.

Человека иногда называют, чтобы отличить его от всех низших существ, "животным, использующим орудия труда". Это различие верно в целом, отделяя человека с его копьем и топором от быка, скалящегося своими рогами, или бобра, плотничающего своими зубами. Но поучительно видеть, как очевидно, что племена обезьян, наиболее близкие к нам по наличию рук, также обладают зачатками способностей к использованию орудий. Не обученные человеком, они защищаются с помощью ракет, как, например, апельсины на дуриановых деревьях, яростно забрасывающие прохожих колючими плодами. Говорят, что шимпанзе в лесах раскалывают орехи камнем, как это часто делают обезьяны в наших зоологических садах, где они с легкостью осваивают эти и более сложные орудия, как только им приходит в голову такая мысль.

К низшему разряду орудий относятся те, которые природа предоставляет в готовом виде или с недостаточной отделкой: камешки для пращи или молота, острые каменные осколки для резки или скрежета, ветки для дубин и копий, шипы или зубы для протыкания. Конечно, чаще всего эти орудия используются дикарями, но иногда они сохраняются и в цивилизованном мире, например, когда мы подхватываем любую палку, чтобы убить ею крысу или змею, или когда на юге Франции женщины чистят миндаль гладкой галькой, как это делают обезьяны в Риджентс-парке. Высшие орудия труда, используемые человечеством, часто являются явными усовершенствованиями какого-то природного объекта, но они приспособлены искусством к таким способам, о которых звери даже не

догадываются, так что лучше назвать человека "изготовителем орудий труда", чем "пользователем орудий труда". Рассматривая различные виды орудий труда, мы видим, что они не были изобретены все сразу внезапными вспышками гения, а развивались, или, можно сказать, росли, путем небольших последовательных изменений. Заметим также, что инструмент, который сначала выполнял примерно несколько видов работ, впоследствии видоизменялся по-разному, чтобы соответствовать каждой конкретной цели, что привело к появлению нескольких различных инструментов. Зулус, который за работой скребет палку, которая должна стать древком его assegai, с той самой железной головкой, которая должна быть закреплена на ней, может дать представление о том, каким было раннее производство инструментов, до того как люди четко осознали, что модель инструмента, подходящая для наконечника копья, не является лучшей для резки и скрежета. Мы должны ужаснуться при мысли о кузнеце, вырывающем один из наших зубов своими щипцами, как это позволили бы ему сделать наши предки; щипцы, которые, как мы ожидаем, использует стоматолог, действительно являются разновидностью инструмента кузнеца, но это особая разновидность для особой цели. Таким образом, в истории инструментов инструменты механика нельзя отделять от оружия охотника или солдата, поскольку в ряде случаев можно увидеть, что и инструмент, и оружие возникли на основе более ранних инструментов, которые одинаково служили для разбивания черепов и орехов какао, или для рубящих ударов по сучьям деревьев и людей.

Среди простейших видов оружия - толстая палка или дубина, которая, утяжеляясь, переходит в дубину. Грубые чемпионы наслаждались свирепой грубостью такой шишковатой дубины, которую Гераклес на картинах несет на плече, в то время как другие проводили часы досуга за изящной формовкой и резьбой, как на дубинах с островов Южного моря, которые можно увидеть в музеях. От диких и варварских времен боевая дубина дошла до средних веков Европы, когда рыцари все еще пробивали шлемы своими тяжелыми булавами. Используемая в основном как оружие, она лишь иногда появляется в мирном искусстве, как, например, ребристые булавы, которыми полинезийские женщины выбивают ткань из коры. Любопытно наблюдать, как самое грубое из примитивных видов оружия после прекращения его серьезного боевого применения сохраняется в качестве символа власти, когда булаву носят как эмблему королевской власти и кладут на стол во время заседания парламента или Королевского общества. В то время как булава была, как правило, оружием, молоток был, как правило, орудием. Его история начинается с гладкого тяжелого камешка, который держали в руке, как африканские кузнецы и по сей день куют железо на другом гладком камне в качестве наковальни. Большим усовершенствованием стало крепление каменного молота на рукоятке; это было сделано в глубокой древности, о чем свидетельствуют специально сделанные на каменных головках желобки или отверстия (см. [рис. 54 i](#)). Хотя железный молот вытеснил их, след более древнего использования камня остался в самом названии *молота*, которое является древнескандинавским *hamarr*, означающим одновременно камень и молот.

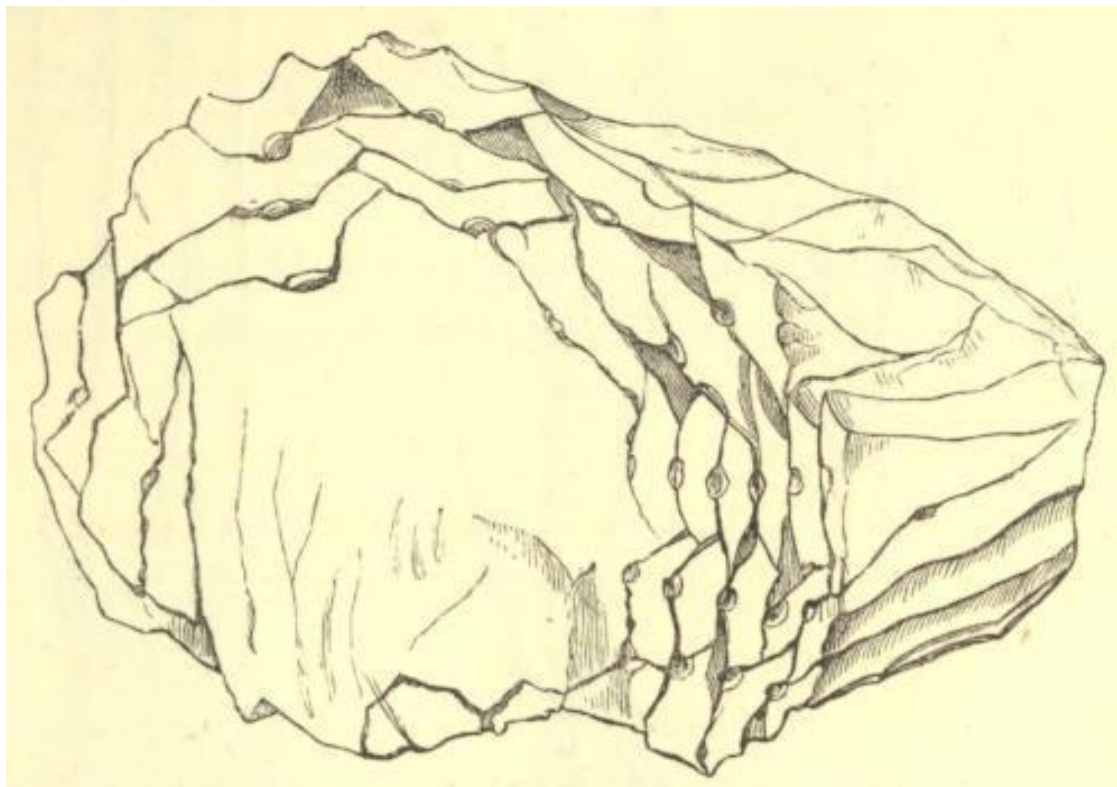

Рис. 52. Ядро и отщепы оружейного мастера (Эванс).

От ударов мы переходим к рубящим и режущим предметам. Уже в самые ранние времена жизни человека на земле его остроконечные орудия из острого камня являются одними из главных его реликвий. Уже в эпоху мамонтов он научился не довольствоваться случайными сколами кремня, а отбивать обоюдоострые чешуйки. Это искусство обтесывания кремня или других подходящих камней лежит в основе изготовления каменных орудий. Возможно, лучшее представление о нем можно получить от суффолкских оружейников, которые и сегодня продолжают первобытное ремесло, хотя и с более совершенными инструментами и для совсем других целей. На рис. 52 показано кремневое ядро, изготовленное оружейником, с чешуйками, которые он сбил, и видны следы удара, от которого отлетела каждая чешуйка. Чешуйки, изготовленные людьми каменного века для инструментов, могут быть трехгранными, как австралийская чешуйка на рис. 53 b. Но более удобная плоская форма а, с использовалась с самых ранних времен. На кремневом стержне (рис. 54 f) с извлеченными из него чешуйками е показано, как с помощью предыдущего отщепа или обрезка он был подготовлен для того, чтобы новая чешуйка получилась с подходящей спинкой. Самые тонкие чешуйки - это те, которые не сбиваются, а сминаются при помощи деревянного или рогового инструмента для отслаивания. Аккуратная датская чешуйка, рис. 53 с, несомненно, была сделана именно так, и еще более красивые острые чешуйки обсидиана, которыми брились туземные цирюльники Мексики, к изумлению солдат Кортеса. Отколотая каменная чешуйка может быть пригодна для использования в качестве ножа или наконечника копья, как на рис. 58 а; а при дальнейшем раскалывании из нее можно сделать скребок, наконечник стрелы или шило, как на рис. 54.

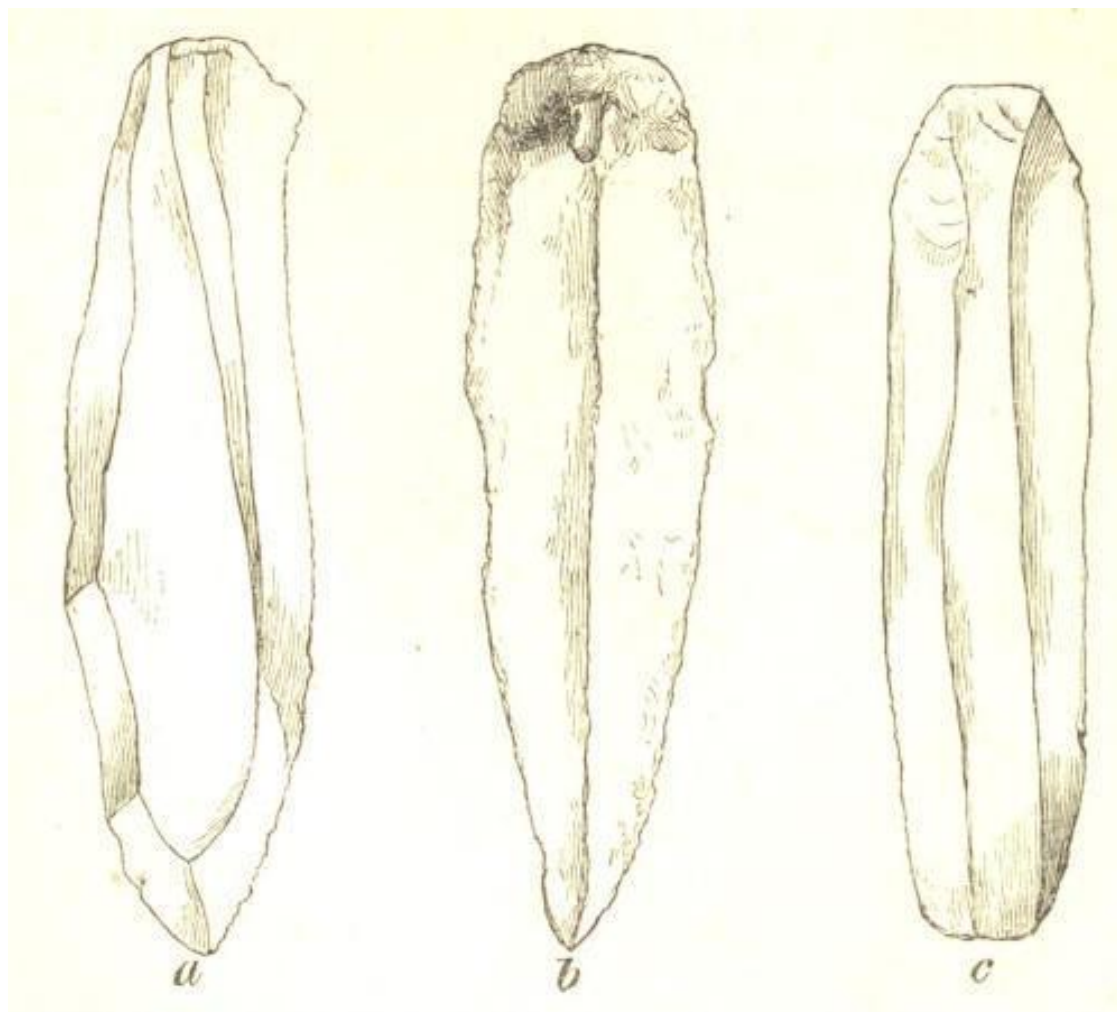

Рис. 53.- Каменные чешуйки: а, палеолит; б, современная Австралия; в, древняя Дания.

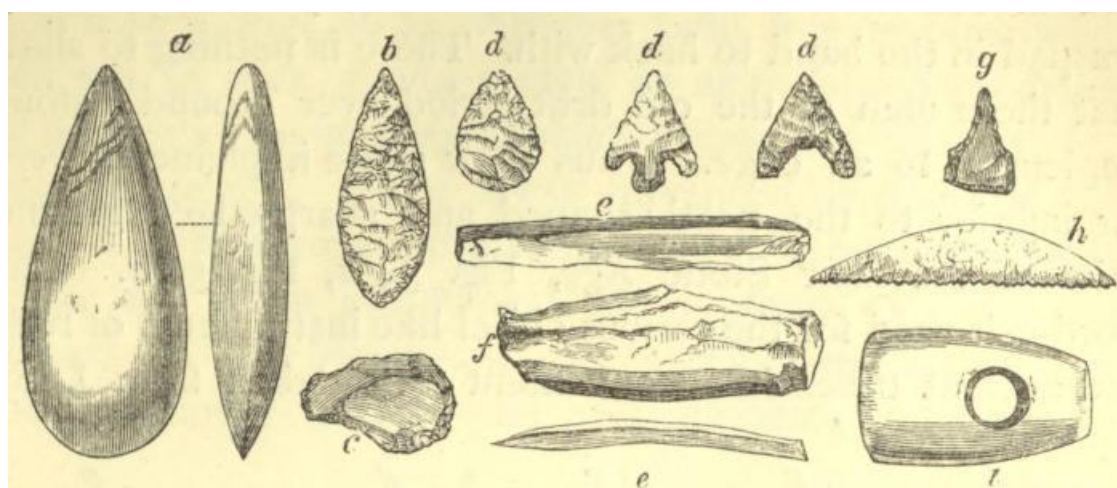

Рис. 54.- Орудия позднего каменного века (неолита). а, каменный кельт или топор; б, кремневый наконечник копья; с, скребок; d, наконечники стрел; е, кремневые чешуйчатые ножи; f, сердцевина, с которой сняты кремневые чешуйки; g, кремневое шило; h, кремневая пила; i, наконечник каменного молотка.

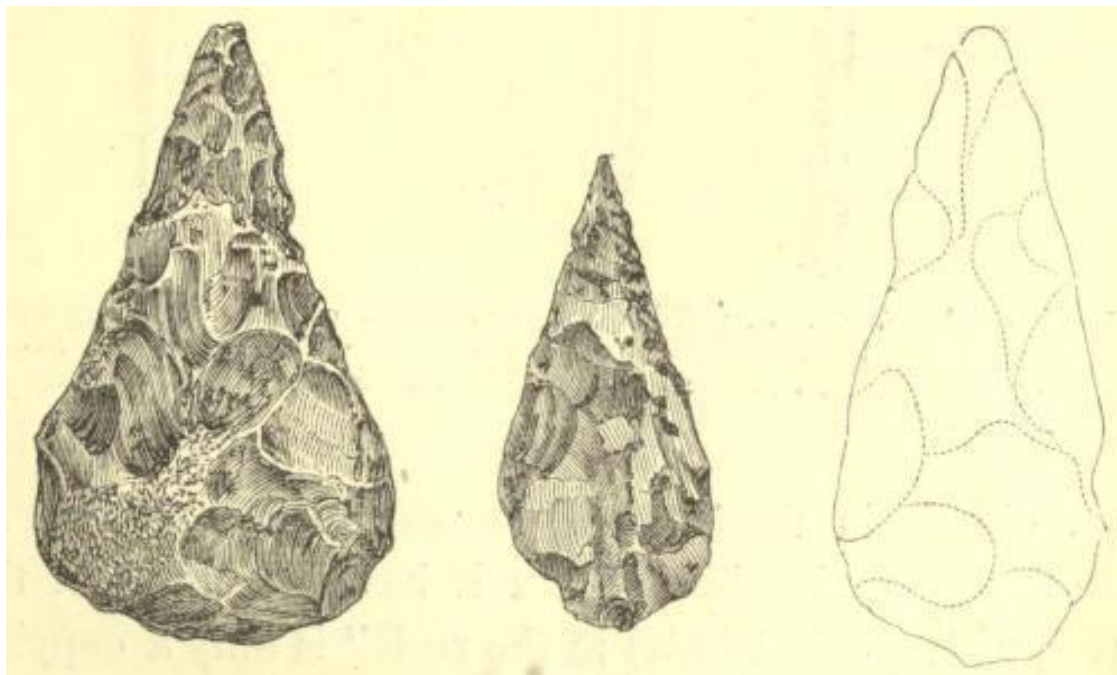

Рис. 55.- Кремневые кирки или топорики раннего каменного века (палеолита).

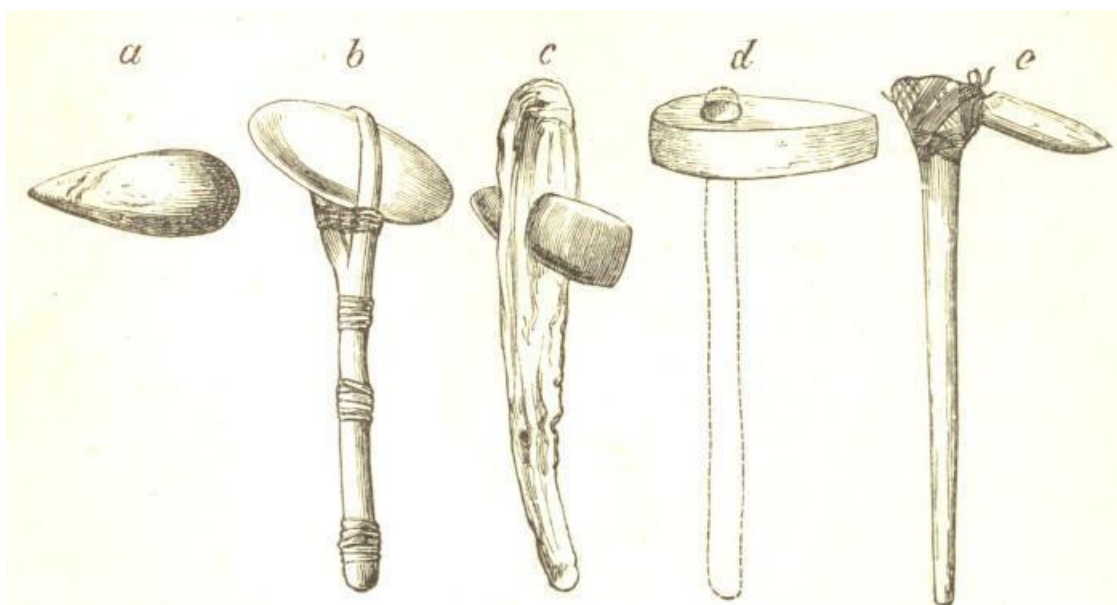

Рис. 56.- Каменные топоры и т. д. *a* - кельт из полированного камня (Англия); *b* - галька, отшлифованная по краю и закрепленная в рукоятке из прутьев (современный ботокудо, Бразилия); *c* - кельт, закрепленный в деревянной дубине (Ирландия); *d* - каменный топор, просверленный для рукоятки (Англия); *e* - каменное лезвие (современная Полинезия).

Древнейшие известные племена людей оставили в галечниках четвертичного или мамонтового периода не только грубые отщепы, как [на рис. 53 а](#), но и уже упоминавшиеся в первой главе каменные орудия, рисунок которых повторен [на рис. 55](#). Обломанные по краям, они могли служить с заостренным концом как кирки, а с широким - как топоры. Неясно, были ли они закреплены в рукоятках, но есть образцы, у которых только один конец обломан до острия, а другой конец кремня остался гладким, так что их, очевидно, брали в руку, чтобы рубить. Ничто не указывает на то, что люди старого периода дрейфа когда-либо обтачивали каменные орудия до остроты. Таким образом, их каменные орудия значительно уступали аккуратным и остроугольным шлифованным кельтам более позднего каменного века, [рис. 54](#)

а, [рис. 56 а](#). Слово "кельт", используемое для обозначения различных долотообразных орудий грубых и древних племен, - удобный термин, взятый из латинского *celtis*, долото, в Вульгате в переводе Иова xix. 24, "*celte sculpantur in silice*"; но есть мнение, что "высеченный резцом (*celte*) в скале" - это лишь ошибка переписчика "высеченный точно (*certe*) в скале"; и если это так, то *celtis* и *celt* - любопытные вымышленные слова. Стоит отметить, что название орудий труда, называемых *кельтами*, не имеет ничего общего с названием народа, называемого *кельтами* или *кельтами*. Чтобы превратить каменный кельт в топорик, ему требуется только рукоятка. Это очень просто делали лесные индейцы Бразилии, которые подбирали подходящий камешек, изношенный водой, обтесывали один конец до края и привязывали его к ветке, [рис. 56 б](#). Другой грубый способ крепления кельта - втыкание его в дубину, чтобы получился топор дровосека или воина, как на рисунке с, где показан топор, выкопанный из болота в Ирландии. Наиболее продвинутым методом было просверлить отверстие в каменном лезвии, чтобы взять рукоятку, как на рисунке d. Когда каменное лезвие закреплено кромкой поперек, инструмент становится плотницким топором, как на рисунке e, который используют полинезийцы, строящие каноэ.

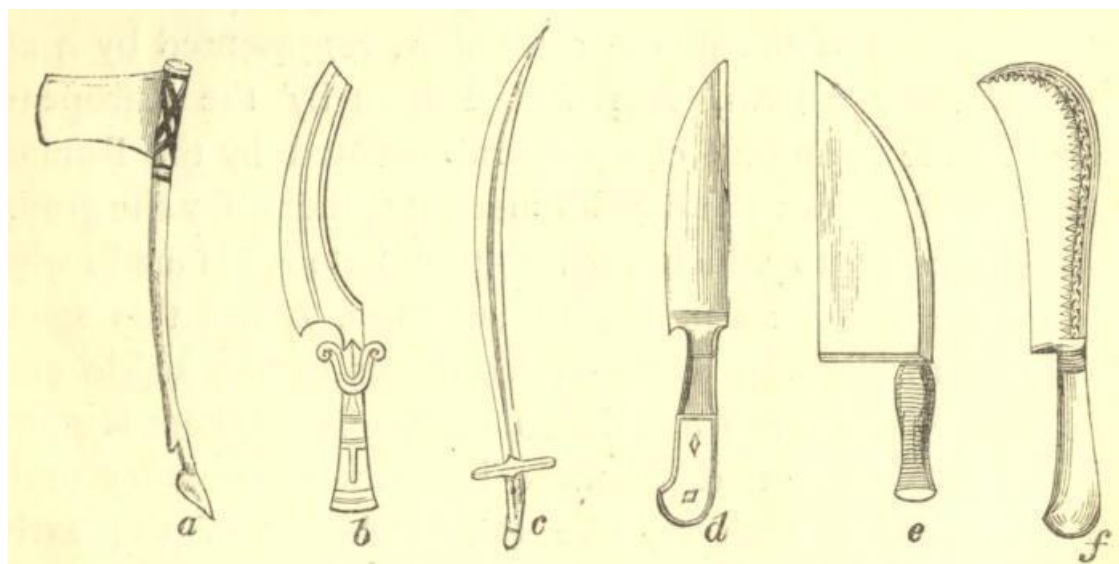

Рис. 57.- а, египетский боевой топор; b, египетский фальчион; с, азиатская сабля; d, европейский нож в ножнах; e, римский культер; f, индусский билль-крюк.

Когда появился металл, формы каменных орудий стали имитировать медные, бронзовые или железные, и хотя узоры, конечно, были облегчены и иным образом улучшены, чтобы соответствовать новому материалу, ясно видно, что каменные топоры и наконечники копий, хранящиеся в музеях, являются предками (так сказать) металлических орудий, сделанных с тех пор. Но использование металла также привело к появлению новых и полезных форм, для которых камень не подходил. Представление об этих важных изменениях можно получить, внимательно рассмотрев серию металлических режущих инструментов на [рис. 57](#). Начнем с а - египетского бронзового боевого топора, не очень сильно отличающегося от каменной секиры. Но b, бронзовый фальчион, который также носили египетские воины, представляет собой нечто вроде топорика с рукояткой не сзади, а смещенной вниз; это удобное изменение не могло быть сделано в каменной секире, которая сломалась бы в хвостовике при первом же ударе, в то время как в металле она подходит идеально. Вполне возможно, что именно такие преобразованные топоры привели к созданию нескольких важнейших классов оружия и инструментов, в которых лезвие с прочным задним и передним краем крепится к расположенной под ним рукоятке для рубящих, колющих или режущих ударов. К ним относятся все различные формы сабли или

скимитара, представленные на рисунке с, все наши обычные ножи, представленные здесь европейским ножом в ножнах d, и все тесаки, представленные римским культером e. На этом развитие не останавливается, поскольку группа инструментов, к которой принадлежит наш крюк, изготавливается с вогнутым краем, как в индийской форме f, и это снова приводит к еще более изогнутым формам серпа и косы, которые здесь не показаны. Таким образом, есть основания предполагать, что все эти инструменты, будь то орудия труда или оружие, или такие, как крюки для счёта у ранних англичан и современных малайцев, служившие одинаково для мира и войны, возможно, произошли от раннего металлического топора, который сам произошёл от ещё более раннего каменного топора.

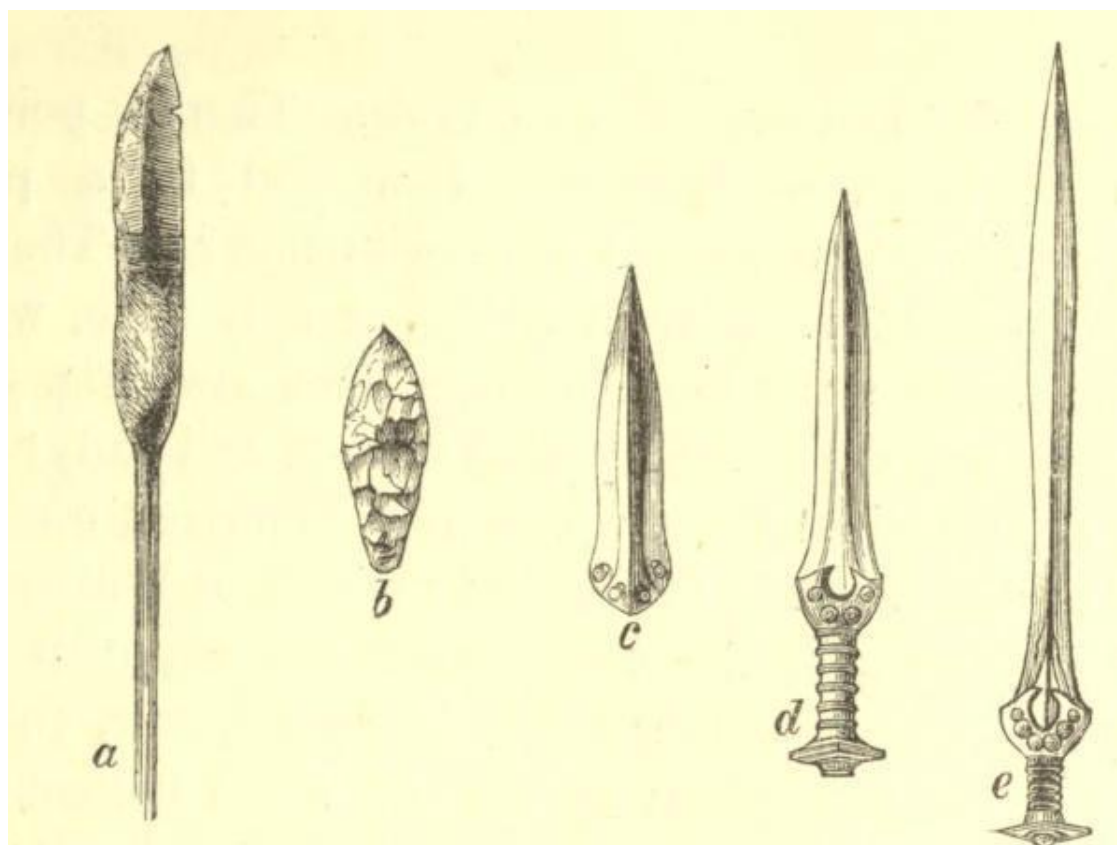

Рис. 58.- а, каменный наконечник копья (остров Адмиралтейства); б, каменный наконечник копья или клинок кинжала (Англия); в, бронзовый наконечник копья (Дания); г, бронзовый кинжал; д, бронзовый меч в форме листа.

Из ранних каменных наконечников копий постепенно возник другой тип оружия, как видно на рис. 58. Если посмотреть на копье с островов Адмиралтейства, а, наконечник которого представляет собой крупную чешуйку обсидиана, то становится ясно, что такое копье, если отломить короткое древко, превращается в кинжал. На самом деле часто невозможно определить, предназначались ли кремневые клинки такой формы, как б, откопанные в Европе, для установки в качестве копий или кинжалов. Хрупкость камня препятствовала использованию каменных клинков длиной более нескольких дюймов, но когда появился металл, клинки стали длинными, коническими и острыми, превратившись в обоюдоострые кинжалы смертоносного действия. На старых египетских изображениях воины изображены вооруженными копьем и кинжалом, причем эти два вида оружия имеют лезвия схожей формы, так что кинжал можно описать как большой наконечник копья с рукоятью для захвата в руку. Похоже, что металлический кинжал, удлиняясь, перешел в обоюдоострый меч - оружие, невозможное в камне. Чтобы дать представление о том, как это могло произойти, на рис. 58 показаны три образца из бронзового периода Северной Европы, где видно, как

наконечник копья с мог быть удлиннен до кинжала *d*, а тот - до листовидного меча *e*. Прямые обоюдоострые мечи, конечно, могли использоваться для рубящего или колющего удара, или для того и другого. Но если положить рядом одноострую саблю и обоюдоострую шпагу или рапиру, то станет ясно, что хотя обе они называются мечами и снабжены похожими эфесами, гардами и ножами, тем не менее это два оружия разной природы и происхождения: сабля - это преобразованный топор, а рапира - преобразованное копье. Последний тип копья, одним из современных видов которого является штык, в основном служил для военных целей. Тем не менее, оно не является неизвестным мирным инструментом, как можно видеть в африканских обоюдоострых ножах, которые, очевидно, произошли от наконечников копий; а также в инструменте, который наши хирурги, осознавая его первоначальную модель, называют маленьким копьем или *ланцетом*.

Перейдем к другим видам инструментов. Шипы, заостренные осколки кости или кремневые чешуйки, обработанные до остроты (рис. 54 *г*), служили ранним племенам людей в качестве буравов. Пила, вероятно, возникла из зазубренной кремневой чешуйки, которая впоследствии превратилась в более искусственную кремневую пилу, рис. 54 *h*. Таким образом, люди каменного века имели в грубой и ранней форме некоторые из основных инструментов, которые были усовершенствованы в эпоху металла. Интересно посмотреть в книге Уилкинсона "*Древние египтяне*" на содержимое корзины с инструментами египетского плотника, где бронзовые клещи, пилы, долота и т. д. показывают следы сходства со старыми каменными орудиями. С другой стороны, египетский набор инструментов, а также инструменты древнегреческих и римских плотников очень близки к тем, которыми мы пользуемся в настоящее время. Одно отличие, которое ставило древних плотников ниже наших, заключалось в том, что они не выходили за рамки гвоздей, никогда не завладевали идеей винтов, которые так необходимы в современном строительстве, и таких инструментов, как шуруповерт и имбулатор, действие которых зависит от винта. Среди древних культурных народов Египта и Ассирии ремесла уже достигли той стадии, которая могла быть достигнута только тысячелетним прогрессом. В музеях до сих пор можно увидеть работы их столяров, каменотесов, ювелиров, замечательные по мастерству и отделке и часто ставящие в неловкое положение современного ремесленника. Конечно, эти результаты достигались древними мастерами с помощью того, что мы считаем расточительной тратой труда. Использование стали и другие усовершенствования дали современному мастеру огромные преимущества, и, более того, современный мир полностью опередил древний в использовании машин, что будет более подробно видно сейчас, когда будет проведено исследование более простых инструментов.

Продолжим обзор оружия. Дубину или булаву бросают охотники или воины, например, зулусы сбивают антилопу на неожиданном расстоянии броском своей круглоголовой дубины или набалдашника-керри, а турки до новейших времен метали в бою свою булаву. Спортивное использование превзошло воинское, и даже в Англии метательная дубина фоулера небезызвестна в сельской местности, где ее называют *сквойлом*. Плоская тонкая дубина, изогнутая или искривленная веткой, из которой она вырезана, полюбилась спортсменам разных народов за разрушительный полет с завихрениями, как, например, на картинах, где можно увидеть старого египетского фоулера, бросающего свою плоскую изогнутую дубинку в гущу диких уток. Австралийцы не только бросают деревянные булавы и клинки в качестве оружия таким обычным способом, но и с удивительным мастерством изготавливают и бросают своеобразный легкий изогнутый клинок, названный "возвращающимся" бумерангом, который отклоняется от курса и возвращается к метателю, что можно увидеть, вырезав бумеранги из открытки для гостей и подбрасывая их. Опять же, очевидно, что камни, бросаемые вручную, должны были быть одним из первых видов оружия

человека. Простым инструментом для удлинения руки и накопления импульса является праща, которая настолько широко известна даже среди самых низких племен людей, что, вероятно, имеет большую древность.

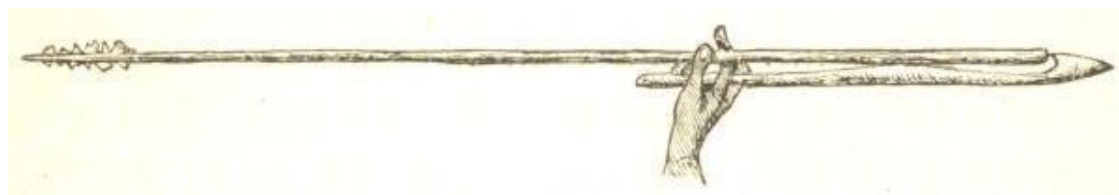

Рис. 59.- Австралийское копье, брошенное с помощью копьеметателя (по Brough Smyth).

Самое грубое копье, представляющее собой простую заостренную палку, известно повсюду в мире дикарей; его острие часто закаляют, втыкая в огонь. Копья, будь то неуклюжие палки или более искусственно заостренные орудия, более тяжелые служат для метания, более легкие - для удара, а промежуточные размеры подходят для обеих целей. Очевидно, что для того, чтобы копье не выходило из раны, его стали делать колючим. Другой способ, широко известный среди грубых охотников и рыболовов, заключается в том, что острие свободно насаживается на древко, прикрепляясь к нему шнуром определенной длины, который разматывается, когда острие вонзается в животное, а древко отпадает, так что пораженный зверь не может отломить древко, а тащит его за собой, или рыба удерживается и отмечается плавающим древком. Расстояние, на которое можно метнуть копье вручную, значительно увеличивается, если использовать копьеметатель, действующий как праща. Во времена капитана Кука жители Новой Каледонии перевязывали свои копья коротким шнуром с проушиной для пальца, а римские солдаты для той же цели прикрепляли к копьям ремешок (*amentum*) около середины древка. Но деревянные копьеметалки длиной от одного до трех футов, ухватистые с одного конца и с колышком или выемкой на другом, чтобы принимать приклад копья, были более любимы дикими и варварскими расами. Так, на рис. 59 изображен австралийский копьеметатель. Это выглядит более примитивным инструментом, чем лук, который, правда, не был известен этим грубым дикарям. Похоже, что с развитием оружия копьеметалка была отброшена, так как она не встречается ни у одного народа выше старых мексиканцев, и даже среди них она, кажется, скорее хранилась в церемониальном виде с давних времен, чем серьезно использовалась. Лук и стрелы (как предполагает генерал Питт-Риверс), скорее всего, выросли из более простого приспособления - пружинной ловушки, которую ставили в лесу, прикрепляя дротик к упругой ветке, закрепленной так, чтобы ее мог выпустить проходящий мимо зверь, по следу которого он и разряжает оружие. Как бы ни был изобретен лук, он вошел в обиход в доисторические времена. Его стрела - миниатюра полноразмерного копья, а старые каменные наконечники стрел, найденные в большинстве регионов мира (см. рис. 54 d), свидетельствуют о существовании лука и стрелы в каменном веке, хотя вряд ли до дрейфового периода. Искусство накладывать стрелу на оперение уходит корнями в историю, и мы не знаем, насколько дальше. Самый простой вид длинного лука - тот, который мы до сих пор используем в стрельбе из лука, - сделан из цельного куска прочного дерева. На рис. 60 а показан длинный лук лесных племен Южной Америки, не натянутый, с болтающейся тетивой. То, что можно назвать татарским или скифским луком, состоит из нескольких кусков дерева или рога, соединенных клеем и сухожилиями. Более короткий, чем длинный лук, он пружинит, если его согнуть наружу, чтобы натянуть тетиву; таким образом, вогнутая сторона древнего скифского лука b становится выпуклой, когда он натягивается. Луки этого класса особенно характерны для северных регионов, где не хватает прочной древесины, пригодной для изготовления длинных цельных луков. В качестве боевого оружия лук продержался в Европе до средневековья, и уже в 1814 году мир с удивлением наблюдал, как казачья

кавалерия, вооруженная луками и стрелами, скачет по улицам Парижа. Дальнейшим шагом в истории лука стало крепление его на ложе, чтобы можно было прицелиться на досуге и нажать на спусковой крючок, чтобы отпустить тетиву. Так появился арбалет, который, по-видимому, был изобретен на Востоке, а в римской Европе был известен примерно в шестом веке. На рисунке с он представлен в своей усовершенствованной форме с лебедкой для натягивания лука, как его использовали солдаты в XVI веке. Арбалеты до сих пор делают в Италии для стрельбы по птицам болтом или пулькой.

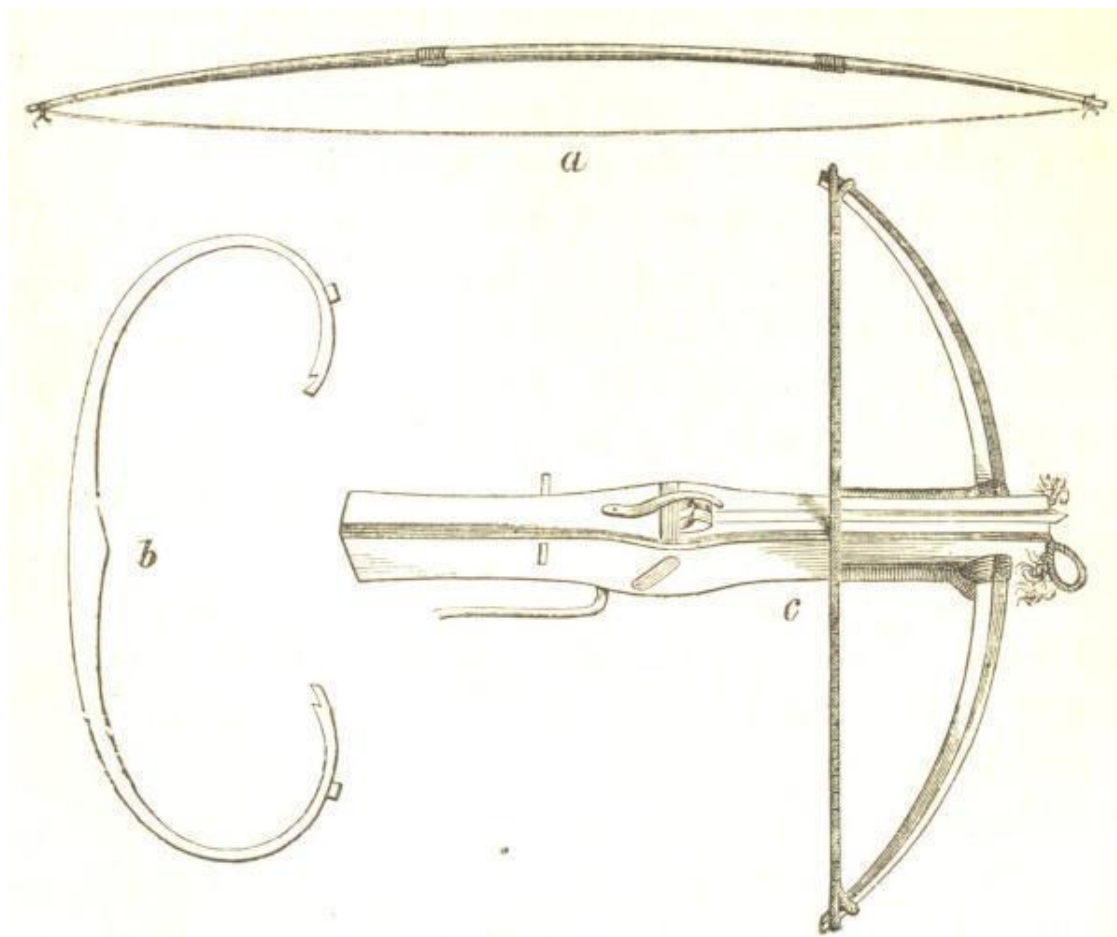

Рис. 60.- Луки. *a*. Южноамериканский длинный лук (не натянутый); *b*. Татарский или скифский лук; *c*. Европейский арбалет.

Чтобы понять следующий великий шаг в развитии ракетного оружия, необходимо обратиться к жизни дикарей. Дудочка, через которую лесные индейцы Южной Америки (рис. 43) выдувают свои крошечные отравленные дротики, или похожее малайское оружие, называемое сумпитан, могли быть легко изобретены везде, где рос длинный крупный тростник. С простыми дротиками или пульками духовая трубка служила для стрельбы по птицам, и ее часто держат в качестве игрушки, как в горохострелах наших мальчиков. Однако когда порох стал применяться в военном деле, его использование вскоре превратило духовую трубку в орудие огромной силы, когда вместо дуновения в тростнике взрыв пороха в железном стволе изгонял снаряд. В ранних пушках средневековья порох поджигали, поднося уголь или спичку к отверстию, как это делалось до недавнего времени в пушках. В ручном огнестрельном оружии за этим ранним спичечным замком последовал колесцовый замок. Это привело к кремневому замку, который любопытно сравнить с арбалетом, поскольку изогнутый лук, освобождаемый спусковым крючком, который в арбалете выполнял фактическую работу по выпуску снаряда, теперь спустился вниз, в виде пружины и

спускового крючка, для подчиненного использования удара по огниву для воспламенения пороха, который фактически приводит в движение шар. В более современных ружьях курок и пружина все еще остаются, а усовершенствование заключается в использовании фульминантного серебра в колпачке, воспламеняющегося от удара молотка. Нарезка пули с помощью канавок в стволе является современным представителем древнего плана легкого скручивания наконечника копья или оперения стрелы, чтобы заставить ее вращаться, что обеспечивает большую устойчивость полета. Современный конический выстрел демонстрирует частичный возврат от сферической пули к древнему болту или стреле, и, наконец, казнозарядное оружие возвращается к старому плану введения стрел в приклад дикарской духовой трубки.

Таким образом, становится ясно, что изобретательность человека в искусстве уничтожения своих собратьев была на высоте. Рассматривая последнюю группу смертоносных орудий, от камня, брошенного рукой, до нарезной пушки, мы видим одно из величайших достижений культуры. Это прогресс от простого инструмента или орудия, такого как дубина или нож, который позволяет человеку наносить удары или резать более эффективно, чем руками или зубами, к машине, которая, будучи снабжена силой, должна быть только установлена и направлена человеком для выполнения своей работы. Человек часто сам обеспечивает силу, которую машина распределяет более удобно, как, например, гончар вращает колесо собственной ногой, используя руки для лепки крутящейся глины. Высший класс машин - это те, которые приводятся в движение накопленными силами природы, как, например, лесопилка, где бегущий поток выполняет тяжелую работу, а пильщику остается только подносить древесину и руководить распиловкой.

Что касается того, как впервые были освоены простые механические силы, то бесполезно гадать, в каком грубом и раннем возрасте люди обнаружили, что камни или блоки, слишком тяжелые для подъема вручную, можно поднять и передвинуть с помощью крепкой палки, или катить на двух или трех круглых палках, или подниматься по длинному пологому склону легче, чем по короткому крутому подъему. Таким образом, такие открытия, как рычаг, ролик и наклонная плоскость, оказались совершенно недоступны для истории. Древние египтяне использовали клинья для раскалывания огромных каменных глыб, и остается только удивляться, что, зная шкив так же, как они, он никогда не появляется в оснастке их кораблей (см. [рис. 71](#)). Колодец со шкивом можно увидеть на ассирийских скульптурах, где также огромный крылатый бык тянет за собой рычаги и тащится на санях с подложенными под них роликами.

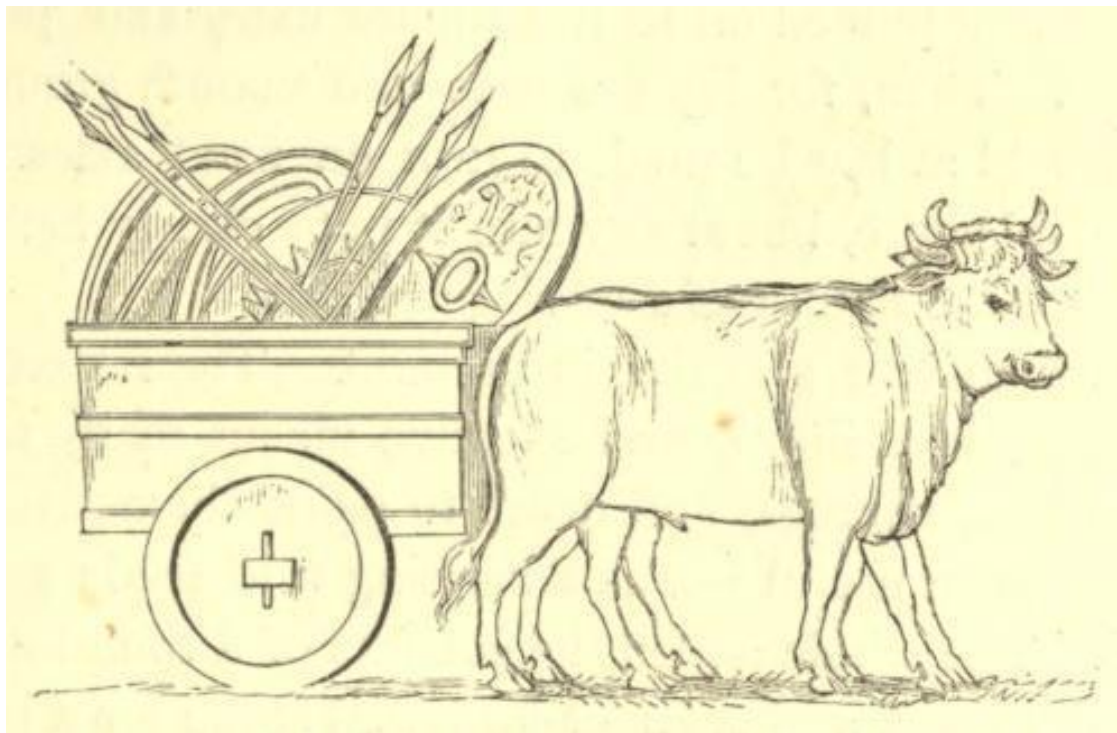

Рис. 61.- Древняя повозка с быком, с Антониновой колонны.

Колесная повозка, которая относится к числу самых важных машин, когда-либо созданных человеком, была изобретена в доисторические времена. Чтобы увидеть, какого конструктивного мастерства достигли ведущие народы уже в те времена, которые мы считаем глубокой древностью, стоит внимательно рассмотреть египетские боевые колесницы с их аккуратно подогнанными и прочно затянутыми спицами, вращающимися на осях, закрепленных штырями, в то время как кузов, шесты и двойная упряжь демонстрируют не меньшее техническое мастерство. В поисках подсказки о том, как были изобретены колесные повозки, бесполезно судить по таким высококвалифицированным работам, какие были сделаны египетскими колесничими или римскими *плотниками*, от которых наши *плотники* унаследовали свое имя. Но, как это часто бывает, можно найти грубые приспособления, которые выглядят так, как будто они принадлежат к ранним стадиям изобретения. Плауструм, или фермерская телега древнего мира, в своей самой грубой форме имела для колес два массивных деревянных барабана толщиной около фута, сделанных из ствола дерева, разрезанного поперек; эти барабаны или колеса не вращались на оси, а были закреплены на ней; ось удерживалась на месте деревянными упорами или проходила через кольца на дне телеги и двигалась по кругу вместе с парой колес, как это делают детские игрушечные тележки. Любопытно заметить, как в изменившихся условиях строители железнодорожных вагонов вернулись к этой ранней конструкции. В древней повозке, [рис. 61](#), квадратный конец оси показывает, что она должна вращаться вместе с колесами. В таких странах, как Португалия, до сих пор можно увидеть старую классическую повозку с быком, построенную по этому принципу, и есть основания полагать, что именно такие повозки рассказывают историю изобретения колесных экипажей. Вначале использовались катки, по которым катили каменную глыбу или другой тяжелый груз. Предположим, что такой ролик, сделанный из сглаженного ствола дерева, можно усовершенствовать, уменьшив среднюю часть, чтобы он стал осью и парой широких колес в одном куске, тогда, заставив эту ось работать под самым грубым каркасом, получится простейшая колесная повозка, которую только можно себе представить. Если первая идея повозки была предложена таким образом, то впоследствии колеса можно было бы сделать отдельно, прикрепить их к квадратной оси и

снабдить шинами. Затем, для легких колес и ровной поверхности, колеса, наконец, можно было бы сделать вращающимися на фиксированных осях. Это всего лишь предположение, но, во всяком случае, оно ясно показывает нам природу повозки.

Еще одна древняя машина - мельница. Самые грубые племена дикарей имели под рукой простое и эффективное средство для измельчения древесного угля и охры в порошок или для более полезной работы - измельчения диких семян, собранных для еды. Все приспособление состоит из округлого камня, который держат в руке, и более крупного полого камня, служащего подставкой. Любопытно заметить, насколько близко к этому примитивному типу сохранились наши пестик и ступка. Каждый, кто пользуется пестиком и ступкой, может заметить, что они работают в двух направлениях: материал либо толчется ударом, либо измельчается трением о стенки ступки. Когда люди занялись земледелием, и зерно стало основной частью их пищи, а его измельчение - тяжелой женской работой, появились формы мучных камней, приспособленные не для толчения, а только для измельчения, причем более совершенного. Пример можно увидеть на [рис. 62](#), грубая древняя кукурузная дробилка, откопанная в Англси. Каменный мульер или валик имеет по бокам углубления для рук молотильщика, который работал им вперед-назад на лежащем камне. Совершенство такой кукурузодробилки можно увидеть в "метате" с аккуратной формой ложа и скалкой из лавы, с помощью которой мексиканские женщины измельчают кукурузу для своих кукурузных лепешек или тортильяс. Но лучше всего зерно измельчается при вращении одного камня о другой, и здесь заложен принцип работы мельницы. Кверн или ручная мельница древнего мира в своей простой форме состояла из двух круглых плоских камней, верхний из которых вращался с помощью ручки, а зерно засыпалось через отверстие в центре и выходило в виде муки по всему краю. Эта ранняя ручная мельница дошла до наших дней, и на [рис. 63](#) изображены "две женщины, мелющие на мельнице", как их можно было увидеть на Гебридских островах в прошлом веке; длинная палка, свисающая с ветки, упирается в отверстие в верхнем камне, а на земле расстелена ткань для сбора муки. Кверн до сих пор используется на севере Шотландии и на островах. Если читатель обратит внимание на конструкцию современной мукомольной мельницы, то увидит, что аккуратные и рифленые жернова теперь имеют большой вес, а верхний камень балансирует на шарнире, который обеспечивает его быстрое вращение снизу с помощью воды или пара, но, несмотря на эти механические усовершенствования, основной принцип примитивной ручной мельницы все еще сохраняется.

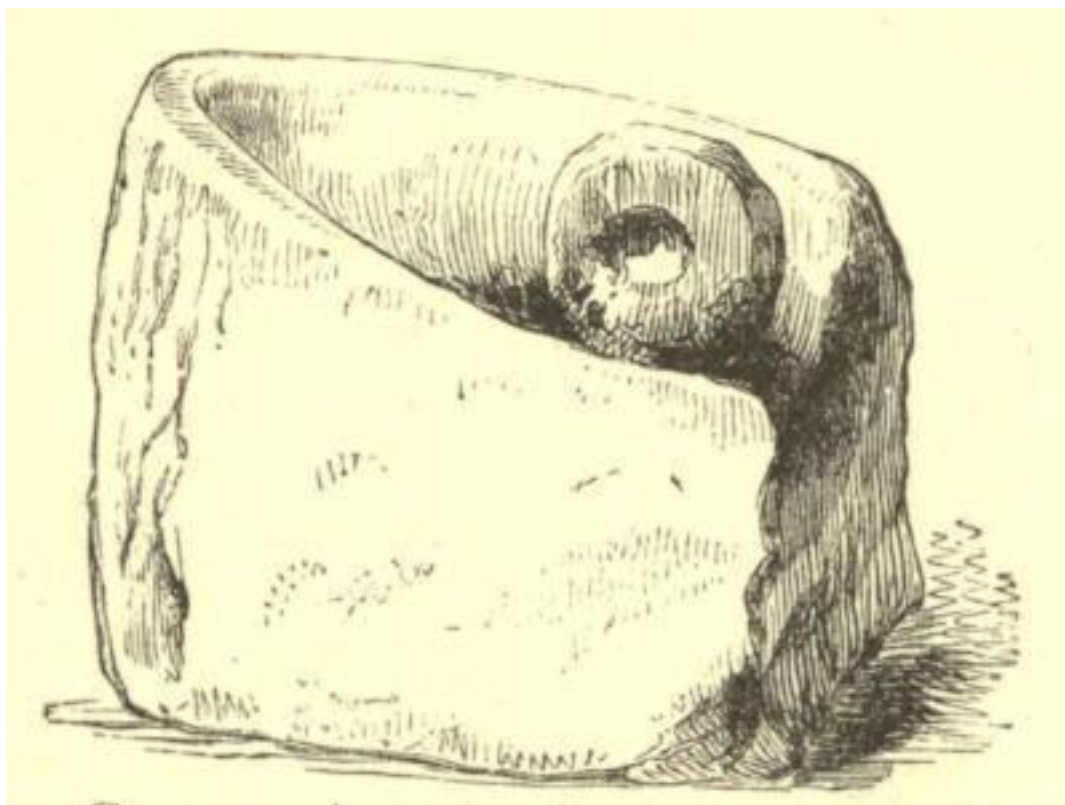

Рис. 62.- Кукурузодробилка, Англси (по рисунку У. О. Стэнли).

Рис. 63.- Гебридские женщины шлифуют с помощью кверна или ручной мельницы (по Пеннанту).

Другая группа вращающихся инструментов и машин начинается со сверла. Простейший способ крутить палочку для сверления между руками можно увидеть при разведении огня (рис. 72). Таким неуклюжим способом грубые племена умеют проделывать отверстия в твердом камне, терпеливо вращая тростник или палку с острым песком и водой. Этот примитивный инструмент был усовершенствован как для разведения огня, так и для сверления отверстий: на палку намотали нить или шнур, который, потянув назад и вперед, приводил в действие сверло, как древние корабельщики, сверлившие бревна, описанные в "Одиссее" (ix. 384). Гениальный план использования лука с его тетивой для привода сверла, так что один человек может управлять им, был известен уже в старых египетских мастерских, но более совершенное архимедово сверло является современным. Токарный станок, по-видимому, берет свое начало от сверла. Для тех, кто видел токарный станок только в его современных усовершенствованных формах, это может быть непонятно, но это становится ясно, если посмотреть на старомодный токарный станок с шестом, с помощью которого токарь придавал форму своим деревянным чашам и ножкам стульев, которые вращались с помощью шнура, натянутого вверх и вниз, по тому же принципу, что и гомеровское сверло. Ножной токарный станок с его кривошипом и непрерывным вращением вытеснил его, а затем был вытеснен паровым двигателем для приведения в движение и даже для применения инструмента в самодействующем токарном станке.

При изучении этих групп инструментов и машин развитие многих из них прослеживается до тех пор, пока их истоки не теряются в тусклых доисторических веках, или до тех пор, пока древняя история не покажет, что они возникли благодаря новой идее или новому повороту старой идеи. Редко удастся выйти на настоящего автора древнего изобретения. Так, никто точно не знает, когда и как появилось это замечательное механическое приспособление - винт. Он был знаком греческим математикам, а винтовые льняные и масляные прессы классических времен выглядят почти современными по своей конструкции. В период античной цивилизации появились зачатки тех огромных изменений, которые переделывают современную жизнь, благодаря изобретениям, которые заставляют силы природы выполнять за человека его тяжелую работу. Это великое изменение, по-видимому, было вызвано в первую очередь изобретениями, призванными избавить человека от тяжелого труда по поливу полей. Простым приспособлением, требующим ручного труда, является шадуф в долине Нила, где длинный шест с противовесом на одном конце опирается на столбы, а к более длинному концу подвешено ведро для зачерпывания воды снизу. Чтобы увидеть это старое приспособление, не нужно ехать на Восток, его можно увидеть в работе на наших кирпичных полях. Для орошения было механическим усовершенствованием того, чтобы заставить банду рабов вращать большое колесо с ведрами или глиняными кувшинами по его окружности, которые поднимались из воды внизу и при переворачивании опорожнялись в желоб на более высоком уровне. Но если такое колесо было построено для погружения в бегущий поток, то течение само вращало колесо, и таким образом появлялась нория или оросительное водяное колесо, часто упоминаемое в античной литературе, которое до сих пор можно увидеть в работе как на Востоке, так и в Европе. Таким или похожим образом водяное колесо стало источником энергии для выполнения другой работы, например, для помола кукурузы, вместо того чтобы женщины сидели у кукурузы, рабы - у мельницы, а лошадь - на своем вечном круге. Как гласит греческая эпиграмма: "Прекратите работу, девы, что трудились на мельницах, спите, и пусть птицы поют на рассвете, ибо Деметра велела водным нимфам исполнить вашу задачу; повинувшись ее зову, они бросаются на колесо и вращают ось и тяжелую мельницу". Классическая кукурузная мельница с зубчатыми колесами, приводимыми в движение водяным колесом, возможно, была очень похожа на водяные мельницы, которые до сих пор работают на наших деревенских реках. Такие машины сначала применялись для помола кукурузы, а затем и для других производств, так что сейчас слово "мельница" уже не означает только мельницу, а используется там, где машины приводятся в движение силой для других целей. Это был большой шаг в развитии цивилизации, когда водяная мельница и ее спутница - ветряная мельница - вошли в обиход в качестве источников силы, выполняя все виды работ, от самой тяжелой работы на европейской фабрике до вращения тибетских молитвенных колес, которые кружатся, вечно повторяя священную буддийскую формулу. В течение последнего столетия цивилизованный мир черпал огромные запасы энергии из нового источника - угля, сжигаемого в топке парового двигателя, который уже используется настолько расточительно, что экономисты с тревогой подсчитывают, как долго продлится эта накопленная ископаемая сила и что нужно будет использовать для работы на нас - силу прилива или солнечное тепло. Таким образом, в наше время человек все больше и больше стремится сменить роль рабочего, которую он играл в ранние века, на более высокую обязанность директора или контролера мировых сил.

ГЛАВА IX.

ИСКУССТВО ЖИЗНИ - (продолжение).

Поиск дикой пищи, 206 - Охота, 207 - Ловля рыбы, 211 - Рыбалка, 212 - Земледелие, 214 - Орудия труда, 216 - Поля, 218 - Скот, пастбища, 219 - Война, 221 - Оружие, 221 - Броня, 222 - Война низших племен, 223 - высших народов, 225.

Рассмотрев в предыдущей главе орудия труда, используемые человеком, мы должны рассмотреть искусства, с помощью которых он поддерживает и защищает себя. Первая потребность человека - добывать пищу. В тропических лесах дикари могут легко жить на том, что дает им природа, как, например, жители Андаманских островов, которые собирают фрукты и мед, охотятся на диких свиней в джунглях, а на побережье ловят черепах и рыбу. Многие лесные племена Бразилии, хотя и занимаются земледелием, в основном питаются дикой пищей. В них у грубого человека нет недостатка, поскольку дичи много, реки кишат рыбой, а леса дают ему корни и луковицы, калабаши, пальмовые орехи, бобы и многие другие плоды; он собирает дикий мед, птичьи яйца, личинки из гнилой древесины, не презирает насекомых, даже муравьев. На менее плодородных землях жизнь дикарей протекает хорошо, пока в изобилии водится дичь и рыба, но когда их нет, жизнь превращается в непрерывный поиск пищи, как, например, у австралийцев, которые бродят по пустыням в поисках любого съедобного корня или насекомого, или у племен, живущих в низких Скалистых горах, собирают кедровые орехи и ягоды, ловят змей и вытаскивают ящериц из их нор с помощью крючковой палки. Фуэгийцы бродят вдоль своих мрачных негостеприимных берегов, питаясь в основном моллюсками, так что с течением веков их раковины с рыбьими костями и прочим мусором образовали длинные берега выше отметки уровня воды. Такие раковинные кучи или "кухонные гряды" встречаются то тут, то там по всему побережью мира, отмечая старые места обитания таких племен; например, на побережье Дании археологи ищут в них реликвии грубых европейцев, которые в каменном веке вели жизнь, подобную той, что была на Огненной Земле. Охота и рыбалка проходят через все уровни общества, начиная с дикарей, у которых нет других средств к существованию, и заканчивая цивилизованными народами, где дичь и рыба едва ли дополняют более регулярные поставки зерна и мяса с фермы. Если посмотреть на приспособления охотников и рыболовов, то можно увидеть, насколько основательно большинство из них относится к более грубым стадиям культуры.

Аборигены бразильских лесов, для которых выслеживание дичи - главное дело жизни, делают это с мастерством, которое приводит в изумление наблюдавших за ними белых людей. Охотник-ботокудо, незаметно пробираясь сквозь подлесок, знает все повадки и приметы птиц и зверей; по остаткам ягод и стручков он узнает, какое существо здесь кормилось; он знает, как высоко броненосец поднимает листья, проходя мимо, и поэтому может отличить его след от змеиного или черепашьего и проследить за ним до его норы по царапинам чешуйчатой брони на грязи. Даже обоняние этого дикого охотника достаточно острое, чтобы помочь ему в выслеживании. Спрятавшись за стволом дерева, он может имитировать крики птиц и зверей, чтобы подвести их на расстояние смертоносной отравленной стрелы, и даже заманить аллигатора, заставив его грубые яйца скрежетать друг о друга, когда они лежат под листьями на берегу реки. Если обезьяна, которую он подстрелил высоко в сучьях какого-нибудь огромного дерева, остается висеть на хвосте, он поднимается за ней по развесистым зарослям, куда не заберется ни один белый человек. Наконец, нагруженный дичью и полезными лесными вещами, такими как пальмовое волокно для изготовления гамаков или фрукты для приготовления ликера, он находит дорогу к своей хижине по солнцу, по земле и по веткам, которые он отгибал для обозначения пути, когда

пробирался через чащу. В Австралии туземный охотник затаивается за ветвями возле водоема, пока кенгуру не придут попить, или выслеживает одного на открытом месте в течение нескольких дней, разбивая на ночь лагерь у своего маленького костра, чтобы на рассвете снова быть готовым к погоне, держась незаметно и с подветренной стороны, пока наконец не подкрадется достаточно близко, чтобы метнуть копье, что редко бывает тщетно. Когда туземцы охотятся вместе, они ставят забор из кустарника двумя длинными крыльями, сходящимися к яме, и таким образом загоняют туда кенгуру; или же они собираются в большую охотничью группу, окружая полмили зарослей, и с криками и лязгом оружия сгоняют всю дичь в центр, где могут сомкнуть вокруг себя и уничтожить ее копьями и пыжами. В ловле рыбы австралийцы проявляют не меньшее мастерство. Туземец плавает под водой, дыша через тростник, или просто прикрывает голову водорослями, пока не окажется среди стаи уток, которых одну за другой он бесшумно подтягивает под себя и завязывает на пояс. Это в простой форме показывает вид охоты на уток, который встречается в столь отдаленных уголках мира, что путешественники ломают голову над тем, передалась ли эта идея от одного племени к другому или была изобретена много раз. Ее можно увидеть на Ниле, где среди водоплавающих птиц плавает безобидный на вид калабаш, внутри которого находится голова плывущего египтянина. Австралийский охотник добывает валлаби (маленького кенгуру), прикрепляя к длинному удилищу, похожему на рыболовную удочку, шкуру и перья ястреба, заставляя притворную птицу парить с соответствующим криком, пока она не загонит дичь в кусты, где ее можно заколоть. Из способов преследования с имитацией животного один из самых совершенных - у индейцев догриб, когда пара охотников идет за оленями; первый несет голову оленя, а в другой руке у него связка веток, о которые он заставляет голову тереться рогами, и оба человека, идя как передние и задние ноги оленя, пробираются среди стада и сбивают самого лучшего. В Англии до недавнего времени охотники прятались за деревянной лошадкой, передвигавшейся на колесах, и пережиток этого сохранился в выражении "to make a *stalking-horse* of one", которое сейчас часто употребляют люди, не имеющие ни малейшего представления о значении этого слова.

Охота с собаками была очень древней и встречалась среди нецивилизованных племен; так, австралийцы, похоже, выдрессировали динго или туземную собаку для погони, а большинство североамериканских индейцев имели своих местных охотничьих собак. Тем не менее собаки не были столь распространены среди грубых племен, как после того, как европейские породы были развезены по всему миру; например, у коренных жителей Ньюфаундленда, похоже, не было собак. Самое крупное и свирепое животное, чьим инстинктом добычи воспользовался человек, - это охотничий леопард или гепард, которого в Индии или Персии вывозят в железной клетке на поле и выпускают на оленя; когда он набрасывается на дичь, егерь оттаскивает его, почувствовав вкус крови, и дает ему ногу за его долю в партнерстве. Уже в классические времена встречаются упоминания о хищных птицах, обученных бить пернатую дичь или загонять ее в сеть, а также набрасываться на зайцев. Ястребиная или соколиная охота достигла своего расцвета как королевский вид спорта в средневековой Тартарии, где Марко Поло описывает Великого Хана, выезжающего на двух слонах в своей упряжке, обвешанной золотой тканью и покрытой львиными шкурами, чтобы посмотреть, как десять тысяч его сокольников запускают своих ястребов в фазанов и журавлей. С Востока ястребиная охота распространилась по Европе. Она была знакома нашим ранним английским предкам, и если бы нужно было нарисовать символическую картину средневековья, вряд ли можно было бы выбрать более характерные фигуры, чем рыцарь и дама, выезжающие на улицу с ястребами в капюшонах на кулаках. С тех пор соколиная охота в Европе практически угасла, и в наши дни путешественнику лучше всего увидеть ее в том азиатском регионе, где она впервые появилась, - в Персии или соседних странах. В таких видах спорта поиск пищи (который сейчас часто презрительно называют

"охотой за горшками") становится подчиненным азарту погони. Так было особенно там, где на таких животных, как олень, охотились верхом, пока наконец королевская охота на оленя не превратилась в придворную церемонию с ее кавалькадами и великими государственными чиновниками в великолепных мундирах. В современной Европе подобные зрелища, конечно, приходят в упадок, но о том, какое место они занимали в жизни английского двора, свидетельствуют дворяне, до сих пор занимающие в королевском доме должности мастера гребных гончих и наследственного великого сокольничего.

У современного охотника значительно возросла способность убивать дичь благодаря использованию огнестрельного оружия вместо лука и копья, пришедших из дикарских времен. Эффект от внедрения ружей можно наблюдать среди коренных американских охотников на буйволов. Они всегда были безрассудны в уничтожении, когда однажды подходили к стадам, но теперь с помощью белого человека и его винтовок происходит такая резня, что путешественники находят землю и воздух на многие мили заваленными тушами буйволов, убитых только ради шкур и языков. В цивилизованном мире из-за истребления дичи и вторжения сельского хозяйства в дикие земли значительно уменьшились как запасы, так и потребность в дичи для пропитания человека. Но жизнь охотника с древнейших времен была для человека школой выносливости и мужества, где успех и даже испытания доставляют удовольствие в одной из самых сильных его форм. Поэтому его стали поддерживать искусственно там, где его практическое применение сошло на нет. В цивилизованных странах его можно увидеть в лучшем виде там, где он наиболее близок к варварскому изнурению и опасности, например, при стрельбе по тетеревам в Шотландии или при охоте на кабанов в Австрии, но в худшем - там, где он свелся к стрельбе по фазанам, вскормленным зерном, таким же прирученным, как птицы в сарае.

Далее, что касается отлова дичи. В Австралии это можно было наблюдать в очень простой форме: туземец ложился на спину на камень в лучах солнца с куском рыбы в руке, притворяясь крепко спящим, пока какой-нибудь ястреб или ворона не набрасывались на приманку, а потом на нее набрасывался голодный человек, который жарил и ел ее тут же. Одним из способов добычи дичи, который, должно быть, с готовностью предлагался грубым охотникам, была яма, в самом простом виде представляющая собой яму, слишком глубокую для того, чтобы тяжелый зверь мог выбраться из нее после падения. Дикарь-ловец выкапывает такую яму и засыпает ее хворостом или дерном, как в Африке бушмены забирают огромных бегемотов и слонов, а в пушных странах охотники устраивают свои ловушки различными способами, самый искусственный из которых - покрыть их деревянным полом, который проваливается при наступании на него. Слово "ловушка", означающее первоначально "ступенька" (как и немецкое *treppe*), возможно, произошло от того, что она обычно представляет собой некое приспособление, на которое дичь может наступать. Так происходит не только с подводным камнем, но и с другими распространенными видами ловушек, которые, когда животное наступает на добычу, падают на нее, или затягивают вокруг нее петлю, или пускают в нее дротик - все эти способы известны в нецивилизованном мире. Искусство ловли птиц и зверей с помощью петли, которую держат в руке или прикрепляют к концу палки, является универсальным. Возможно, наиболее искусно петлю делают пастухи Мексики, сидя верхом на лошади, хотя следует заметить, что их *лазо* - не исконно американское изобретение; его завезли испанцы, и название его - просто латинское *laqueus*, веревка. Чтобы использовать петлю для ловли дичи, достаточно установить ее на тропе, по которой проходит дичь, чтобы она просунула в нее голову, как это делают североамериканские индейцы. Но петлю можно прикрепить и к ветке, отогнутой назад, чтобы она пружинила, когда животное коснется ее, и поймала его. Или копье может быть устроено так, как это делают дикари Малайского полуострова, - с упругим бамбуком,

отогнутым назад так, чтобы при освобождении животным он пронзил его копьём. Уже высказывалось предположение (с. 195), что такая пружинная ловушка привела к изобретению лука и стрел. В таких странах, как Сибирь, в качестве ловушек используются настоящие луки и стрелы, а пружинное ружье является их современным усовершенствованием.

Наконец, сеть - одна из тех вещей, которые известны почти всем людям, насколько можно судить по истории. Коренные австралийцы ловят сетью дичь, как древние ассирийцы или английские браконьеры, и не менее искусны в ловле диких птиц. Чтобы увидеть это искусство во всей его красе, мы можем взглянуть на изображения сцен ловли рыбы на памятниках Древнего Египта, где показаны огромные сети, в которые гуси попадают десятками; даже души умерших изображены радующимися этому любимому виду спорта в мире за гробницей.

Среди различных искусств рыбака легко найти одно, распространенное среди грубых племен. Каждый день во время прилива в устьях рек и на низких берегах, а также внутри страны у ручьев после паводка в мелких водоемах остается рыба. Опираясь на этот опыт, дикарь проявляет смекалку, чтобы помочь природе, как, например, фуэгийцы ставят ограждения из кольев на побережье во время отлива, а в Южной Африке возле рек большие отмели огораживают сыпучими камнями на случай наводнения. Таким образом, наши рыбные плотины и запруды не являются новинкой цивилизации. Не является цивилизованным изобретением и способ одурманивания или наркотизации рыбы - его можно увидеть в совершенстве у тропических лесных племен Южной Америки, которые используют для этой цели около десятка различных растений. Однако нет ничего удивительного в том, что оно известно столь грубым людям, ведь оно часто происходит случайно, из веток или плодов нужного вида эуфорбии или пауллинии, упавших в какой-нибудь лесной водоем, - эксперимент, который наблюдательный туземец не замедлит повторить. Следующий способ ловли, обычный для дикарей, - копьём, причем копьё для этого должно быть колючим и часто становится более эффективным за счет того, что его головка разделяется на несколько колючих зубцов. В одном из рассказов о рыбалке австралиец описывается, как он лежит на носу своего берестяного каноэ, острие копья погружено в воду и готово опуститься без всплеска, и что еще более примечательно, рыбак держит свои глаза под водой, так что не только рябь не мешает ему видеть, но и прицеливанию не мешает преломление света, из-за которого человеку из воды так трудно попасть в предмет, находящийся под поверхностью. Дикие расы также хорошо знают, как после наступления темноты рыба выходит на свет, так что ловлю лосося при свете факела, которая теперь уже не так часто встречается в Шотландии и Норвегии, можно увидеть во всей своей живописности у индейцев острова Ванкувер. Стрельба по рыбе из лука и стрел, которую многие низкие племена делают с удивительной ловкостью, может считаться разновидностью рыболовства. Рыболовный крючок - приспособление, известное не всем дикарским племенам, но у некоторых он есть, как, например, у австралийцев, которые вырезают свои крючки из ракушки, и даже известны случаи ловли рыбы с помощью ястребиного когтя, прикрепленного к леске. Древний египтянин, подобно современному европейскому рыболову, сидел у канала или пруда, ловя рыбу удочкой и леской; крючок у него был бронзовый. Только ловля нахлыстом, похоже, не была известна в древности. В целом поразительно, насколько мало современные рыбаки отошли от методов самых грубых и древних людей. Дикарское рыбье копьё с тремя или четырьмя колючими зубцами очень похоже на то, которое наши моряки до сих пор используют и называют рыбьим удищем. Только головку мы делаем из железа, а не из дерева и рыбьих зубов. Так же и гарпун, используемый американскими китобоями, с неплотно прилегающим острием, которое

отваливается при ударе рыбы, оставаясь прикрепленным длинным шнуром к плавающему древку; он скопирован, но со стальным острием, с гарпуна с костяной головкой жителей Алеутских островов. Наши рыбаки занимаются своим делом в больших масштабах, используя паровые траулеры и невода, которые прочесывают весь залив, но их сетевой промысел во многом схож с тем, что можно встретить у народов, от которых мы взяли ранние примеры копьеметания и рыбной ловли.

Таким образом, человек, даже если он питается, как низшие животные, собирая дикие фрукты, ловя дичь и рыбу, под воздействием своего высшего разума переходит к более искусственным способам их получения. Поднявшись на следующую ступень, он начинает выращивать для себя запасы пищи. На сельское хозяйство не стоит смотреть как на сложное или нестандартное изобретение, ведь самый грубый дикарь, знакомый с повадками растений, которые он собирает, должен достаточно хорошо знать, что если семена или корни положить в соответствующее место в земле, то они вырастут. Таким образом, вряд ли из-за невежества, а скорее из-за бродячей жизни, плохого климата или простого безделья многие племена собирают то, что дает природа, но ничего не сажают. Даже очень грубые люди, когда они живут на одном месте круглый год, а климат и почва благоприятны, в основном сажают немного, как индейцы Бразилии, которые расчищают участок леса вокруг своих хижин, чтобы выращивать маис, маниоку, бананы и хлопок. Когда мы смотрим на пищевые растения мира, оказывается, что некоторые из них выращиваются в основном в диком виде, как, например, кокосовый орех и хлебный фрукт, но большинство изменены культивацией. Иногда удается найти дикое растение и показать, как человек его улучшил, как, например, в случае с диким картофелем, растущим на скалах Чили. Но происхождение многих культурных растений теряется в традициях и становится темой для сказок. Так обстоит дело со съедобными травами, которые путем культивирования превратились в зерновые культуры, такие как пшеница, ячмень, рожь, и благодаря их регулярному и обильному снабжению стали основой человеческой жизни и великой движущей силой цивилизации. Очевидно, что развитие этих зерновых растений из дикого состояния произошло еще до начала древнейшей истории, что отбрасывает зарождение сельского хозяйства в более древние времена. Насколько древней была первая обработка почвы, показывают Древний Египет и Вавилония с их правительствами и армиями, храмами и дворцами, ведь только благодаря ведению сельского хозяйства в течение долгих веков такие группы населения могли так тесно объединиться в цивилизованную нацию. Растения, когда их начинают культивировать, распространяются от человека к человеку по всему миру. Так, европейские завоеватели Америки привезли с собой маис, или индийскую кукурузу, которая с неизвестной древности культивировалась в Новом Свете, и которая теперь обеспечивает итальянскому крестьянину ежедневное питание в виде поленты или каши; ее выращивают даже в Японии и на юге Африки, где она является "мукой" для колонистов. Английский огород - это любопытное исследование для ботаника, который определяет каждому растению его место обитания, и для филолога, который выслеживает его название. Иногда это рассказывает свою историю честно, как, например, в случае с *демсоном* и *персиком*, когда эти фрукты описываются как привезенные из Дамаска и Персии. А вот *картофель*, завезенный во времена королевы Елизаветы, похоже, позаимствовал название другого ботанически отличного растения - *батата*, или сладкого картофеля. Сочный тропический *ананас* утратил свое родное малайское название, за исключением ботаников, и получил название обыкновенной еловой шишки или *соснового яблока*, на которые он так похож по форме.

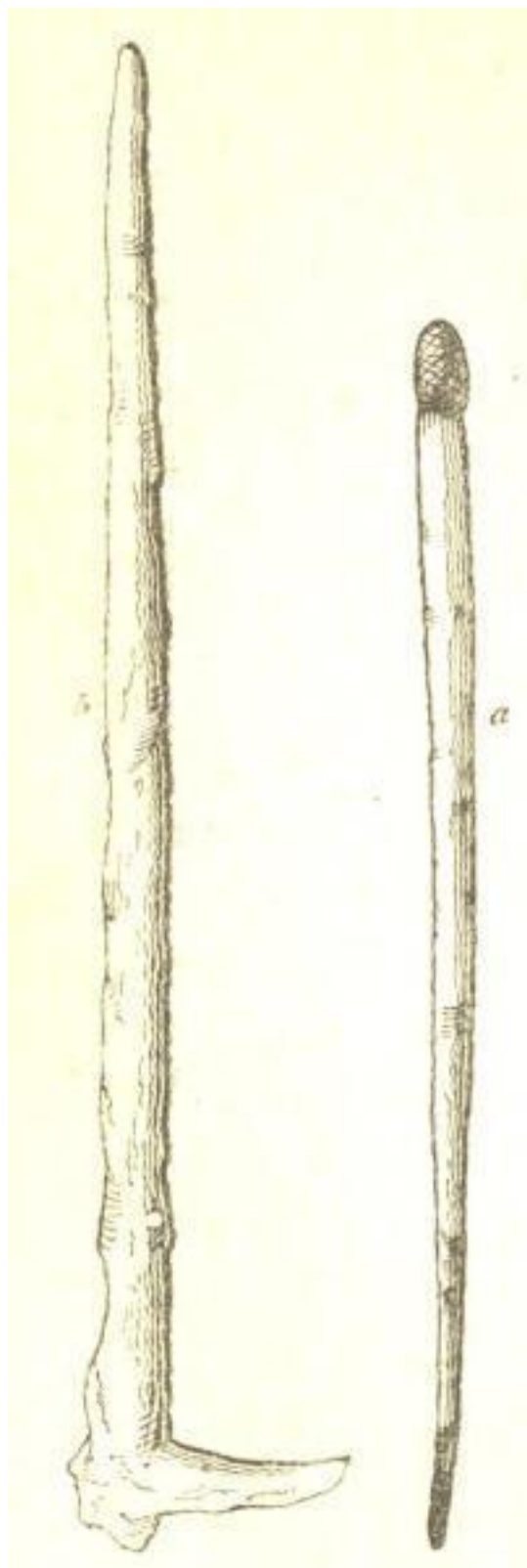

Рис. 64.- а - австралийская палка для копания; б - шведская деревянная лопатка.

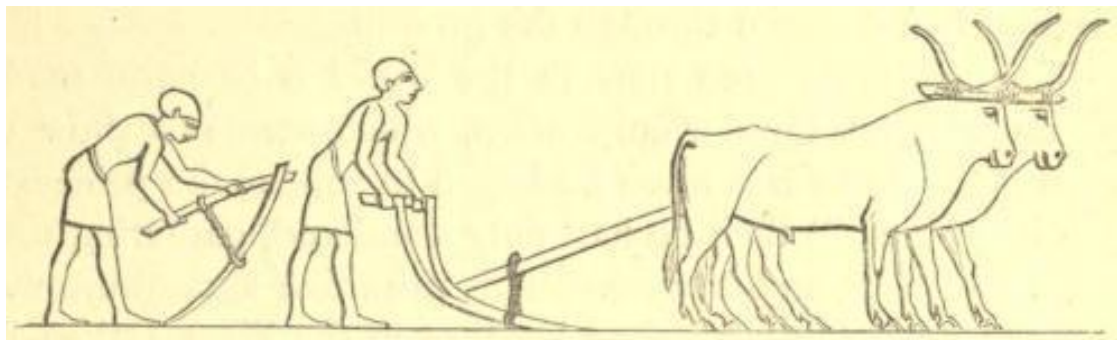

Рис. 65. Древнеегипетские мотыга и плуг.

Наблюдая за тем, как грубые племена обрабатывают землю, можно многое узнать об изобретении сельскохозяйственных орудий. Бродячие дикари, например австралийцы, носят с собой заостренную палку для выкапывания съедобных корней, как на [рис. 64 а](#). Учитывая, что посадка корня - это почти та же работа, что и его выкапывание, вполне вероятно, что племя, начинающее обрабатывать землю, будет использовать свои палки для выкапывания корней для новой цели; действительно, заостренный кол был найден в качестве орудия грубого земледельца как в Старом, так и в Новом Свете. Улучшением стало копание плоским инструментом, таким как копье, меч или весло, и таким образом мы получили цивилизованную лопату. Более важный инструмент, мотыга, произошел от кирки или топорика. Деревянные кирки жителей Новой Каледонии служат и как оружие, и для посадки батата, в то время как у африканцев топорик - железное лезвие, воткнутое в дубину, - только для того, чтобы стать мотыгой, нужно повернуть лезвие поперек. Любопытно обнаружить в Европе самую грубую мотыгу, менее искусственную, чем лопатка лося, прикрепленная к палке, которой североамериканские скво мотыжат индейскую кукурузу. Это шведская "мотыга", [рис. 64 б](#), - просто крепкий кол из ели-пихты с торчащим в нижней части сучком, коротко обрезанным и заостренным. Этим примитивным орудием в давние времена в Швеции обрабатывали поля, и уже через поколение-другое его можно было увидеть на лесных фермах. Шведская традиция описывает этапы совершенствования сельского хозяйства. Деревянную рукоять утяжелили, и люди тащили ее по земле, прокладывая таким образом борозду самым простым способом; затем орудие сделали из двух частей, с ручкой для пахаря и шестом для людей, чтобы тащить за собой, на лемех надели железное острие, и, наконец, вместо людей запрягли пару коров или кобыл. Это похоже на то, как тысячелетиями ранее мотыга впервые перешла в плуг. [Рис. 65](#) взят с картины, изображающей сельское хозяйство в Древнем Египте. Здесь изображен рабочий, который идет за плугом и разбивает комья своей особой мотыгой с длинным изогнутым деревянным лезвием, прикрепленным к рукоятке. А если посмотреть на сам плуг, то можно увидеть, что он представляет собой такую же мотыгу, только тяжелее и снабжен пахарем парой ручек, чтобы направлять и удерживать его, пока волы тащат его по земле. Долина Нила была одним из районов, где раньше всего возникло высокое сельское хозяйство, и на рисунке, скопированном здесь, мы можем представить себе, что видим в момент его рождения великое изобретение - плуг. Вооружить его тяжелым металлическим лемехом, придать ему такую форму, чтобы он переворачивал дерн сплошным гребнем, закрепить впереди сошник или "нож" для первого среза и установить все это на колеса - все эти усовершенствования были известны в Риме в классический период. В наше время мы имеем самодвижущийся плуг, которому больше не нужен пахарь, идущий за лемехом, а паровой плуг обладает более мощной тягой, чем волы или лошади. Тем не менее, те, кто изучал более ранние этапы, все еще могут заметить в самом совершенном современном плуге первоначальную мотыгу, волочащуюся по земле.

Даже сейчас в мире сохранился варварский способ обработки земли, который, кажется, показывает нам человека таким, каким он был, когда начал покорять первобытный лес, где до этого он только бродил, собирая дикие корни, орехи и ягоды. Это примитивное сельское хозяйство было замечено Колумбом, когда, высадившись в Вест-Индии, он обнаружил, что туземцы расчищают участки земли, срезая хворост и сжигая его на месте. Этот простой план, при котором дерево не только убирается с дороги, но и пепел служит для подкормки, до сих пор можно увидеть среди горных племен Индии, которые обрабатывают эти участки земли в течение нескольких лет, а затем переходят на новое место. В Швеции эта так называемая brand-tillage не только запомнилась как старое сельское хозяйство, но и в отдаленных районах сохранилась до наших дней, давая нам представление о том, каким было грубое земледелие ранних племен, когда они переселились в Европу. Глядя на современную английскую ферму, не стоит думать, что все ее улучшения были сделаны сразу. Современная фермерская система имеет долгую и изменчивую историю. Одним из интересных моментов в ее развитии является то, что в давно минувшие века большая часть Европы возделывалась деревенскими общинами. Род поселенцев овладевал обширным участком земли, а рядом с их хижинами расстилались большие общие поля, которые поначалу они, возможно, обрабатывали и собирали урожай вместе, как одна семья. Потом стало обычным делом разделить эту пахотную землю каждые несколько лет на семейные участки, но все равно вся деревня-поле обрабатывалась всей общиной, работая вместе в установленное старейшинами деревни время и способом. Эту раннекоммунистическую систему земледелия до сих пор можно увидеть в деревнях таких стран, как Россия, без особых изменений. Даже в Англии ее следы пережили феодальную систему и сохранились до наших дней в отношениях между помещиком и арендатором. В нескольких английских графствах до сих пор можно заметить границы больших общих полей, разделенных вдоль на три полосы, которые в свою очередь были разделены поперек на участки, принадлежавшие жителям деревень; эти три участка управлялись по старой трехпольной системе: один лежал под паром, а два других приносили два вида урожая.

Далее, что касается истории приручения животных для еды. Приручение таких общительных существ, как попугаи и обезьяны, осуществляется низкими лесными племенами, которые с удовольствием разводят таких питомцев; а очень грубые племена держат собак для охраны и охоты. Но когда люди начинают содержать и разводить животных для еды, это уже более искусственный образ жизни. Переход от жизни охотника к жизни пастуха хорошо виден на крайнем севере, где обитают северные олени. Среди эскимосов на северного оленя только охотились. Но сибирские племена не только охотятся на них в диком виде, но и приручают их. Так, тунгусы живут за счет этих стад, которые дают им не только молоко и мясо, но и шкуры для одежды и палаток, сухожилия для веревок, кости и рога для орудий труда, а при переезде с места на место олени даже служат тягловой силой и ношей. Перед нами образец пастушеской жизни простого грубого типа, и нет нужды подробно описывать хорошо известную жизнь высших кочевых племен, которые переносят свои палатки с места на место в степях Центральной Азии или пустынях Аравии, ища пастбища для своих волов и овец, верблюдов и лошадей. Существует сильное различие между жизнью странствующего охотника и странствующего пастуха. Оба переходят с места на место, но обстоятельства их жизни сильно отличаются. Охотник ведет жизнь, в которой мало приспособлений и удобств, и порой подвергается голодной смерти; его место в цивилизации ниже, чем у оседлого земледельца. Но для пастуха-кочевника охота, которая является средством существования более грубого странника, стала лишь дополнительным средством к жизни. Его стада и отары обеспечивают его завтра, у него есть ценный скот, который он обменивает у жителей городов на оружие и вещи, в его караване есть кузнецы, а шерсть прядут и ткнут женщины. Что лучше всего характеризует место в цивилизации, которого достигает высшая пастушеская

жизнь, так это то, что патриархальный пастух может принадлежать к одной из великих религий мира; так, калмуки в степях - буддисты, арабы - мусульмане. Еще более высокая ступень процветания и комфорта достигается там, где сочетаются земледельческая и пастушеская жизнь, как это уже было у наших предков в только что описанных деревенских общинах старой Европы. Здесь, в то время как поля возделывались рядом с деревней, скот летом пасся на холмах и в лесных массивах, принадлежащих общине, куда также ходил охотник за дичью, а ближе к дому были общие луга для выпаса и для обеспечения сеном на зиму, когда скот укрывался в стойлах. В таких густонаселенных странах, как наша, последние следы древней кочевой жизни исчезают, когда летом стада перестают перегонять на холмы.

После поиска пищи следующая большая потребность человека - защита. Дикарю приходится отгонять нападающих на него диких зверей, а он, в свою очередь, охотится на них и уничтожает. Но самые опасные враги - это представители его собственного вида, и поэтому на самых низких уровнях цивилизации война уже началась и ведется против человека теми же дубинами, копьями и луками, которые используются против диких зверей. Генерал Питт-Риверс показал, насколько точно человек следует в войне тем приемам, которым он научился у низших животных; как его оружие имитирует их рога, когти, зубы и жала, вплоть до яда; как человек защищает себя броней, имитирующей шкуры и чешую животных; как его воинственные уловки копируют уловки птиц и зверей, такие как устройство засад и дозорных, нападение телами под руководством вождя и поспешное вступление в бой с боевыми кличем.

В предыдущей главе мы уже рассмотрели основные виды наступательного оружия. Нанесение яда на оружие, чтобы сделать его более смертоносным, встречается среди низких племен по всему миру. Так, бушмены смешивают змеиный яд с соком эуфорбии, а южноамериканские туземцы, подготовленные долгим постом к этому таинственному действию, готовят парализующий *урапи* или *кураре* в тайных глубинах леса, где ни один женский глаз не сможет наблюдать за этим страшным процессом. Отравленные стрелы были известны древнему миру, о чем свидетельствуют строки, повествующие о том, как Одиссей отправился в Эфиру за снадобьем, убивающим людей, чтобы смазывать им свои стрелы с бронзовыми наконечниками; но Илос не дал его, ибо боялся вечно живых богов. Таким образом, похоже, что уже в ранние века моральное чувство высших народов осуждало отравленное оружие дикарей с тем ужасом, который сегодня испытывают европейцы, рассматривая итальянские кинжалы браво средневековья с ядовитыми бороздками, имитированными из змеиного зуба.

Как доспехи воина происходят от естественных доспехов животных, хорошо видно. Может использоваться шкура самого зверя, как, например, в музеях можно увидеть доспехи из медвежьей шкуры с Борнео или нагрудные пластины из крокодиловой кожи из Египта. Название *кирасы* говорит о том, что сначала она была кожаной, как и *буланая джеркина*. Буги на Суматре делали нагрудник, пришивая к коре отброшенные чешуйки муравьеда, которые накладывались друг на друга, когда животное их надевало; естественным доспехам животных подражали сарматы, обувая лошадиные копыта в накладные чешуйки, похожие на еловую шишку. Подобные приспособления, когда появился металл, привели к чешуйчатым доспехам греков, имитированным из рыбьей и змеиной чешуи, а их кольчуга - это своего рода сетчатое одеяние, сделанное из металла. Доспехи средних веков продолжили древние виды, теперь защищая все тело с головы до ног (*сар-à-рée*) железной чешуей, или почтой (то есть сеткой), или соединенными пластинами железа, скопированными с краба и омара, как поздние доспехи, украшающие наши помещичьи залы. С появлением пороха доспехи стали отходить на второй план, и, за исключением шлема, все, что осталось от них в военном

снаряжении, больше предназначено для показа, чем для использования. Щит, некогда столь важная часть воинского снаряжения, также был отброшен со времен мушкетов. В нашем современном представлении щит - это большая ширма, за которой воин может укрыться, но, похоже, изначально так не было задумано. Примитивным щитом, вероятно, был щит для парирования, используемый как узкая австралийская палка для парирования, которая имеет всего четыре дюйма в поперечнике посередине, где ее хватают, но с помощью которой туземцы с удивительной ловкостью отбивают дротики. Маленькая круглая мишень Хайленда, одна из разновидностей щита, сохранившаяся в цивилизованной Европе, сделана так, чтобы ею можно было ловко орудовать в качестве оружия защиты, отбивать копья, парировать удары копья или меча. Легко понять, что такие щиты-парники относятся к раннему типу войны, когда сражение было стычкой, и каждый воин заботился о себе сам. Но когда начались бои в тесном строю, появились огромные щиты, служившие стеной, за которой могли укрыться древнеегипетские воины, или греческий или римский штурмовой отряд, подползавший к подножию стены, несмотря на камни и дротики, бросаемые в них.

Дикарь или варвар склонен нападать на своего врага врасплох, стремясь убить его, как дикого зверя, особенно там, где присутствует лютая личная ненависть или кровная месть. Но даже среди низких племен мы видим сильное различие между таким убийством и обычной войной, которая ведется не столько для взаимного уничтожения, сколько для победы, чтобы уладить ссору между двумя сторонами. Например, аборигены Австралии вышли далеко за рамки простого убийства, когда одно племя посылает другому пучок перьев эму, привязанный к концу копья, в качестве вызова на бой на следующий день. Затем обе стороны встречаются в боевом порядке, их обнаженные тела потрясают разрисованными узорами, они ошетиливаются копьями и дубинками и раздражаются насмешками и криками. Каждый воин играет в паре с противником, так что поединок превращается в несколько дуэлей, где копье за копьем метается и уклоняется или парируется с удивительной ловкостью, пока, наконец, возможно, один человек не будет убит, что обычно приводит к окончанию поединка. Среди грубых бразильских ботокудо ссора, возникшая из-за охоты одного племени на свиней на территории другого, может быть улажена торжественным поединком на дубинах, где пары воинов колотят друг друга тяжелыми кольями, а женщины сражаются, царапая лица и вырывая волосы, пока одна сторона не сдастся. Но если в такой схватке побежденная сторона возьмет в руки лук и стрелы, сцена может превратиться в настоящее сражение. Когда дело доходит до обычной войны, ботокудо выстраивают своих людей перед врагом, осыпают его стрелами, а затем с боевыми воплями бросаются в бой, убивая мужчин, женщин и детей. Они совершают походы, чтобы разграбить деревни своих оседлых соседей, а когда враги приближаются к ним в лесу, втыкают в землю щепки как калтропы, чтобы их прикончить, и стреляют из засады за поваленными стволами или укрытиями из сучьев. Убитых в бою они уносят с собой, чтобы приготовить и съесть на пиру, где с дикими пьяными плясками их воинственный пыл разгорается до неистовой ярости. Таким образом, возбуждение мужества является целью неистовых военных песен и танцев, которые являются общими для всего человечества, как среди дикарей, так и среди гораздо более культурных народов. Низшие племена также поддерживают яростную ненависть и гордость битвы трофеями врага - его головой, высушенной и повешенной в качестве украшения хижины, или его черепом, превращенным в чашку для питья. В войнах североамериканских индейцев есть живописные эпизоды, часто описываемые в наших книгах: храбрецы, курящие на торжественном военном совете, объявление войны пучком стрел, завернутых в шкуру гремучей змеи, или кроваво-красным боевым топориком, воткнутым в военный столб, пир рекрутов, на котором в знак верности съедалась собака, военные отряды, ползущие по лесу в одну линию (которую мы впоследствии называем "индейской колонной"), скрытное нападение на лагерь или деревню врага, дикие танцы со

скальпами возвращающихся победителей, пытки пленных на костре, где детей заставляли пускать стрелы в беспомощного врага, который без стога переносил мучения, хвастаясь своими свирепыми подвигами и насмехаясь над своими победителями в предсмертной агонии. Индейская война заключалась в том, чтобы "красться, как лиса, нападать, как пантера, и летать, как птица". И все же иногда воины двух племен сходились в честном бою, стоя наблюдали за поединками между парами чемпионов или сходились в общей кутерьме.

В войнах грубых рас можно заметить, как борьба из-за ссоры или мести переходит в борьбу ради выгоды. В некоторых племенах пленных, вместо того чтобы убивать, возвращают в качестве рабов и специально заставляют обрабатывать землю. Благодаря этому значительно повышается уровень сельского хозяйства, а также происходит новое разделение общества, которое до сих пор можно наблюдать среди таких воинственных племен, как карибы, где пленники вместе со своими детьми образуют наследственный низший класс. Таким образом, мы видим, как в давние времена распалось первоначальное равенство людей: нация разделилась на аристократию воинственных свободных людей и низшую трудовую касту. Также воины совершают набеги, чтобы привезти домой жен, которые являются рабынями и собственностью своих похитителей. С этим захватом жен связан закон, широко распространенный среди более грубых народов мира и сохраняющийся даже среди более цивилизованных, согласно которому мужчина может взять жену не из своего рода или племени, а из какого-то другого. По мере роста собственности появляются войны, которые превращаются в бизнес, племена, живущие в большей или меньшей степени грабежом, славящиеся своим убийственным ремеслом и презирующие подлых крестьян, чей труд обеспечивает их кукурузой и скотом. Прекрасным примером такого разбойничьего племени были мбайя Южной Америки, чья простая религия заключалась в том, что их божество, Великий Орел, велел им жить, воюя со всеми другими племенами, убивая мужчин, забирая женщин в жены и унося с собой имущество.

Война цивилизованных народов отличается от войны диких племен тем, что ведется с использованием более совершенного оружия и приспособлений, а воины обучены сражаться в регулярном порядке. Превосходство регулярной армии над разрозненными отрядами дикарей хорошо видно, если посмотреть на изображения в книге Уилкинсона *"Древние египтяне"*, где войска маршируют строем и шагом под звуки трубы, особенно обращая внимание на сплошную фалангу тяжелой пехоты с копьем и щитом. Сила таких египетских сплоченных отрядов в 10 000 человек описана в "Киропедии" (вероятно, правдиво с точки зрения военной тактики, если не фактической истории), как их не могли сломить даже победоносные персы, но среди разгрома людей и лошадей выжившие все еще держались, сидя под своими щитами, пока Кир не предоставил им почетную капитуляцию. Египетская армия состояла из различных корпусов, разделенных на роты, которыми командовали офицеры обычных рангов. В бою тяжелая неподвижная фаланга занимала центр, лучники и легкая пехота на флангах действовали в линейном или открытом порядке, имелись корпуса пращников, а знатные воины въезжали на своих колесницах в гущу враждующих. Такая военная эффективность была достигнута благодаря наличию постоянной армии, сформированной из регулярного военного сословия, с юности обученного военному искусству и поддерживаемого восемью акрами земли, выделенными каждому солдату. С ранних времен египтяне нанимали иностранных наемников, чьи костюмы и лица бросаются в глаза на изображениях сражений. Так и ассирийские военные сцены показывают, что их военная система была на одном уровне с египетской. Подъем военной науки на более

высокую ступень принадлежит Греции, и вся история ее развития изложена в греческой литературе. Начиная с "Илиады", ее описания показывают войну и армии в более варварском состоянии, чем в Египте, с низкой дисциплиной и меньшим полководческим искусством, и столкновения греческих и троянских чемпионов с армиями, которые смотрят на это, как дикари бы сделали. Но когда мы переходим к более поздним периодам греческой истории, становится ясно, что к тому времени они не только усвоили то, чему могла научить более древняя цивилизация, но и привнесли свой собственный гений для ее дальнейшего развития. Их корпуса всех видов оружия, лучники, возницы, конница и фаланга копьеносцев, были дисциплинированы и выстроены в боевой порядок во многом по примеру древних египтян и ассирийцев. Но если в прежние времена битва представляла собой испытание силы двух армий, стоящих лицом друг к другу, то военный историк Ксенофонт описывает изменения, внесенные в военное искусство фиванским вождем Эпаминондом, когда при Лейктре, имея меньшие силы, чем спартанцы, он с колонной в пятьдесят человек в глубину атаковал их правое крыло в двенадцать человек, прорвав его, привел всю линию в беспорядок и выиграл битву. При Мантинее, осуществляя этот план еще более искусно, он расположил свои войска клиновидным корпусом с более слабыми подразделениями, отходящими назад, чтобы подойти, когда фронт противника уже будет прорван. Так развивалась наука военной тактики, в которой умелое маневрирование было столь же важно, как и реальный бой. Римляне, народ, обученный сражениям и завоеваниям, в конце концов стали править миром благодаря одной лишь военной дисциплине. В средние века введение пороха увеличило убойную силу войск, чья артиллерия из луков и стрел превратилась в мушкеты и тяжелые пушки. Внимание читателя уже было привлечено к военным сценам Египта и Ассирии. Если теперь, после наблюдения за маневрами современной армии в притворном бою, он посмотрит на эти картины, чтобы увидеть войну такой, какой она была три или четыре тысячи лет назад, то заметит, насколько существенно новая система основана на старой, с изменениями, вызванными двумя новыми идеями, а именно тактикой и использованием огнестрельного оружия.

Примерно тот же урок можно извлечь, сравнивая более древние и грубые виды фортификации и осады с современными. Племена уровня камчатцев и североамериканских индейцев умели укреплять свои поселения насыпями и палисадами. В Древнем Египте, Ассирии и соседних странах мощные и высокие крепостные стены и башни защищали лучники и пращники, а атаковали штурмовые отряды с лестницами-стрелами. Старые осады были ненаучными, что так любопытно видно из гомеровских поэм, где греки располагаются лагерем против Трои, но, похоже, не имеют ни малейшего представления о регулярном ее укреплении, а тем более об атаке с помощью заграждений и траншей. Греки и римляне стали использовать более высокое искусство в фортификации и осаде, и среди них появились такие военные машины, как древний таран, тяжелый и искусно сконструированный, а приспособления, подобные огромным лукам, как катапульты, привели к пушкам более поздних веков, которые вытеснили их.

Наконец, рассматривая армейскую систему в том виде, в каком она существует в современном мире, следует отметить одно благоприятное изменение. Использование иностранных наемных войск, которые почти на всем протяжении исторической истории были национальным злом как в войне, так и в мире, наконец-то сходит на нет. Не так обстоит дело с системой постоянных армий, которые истощают жизнь и богатство мира в более огромных масштабах, чем в прошлые времена, и являются великим препятствием на пути к гармонии между народами. Изучающему политику остается только надеяться, что со

временем давление огромных армий, поддерживаемых на военном уровне, окажется невыносимым для европейских наций, которые их содержат, и что придет время, когда постоянная армия может сократиться до ядра, готового к необходимости настоящей войны, если таковая возникнет, а в мирное время служить в качестве отделения национальной полиции.

ГЛАВА X. ИСКУССТВО ЖИЗНИ - (продолжение).

Жилища:- пещеры, 229- хижины, 230- палатки, 231- дома, 231- каменные и кирпичные здания, 232- арка, 235- развитие архитектуры, 235. Одежда:-Раскраска кожи, 236- Татуировка, 237-Деформация черепа и т.д., 240-Орнаменты, 241-Одежда из коры, кожи и т.д., 244-Маты, 246-Прядение, ткачество, 246-Шитье, 249-Одежда, 249. Навигация: - Плавучие средства, 252 - Лодки, 253 - Плоты, 255 - Атриггеры, 255 - Весла и гребцы, 256 - Паруса, 256 - Галеры и корабли, 257.

Далее нам предстоит изучить жилища человечества. Если вспомнить о гнездах птиц, плотинах бобров, древесных платформах обезьян, то вряд ли можно предположить, что человек когда-либо был не в состоянии построить себе убежище. То, что он не всегда это делает, объясняется главным образом тем, что, переезжая с места на место, он может довольствоваться ночлегом под открытым небом или укрываться в естественном убежище на дереве или скале. Так, на Андаманских островах было замечено, что бродячие дикари прибегают к берегу моря, где под нависающей скалой, защищающей от ветра, они выкапывают себе ямку в песке, чтобы лечь в нее. Скалы-убежища под утесами были в Европе местом обитания древних дикарей, о чем свидетельствуют кости, кремневые чешуйки и другие останки, которые находят там в земле. Пещеры - это готовые жилища для зверей и людей. Уже упоминалось (с. 31), что в таких странах, как Англия и Франция, пещеры были жилищем старых племен периода оленей и мамонтов, а бушмены Южной Африки - современный пример грубых племен, которые предпочитают жить в пещерах в скалах. Но пещеры настолько удобны, что их время от времени используют и в цивилизованном мире, и большинство из нас видели пещеру в скале, служащую задней стенкой рыбацкому домику или, по крайней мере, складу. Но нас интересуют не столько эти естественные жилища, сколько искусственные сооружения, пусть и грубые, созданные человеком для своего убежища.

В глубине бразильских лесов путешественники натыкались на жилища голых пури, которые даже не являются хижинами, а лишь наклонными ширмами, сделанными путем установки ряда огромных пальмовых листьев длиной около восьми футов, опирающихся на поперечный шест. Поставленные с подветренной стороны, они укрывают ленивого индейца, который нежится в своем гамаке, натянутом между двумя деревьями, и благодаря густой листве над головой жизнь в хорошие дни не бывает безбедной, хотя в плохую погоду семья и собаки вынуждены беззащитно приседать вокруг дровяного костра на земле. Даже в этих тропических лесах обычно можно встретить настоящую хижину, хотя это может быть и грубая хижина, которую ботокудо делают из тех же больших пальмовых листьев, втыкая их стеблями в землю по кругу и сводя их острия вместе, чтобы получилась крыша над головой. Патачос работают более искусственно, сгибая вместе молодые растущие деревья и столбы, воткнутые в землю, так что, скрепляя их верхушки вместе, они образуют каркас, который

затем покрывается большими листьями. Во многом тот же урок примитивной архитектуры можно почерпнуть у австралийских аборигенов, среди которых люди, разбивающие лагерь, довольствуются тем, что устанавливают в землю ветки с листьями, чтобы сделать из них ширму или навес на ночь; но если они позаботятся о том, чтобы переплести такие ветки над головой, ширма превращается в хижину, и там, где они остаются на некоторое время, они делают регулярный каркас из ветвей, покрывая их листьями коры, листьями и травой, и даже укладывают дерн или обмазывают снаружи глиной. Таким образом, изобретение простой круглой хижины легко понять. Также понятно, как коническая хижина, когда кочующие племена, такие как американские индейцы, переносят с места на место свои столбы и шкуры или листы коры, становится фактически переносной палаткой, и это показывает, как были изобретены палатки. Более культурные пастухи Востока носят для покрытия палаток листы войлока или шерсти, а мы сами используем для временного укрытия палатки из холста. Действительно, достаточно взглянуть на обычную солдатскую палатку с колоколом, чтобы понять, что она является преобразованной хижинкой дикаря. Теперь круглая хижина, будь то пчелиный улей или коническая, низка, чтобы в нее забраться, и мала, чтобы в ней лежать или скрючиться. Часто больше места можно получить, выкопав землю на несколько футов вглубь, но еще большим улучшением конструкции является поднятие самой хижины на столбы или стену, так что то, что сначала было всем домом, теперь становится крышей. Так строится круглая хижина с боковыми столбами, заполненными плетнем и грязью, или с прочной глинобитной стеной, несущей соломенную крышу, которая может выходить за пределы тенистого карниза. Такими были в древности обычные крестьянские жилища в Европе, такими они остаются и сейчас в других частях света, и, возможно, мы храним память о них в круглых соломенных летних домиках в наших садах, которые удивительно похожи на настоящие хижины варваров. Далее, как отмечают африканские путешественники, одним из главных признаков развития цивилизации является то, что люди начинают строить свои дома квадратно-угольными, а не круглыми. Круглая хижина, которую легко построить, должна быть небольшой, и места в ней больше, если строить дом продолговатой формы, с коньком столбом вдоль крыши, где сходятся наклонные столбы с боков. Благодаря возможности строить дома любой необходимой длины, стало возможным жить вместе в деревенских домах многим семьям, часто по двадцать человек, как это часто делают грубые народы. В варварских странах строят просторные дома, крыши которых держатся на высоких столбах с поперечными балками или на массивных жердях из земли или камней; по сути, они построены по тем же принципам, что и наши современные дома, хотя и более грубо.

Нетрудно догадаться, как каменная и кирпичная архитектура вошла в обиход. Там, где не хватает дерева, люди охотно строят дома из камней, дерна или земли. Так, австралийцы, как известно, строят убежища, нагромождая сыпучие камни в качестве стены и покрывая их палками, положенными поперек. Грубые камни, хотя и служат хорошими насыпями и низкими стенами, слишком неустойчивы для высоких стен, если не считать слоистых и расслоившихся плит, которые образуют естественные строительные камни. Из одних только камней, вынутых из земли, вряд ли можно построить жилище более высокого типа, чем любопытные ульи на Гебридских островах, чьи маленькие грубо сводчатые камеры образованы сваленными камнями, наложенными друг на друга, пока они не сойдутся почти вплотную, и покрыты растущим дерном, так что они выглядят как травянистые холмы с проходами для ползающих в них обитателей. Это примитивное сооружение очень древнее, и, хотя такие дома больше не делают, старые до сих пор служат летом в качестве навесов. Древние шотландские подземные жилища или "weems" (т.е. пещеры) имеют камеры из грубых камней и напоминают рассказ Тацита о пещерах, вырытых древними германцами и засыпанных землей, где они хранили свое зерно и укрывались от холода, а во время войны - от врагов. С появлением ремесла каменщика начинаются постройки более высокого

порядка. Сначала камни могут быть просто подогнаны друг к другу, как кусочки мозаики, как в так называемой циклопической каменной кладке старых этрусских и римских стен. Но вскоре мир переходит на более высокий путь, не подгоняя план под камни, а формируя камни под работу, особенно используя прямоугольные каменные блоки для укладки в регулярные ряды кладки. В Древнем Египте каменщики обтесывали и выравнивали даже гранит и порфир до такой степени, что им могут позавидовать архитекторы наших дней, а пирамиды Гизега столь же удивительны по тонкости кладки их склонов, камер и переходов, как и по своим непомерным размерам. Наше современное представление о каменном здании заключается в том, что каменные блоки должны быть скреплены между собой слоем раствора, но в старой и прекрасной архитектуре Египта и Греции облицованные каменные блоки лежали друг на друге, не имея цемента, который бы их удерживал, и не нуждаясь в нем. При необходимости для скрепления камней использовались металлические зажимы. Цемент или строительный раствор (названный так от ступки или корыта, в котором его смешивали) также был хорошо известен в древнем мире. Римские строители не только использовали обычный известково-песчаный раствор, который затвердевает, поглощая углекислый газ из воздуха, но и умели, добавляя вулканический пепел или пуццолану, делать водостойкий цемент, откуда и пошло название "римский цемент", данное составу, используемому нашими каменщиками. Уже упоминалось о практике обмазывания глиной боковых стен хижин дикарей. Древние люди, строившие свои поселения на сваях на швейцарских озерах, делали это, о чем свидетельствуют кусочки глиняного покрытия, которые случайно запекались при сжигании хижин и падали в воду, где их до сих пор можно найти, демонстрируя отпечатки давно исчезнувших тростниковых хижин, на которые была нанесена штукатурка из влажной глины. У нас до сих пор есть что-то подобное в том, что строители коттеджей называют "плетень и мазанка". Также время от времени в английских сельских переулках можно увидеть коттедж или коровник, который является реликтом другого вида примитивной архитектуры: его стены были просто построены из "коба", то есть глины, смешанной с соломой. Такие глиняные или глинобитные стены очень распространены в странах с сухим климатом, таких как Египет, где они дешевле и лучше, чем деревянные. Поэтому нетрудно понять, как появились высушенные на солнце кирпичи, которые представляли собой просто удобные блоки из той же грязи или суглинка, смешанного с соломой, которые использовались для строительства стен хижин. Эти высушенные на солнце кирпичи использовались на Востоке с глубокой древности. Некоторые из египетских пирамид, сохранившихся до наших дней, построены из них, и на фотографиях видно, как глина закалялась, а крупные кирпичи формировались в деревянных формах, как на современных кирпичных заводах. Из них архитекторы Ниневии построили стены дворца толщиной в десять или пятнадцать футов, которые были облицованы плитами из скульптурного алебаstra. Для таких кирпичей, высушенных на солнце, глина и вода являются достаточным цементом. Строительство из глинобитных кирпичей, которые действительно хорошо подходят к климату, продолжается в этих странах, как и в старые времена. Их использовали и в Америке, и по сей день путешественник в таких районах, как Мексика, часто может обнаружить, что живет в доме, построенном из них. Высушенный на солнце кирпич там называют *адобе* - слово, которое на самом деле является их древнеегипетским названием *tob*, перешедшим в арабский язык с артиклем *at-tob*, а затем перешедшим в испанский как *adobe*. Похоже, что обожженные кирпичи были более поздним изобретением, достаточно простым для народов, которые пекли глиняные горшки, но востребованным только в более дождливом климате. Так, римляне, которым не подошли бы простые глинобитные кирпичи, довели до совершенства изготовление обожженных в печи кирпичей и черепицы.

Для строительства обычных домов мы теперь прибегаем к помощи каменщика или кирпичника, а черепица или шифер являются улучшением старого соломенного покрытия.

Но мы до сих пор придерживаемся старой деревянной архитектуры, и полы и крыши по-прежнему деревянные. Однако для гробниц и храмов, построенных на века, уже давно были придуманы средства, позволяющие перекрывать пространство кирпичом или камнем, не прибегая к деревянным балкам. Для этого существует два способа: ложная и настоящая арка, которые являются древними. Фальшивая арка - это устройство, которое может прийти в голову любому строителю, фактически это то, что делают дети при строительстве из деревянных кирпичей, когда они устанавливают их внахлест все больше и больше, пока верхние не сблизятся настолько, что один кирпич не покрывает зазор. Проходы и камеры, перекрытые подобным образом выступающими каменными блоками, можно увидеть в пирамидах Египта, в древних гробницах Греции и Италии, в разрушенных дворцах Центральной Америки; так же построены купола джайнских храмов в Индии. Из этого не следует, что архитекторы не знали, что такое настоящая арка; возможно, они возражали против нее из-за ее склонности к выпиранию стен. Неизвестно, как и когда именно была изобретена арка, но идея могла возникнуть даже при покрытии дверных проемов грубыми камнями. В гробницах Древнего Египта можно увидеть настоящие арки, построенные из глинобитных кирпичей, а позже из камня, архитекторами, которые вполне понимали этот принцип. И все же, хотя арка была известна в те времена, которые мы называем античными, она не сразу стала общепринятой. Примечательно, что греческие архитекторы классической эпохи так и не приступили к ее созданию. Она была оставлена римлянам, которые применяли ее с восхитительным мастерством, и от которых произошли сводчатые крыши, мосты и купола средневекового и современного мира.

Таким образом, рассматривая архитектуру мира, мы видим, что ее истоки лежат слишком далеко в прошлом, чтобы история могла зафиксировать ее начало и ранний прогресс. Тем не менее, есть основания полагать, что в архитектуре, как и в других видах искусства, человек начал с простого и легкого, прежде чем перейти к сложному и трудному. Есть много признаков того, что каменная архитектура выросла из более ранней деревянной. Так, при взгляде на ликийские гробницы в вестибюле Британского музея можно заметить, что, хотя они сделаны из тесаного камня, их формы скопированы с деревянных балок и брусьев, так что сам каменщик своими узорами показывает, что он занял место более раннего плотника. Даже в ранней каменной кладке Египта видны следы деревянных форм. В Индии есть каменные здания, чьи колонны и архитравы не менее явно скопированы с деревянных столбов, а горизонтальные балки опираются на них. Возможно, когда люди впервые начали устанавливать каменные колонны и опирать на них каменные блоки, эта идея пришла им в голову от привычных деревянных столбов и балок. Но когда говорят, как это часто бывало, что портики греческих храмов - это каменные копии более древних деревянных сооружений, архитекторы-практики возражают, что Парфенон на самом деле не похож на работу плотника. Ведь известно, что греки не изобрели свою колонную архитектуру, а, взяв идею ее из того, что они видели в Египте и других странах, осуществили ее в соответствии со своим гением.

После жилищ мы переходим к рассмотрению одежды. Прежде всего следует отметить, что некоторые низкие племена, особенно в тропических лесах Южной Америки, были обнаружены путешественниками совершенно голыми. Но даже среди самых грубых представителей нашей расы и в жарких районах, где одежда имеет наименьшее практическое значение, обычно что-то носят, либо из соображений приличия, либо для украшения. Там, где одежды почти нет, принято расписывать тело. У жителей Андаманских островов, которые покрывают себя смесью сала и земли, окрашенной в цвет, есть практическая причина для этого: этот слой краски защищает их кожу от жары и комаров; но они впадают в любовь к показухе, когда начинают рисовать линии на краске пальцами, или

когда денди окрашивает одну сторону лица в красный цвет, а другую - в оливково-зеленый, и делает декоративную границу, где эти два цвета встречаются, вниз по груди и животу. Среди реликвий древних пещерных людей Европы есть выдолбленные камни, которые были их примитивными ступками для растирания охры и других красок для самоокрашивания. Действительно, немногие привычки так хорошо характеризуют низшие стадии человеческой жизни, как восторг от узоров на теле, состоящих из смелых пятен и полос ярких цветов, знакомых нам по картинам австралийцев, танцующих на корробори, или американцев, доводящих себя до исступления в танце со скальпами. Примитивный знак траура также дает о себе знать, когда дикари чернят (или белят) себя. В высших слоях цивилизации увядшие красавицы еще могут делать жалкие попытки возродить юный расцвет с помощью красных и белых оттенков. Но на древнюю военную раскраску теперь смотрят свысока, как на признак полного варварства; настолько, что древние бритты, хотя и являлись народом со значительной цивилизацией, рассматривались многими историками как простые дикари, потому что они придерживались этой грубой практики, как говорит Сезар, окрашивать себя в синий цвет с помощью ваты и таким образом наводить ужас на войне. Среди нас облик, который был столь потрясающим в краснокожем индейском воине, дошел до того, что цирковой клоун стал образцом глупости. Вполне вероятно, что его лицо, покрытое полосами краски, представляет собой моду, пришедшую из древних времен, когда краску носили варвары Европы, так же как в Японии актеры раскрашивают свои лица яркими красными полосами, несомненно, поддерживая то, что когда-то было обычным украшением. Когда на кожу наносят татуировки, главной целью этого является не сомнение в красоте, как в случае, когда новозеландец покрывает себя узорами из изогнутых линий, такими, какими он украсил бы свою дубинку или каноэ; для женщины считалось позором не иметь татуировки на губах, потому что люди с отвращением говорили: "У нее красные губы". Среди низших рас мира татуировка распространена так же широко, как и живопись, и модные рисунки варьируются от нескольких синих линий на лице или руках до цветочных узоров, которыми кожа формозцев покрыта, как дамаском. Там, где это искусство доведено до совершенства, как в Полинезии, кожу прокалывают и вводят угольную краску, протыкая рядами маленьких колючек. Но часто встречается и более грубый способ, как в Австралии или Африке, где делают проколы и втирают древесную стружку, чтобы рана зажила в виде бугорка или гребня. Отметины на коже часто служат не только для украшения, как в Африке, где длинный шрам на бедре мужчины может означать, что он доблестно сражался в бою, или племя или нация, к которой принадлежит негр, может быть обозначена его отметиной, например, парой длинных порезов по обеим щекам или рядом приподнятых прыщей по лбу до кончика носа. На более высоком уровне цивилизации татуировка все еще продолжается, например, арабские женщины слегка подправляют иглой лицо, руки или лодыжки, а наши моряки развлекаются тем, что рисуют на руках якорь или корабль под парусами с помощью пороха, но в этом последнем случае первоначальная цель теряется, поскольку рисунок скрывается под рукавом. Естественно, что по мере того, как одежда все больше и больше покрывает тело, примитивные украшения на коже прекращаются, ведь какой смысл украшать себя с глаз долой?

В знак траура голову часто обрезают или бреют наголо. Некоторые племена всегда ходят лысыми, как жители Андаманских островов; или позволяют волосам расти тонзурой в виде кольца вокруг бритой макушки, как индейцы Короадо (то есть "коронованные") из Бразилии; или носят бритую голову с длинным скальпом или косичкой, как североамериканские индейцы или маньчжуры из Тартарии, от которых современные китайцы переняли эту привычку. Любопытный способ закручивания волос полосками коры в сотни длинных тонких колечек можно увидеть на портретах уроженцев острова Прокаженного, [рис. 66](#).

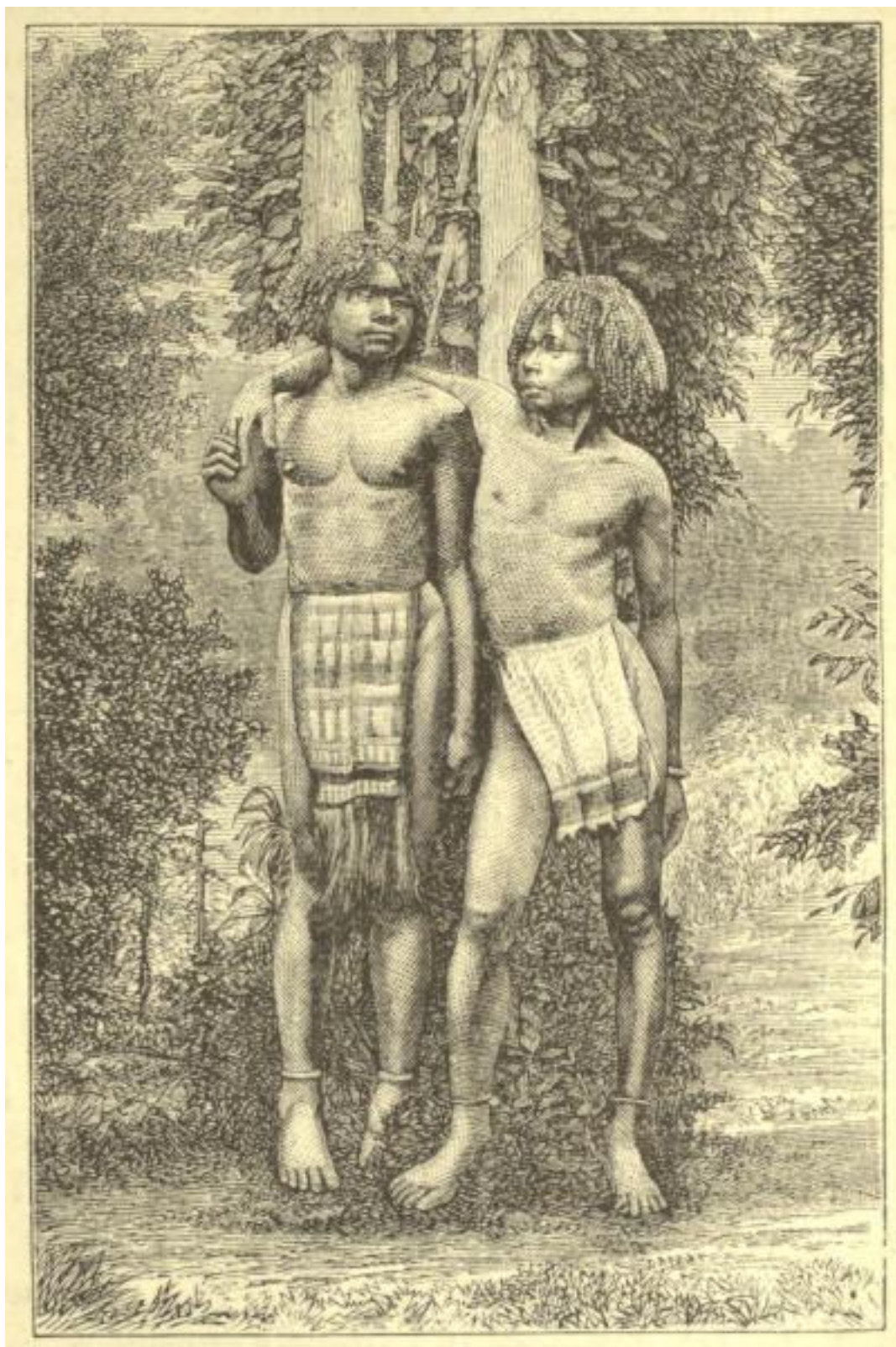

Рис. 66. Туземцы острова Леперс (Новые Гебриды).

Различные племена стачивают передние зубы до остроконечности или обтачивают их под углом, так что в Африке и других странах племя человека часто можно узнать по срезу его зубов. Длинные ногти отмечаются даже среди нас как свидетельство того, что их владелец не занимается ручным трудом, а в Китае и соседних странах им позволяют отрастать до

чудовищной длины как символу благородства, причем дамы носят серебряные футляры для их защиты или, по крайней мере, делают вид, что они там есть (см. портреты сиамских актрис в королевском платье, [рис. 32](#)). Или же ногтям можно позволить расти в знак того, что их обладатель ведет религиозный образ жизни и не занимается мирской работой, как на прилагаемом рисунке руки китайского аскета, [рис. 67](#).

Поскольку представление о красоте у любого народа соответствует типу его собственной расы, они любят, чтобы их отличительные черты были преувеличены. Глядя на лицо хоттентота, [рис. 12](#) с, понимаешь, почему матери еще больше вдавливают курносые носы младенцев, а в древности маленькому персидскому принцу формировали дерзкий аквилинный нос, чтобы он выглядел как [рис. 11 b](#). Во всех уголках земного шара принято сдавливать голову младенцев повязками и подушечками, чтобы маленький пластиковый череп вырос до нужной формы. Но что касается того, какой должна быть эта форма, вкусы чрезвычайно разнятся. В районе реки Колумбия некоторые племена флатхедов так сплющивают лоб, что их лица похожи на грушу с большим концом сверху, а соседние племена вдавливают верхнюю часть черепа, чтобы их лица были похожи на грушу с маленьким концом сверху. Древний врач Гиппократ упоминает об искусственно деформированных черепах Макрокефали или "длинноголовых" из района Черного моря. Настоящий турецкий череп имеет широкую татарскую форму, в то время как у народов Греции и Малой Азии черепа овальные, что дает основание полагать, что в Константинополе вошло в моду формировать черепа младенцев круглыми, чтобы они росли с широкой головой расы-завоевателя. Пережитки такого варварства сохранились и посреди цивилизации, и не так давно один французский врач удивил мир тем, что медсестры в Нормандии до сих пор придают головам детей форму сахарной лепешки с помощью повязок и плотного чепчика, в то время как в Бретани предпочитают прижимать их к голове. Без сомнения, они делают это и по сей день.

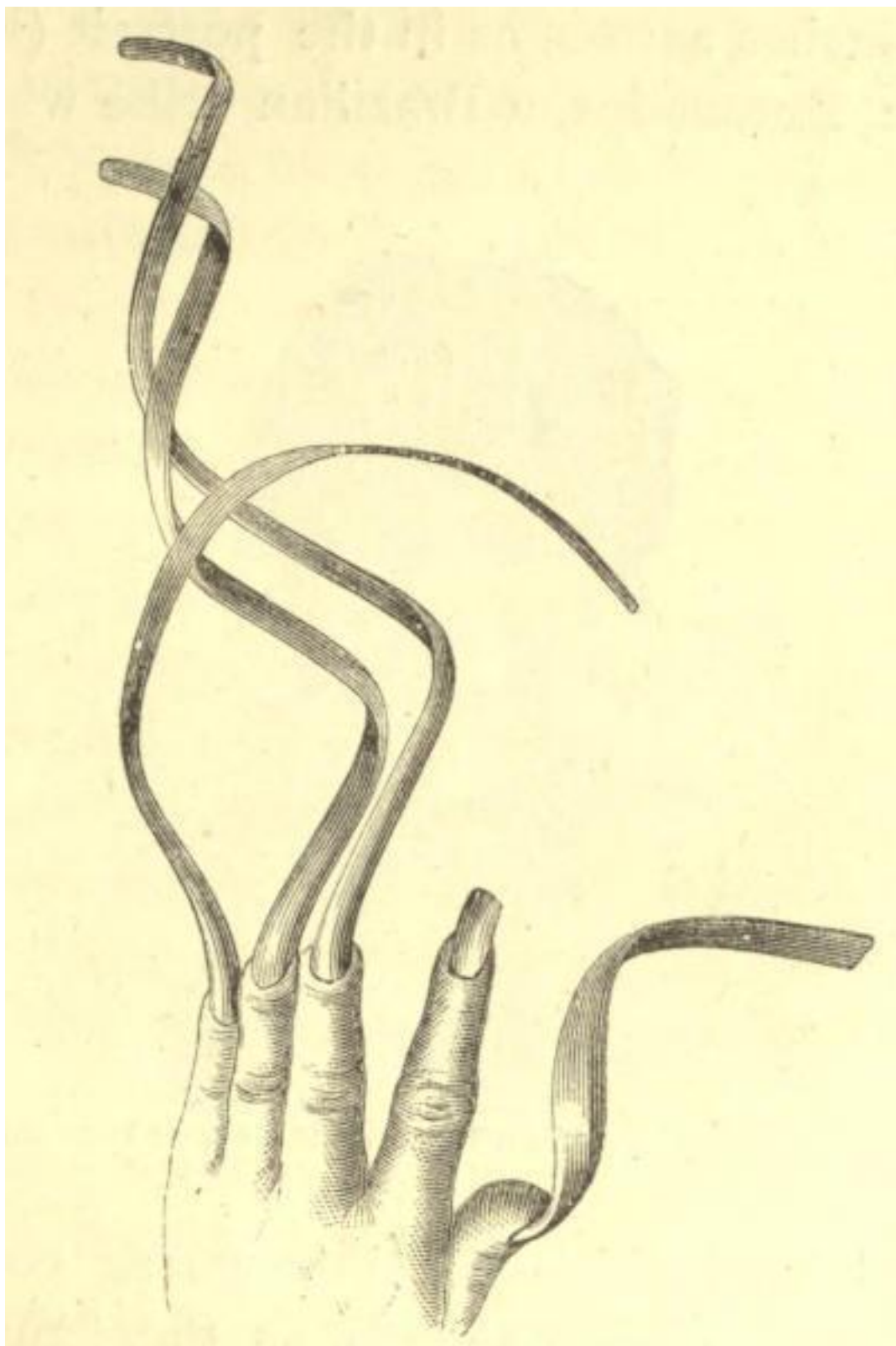

Рис. 67.- Рука китайского аскета.

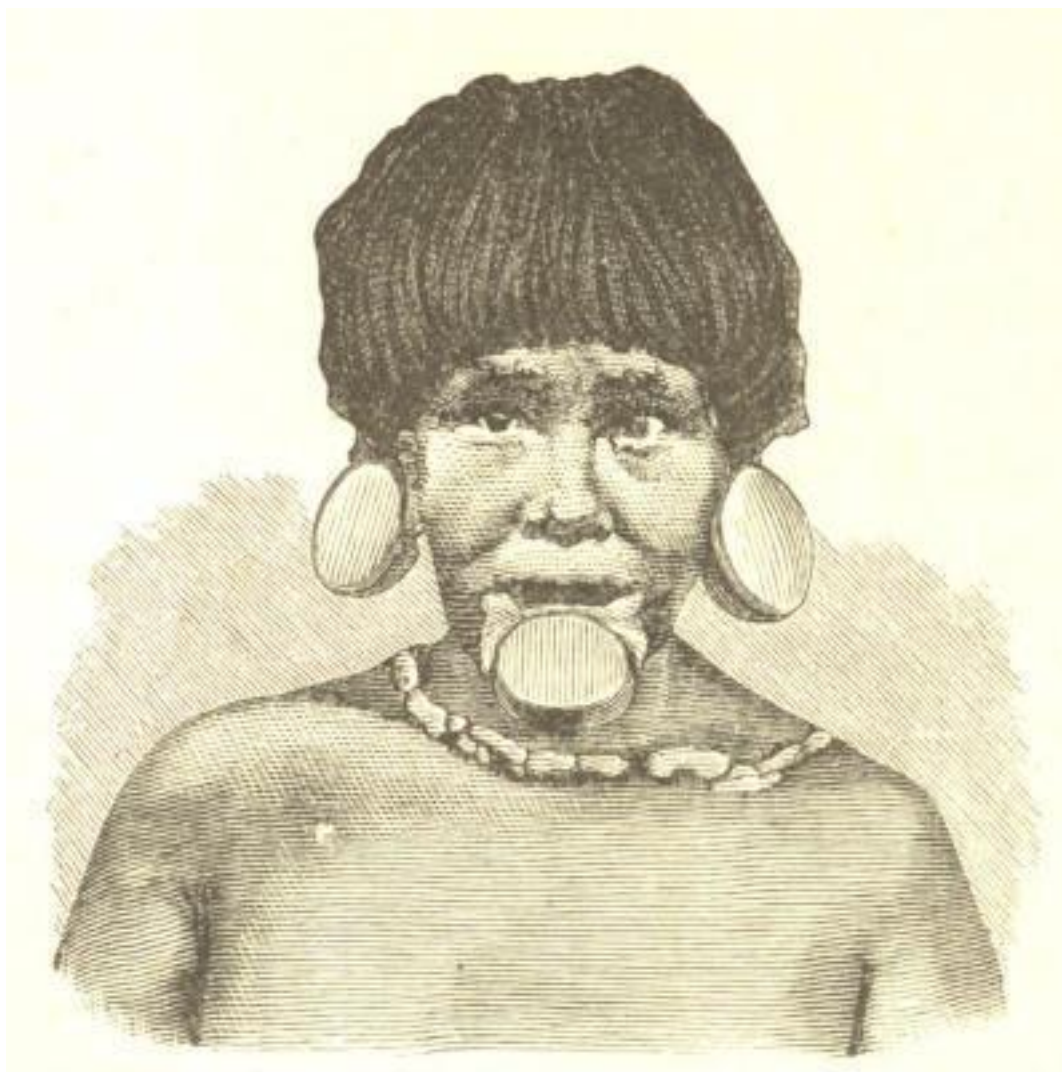

Рис. 68.- Женщина-ботокудо с украшениями для губ и ушей.

Склонность к украшению тела украшениями принадлежит человеческой природе настолько низко, насколько мы можем ее проследить. В Южной Америке голые люди были украшены кольцами на ногах и руках, а у одного племени единственным украшением было перо макаки, воткнутое в отверстие в каждом углу рта, и нитки раковин, свисающие с носа, ушей и под губами. Последний случай - хороший пример того, что украшения крепятся к телу, которое протыкается или разрезается для их получения. Различные племена носят лабреты или украшения для губ, причем некоторые постепенно увеличивают отверстие в подгубье до тех пор, пока в него не войдет деревянная пробка двух или трех дюймов в поперечнике, как на портрете (рис. 68) женщины из племени ботокудос, бразильского племени, которое обязано своим названием этому лабрету, который португальцы сравнивают с *ботоком* или бангом. Ушные орнаменты, как показано на рисунке, вставляются таким же образом в мочку уха, которую растягивают так, что когда деревянный диск вынимают, он падает в петлю и даже достигает плеча. Таким образом, возможно, есть доля правды в любимой сказке старых географов о племенах, чьи большие уши доходили до плеч, хотя эту историю пришлось растянуть еще больше, когда было заявлено, что они ложились на одно ухо, а другим накрывались, как одеялом. Большой интерес для нас в этих дикарских украшениях представляет тенденция высшей цивилизации отказываться от них. В Персии до сих пор можно встретить кольцо в носу, продетое с одной стороны женской ноздри, но европейский вкус был бы шокирован этим, хотя он позволяет прокалывать ухо, чтобы носить в нем кольцо. Что касается украшений, которые просто надевают, то это в основном перья, цветы или

безделушки, которые носят в волосах, а также нанизанные украшения или кольца на шее, руках и ногах. О том, в какие далекие времена человек начал получать удовольствие от подобных украшений, можно судить по найденным в пещере кроманьонцев ракушкам, скученным для нанизывания, из которых, несомненно, делали ожерелья и браслеты для девушек эпохи мамонтов. В современном мире ожерелья и браслеты остаются в неизменном употреблении, хотя браслеты, такие как браслеты индусских танцовщиц, конечно же, исчезли из костюма цивилизованных носительниц обуви и чулок. По нашим обычаям, не стоит хранить память об умерших родственниках, нося их кости пальцев рук и ног, нанизанные на бусы, как это делают андаманские женщины, но у наших дам в моде варварские ожерелья из ракушек, семян, тигриных когтей и особенно полированных камней. Ношение блестящих камней в качестве украшений продолжается, будь то драгоценный жемчуг или рубин, или стеклянные бусы, имитирующие камни. Там, где металл становится известным, он сразу же начинает использоваться для украшения, и это достигает своего апогея, когда забавные путешественники описывают даякскую девушку с руками, обмотанными мотком прочной латунной проволоки, или африканскую красавицу, чьи огромные медные кольца на конечностях так раскаляются на солнце, что сопровождающий носит с собой горшок с водой, чтобы время от времени их смывать. Чтобы увидеть золотые украшения высшего порядка, студент должен изучить изделия древних, такие как египетские, греческие и этрусские в Британском музее, а также изделия средневековой Европы. Сейчас это искусство, похоже, прошло свой расцвет и превратилось в производство, лучшие продукты которого - подражания античным. Огранка драгоценных камней, таких как бриллианты, на грани - это, однако, современное искусство. Что касается перстней, то если их использование возникло на основе печаток Египта и Вавилона, то те немногие из них, которые до сих пор гравированы в качестве печатей, сохраняют первоначальную идею, в то время как те, которые несут только жемчуг или бриллианты, превратились в простое украшение.

Теперь перейдем собственно к одежде. Человек, которому нужна одежда, получает ее самым простым способом: он снимает покров с дерева или зверя и надевает его на себя. Кора деревьев служит одеждой для грубых рас во многих районах, как, например, любопытное использование так называемого "рубашечного дерева" (*lecythis*) жителями бразильских лесов. Мужчина срезает ствол длиной четыре-пять футов или большую ветку и снимает кору в целую трубку, которую затем остается только вымочить и отбить до мягкости, а также прорезать прорезы для пройм, чтобы можно было надеть ее как готовую рубашку; а из небольшой длины можно сделать женскую юбку. Ношение коры иногда сохранялось как знак первобытной простоты. Так, в Индии в законах Ману записано, что когда седовласый брахман удаляется в лес, чтобы закончить свои дни в религиозной медитации, он должен носить шкуру или одежду из коры. Более грубый народ, кайяны на Борнео, хотя в обычной жизни им нравятся нарядные иноземные вещи торговцев, когда они впадают в траур, сбрасывают их и возвращаются к грубой туземной одежде из коры. В Полинезии производство *тапы* из коры тутового дерева было доведено до совершенства: женщины выбивали ее рифлеными дубинками в подобие растительного войлока и украшали цветными узорами, выбитыми на ней. Люди были в восторге от белой бумаги европейцев и одевались в нее как в прекрасную разновидность тапы, пока не обнаружили, что первый же дождь портит ее. Из листьев также делают фартуки или юбки, в которые облачаются различные грубые племена. В Индии есть не только "носильщики листьев", но на ежегодном фестивале в Мадрасе все население низшей касты сбрасывает свою обычную одежду и надевает фартуки из веток с листьями.

Кожаные одежды, которые носили дикари древнего мира, сгнили за многие тысячи лет, но о том, как часто их носили, мы можем судить по огромному количеству найденных в земле орудий для выделки кожи из острого камня (см. [рис. 54, в](#)). До недавнего времени патагонцы, добираясь в своих путешествиях до места, где можно было найти подходящий кремнь или обсидиан, нагружали себя запасами кусков, чтобы расколоть их в эти примитивные скребки для кузнецов. Дикари, чтобы их меховые халаты или рубашки из оленьей кожи не высохли, умеют искусно выделывать кожу, втирая в нее жир или костный мозг и разминая руками; они также коптят ее, чтобы сохранить. Таким образом, североамериканцы умеют перерабатывать оленью кожу для одежды в нечто похожее на то, что мы называем серной кожей. Но вряд ли можно предположить, что низшие расы освоили процесс дубления с помощью коры или галлов, где дубильная кислота образует в веществе кожи нерастворимые соединения, которые веками противостоят изменению, так что прекрасные резные и тисненные работы из дубленой кожи Древнего Египта до сих пор можно увидеть прекрасно сохранившимися в наших музеях. В таких странах, где ездят верхом, как Мексика, до сих пор носят кожаные костюмы, в то время как в Европе исчезают бушлаты и охотничьи шкуры; но по-прежнему повсеместно признается, что для покрытия ног нет ничего лучше кожи. В ношении мехов наш верх роскоши удивительно близок к дикарской моде первобытного мира.

Плетение косичек и циновок - искусства настолько простые, что они известны и дикарям. В жарких странах плетение удобно для одежды, например, жители островов Южного моря делают платья из плетеной травы, а цивилизованный мир до сих пор пользуется этим старинным искусством, предлагая шляпы и чепчики из соломы или щепы. Далее, если мы разберем клочок тканого полотна на части, то увидим, что на самом деле это кусок мата, сделанный с помощью ниток. Поэтому, чтобы понять, что такое ткачество, нужно начать с изготовления ниток. Все люди умеют скручивать нити, но некоторые племена делают это гораздо более низким способом, чем мы привыкли. Они берут растительное волокно, шерсть или волосы и скручивают их, катая между плоскими ладонями или держа одной рукой за бедро. Читателю стоит попробовать имитировать этот процесс, скручивая две пряди полотенца, а затем скатывая их в одну обратным движением. Во всяком случае, он поймет, сколько практики ему потребуется, чтобы сделать это так же ловко, как австралийцы, когда они стригут волосы женщин, чтобы сделать запас рыболовных лесок, или новозеландцы, когда они спускают горсть местного льна на дюймы в аккуратный и совершенный шнур. Но высшие народы используют для изготовления нитей механическое приспособление - веретено, и вопрос в том, как оно было изобретено. На [рис. 69](#) показано, что могло произойти. На рисунке *а* изображена поперечная палочка, образующая простую катушку или моталку, на которую австралийцы наматывают только что упомянутую волосную нить. Если бы кому-то из этих дикарей пришло в голову закрепить нить, продев ее в расщеп на конце палки, он мог бы увидеть, что, придав висящей катушке вращение, он может заставить ее накрутить новую прядь гораздо быстрее, чем это можно сделать руками. Австралиец так и не понял, как это сделать. Но если посмотреть на рисунок *б*, на котором изображена древнеегипетская женщина, занимающаяся прядением, то становится очевидным, что такое веретено, с которым она работает, могло быть изобретено путем использования простого мотовила для этой новой цели. Такие веретена были известны во всем древнем цивилизованном мире, и среди самых распространенных предметов, раскопанных возле старых жилищ, - каменные или терракотовые веретена, похожие на большие пуговицы, которые с палкой посередине составляли целое простое орудие. Веретена до сих пор можно увидеть в руках крестьянок в Италии или Швейцарии. Прялка средневековья представляла собой маленькую машину для приведения в движение веретена, а прядильные машины на фабриках демонстрируют древний инструмент, усовершенствованный до более

современного: сто веретен в ряд быстро приводятся в движение с помощью паровой энергии, и все они обслуживаются одним работником.

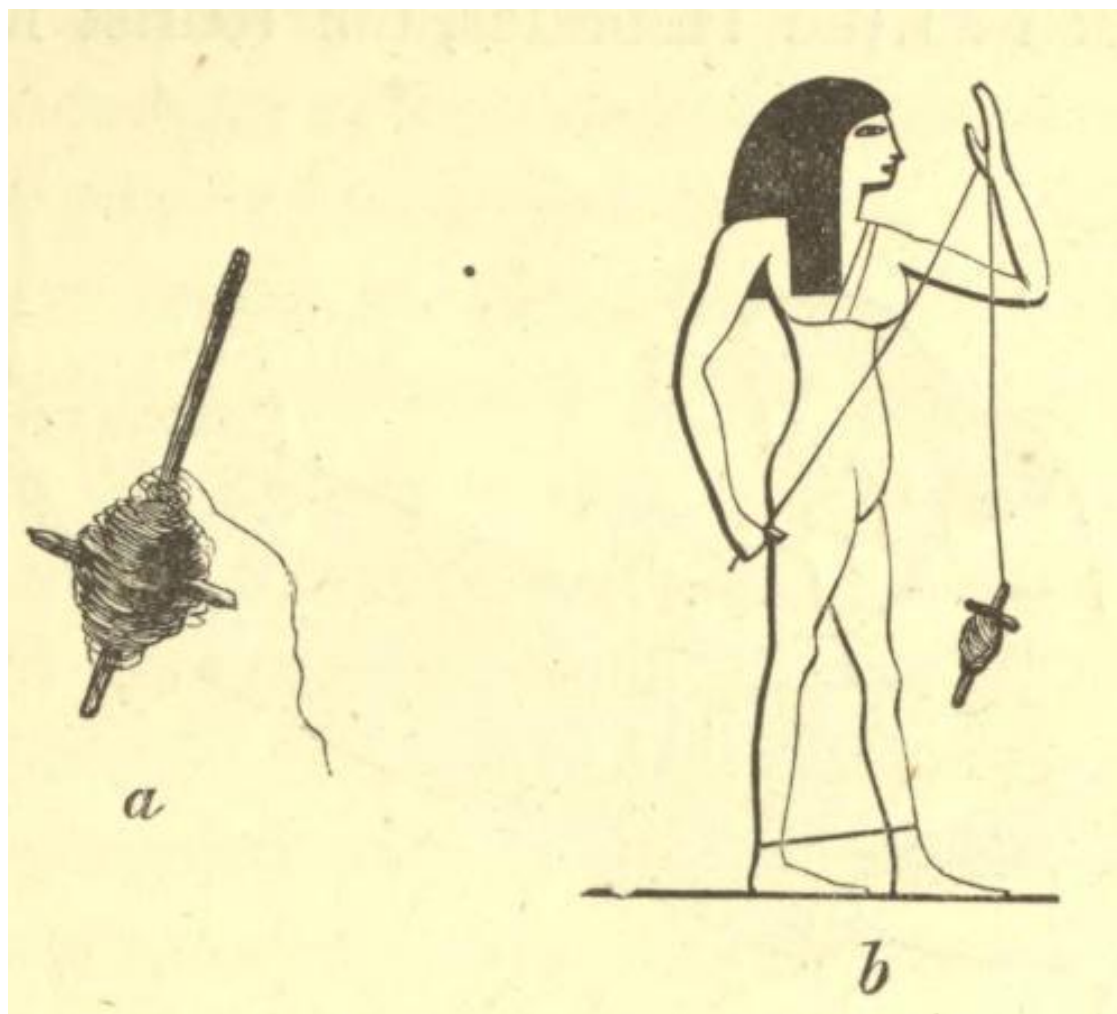

Рис. 69.- а, австралийский станок для наматывания шнура ручной работы; б, египтянка, пряжущая с помощью веретена.

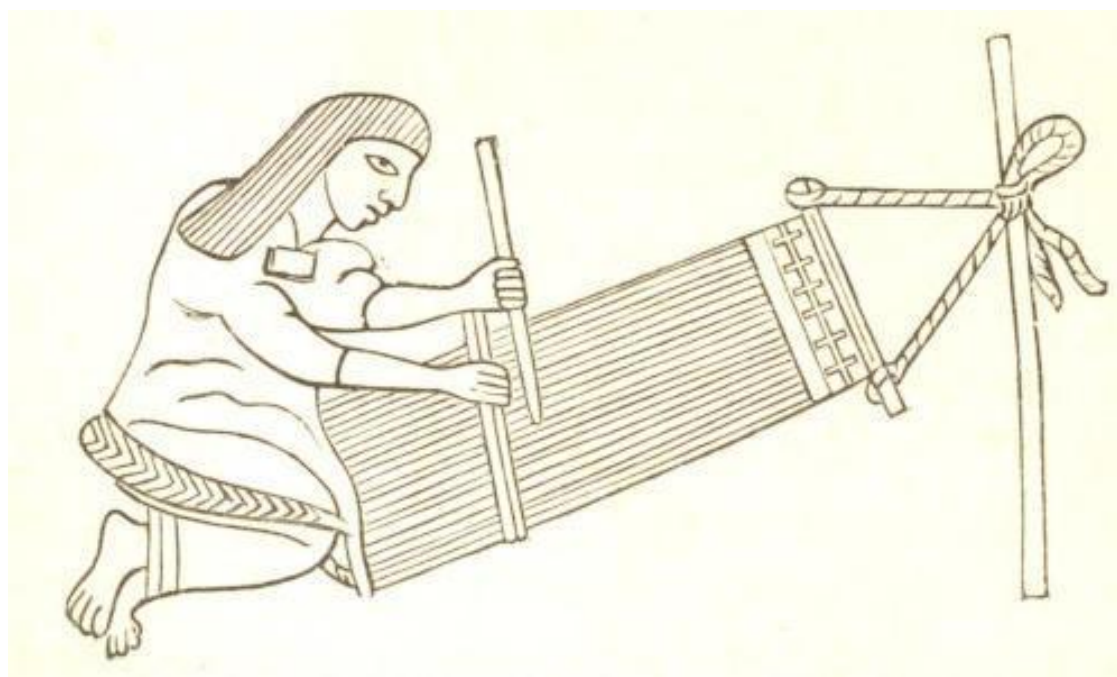

Рис. 70.- Девушка-ткачиха. (С изображения ацтеков.)

Следующий вопрос заключается в том, как люди, получившие нитки или пряжу, научились ткать их в ткань. Как только что было сказано, ткань - это своего рода коврик из нитей, но поскольку их нельзя держать жестко, как камыш, их можно натянуть на раму, чтобы получилась основа, а затем перекрещивать нити или моток пальцами или на палке, как это делает мексиканская девушка на [рис. 70](#). Этот трудоемкий метод до сих пор подходит для сложных узоров гобеленовой ткани. Но приспособления для экономии времени были изобретены очень рано. Уже на древнеегипетских рисунках видно, как чередующиеся нити основы приподнимаются поперечными перекладами, чтобы за один бросок пропустить через весь кусок ткани деревянную нить, которую несет челнок. Ткацкие станки классической Греции и Рима были во многом похожи, и в средние века они практически не совершенствовались. Действительно, в таких труднодоступных местах, как Гебридские острова, турист все еще может увидеть старый деревенский станок, который, за исключением того, что он расположен горизонтально, так что ткач сидит на нем, а не стоит, почти не отличается от станка, на котором Пенелопа, как можно представить, ткала знаменитый саван, который она развязывала ночью. Только около века назад снова начались усовершенствования, когда был изобретен "летающий челнок", который вместо того, чтобы бросать вручную, быстро перемещался по станку с помощью пары рычагов или искусственных рук. В последние годы этот усовершенствованный ткацкий станок перешел в разряд силовых станков: теперь вместо рук и ног ткача тяжелую работу выполняет паровой двигатель. Гениальное устройство жаккардового станка с его перфорированными картами, на которых расположены нити, позволило ткать даже пейзажи и портреты.

Первобытный *портной* или "раскройщик" (*tailleur*) должен был не только вырезать кожу или кору по форме, но и соединять куски с помощью сухожилий или ниток. Это искусство шитья появилось среди дикарей, и в самой грубой форме его можно увидеть у фуэгийцев, которые протыкают шкуры гуанако заостренной костью, просовывают нить и завязывают каждое отверстие. Среди племен, у которых для работы есть только такие костяные шилья или жесткие шипы, шитье не может выйти за рамки сапожной моды, когда сначала делается ряд отверстий, а затем проталкивается и вытягивается нить. Но в оленьих пещерах Франции найдены костяные иглы с глазками, так что, возможно, швеи эпохи мамонтов уже знали, как сшивать и вышивать их мягкие шкуры. Когда начался период металла, в обиход вошли бронзовые иглы, которые можно увидеть в музеях, а в наше время тонкие стальные иглы стали примером того, как можно добиться точности и дешевизны за счет разделения труда: один набор рабочих полностью занят шлифовкой острия, другой - сверлением ушка и так далее. Но швейная игла в принципе все еще остается иглой древнего мира, и ручное шитье, продержавшись на своем месте тысячи лет, внезапно вынуждено конкурировать с работой новой швейной машины, которая выполняет свои более быстрые швы механически другим способом.

Далее, что касается формы одежды. Если бы мы не знали ни одного костюма, кроме того, что мы носим сейчас, мы могли бы считать его плодом простой фантазии, чем он и является на самом деле. Но если внимательно посмотреть на одежду разных народов, то можно увидеть, что большинство одеяний - это вариации нескольких основных видов, каждый из которых предназначен для определенной цели в одежде тела. Самой простой и, несомненно, самой ранней одеждой являются намотанные на тело или подвешенные на спину обмотки, и, заметив, как их носят, можно догадаться, как они привели к более позднему использованию одежды, подогнанной по фигуре владельца. Начнем с простейших мантий: шкура или одеяло с дыркой посередине образуют готовое одеяние типа пончо. Если набросить ковер или

одеяло на плечи, получится одежда, которую нужно застегнуть спереди или на одном плече, чтобы рука оставалась свободной. Это можно сделать с помощью шипа или костяной булавки, примитивной *броши*, то есть "шпажки" (фр. *broche*); сейчас мы используем слово "брошь" для обозначения более цивилизованной металлической булавки с безопасной застежкой, латинского *fibula* или "фиксатор". Теперь, когда человек стоит, укутавшись в одеяло или простыню, ему достаточно поднять руки, чтобы понять, как естественно появились рукава, сшитые под мышками. Далее, накинув одеяло на голову и придерживая его под подбородком, можно увидеть, как часть, накинутая на голову, образует капюшон, который можно откинуть, когда он не нужен. Когда стало удобно делать капюшон отдельно, возникли различные виды головных уборов, мешковатая форма которых часто указывает на их происхождение, например, остроконечный "колпак дурака". Когда накинутая на плечи мантия короткая, она образует *плащ* или *накидку*; когда длинная, она становится *плащом*, который обязан своим названием сходству с колоколом (французское *cloche*). Для удобства многие разновидности мантии обрезаются по форме, как, например, тога, в которую облачался древний римлянин, имела округлую форму. Но с тех пор, как было изобретено ткачество, некоторые виды одежды носят в том виде, в каком они сошли со станка, например, шотландский плед или древняя восточная одежда, которую мы до сих пор знаем под персидским названием *шаль* (*shâl*). Такая тканая одежда склонна сохранять отпечаток своего происхождения в виде бахромы, которая в своем первоначальном виде представляет собой оставленные ткачом концы нитей основы, а когда эти нити связываются в пучки, они дают начало кисточкам. Другая большая группа одежды - туники, в простой форме представленные в хитоне древнегреческого женского платья, который сравнивали с льняным мешком, открытым с обоих концов, и удерживаемым брошью на каждом плече, оставляя отверстия для рук. Туника, закрытая на плечах и, как правило, с рукавами, является наиболее универсальной одеждой цивилизованных людей, носится свободно, как рубашка, или подтягивается на талии с помощью пояса или ремня. В различных формах она представляет собой тунику римского легионера и "красную рубашку" гарибальдийского добровольца, пальто средневекового дворянина, плащ-фрак английского крестьянина, блузу французского рабочего, и, наконец, она привела к появлению наших современных пальто и жилетов, которые представляют собой туники, расстегивающиеся спереди и застегивающиеся на пуговицы. Одним из великих шагов в области личной чистоты и, следовательно, культуры, сделанных нашими предками, было принятие льняной туники, надеваемой на кожу, - "короткой" одежды, или *рубашки*. Кусок ткани, обернутый вокруг тела и подпоясанный поясом, образует юбку или килт, а способ, которым восточные женщины скрепляют свои юбки между ног для удобства ходьбы, показывает, как были изобретены брюки. Многие древние народы носили брюки, например сарматы, чей современный костюм можно увидеть на колонне Траяна, а также галлы и бритты, так что ошибочно называть нынешний костюм горцев "одеждой старой Галлии". Классические греки и римляне смотрели на *brassæ* или *бриджи* как на принадлежность варварства, но их мнение не было принято цивилизованным миром.

Эти замечания могут побудить читателя внимательно изучить книги по костюму, которые действительно полны любопытных иллюстраций того, как вещи не изобретаются прямо по воле фантазии, а приходят путем постепенного изменения того, что уже было. Чтобы объяснить нашу нынешнюю абсурдную шляпу-"дымоход", мы должны увидеть, как она появилась в результате последовательных изменений конической пуританской шляпы и ссутулившейся шляпы Стюарта, а те в свою очередь - более ранних форм. Смысл шляпной ленты следует искать в том, что когда-то она была настоящим шнуром, который стягивал просто круглый кусок войлока, которым была примитивная шляпа; а чтобы понять, почему наша шляпа покрыта шелковым ворсом, нужно помнить, что это имитация более ранней

шляпы из бобрового меха, которая могла выдержать дождь. Даже бесполезные теперь швы и пуговицы на современной одежде (см. [стр. 15](#)) - это кусочки прошлой истории.

В заключение этой главы можно рассказать о лодках и кораблях. Тот, кто первым ухватился за плавающую ветку и обнаружил, что она может выдержать его на воде, положил начало навигации. Естественно, история не сохранила сведений о зарождении такого искусства. Однако самые грубые формы поплавков, плотов и лодок до сих пор можно увидеть в использовании у дикарей, и даже цивилизованный путешественник, приехавший на ручей или озеро, может быть рад сменить бревно или пучок камыша, чтобы помочь ему перебраться на другой берег и перенести свое оружие и одежду сухими. Сравнивая эти грубые и готовые средства с приспособлениями, сделанными с мастерством и тщательностью для постоянного использования, можно составить представление об этапах развития искусства корабельщиков.

На самом низком уровне находится простое плавание, например, ребенок с островов Южного моря заходит в воду с неочищенным кокосовым орехом, чтобы держаться за него; или готтентот переплывает реку на своих козах, поддерживая свое тело, растянувшись на одном конце бревна из ивы, которое он называет "деревянной лошадью". Известно, что австралийцы приплывают к нашим кораблям, сидя на бревнах, заостренных на концах, и гребут руками, а местные рыбаки из Калифорнии сидят на пучке камыша, связанного в форме матросского гамака. Как бы грубо они ни выглядели, они, во всяком случае, свидетельствуют о том, что их создатели заметили преимущество, которое имеет судно с острым носом перед тупоконечным бревном при движении по воде. Во всех уголках земного шара люди совершенствуют поплавок, делая его полым для плавучести; таким образом, он превращается в лодку. Один из способов сделать это - вычерпать бревно. Тот, кому довелось побывать в Америке, возможно, переплывал на таком "выдолбленном" бревне через пруд или реку; испытав на себе, как осторожно нужно следить за тем, чтобы цилиндр не перевернулся в воде, он поймет, насколько большим улучшением в строительстве лодок стало появление киля, который придает судну устойчивость. Для дикарей с их каменными топорами выдолбить бревно - дело трудоемкое, если древесина твердая, и они склонны прибегать к помощи огня, поджигая ствол дерева по нужной линии и срубая горящую древесину. Колумб был поражен размерами таких судов, сделанных туземцами Вест-Индии, и упоминает в своих письмах множество каноэ из цельного дерева, "*multas scaphas solidi ligni*", некоторые из которых были настолько велики, что вмещали от семидесяти до восьмидесяти гребцов. Испанцы переняли у них гаитянское название *каноя*, откуда и пошло наше *каное*. Тем не менее, эта *выкопанная лодка*, или, говоря греческим языком, *μονοξύλε* ("однодерево"), была хорошо известна в других варварских странах и была распространена в Европе в доисторические времена, о чем свидетельствуют образцы в музеях, сохранившиеся благодаря торфу или песку, в которых они были найдены. Даже латинское слово *scapha*, использованное выше, несет в себе отпечаток этого раннего лодочного строительства; греческое *skapḥē*, которое настолько точно соответствует по значению термину "вырытый", что является очевидным реликтом того времени, когда лодки действительно вырезались из цельных стволов; с этими словами связаны английские *skiff* и *ship*, настолько, что линия связи в названиях проходит от первого до последнего. Еще один очень простой способ изготовления лодки встречается у австралийцев: человек снимает лист коры с корявого дерева, связывает его на концах и плывет на этом импровизированном берестяном каноэ. Если же его нужно использовать не один раз, он сшивает концы вместе и вставляет носилки или поперечные куски дерева, чтобы сохранить форму. Так появляется берестяное каноэ, неизвестное в Азии и Африке, но достигшее наибольшего совершенства в Северной Америке, с каркасом из кедра и обшивкой из листов бересты, сшитых волокнистыми

кедровыми корнями. Такие каноэ до сих пор активно используются в таких районах, как территория Гудзонова залива, поскольку они хорошо подходят для ломаного судоходства, когда из-за порогов приходится перевозить лодку и груз по суше или делать "переправу" с одной реки на другую. Принцип работы скин-каноэ во многом аналогичен - вместо коры используется шкура. Известно, что североамериканские индейцы, переправляющиеся через реки, превращали шкуры своих палаток в суда с помощью нескольких веток, чтобы они были натянуты. Немногом выше этого стоят круглые лодки из ветвей, покрытые кожей, из Месопотамии и переносные корабли древних британцев; на реках Северн и Шеннон рыбаки до сих пор спускаются к реке, неся на спине свои корабли, теперь сделанные из просмоленного холста на каркасе, но по образцу древнего типа. Каяк эскимосов имеет каркас из кости или дрейфующего дерева, на который натянуты тюленьи шкуры, превращающие его в водонепроницаемый спасательный круг, в котором облаченный в шкуру гребец может даже перевернуться на бок и поднять свою лодку прямо на другой берег. Наши современные так называемые каноэ - это деревянные имитации.

Далее, когда варварский корабельщик доходит до усовершенствования выкопанного каноэ, пришивая или пришивая полоску тонкой доски в качестве рулевого борта, или делает всю свою лодку, сшивая тонкие доски вместе по ребрам, вместо шкур или листов коры, он приближает свое судно к нашим лодкам. От Африки до Малайского архипелага такие сшитые суда были и часто остаются обычным туземным ремеслом. Каноэ с островов Южного моря, скрепленные между собой тесьмой из синнета или волокон кокосового ореха так аккуратно, что стыков почти не видно, - это чудо варварского плотницкого искусства. В Оманском заливе люди отправлялись на острова кокосовых орехов со своими инструментами, срубали несколько пальм, делали из древесины доски, сшивали их шнуром из коры, делали паруса из листьев, нагружали новые корабли орехами и отправлялись в плавание.

Прежде чем перейти к кораблям цивилизованных народов, давайте на минуту вернемся к более грубым плавучим средствам. Два или три бревна, скрепленные вместе, образуют плот, который, хотя и неуклюж в движении, имеет то преимущество, что не расшатывается и несет тяжелый груз. Во время открытия Перу испанцы были поражены, встретив в океане туземный плот, да еще и с поставленным парусом. Плоты, перевозящие товары по Евфрату и Тигру, надуваются дутыми овечьими шкурами; в конце плавания плот разбирается на части, а древесина продается, так что только пустые шкуры должны вернуться, чтобы послужить в другой раз. С еще большей экономией плоты по Нилу нагружают глиняными горшками для продажи на базаре, так что ничего не возвращается. Плоты из дерева, как и плоты на Рейне, хорошо устроены для простого плавания по течению. Но когда плот приходится вести по воде с помощью весел или паруса, его сопротивление оказывается чрезмерным, и фиджийцам и жителям других островов пришлось в голову, что плот, состоящий из двух параллельных бревен, соединенных поперечными столбами и несущих приподнятую платформу, будет идти легче. Глядя на это простое приспособление, можно с полным основанием считать, что оно привело к изобретению каноэ с аутригером, известного в древней Европе, а сегодня распространенного в Тихом океане и вплоть до Цейлона. Одно из двух бревен теперь представляет собой каноэ, а второе остается в качестве аутригера, прикрепленного к концам двух выступающих шестов, чтобы удерживать все в бурную погоду. Или же оба бревна могут стать каноэ, а платформа останется; таким образом, мы имеем полинезийское двойное каноэ, принцип которого недавно был использован в двойном пароходе, чтобы облегчить проход между Дувром и Кале.

Далее, что касается способов передвижения лодок по воде. Происхождение гребли наглядно демонстрируют австралиец, сидящий на заостренном бревне и гребущий руками,

или рыбаки из Верхнего Нила, приводящий в движение ногами связку стеблей, на которой он сидит. Прimitивное деревянное весло, имитирующее форму и выполняющее работу плоской руки или ноги, хорошо известно дикарям, которые в основном используют одно весло с лопаткой или лопатообразным концом; двустороннее весло, заимствованное нашими каноистами у эскимосов, представляет собой особую усовершенствованную форму. Весло, используемое свободной рукой для рытья или зачерпывания воды, лучше всего подходит для узкого каноэ из коры или полого ствола, но для более крупных судов это грубое приспособление по сравнению с цивилизованным веслом, которое представляет собой рычаг, притянутый к точке опоры, чтобы использовать больше силы гребца и более устойчиво тянуть. Разница между варварским и цивилизованным знанием механических принципов хорошо видна при сравнении большого каноэ с острова Южного моря с двадцатью гребцами, разгребаящими воду, с одним из наших восьмивесельных катеров. Что касается парусов, то, пожалуй, самое простое представление о них можно увидеть на рисунке Кэтлина, где североамериканские индейцы стоят каждый в своем каноэ, держа на вытянутых руках свое одеяло, нижний конец которого привязан к ноге, и так плывут против ветра. Самый грубый обычный парус, используемый где бы то ни было, - это циновка или ткань, удерживаемая двумя палками в верхних углах и закрепленная внизу, или поддерживаемая вертикальным шестом и поперечной переключиной - примитивной мачтой и верфью. У низших племен людей так часто случается, что лодки никогда не ходят под парусом, что трудно представить, что их предки когда-либо умели это делать. Несомненно, они продолжали бы это делать, ведь искусство экономить столько труда при столь незначительных затратах не так-то легко выходило из головы. Более вероятно, что изобретение парусного судна относится к тому периоду, когда цивилизация была далеко продвинута. Однако этот период был очень древним.

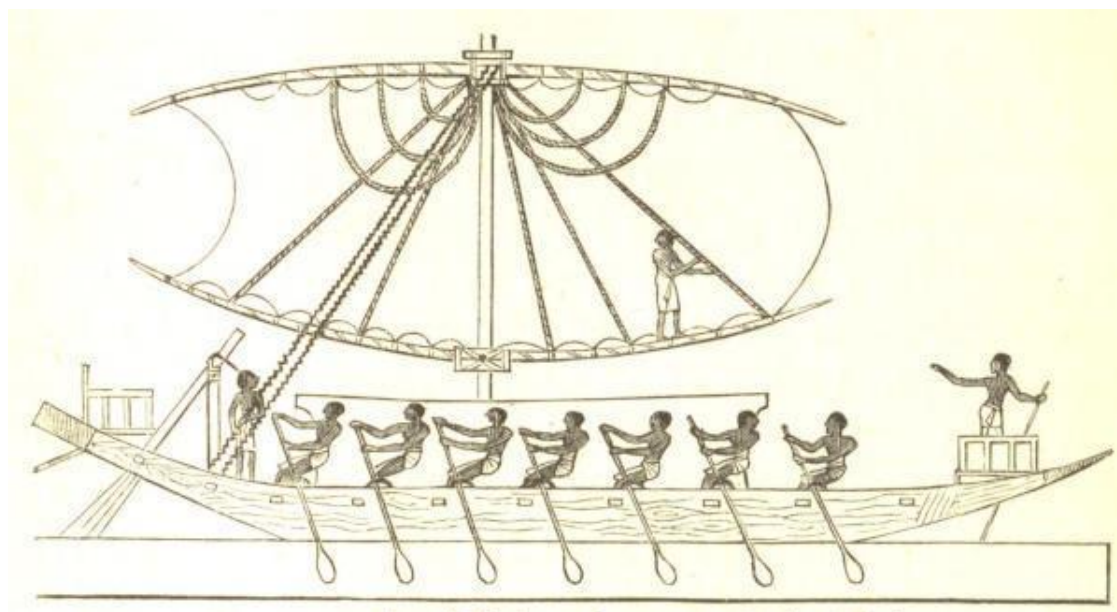

Рис. 71.- Древняя нильская лодка, с настенной росписи, Фивы.

До сих пор, когда мы выясняем, как появились более простые виды лодок, история не дает никакой помощи. Мало того, что их происхождение в большинстве случаев остается за кадром, так еще и к тому времени, когда мы входим в историю, мы обнаруживаем, что древние народы умели строить суда более совершенного устройства, с килем и ребрами, обшитые гвоздями, фактически прямые предшественники наших кораблей. Возможно,

Египет или где-то еще в регионе древней культуры Старого Света был первоначальным центром, откуда высшее ремесло корабельщиков распространилось по всему миру. Поучительно изучить древнеегипетское судно (рис. 71), изображенное на стене фиванской гробницы, и посмотреть, насколько уже в зачаточном состоянии в нем присутствуют те части, которые мы считаем принадлежностью полностью развитого корабля. Как правило, это была комбинация гребной галеи и парусного корабля. Гребцы сидят на поперечных скамьях и тянут за весла, пропущенные через петли, а на корме работает большое рулевое весло, которое является предком нашего *руля* (раньше это было просто весло, что первоначально означало его название, как *ruder* в немецком языке). Мачта держится на стакселях и несущих ярмах, на которых натянуты канаты для подъема и надувания паруса. Синоптическая площадка и полюта уже представлены приподнятыми конструкциями на палубе. На египетских изображениях военных кораблей видно, как они служили местами для лучников, а сражающиеся были защищены фальшбортом, и даже есть "воронье гнездо" на вершине мачты, служившее местом для пращей, чтобы метать камни во врага, от которого происходит наша "мачта-голова". Сравнивая с египетскими судами древние галеры и корабли Средиземноморья, будь то финикийские, греческие или римские, нельзя думать, что они могли появиться в результате отдельных изобретений: слишком сильно их семейное сходство. Еще дальше, сходство судов, до сих пор используемых в Ганге, с древними нильскими лодками удивительно, а глаз Осириса, нарисованный на египетской погребальной коре, которая перевозила мертвых через озеро к западному месту погребения, возможно, впервые подсказал написание глаз в качестве украшения на носу лодок, от барк в гавани Валетты на западе до джонок в Кантоне на востоке. Проследив путь развития от древнего до современного корабля, мы замечаем, что время от времени появляются новые приспособления, такие как металлическая обшивка для защиты досок от бура тереда, железный якорь с крышкой вместо огромного камня, капстан для буксировки и т. д. Больше мачт и лонжеронов теперь служили для того, чтобы нести больше парусов, а ярусы гребцов приводили в движение классические биремы и триремы. Военная галера сохранилась в венецианском флоте до наших дней, несмотря на свои плохие мореходные качества, так как в штиль она могла наброситься на беспомощные парусные суда. Рабы на галерах, работавшие за огромными веслами, были пленниками или преступниками, и хотя французские галеры больше не используются для каторги, термин *galérien* или *galley-slave* по-прежнему означает каторжника. Огромное усовершенствование европейских парусных судов в средние века во многом связано с изобретением, полученным с далекого Востока, - компасом мореплавателя. Корабли, способные теперь держать курс в длительных плаваниях вне видимости суши, были усовершенствованы в конструкции и оснастке, а военные корабли с несколькими палубами, вооруженные ярусами пушек, превратились в плавучие крепости. Наконец, в течение нынешнего столетия паровая энергия стала использоваться для приведения корабля в движение изнутри, при этом гребное колесо или винт фактически заняли место старых весел, а переменчивая сила ветра теперь используется лишь в качестве случайной помощи и средства для экономии топлива. Нет необходимости описывать изменения, которые современная бронетехника и огромные пушки внесли в конструкцию военных кораблей, но даже они достаточно ясно показывают, как они были сформированы путем последовательных изменений примитивного каное.

ГЛАВА XI.

ИСКУССТВО ЖИЗНИ - (окончание).

Огонь, 260 - Кулинария, 264 - Хлеб и т.д., 266 - Ликеры, 268 - Топливо, 270 - Освещение, 272 - Сосуды, 274 - Гончарные изделия, 274 - Стекло, 276 - Металлы, 277 - Бронзовый и Железный века, 278 - Бартер, 281 - Деньги, 282 - Торговля, 285.

Следующая тема для рассмотрения - огонь и его использование. Человек понимает огонь и обращается с ним способами, превосходящими интеллект низших животных. Существует старая история о том, как в лесах экваториальной Африки, когда путешественники уходили утром и оставляли костры горящими, огромные человекоподобные обезьяны, называемые понго (вероятно, наши гориллы), приходили и сидели вокруг горящих поленьев, пока те не гасли, не имея смекалки подложить еще дров. Эту историю часто повторяют, чтобы противопоставить человеческий интеллект тупости даже высших приматов. Конечно, в эпоху до появления человека в лесах случались пожары, когда деревья вспыхивали от удара молнии или потока лавы. Но из всех существ только человек умел управлять огнем, переносить его с места на место с горящими марками, а когда он гас, добывать его заново. Кажется, ни одно дикарское племя не было настолько низко, чтобы обходиться без огня. В известняковых пещерах, среди реликвий эпохи мамонтов, находят куски древесного угля и обгоревшие кости, которые показывают, что даже в той далекой древности грубые пещерные люди разводили костры, чтобы готовить пищу и греться.

Что касается искусства добывания огня, то дикари в основном использовали способ трения двух кусков дерева, и по сей день путешественники время от времени могут увидеть этот простой прибор в работе. Ручная дрель состоит из палки, похожей на древко стрелы, обрезанной до тупого острия, которую крутят, как шоколадную конфету, между руками (сдвигая их вверх, когда они слишком сильно опускаются) с такой скоростью и давлением, чтобы проделать отверстие в куске дерева, лежащем под ней, пока обугленная пыль, образовавшаяся при сверлении, не воспламенится. На рис. 72 изображен бушмен, который сверлит огонь, пока его товарищ занимается золой. Полинезийцы используют другой способ, проталкивая заостренную палку по желобку, который они сами делают в подложенном куске дерева. Любой из этих способов позволяет развести огонь за несколько минут, но для этого необходимы сноровка и правильный выбор древесины, и одному из нас вряд ли удастся добиться успеха. Для облегчения работы некоторые народы уже давно механически усовершенствовали простую дикарскую дрель, приводя ее в движение с помощью веревки, намотанной на палку в несколько оборотов и тянущей ее туда-сюда; также нередко ее обрабатывают с помощью лука, как обычную дрель-бабочку в наших магазинах инструментов. В любом случае необходима верхняя часть, чтобы удерживать сверло на опоре (не слишком сильно).

Среди цивилизованных народов старое огниво уже в древности было вытеснено из обихода более совершенными приспособлениями, особенно кремнем и сталью. Но, хотя он и был вытеснен из практической жизни, его продолжали использовать в ритуальных целях. Как уже упоминалось, (стр. 16) брахманов до сих пор можно увидеть "взбивающими" дрелью, приводимой в движение волосяным шнуром, чистый божественный огонь для жертвоприношений, таким образом религиозно сохраняя старомодный инструмент, используемый в повседневной жизни ранними арийцами. У древних римлян так сохранился закон о том, что если весталки выпускали священный огонь, то его нужно было добыть заново, просверлив деревянную доску. Это старое искусство сохранилось в Европе до наших дней в качестве ортодоксального способа разжигания "нужного огня", с помощью

которого крестьяне во многих районах во время моровой язвы разжигали костры, чтобы прогнать через них лошадей и скот, спасая их от моровой язвы. Этот обряд, унаследованный от религии прахристианских времен, требует нового дикого огня, добываемого трением, а не прирученного огня очага. Последним зафиксированным в Великобритании обрядом, требующим огня, возможно, является тот, который был сделан в Перте в 1826 году, но их все еще можно увидеть в Швеции и других странах, когда там свирепствует холера или другая чума. В прошлом веке был принят закон, запрещающий суеверные фрикционные костры в Йёнчёпинге, том самом районе, который сейчас славится своими дешевыми палочками *tandstickor* или tinder-sticks, то есть люциферовыми спичками. Так любопытно сочетаются в мире крайности цивилизации.

Рис. 72.- Бушмен, разжигающий огонь (по рисунку Чепмена).

Дрель - это средство преобразования механической силы в тепло, пока не будет достигнута точка горения древесины. Но все, что действительно нужно, - это раскаленная частица или искра, а это гораздо легче получить другими способами. Разбив на морском берегу желваки пирита железа и высекая из них искры при помощи кремня, можно получить огонь, превосходящий по эффективности деревянное сверло. Он был известен некоторым современным дикарям, даже несчастным туземцам Огненной Земли; праисторическим людям Европы, о чем свидетельствуют кусочки пирита, найденные в их пещерах; и, конечно, старому цивилизованному миру, о чем свидетельствует греческое название минерала - *пуритес*, или "огненный". Замените его кусочком железа, и мы получим кремень и сталь - обычные орудия труда народов с момента их вступления в железный век и до наших дней. Но даже от этого сейчас отказались настолько, что старомодная кухонная золовка с кремнем и U-образной сталью, а также демпфером для подготовки золы из обрывков сожженного льна для зажигания спички с серой, стала диковинкой, которую стоит заполучить, случайно найдя в каком-нибудь фермерском доме. Не стоит упоминать о горячей линзе и вогнутом зеркале, известных в Древней Греции, а также о деревянном шприце для конденсации (подобном тому, что описан в наших книгах по физике), известном в Китае; они скорее любопытны, чем практически важны. Совсем иначе обстоит дело с изобретением люциферовой спички, датируемым примерно 1840 годом. Ее действие зависит от воспламенения фосфора при натирании; головка обычного люцифера имеет горючий состав, содержащий хлорат или

нитрат поташа, который воспламеняется от частиц фосфора, примешанных к нему; в безопасной спичке эти частицы фосфора помещаются не в спичечную головку, а на резину вместо нее.

На низких уровнях цивилизации хижина часто настолько мала, что огонь приходится разводить снаружи. Но когда она становится достаточно просторной, огонь из поленьев горит на утопанной земле в центре хижины, а дым выходит наружу через двери и щели. Те, кому довелось провести ночь, лежа на земле с ногами у огня в таком жилище, знают, какое место занимает огонь в варварском комфорте, и как этот комфорт повысился, когда строители взяли на себя труд сделать дымовое отверстие в крыше, а затем дошли и до настоящего дымохода. История искусственного обогрева с этого момента лежит перед нами так ясно, что не нуждается в долгом описании. От огня из нескольких палочек на домашнем очаге мы переходим к широким каминам в залах загородных домов с их пожарными собаками, по моде средневековья. Затем появляются угольные каминные решетки, закрытые печи и приспособления для обогрева дома с помощью потоков горячего воздуха или циркулирующей по трубам горячей воды.

От отопления дома мы переходим к кулинарии. Тепло, применяемое при приготовлении пищи, разрывая клетки и размягчая ткани, чтобы их было легче пережевывать, является важным подспорьем для пищеварения, сохраняя энергию, которая была бы потрачена на усвоение сырой плоти или овощей. Не исключено, что человек будет жить на неприготовленной пище, и, возможно, ближайший подход к этому можно найти на некоторых коралловых островах Тихого океана, где сырая рыба и кокосовые орехи составляют большую часть рациона местных жителей. Низшие племена, особенно полуголодные странники пустынь, такие как австралийцы, едят насекомых, личинок, моллюсков и мелких рептилий в сыром виде, а бразильские лесные жители, как известно, подражают муравью-медведю, втыкая палку в муравейник и позволяя муравьям бежать по ней в рот. Эти обычаи шокируют европейцев, которые, однако, сами не испытывают никаких угрызений совести по поводу устриц и сырных клещей, к которым они, как оказалось, привыкли. Но эти грубые племена умеют готовить, как, собственно, и все человечество, и привычное определение человека как "животного, готовящего пищу" не имеет ни одного доказанного исключения, ни древнего, ни современного. Цивилизованные народы так хорошо освоили этот способ помощи природе, что готовят почти все, что едят, сохраняя лишь примитивные привычки употреблять орехи, ягоды и другие фрукты в сыром виде, как более приятные на вкус. Издавна считалось признаком низкой культуры есть сырое мясо, как, например, эвританы из внутренних районов Греции, о которых Фукидид упоминает как о "самых невежественных в своей речи и, как говорят, сыроедах (*ömorphagoi*)". Даже коренные племена Новой Англии были поражены этой привычкой бродячей расы крайнего севера, которых они называли соответственно *Eskimantsic* или "пожиратели сырой плоти", название, которое они до сих пор носят во французской форме *Esquimaux*.

Самые грубые способы приготовления пищи можно встретить у дикарей, которые жарят мясо на горящих поленьях, насаживая его на примитивный вертел - заостренный кол, установленный наклонно над огнем, или закапывают его в горячие угли, как мальчики закапывают каштаны или картофель. От этого последнего способа произошло изобретение печи, которая в своей простейшей форме может представлять собой дуплистое дерево, подожженное и тлеющее внутри, или яму, вырытую в земле и обогреваемую дровами костром, часто с раскаленными камнями, чтобы помочь выпечке. Бразильские племена устанавливают четыре столба с решеткой из веток поперек, на которые выкладывают дичь и рыбу, а под ними разводят медленный огонь. Мясо, приготовленное на таком *букане*, будет

храниться долго; пираты Вест-Индии готовили таким образом свои запасы мяса, откуда и пошло слово "буканер". Племенам Северной Америки, охотящимся на буйволов, принадлежит изобретение *пеммикана* - мяса, высушенного и истолченного для хранения, а во многих частях света люди умеют сушить листы или полоски мяса на жарком солнце; такое мясо называется *джеркированным*, и оно будет храниться. Только что было упомянуто использование горячих камней для выпечки. Отсюда, возможно, произошло важное искусство варки пищи. Во многих частях света, среди племен, которые не умеют делать глиняные горшки, существует любопытное искусство кипячения на камнях, которое представляет собой разновидность мокрой выпечки. Ассинабойны в Северной Америке получили свое название, которое означает "каменные котлы", от их старой практики выкапывать яму в земле, выстилать ее куском шкуры убитого животного, а затем класть туда мясо с водой и раскаленные камни, чтобы сварить его. Племена крайнего Запада с помощью раскаленных камней варили лосося и желудевую кашу в своих корзинах, сделанных из близко расположенных корней ели. Процесс кипячения на камнях продолжался даже в Европе, где его нашли удобным для нагрева воды в деревянных кадках. Линней во время своего северного путешествия обнаружил, что жители Ботланда варят пиво таким способом, и по сей день "грубый каринтийский хам" пьет такое "каменное пиво", как его называют. Как только у поваров появляются глиняные горшки или металлические котелки, варить на огне становится проще простого. Однако любопытно отметить отсутствие вареного мяса на пирах гомеровских героев, где так много говорится о суставах, насаженных на вертела для жарки, а мстительный Одиссей, катающийся по постели, сравнивается с жаждущим жаровней, разворачивающим фаршированную брюшину перед пылающим огнем. У древних северян все было иначе, ведь в "Эдде" рассказывается, как каждую ночь в Вальхалле воины пировали на соленой плоти вепря Сехримнира, который ежедневно варился в огромном котле и вновь оживал, готовый к охоте на следующий день.

Простейшие способы приготовления хлеба, появившиеся, по-видимому, вместе с первым выращиванием зерна, настолько хорошо подходят для некоторых целей, что их можно увидеть почти в неизменном виде до сих пор. Так, в коттедже на севере страны хозяйка увлажняет овсянку и замешивает из нее тесто, которое тонко раскатывается и выпекается в овсяные лепешки на раскаленном железном поясе (раньше это был раскаленный камень); а демпфер австралийского колониста так же просто делается из муки и воды в виде толстых лепешек, выпекаемых в углях. Все это возвращает нас к примитивным стадиям искусства, которое почти больше, чем любое другое, цивилизовало человечество. Если бы пресный хлеб был первым в употреблении, изобретение квасного хлеба последовало бы само собой, поскольку кислое тесто на неочищенном сосуде перебродило бы в *закваску* (французское *levain*, осветление), которая начала бы бродить в свежем тесте, отсоединяя пузырьки углекислоты внутри него, которые превращают его в губчатую массу. В более поздние времена дрожжи из пивоварения были признаны лучшим средством, чем закваска; существуют современные способы введения газа с помощью пекарского порошка (например, *sal-aërat* или аэрированная соль, бикарбонат натрия), или хлеб может быть аэрирован путем механического перемешивания углекислого газа. Другим важным средством приготовления мучных изделий или крахмальной пищи является кипячение, при котором крахмал выходит наружу и смешивается с водой, разрывая крошечные гранулы, в которых он заключен. Рис, сваренный целиком, составляет около половины пищи человечества, а среди других основных продуктов растительной пищи - различные виды каш из пшеницы, ячменя, овса, кукурузы, саго, маниоки и т. д. Просматривая современную

кулинарную книгу, можно увидеть, какой бесконечный список блюд и соусов был придуман умными поварами, чтобы порадовать вкус и заставить желать большего. Что касается прогресса в кулинарии в этом направлении, то, несомненно, современники оставили древних позади. Но, в конце концов, главная цель приготовления пищи - привести ее в надлежащее состояние для поддержания и работы человеческой машины, тела и разума. Рассматривая ее с этой точки зрения, любопытно заметить, каким старинным делом она является. Его основные процессы - жарка, выпечка и варка - относятся к варварской стадии культуры и берут свое начало в доисторические времена.

Далее следует упомянуть о спиртных напитках, которые пьет человек. Дикие племена, такие как австралийцы, когда их обнаружили европейцы, пили воду, и даже готтентоты и североамериканские индейцы не знали бродильных напитков. Трудно предположить, что столь соблазнительное лакомство можно забыть, даже если оно однажды стало известно; так что, возможно, предки этих народов с самого начала не знали искусства брожения спиртных напитков. Но в большинстве стран, особенно там, где выращивали зерно и фрукты, можно подумать, что этот процесс рано или поздно должен был обнаружить себя, случайно оставив стоять какой-нибудь подходящий сок или сусло. В Мексике млечный сок алоэ сбраживают в пульке; в Азии и Африке из пальм получают пальмовое вино или тодди; сидр из яблочного сока и медовуха из меда и воды хорошо известны; татары сбраживают молоко кобылы в кумыс. Особенно широко распространены пивные напитки; первым в истории упоминается пиво, сваренное из ячменя древними египтянами, откуда, возможно, происходит древний эль или пиво Европы; с ним связаны квас или ржаное пиво России, помбе или просяное пиво Африки, так называемое рисовое вино китайцев, чича, приготовленная из маиса или маниоки коренными жителями Америки. Вино представляется не менее древним, и на египетских картинах изображены виноградники, винные прессы, кувшины для вина; действительно, виноделие до сих пор остается таким же, каким оно было в те ранние века истории. В древние времена любопытно отметить откровенный несомненный восторг людей от опьяняющего напитка, как божественно данного средства утопить заботы и стимулировать серость в дикую радость. Они торжественно пили его на своих религиозных праздниках и приносили в жертву своим богам. Древние барды ведических гимнов не задумывались о том, что бог неба Индра пьянеет от возлияний священной сомы, возливаемой его поклонниками, а в более поздние века греки воспевали в вакхических процессиях хвалу благодетельному Дионису, который делал все народы счастливыми с помощью виноградного сока, избавляющего от забот. Но в ранние времена появляется и противоположная доктрина. Хранители религии, осознав зло пьянства, начинают провозглашать ненавистным не только излишество, но и само вкушение крепкого напитка грехом. Брахманы, хотя возлияние сомы и остается по старой традиции среди их священных обрядов, все же считают употребление спиртных напитков одним из пяти великих грехов; а в старой конкурирующей религии Будды одним из десяти предписаний или заповедей, которым обещает подчиняться послушник, является запрет на употребление опьяняющих напитков. Хотя религия Мухаммеда во многом возникла на основе иудаизма и христианства, он отбросил их древнее почитание вина и его использование в священных обрядах, запретив его как мерзость. Только в средние века дистиллированный спирт, хотя и более древний на Востоке, вошел в обиход у западных народов. Он был признан полезным, что хорошо видно из названия "вода жизни", латинского *aquavitæ*, французского *eau-de-vie*, ирландского *usquebaugh* (для краткости *виски*). Алкогольный спирт в настоящее время производится в огромных количествах из отходов виноделия, пивоварения, сахаропереработки и т.д. Его использование в качестве привычного стимулятора - одно из

величайших зол современного мира, приводящее низшие слои населения к состоянию деградации, не сравнимому с худшими эпохами истории. С другой стороны, современная цивилизованная жизнь обрела комфорт, перейдя на употребление теплых слабостимулирующих напитков. Чай, который сначала ценился буддийскими монахами в Центральной Азии как лекарство, помогающее аскету бодрствовать во время ночных религиозных обрядов, похоже, появился в качестве напитка в Китае примерно в христианскую эпоху, а затем распространился по всему миру. В Аравии кофе стал родным, и весь мир обязан мусульманам его повсеместным употреблением. Шоколад был привезен испанцами из старой Мексики, где он был любимым напитком. Вместе с ними следует упомянуть табак, также завезенный из Америки, где в момент открытия его курили аборигены как северного, так и южного континента.

При описании костров и каминов (стр. 264) в качестве примитивного топлива взяты дрова. Действительно, костер из опавших сучьев, разведенный на пикнике в лесу, может вернуть нас к первобытной жизни. Когда в хижине дикаря поленья укладываются на земляной пол, этот простой очаг уже становится местом сбора семьи и типом дома. Но в безлесных районах нужда в топливе является одной из трудностей жизни, как, например, на пустынных равнинах охотник на буйволов вынужден собирать для вечернего костра помет, который он называет "буйволовой стружкой" или "bois de vache". Даже в лесных странах, как только люди собираются в деревни, дрова поблизости быстро заканчиваются. Когда американских индейцев спросили, какая причина, по их мнению, привела белых людей в их страну, они ответили просто: несомненно, мы сожгли все свои дрова дома и вынуждены переехать. Догадка оказалась настолько верной, что нечто подобное действительно должно было произойти, если бы мы зависели от топлива из наших лесов и торфяников, ведь запасы в Англии заканчивались. Так, то, что в старые времена было лесными угодьями Кента и Сассекса и до сих пор сохранило свое название Weald (т.е. лес), сейчас не очень хорошо заросло, но это потому, что во времена королевы Елизаветы его вырубали, чтобы сделать древесный уголь для железных печей. Действительно, тогда существовала опасность, что по мере роста населения и развития мануфактур Англия может стать похожей на Северный Китай, где в холодную погоду люди ютятся дома, кутаясь в меха, а топлива не хватает разве что для кухонных печей. Но вместо этого в Англии произошли промышленные изменения, которые приумножили население и привели к нашему нынешнему процветанию. Это было использование угля, от которого зависит наша современная система производства. Даже для бытовых нужд угольный погреб почти вытеснил дровяник, а пылающее йоль-полено стало живописным пережитком прошлого. Само слово "уголь", которое в английской Библии сохранило свой первоначальный смысл горящего дерева, с тех пор было узурпировано минералом. Однако не стоит думать, что использование угля было открыто только в наши дни. Китайцы добывали его с незапамятных времен. В XIII веке знаменитый венецианский путешественник Марко Поло рассказывал, что в Катае есть вид черных камней, которые выкапывают из жил в горах, и они горят как опилки; и я могу сказать вам (говорит он), что если положить их вечером на огонь, чтобы они хорошо разгорелись, то они будут гореть всю ночь и даже утром будут гореть. То, что это было рассказано и воспринято в Европе как чудо, показывает, насколько непривычным было тогда использование угля. Хотя *литантракс*, или "каменный уголь", не был неизвестен древним, его значение для современной жизни стало осознаваться лишь постепенно. Сначала он был использован в целях экономии из-за нехватки древесины, а затем, в применении к паровому двигателю, стал почти безграничным источником энергии для всех механических работ. Паровая машина за каждые несколько полных горстей угля, которыми питается ее топка, выполняет дневную работу лошади. Таким образом, ежегодная добыча миллионов тонн парового угля в одной только Великобритании дает запас силы, по сравнению с которым то, что раньше можно было получить от ветряных и

водяных мельниц и труда людей и зверей, было весьма незначительным, в то время как задача рабочего все больше и больше сводится к тому, чтобы направлять эту грубую силу для измельчения и забивания, для прядения и ткачества, для переноса через сушу и море. Это как разница между вождением повозки и перевозкой мешков с кукурузой на рынок на собственной спине. Интересная проблема в политической экономии - подсчитать средства существования в нашей стране в сельскохозяйственный и пастбищный период и сравнить их с теми ресурсами, которые мы получаем сейчас благодаря углю, выполняя работу по дому и производя товары для обмена на иностранную продукцию. Возможно, лучшим средством осознать, что такое уголь для нас, будет мысль о том, что из трех англичан сейчас, по крайней мере, один живет за счет угля, так как без него население было бы намного меньше.

Австралийский дикарь подхватывает с костра пылающий огонек, чтобы зажечь его в темном лесу и отпугнуть демонов. Таким образом, пока нет никакой разницы между его примитивными средствами искусственного тепла и света. Разделение начинается, когда смолистые сосновые щепки и т.п. откладываются в сторону и служат естественным огнивом, а из них делается искусственное огниво, самым распространенным из которых является скрутка или *факел* (от латинского *torquere*) из пакли, смоченной смолой или воском. До нынешнего века мы пользовались факелами так же, как древние римляне, но теперь их редко можно увидеть, и из-за их неиспользования живописная сторона жизни лишилась многих поразительных эффектов бликов и теней от факелов на пирах и шествиях, которые восхищают художников и поэтов. Сейчас и половина прохожих на старомодных улицах не знает, что огнетушители на железных перилах служили для того, чтобы гасить звенья или факелы, которые несли, чтобы осветить компанию, идущую к своим каретам. Свеча выглядит так, как будто ее можно было изобрести на основе факела. Во времена Плиния был распространен камышовый фонарь, сделанный из коры камыша, смоченной в растопленном жире, а также восковая или таловая свеча с фитилем из пряжи. Старая классическая лампа представляла собой плоский овальный сосуд с соплом (*т.е.* ноздрей) на одном конце, через которое выходил фитиль. Как ни проста эта конструкция, она долгое время не находила себе применения. В музеях мало найдется греческих и римских предметов, более богатых, чем такие фаянсовые лампы, и более изысканных образцов металлических изделий, чем бронзовые; и по сей день путешественник, сошедший с главной дороги в Испании или Италии, освещает свою спальню латунным фонарем, сделанным по примеру древних, с фитилем, подвешенным к нему на цепочке. В современном виде лампа появилась около века назад, когда Арганд впустил воздух снизу и поставил стеклянный дымоход для создания тяги. Газовая лампа появилась позже, только в последние шестьдесят лет. Но любопытно отметить, что освещение природным газом уже давно было известно в тех местах, где разлагающиеся битумные пласты под землей выделяли карбюрированный водород. Так, в знаменитых храмах огня в Баку (к западу от Каспия) в землю рядом с алтарем втыкалась полая трость, по которой поднимался газ и горел в ее устье, а паломники-огнепоклонники преклонялись перед священным пламенем. В Китае на соляных источниках, где имеется такой запас природного газа, практичные люди довольствуются тем, что прокладывают его через бамбук в здания, чтобы вскипятить рассол и осветить работы.

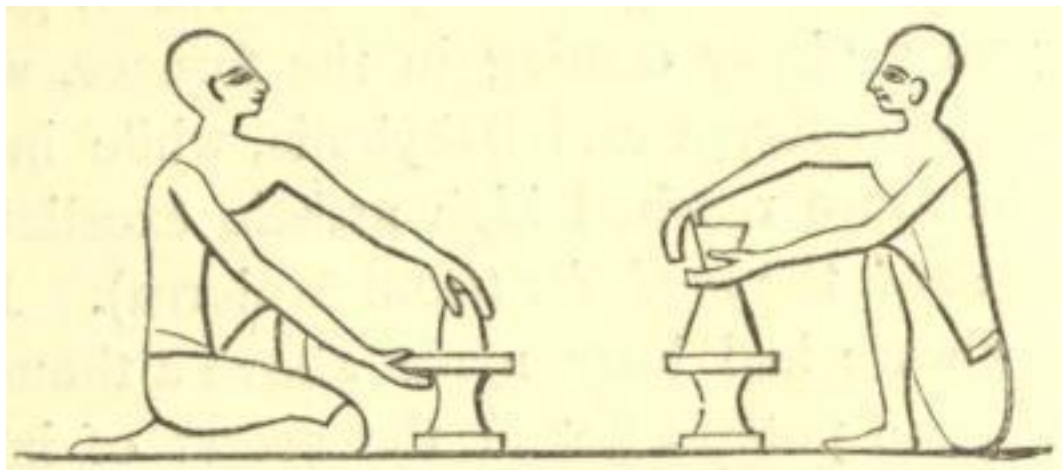

Рис. 73. Древнеегипетское гончарное колесо (Бени Хассан).

Рассмотрение способов приготовления пищи требует некоторого упоминания о сосудах. Сосуды для воды люди могут изготовить без искусства гончара, используя суставы бамбука, скорлупу кокосового ореха, кожуру калабаша, ведра из дерева, ведра из коры, бутылки из кожи. Всадник в пустынных районах носит свою тыкву для воды на луке седла, и даже там, где появилась стеклянная имитация, французы продолжают называть ее *гурдой*, так же как мы продолжаем называть старую кожаную *бутылку* стеклянной, которую мы используем сейчас. Одним из величайших бытовых изобретений было создание глиняных горшков для кипячения на огне. Когда и где была изобретена керамика, сказать невозможно. На местах древних жилищ, везде, где использовалась глиняная посуда, в земле можно найти черепки горшков. Там, где их не найти, как, например, среди реликвий племен эпохи оленеводства в пещерах Франции, можно с уверенностью заключить, что эти ранние дикари не зашли так далеко в развитии цивилизации. То же самое можно сказать об австралийцах, фуэгийцах и многих других современных дикарях, у которых нет ни керамики, ни разбитых черепков в почве, чтобы показать, что их предшественники когда-либо имели ее. Спрашивается, как людям впервые пришла в голову идея сделать глиняный горшок? Возможно, это и не выглядит выдающимся изобретением, но в ранней культуре изобретения двигались медленными шагами, и есть некоторые факты, которые позволяют предположить, что даже горшки не были сделаны сразу. Есть свидетельства о том, как грубые племена обмазывали свои деревянные сосуды глиной, чтобы они выдерживали огонь, а другие, более развитые, лепили глину на тыквы или внутрь корзин, которые затем обжигались, оставляя глиняную вазу, а следы плетения оставались в качестве декоративного узора. Вполне возможно, что именно через такие промежуточные этапы первые гончары пришли к пониманию того, что они могут самостоятельно придать глине форму и обжечь ее. Несомненно, сначала эта работа выполнялась вручную, так как в Америке или Африке до сих пор можно увидеть туземных женщин, которые лепят большие и красивые кувшины или чайники со дна, понемногу накладывая глину. Так и в Европе, как показывает любой музей древностей, погребальные урны и другие глиняные сосуды каменного и бронзового веков изготавливались вручную; и даже сейчас туристы, посещающие Гебридские острова, покупают глиняные чашки и миски старухи, которая делает их по старинке, без гончарного круга, и украшает их линиями, нарисованными заостренной палочкой. Однако гончарный круг был известен в мире с глубокой древности. На рис. 73 изображены египетские гончары за работой, как показано на настенных росписях в гробницах царей. Видно, что они вращают круг вручную. Индусский гончар описывается так: он спускается к реке, когда паводок приносит ему залежи прекрасной глины, и все, что ему нужно сделать, это замесить из нее партию, воткнуть в землю свой шарнир, установить на вершине тяжелый деревянный стол,

дать ему покрутиться и приступить к работе. Это простейшее колесо было усовершенствовано для работы снизу, с помощью ног, и в наших гончарных мастерских рабочий приводит его в движение с помощью колеса и ленты, но принцип остается неизменным. Наблюдая с неустанным удовольствием за гончаром, который с помощью этой простой машины так легко создает форму из бесформенности, мы можем хорошо понять, как в древнем мире он казался самым видом творения, так что египтяне изображали одно из своих божеств в виде гончара, лепящего человека на круге. Изящное искусство сделало некоторые из своих самых ранних и успешных попыток в формировании глиняной вазы, гравировке и лепке узоров или фигур на ней, и росписи ее изображениями богов и героев, или сцен из мифов или повседневной жизни, так что большая часть наших знаний о таких народах, как этруски и даже греки, получена из картин на их вазах, реликвиях искусства, почти вечных, хотя и таких хрупких. Большая часть гончарных изделий в мире до сих пор относится к первому и самому простому виду, это просто обожженная глина (итальянская *терракота*) без глазури, как наши цветочные горшки, и поэтому пористая. Чтобы устранить этот недостаток, некоторые народы, например перуанцы, покрывали ее лаком, а греки часто обжигали в битуме. Великое усовершенствование глазури, то есть плавления в печи на стеклянном покрытии, было известно уже в Древнем Египте и Вавилонии, а в более поздние века глазурованный фаянс достиг высокого художественного совершенства в персидской посуде и *майолике* (с Майорки). В Китае более совершенная посуда была изготовлена за тысячу лет до того, как европейские гончары узнали секрет ее подражания. Мы называем ее *фарфором* или любопытным названием *porcelain*, которое первоначально означало разновидность восточного перламутра или перламутра. Китайская или фарфоровая посуда изготавливается из тонкого белого каолина или фарфоровой глины и обжигается так интенсивно, что посуда становится стекловидной не только на глазурованной поверхности, но и во всем веществе. Общий принцип всех этих разновидностей глиняной посуды заключается в том, что кремнезем (который вместе с глиноземом присутствует во всех глинах) образует легкоплавкие стеклообразные силикаты, которые в терракоте связывают массу воедино, а в глазурованном фаянсе и фарфоре покрывают ее на поверхности или насквозь.

Само стекло - это легкоплавкий силикат такого рода, основу которого составляют поташ, сода, а иногда и свинец. Существует причудливая история, рассказанная Плинием, в которой его изобретение описывается как произошедшее на песчаном берегу Финикии, где пришвартовался корабль, а купцы, не найдя камней, чтобы вскипятить чайник, принесли на берег куски селитры, которыми был нагружен корабль, после чего огонь расплавил кремнезем и щелочь в стекло. Но факт остается фактом: стеклоделие было египетским искусством за много лет до возникновения финикийской торговли, и, судя по всему, финикийцы и другие народы научились ему именно тогда. На рис. 74 изображен египетский стеклодув. Среди прочего он должен был делать фляги, покрытые тростником, такие же, как наши современные фляги для масла. Древние египтяне делали стеклянные бусы и разноцветные стеклянные кубки, с которыми не могут сравниться даже венецианские стекольные заводы. Но современная Европа может похвастаться искусным искусством изготовления корончатого стекла для оконных стекол путем закручивания раскаленного дутого шара, пока он не раскроется в круглый лист, а также полировкой листов листового стекла, что делает возможными наши большие зазеркальные очки с их задниками из блестящей оловянной амальгамы.

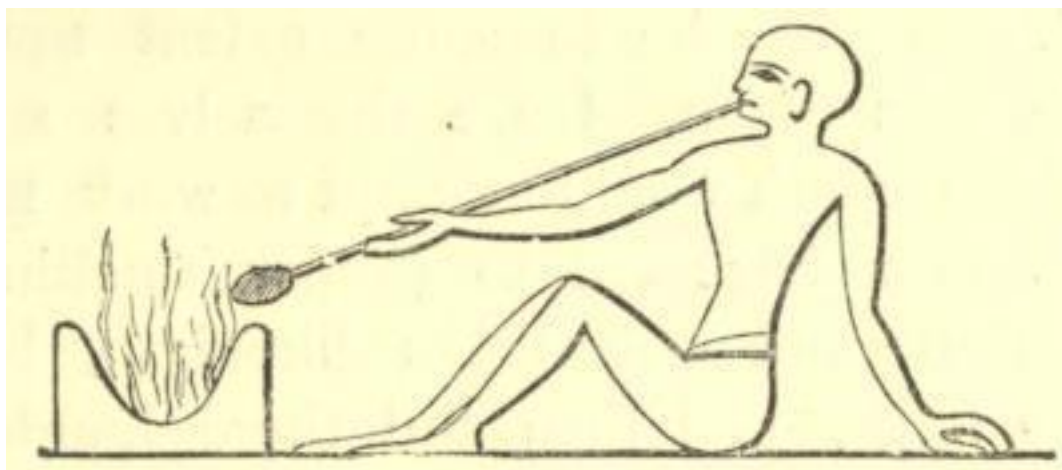

Рис. 74.- Древнеегипетское стеклодувное производство (Бени Хасан).

Огонь - настолько важное средство для извлечения металла из руды и его последующей обработки, что рассказ об использовании металла может быть отнесен к этой главе. Но, размышляя о том, как люди пришли к сложным процессам плавки руд для извлечения металла, следует помнить, что некоторые металлы встречаются в металлическом состоянии. Так, самородная медь в районе озера Верхнее использовалась в давно минувшие века племенами, жившими тогда в этой стране, которые обращались с кусочками металла как со своего рода податливым камнем, забивая его холодным молотом в топоры, ножи и браслеты. То же самое можно сказать и о золоте, природные самородки которого можно выбивать холодным способом в украшения. Остается только догадываться, что обработка металлов могла начаться именно таким простым способом, но все же это кажется вероятным. Железо также встречается в металлическом состоянии, особенно в аэролитах или метеоритных камнях, которые время от времени падают на землю. Хотя во многих из них металл разлетается на куски под ударами молота, есть метеоритное и другое самородное железо, пригодное для изготовления орудий труда при раскалении в кузнице, и его даже можно в некоторой степени обрабатывать холодным способом. Некоторые руды металлов сами по себе настолько похожи на металл, что кузнец пытался обрабатывать их в огне, и это могло привести к правильной плавке. Так, магнитная железная руда не только выглядит как железо, но и может быть нагрета в кузнице, а затем и вбита в такие предметы, как лошадиные башмаки.

Вопрос о том, кто первым начал обрабатывать медь или железо, остается открытым. В классические времена люди были уверены, что бронза была в употреблении раньше железа. Эта бронза - сплав меди с одной девятой частью олова для придания ей твердости, то, что английский механик сейчас назвал бы "оружейным металлом". Часто цитируемая строка Гесиода рассказывает о том, как древние люди работали с бронзой, когда еще не было черного железа; а Лукреций, эпикурейский поэт, учил, что после первобытного времени, когда люди сражались палками и камнями, были открыты железо и бронза, но бронза была известна раньше железа. Однако греки и римляне не очень-то помнили древние времена, и в некоторых странах железо использовалось уже раньше. В египетских и вавилонских надписях упоминается железо, а также медь. Кусок кованого железа, извлеченный из кладки великой пирамиды, можно увидеть в Британском музее, а на египетских рисунках изображена даже голубая сталь, которую мясник вешал у себя под боком, чтобы точить на ней нож. Следует особо отметить, что египтяне, хотя у них и было железо, в основном делали свои плотницкие инструменты из бронзы. Среди гомеровских греков кузнецы знали железо и даже сталь или стальное железо, если судить по знаменитому отрывку из "Одиссеи" (ix. 391)

о шипении топора, когда кузнец окунает его в холодную воду, чтобы укрепить железо. И все же бронза была обычным материалом не только для доспехов и щитов воина, но и для его копья и меча. Очевидно, что здесь мы имеем дело с искусством, очень непохожим на наше современное, и стоит попытаться понять разницу. Поучительное замечание в рассказе Кемпфера о Японии около двух столетий назад может помочь объяснить это, где он говорит, что в стране выплавлялись медь и железо, и стоили они примерно одинаково, так что железные инструменты стоили столько же, сколько медные или латунные. Далеко в древнем мире положение вещей могло быть примерно таким. Железо, хотя оно и было известно, трудно было выплавлять из руды, и то, что Гомер называет его "многокованным железом", показывает, как трудно было кузнецам его ковать. Зато меди было много, одним из известных источников был остров Кипр, откуда и пошло его название *æs Cyprium* (медь). Олово не нужно было везти со всех концов света: в Грузии, Хорасане и других местах внутренней Азии были рудники, где, возможно, и было сделано открытие - использовать его для закалки меди в бронзу. Если бы это было сделано, то легкость, с которой бронза могла быть расплавлена, и такие вещи, как топоры, отлитые в каменных формах, сделали бы ее более удобной, чем железо, для древних ремесленников. Возможно, именно это стало истинной причиной того, что "бронзовый век" наступил на большей части Европы и Азии, а за ним последовал "железный век", когда железо стало обрабатываться лучше, дешевле и в большем количестве, а сталь особенно усовершенствовалась, что привело к превосходству бронзы над инструментами и оружием, которое для нас кажется само собой разумеющимся. Останки озерных жилищ в Швейцарии показывают, как когда-то центральную Европу населяли грубые племена, использовавшие каменные орудия, как в более поздний период преобладали бронзовые топоры и копья, и, наконец, появилось железо. Такова же история каменного, бронзового и железного веков, прослеженная археологами в захоронениях старой Скандинавии, независимо от того, научились ли использовать новые металлы коренные народы или их принесли завоеватели. Истории известны народы, жившие в бронзовом веке, особенно мексиканцы и перуанцы, которых испанцы во время завоевания застали за искусной работой по бронзе, но ничего не знающими о железе; их государство было похоже на государство массагетов в Центральной Азии, описанное Геродотом примерно за две тысячи лет до этого. С другой стороны, большая часть Африки, похоже, не имела бронзового века, а перешла непосредственно из каменного века в железный. Железоплавильное производство, похоже, появилось в Африке на севере и лишь в последнее время распространилось вплоть до готтентотов, которые до сих пор вспоминают в своих рассказах о том времени, когда их предки рубили деревья камнями. Африканцы легко добывают богатую железную руду и плавят ее на дровах в простых печах, которые могут быть просто отверстиями в земле, а тяга обычно осуществляется с помощью мехов. Можно увидеть примитивную пару мехов, сделанных из цельных шкур коз или других животных, из которых один, наполненный воздухом, нажимается или топчется, а пустой подтягивается вверх, чтобы наполниться через щель или клапан. Это свидетельствует о том, что выплавка железа далека от своего самого грубого и, возможно, самого раннего состояния. Среди различных усовершенствований, которые в настоящее время сделали железо более распространенным, чем в древние времена, - использование кокса вместо древесного угля для выплавки; введение чугуна, который, по-видимому, был старым в Китае, но не был распространен в Англии до прошлого века; использование машин для прокатки иковки. Прогресс в производстве стали был таков, что в последнее время стало возможным прокладывать железные дороги из стали по пенни за фунт.

О других металлах и их влиянии на цивилизацию можно сказать кратко. Серебро с древних времен было спутником золота как драгоценного металла. Свинец легко добывался и служил римлянам для крыш и водопроводов. Сплав меди и цинка римляне получали не путем

сплавления двух металлов, а нагревая медь с цинковой рудой, называемой каламином; в результате получалась латунь, неполноценная разновидность бронзы. Зыбучее серебро было известно древним, которые перегоняли его из красной киновари и понимали, как его использовать для извлечения золота и серебра, а также для золочения. Из множества металлов, которые стали известны в наше время, некоторые имеют практическое применение. Так, платина используется для изготовления сосудов, которые должны выдерживать сильный нагрев или противостоять действию кислот, а алюминий полезен своей удивительной легкостью. Но в основном мы по-прежнему зависим от металлов, происхождение которых теряется в древности - железа, меди, олова, свинца, серебра и золота.

Упоминание этих последних драгоценных металлов заставляет нас обратить внимание на важную роль, которую сыграла монета в развитии цивилизации, и это снова относится к общей истории торговли или коммерции. Современный англичанин, привыкший к магазинам и счетным палатам, вряд ли понимает, из каких грубых начал возникла наша сложная коммерческая система. Поучительно увидеть торговлю в ее низшей форме у таких племен, как австралийцы. Крепкий зеленый камень, ценный для изготовления топориков, туземцы везут за сотни миль, получая взамен от других племен ценные продукты своих районов, например красную охру для окраски тела; они даже дошли до того, что пропускают мирных торговцев невредимыми через воюющие племена, чтобы можно было встретить целые поезда молодых людей, каждый из которых несет на голове плиту песчаника, чтобы отнести ее в свой далекий дом и сделать из нее зернодробилку. Когда чужаки посещают племя, их принимают на дружеском собрании или корроббори, и с обеих сторон дарят подарки. Несомненно, существует общее представление о том, что подарки должны быть честным обменом, и если одна из сторон не удовлетворена, то возникает недовольство и ссоры. Но в этом самом грубом виде бартера мы еще не находим того четкого представления о единице стоимости, которое является большим шагом в торговле. Эта более высокая стадия наблюдается у индейцев Британской Колумбии, чьи нити из раковин хайкуа, которые они носят в качестве декоративной каймы на своих платьях, служат им также в качестве валюты для торговли, причем нить обычного качества считается стоимостью одной бобровой шкуры. В Старом Свете сохранилось много следов тех времен, когда стоимость регулярно исчислялась в скоте; например, в Илиаде, в описании погребальных игр, мы читаем о большом призовом треножнике, который оценивался в двенадцать быков, в то время как женщина-рабыня, которая была вторым призом, стоила всего четыре быка. Здесь уже прослеживается принцип единицы стоимости, ведь не только владелец волов мог купить треножник и рабов на него, но и тот, у кого был треножник за двенадцать волов, мог получить в обмен трех рабов, оцениваемых в четыре вола каждый. И по сей день различные предметы обихода или украшения используются в качестве валюты, особенно там, где денег не хватает. Так, путешественник в Абиссинии может купить все, что ему нужно, на лепешки соли, а в других частях Африки ему приходится носить с собой в качестве денег железные мотыжные ножи, куски ткани и нитки бус. В Южной Азии, как и незапамятные времена, кауриновые раковины по-прежнему являются мелочью. Эти вещи более или менее неуклюже выполняют то, что так удобно делают металлические деньги. Использование денег возникло в результате того, что золото и серебро в старые времена обменивались на товары по весу, как видно на изображениях древних египтян, взвешивающих на весах груды колец из золота и серебра, что показывает, что они еще не были настоящими деньгами. Так и сейчас происходит с большей частью золота и серебра, которыми торгуют на Востоке, где маленькие слитки приходится взвешивать и подсчитывать, сколько каждый из них стоит. Изобретение монеты происходит тогда, когда куски металла изготавливаются с фиксированным весом и стандартом и помечаются цифрой или надписью, удостоверяющей

их, чтобы их можно было принимать без взвешивания или проверки. Это кажется простым делом, но древние египтяне и вавилоняне, как известно, не додумались до этого. Возможно, самыми ранними деньгами были китайские кубики из золота с маленькой маркировкой и кусочки меди в форме рубашек и ножей, как будто предназначенные для изображения настоящих рубашек или ножей. Монеты появляются в Лидии и Египте, в их ранней форме, как грубые куски драгоценного металла с печатью только на одной стороне с символом, таким как черепаха, другая сторона показывает след наковальни или инструмента, на который они были помещены для удара, этот случайный обратный узор был улучшен в более поздних монетах в декоративный реверс. Искусство быстро пришло в монетное дело, так что среди самых красивых монет в мире - золотые статеры Филиппа Македонского с увенчанной лавровым венцом головой на одной стороне и двуконной колесницей на другой. Но одна из причин, по которой монеты больше не чеканят с таким высоким рельефом, заключается в том, что они стираются от износа. Римские *монеты* не штамповались, а отливались; похоже, что сначала это был фунт меди, название которого означало "один" (как и *муз* в картах). С ранних веков чеканка монет была монополией правительства, и вскоре началась практика понижения стандарта и уменьшения веса ради прибыли королевской казны. О том, как это обесценивание монет происходило в Европе при одном короле за другим, можно судить по тому, что *либр* или фунт серебра снизился в цене до французского *ливра* или франка, стоившего десять пенсов, и до "*шотландского фунта*", стоившего двадцать пенсов. Хотя стоимость монет изменилась, чеканку старых времен можно проследить до сегодняшнего дня, когда мы все еще ведем счета в £ s. d. (*libræ, solidi, denarii*) римлян.

Для мелкой торговли и дома металлические деньги подходят хорошо. Но пересылка монет за сотни миль для оплаты товаров, купленных на расстоянии, сопряжена с большими трудностями и риском. Легко переносимым заменителем золота и серебра является банкнота - обещание заплатить столько-то, выпущенное казначейством или каким-либо банкиром и переходящее как деньги из рук в руки. Император Китая, по-видимому, выпускал такие банкноты в обмен на сокровища примерно в восьмом веке, а в тринадцатом веке Марко Поло, знаменитый купец-путешественник в Тартарии, описывает деньги Великого хана из штампованных кусочков тутовой коры. Из этого рассказа ясно, что понятие бумажных денег было еще чуждо уму европейского торговца, но с тех пор банкноты стали важной частью мировой валюты. Еще более полезным для торговли стало изобретение векселей. Предположим, купец из Генуи отправил шелка торговцу в Лондоне. Он не посылает взамен свои деньги, а дает распоряжение на листке бумаги, что его корреспондент в Лондоне, который должен ему столько-то, должен выплатить их через столько-то дней. Этот лист бумаги является переводным векселем и покупается другим генуэзским купцом, который оказывается должен деньги в Лондоне и выплачивает их, пересылая вексель, требующий выплаты денег там. Таким образом, вместо того, чтобы отправлять золото взад-вперед для оплаты перевозок между Лондоном и Генуей, один долг зачитывается против другого. Это описание в простейшей форме системы, которая так работает на биржах меркантильных городов по всему миру, что огромные торговые операции осуществляются за счет взаимного кредитования, с фактическим перемещением золота и серебра только настолько, насколько это необходимо для выравнивания балансов между различными странами.

Главный принцип современной торговли все еще остается таким же, каким он был у грубых индейцев Бразилии, где племена, изготавливающие смертельный яд для стрел, заготавливают больше, чем им нужно для собственного использования, чтобы обменять остальное на копья из твердой древесины, растущей в других районах, или на гамаки из пальмового волокна, сплетенные племенами в других местах. Богатство создается как торговлей, так и производством. Канадскому трапперу для собственного потребления нужно

совсем немного мехов, но все, что он может взять, является для него богатством, потому что торговец приносит ему в обмен одежду, продукты и другие вещи, которые ему нужны. Общая история мировой торговли, которая является развитием этого простого принципа, не нуждается в подробном описании древней торговли Египта с Ассирией и Индией, финикийских торговых колоний на Средиземном море, старых торговых путей через Азию и Европу, возвышения торговых князей Генуи и Венеции, первых плаваний вокруг мыса в Ост-Индию, открытия Америки, подъема океанского парового судоходства. Для изучающего цивилизацию особенно интересно отметить, что у странствующего купца в ранние века было еще одно дело, едва ли менее важное, чем доставка слоновой кости, благовоний и тонкого льна из мест, где их было много, туда, где они были в дефиците. Он был носителем иностранных знаний и исследователем дальних регионов в те времена, когда народы были более замкнуты, чем сейчас, в пределах своих собственных границ, или пересекали их только как враги, чтобы разорять и уничтожать. Купцы сделали многое, чтобы переломить вечную ревность и вражду между народами в мирное и выгодное общение. Более того, можно со всей очевидностью доказать, что старая враждебная система наций поддерживается всякого рода ограничениями в торговле, всякого рода защитными пошлинами, налагаемыми для того, чтобы заставить производить товары в странах, плохо для них подходящих, чтобы предотвратить их поступление дешевыми и хорошими оттуда, где они выращиваются с наименьшими затратами труда. Нет более полезного агента цивилизации, чем свободный торговец, который дает жителям каждого региона преимущества всех других регионов, и чье дело - выработать закон, согласно которому то, что служит общей выгоде человечества, служит также частной выгоде отдельного человека.

ГЛАВА XII. ИСКУССТВА УДОВОЛЬСТВИЯ.

Поэзия, 287 - Стих и метр, 288 - Аллитерация и рифма, 289 - Поэтическая метафора, 289 - Речь, мелодия, гармония, 290 - Музыкальные инструменты, 293 - Танцы, 296 - Драма, 298 - Скульптура и живопись, 300 - Древнее и современное искусство, 301 - Игры, 305.

Тем, кто не задумывался над тем, что такое прозаический разговор, поэзия, изложенная в метре и рифме, и песня, напеваемая под мелодию, может показаться, что это три совершенно разные вещи. Но при внимательном рассмотрении оказывается, что они переливаются друг в друга, и можно выяснить, как человеческая речь перешла во все три состояния. Дикие племена имеют определенную форму в своих песнопениях, что показывает, что они чувствуют их отличие от обычной речи. Так, австралийцы, чтобы привести себя в ярость перед боем, скандируют: "Проткни копьем его лоб! Проткни его грудь! Проткни его печень! Проткни его сердце!" и так далее с другими частями тела противника. Еще одно австралийское песнопение исполняется на похоронах туземцев: молодые женщины занимают первую строчку, старухи - вторую, а все вместе - третью и четвертую.

"Карданг гарро
Маммул гарро
Mela nadjö
Nunga broo".

"Снова младший брат
Сын снова
После этого я
Не увижу никогда".

Здесь слова дикарского напева уже не просто проза, а перешли в грубое подобие стиха. Все варварские племена передают такие песни по памяти и создают новые. У североамериканского охотника есть песнопения, которые на следующее утро выведут его на след медведя или дадут победу над врагом. Ниже приводится перевод одной новозеландской песни:.

"Тело твое в Вайтемате,
Но дух твой пришел сюда
И пробудил меня ото сна.

Припев - Ха-а-а, ха-а-а, ха-а-а, ха!".

Последняя песня демонстрирует особенность, чрезвычайно распространенную в варварских песнях, - припев, состоящий из бессмысленных слогов. Мы, современные люди, часто поражаемся нелепости бессмысленного припева во многих наших песнях, но эта привычка, похоже, сохранилась с тех этапов культуры, когда австралийский дикарь поет "Абанг! абанг!" снова и снова в конце своего стиха, или охотничья группа краснокожих индейцев с удовольствием поет хором "Ньях эх ва! ньях эх ва!" под аккомпанемент погремушек, подобных тем, которые дети используют вместе с нами.

Именно у народов, стоящих на более высокой ступени культуры, появляется регулярный метр, где стихи измеряются точно по слогам. Древние гимны Веды написаны регулярным метром, и это является доказательством того, насколько далеко древние арийцы продвинулись за пределы дикарского состояния. Действительно, сходство между метром древнейшей индийской, персидской и греческой поэзии показывает, что в отдаленные века их национальной связи их размеренный стих уже зародился. Метр лучше всего известен нам по греческим и латинским стихам, но в мире существует больше метров, чем знал Гораций. Например, когда Лонгфелло в своей "Песне о Хиавате" переложил на стихи сборник сказок американских туземцев, он не нашел метра у самих индейцев, которые не были достаточно культурны, чтобы иметь такое устройство; поэтому он подражал своеобразному метру Калевалы, эпической поэмы, которую распевали местные барды Финляндии. Наша поэзия, в которой стихи сканируются по ударению, отличается по своей природе от классических метров, в которых слоги измеряются количеством или длиной. Позже, чем был изобретен метр, появились другие средства, с помощью которых поэт мог порадовать слушателей новыми эффектами согласованных и сбалансированных звуков. Так, наши ранние английские предки радовались аллитерации, где одна и та же согласная повторяется снова и снова, с частотой, которая утомила бы наш современный вкус, хотя наше ухо радуют случайные прикосновения к ней, как, например

"Sober he seemedde, and very sagely sad." -Spenser.

"Он бросился в поле и, сражаясь, пал" - Байрон.

Рифма тоже кажется сравнительно современной в мировой истории поэзии. О ее неуклюжем зарождении можно судить по таким строкам старого латинского поэта (возможно, Энния), процитированным Цицероном

"Cœlum nitescere, arbores frondescere,
Vites lætificæ pampinis pubescere,
Rami bacarum ubertate incurvescere".

Таким образом, христианские гимны средневековья, такие как знаменитые "Dies Iræ", не вводили рифму как новшество, но умело использовали ее и сделали общепринятой, и ее также взяли на вооружение трубадуры, мастера и учителя поэтического искусства Европы.

Лучшая поэзия наших дней полна причудливой фантазии и нежной мелодии, изложения прекрасных мыслей гармоничным языком, одновременно картин для воображения и музыки для слуха. Но кроме этого, она представляет любопытный интерес для изучающего историю, поскольку сохраняет в нашей среде образ мыслей древнейшего мира. Многие в поэтическом искусстве заключается в подражании выражениям более ранних этапов культуры, когда поэзия была естественным выражением сильных эмоций, естественным средством передачи торжественного обращения или традиции предков. Современный поэт по-прежнему использует для живописности метафоры, которые для варвара были реальной помощью в выражении чувств. Это можно увидеть, проанализировав одно из стихотворений Шелли: "Как прекрасна Смерть".

"Как прекрасна Смерть,

Смерть и брат его, Сон!

Один, бледный, как убывающая луна,

С губами ярко-синими;

Другой, румяный, как утро.

Когда на волне океана

Он румяный над миром".

Здесь сходство смерти и сна выражается метафорой, называющей их братьями, луна приводится для иллюстрации понятия бледности, а заря - красноты; а чтобы передать идею зари, сияющей над морем, вводится аналогия с ее восседанием на троне, а ее покраснение сравнивается, с одной стороны, с розой, а с другой - с румянцем. Именно таким образом ранний варварский человек, не ради поэтического жеманства, а просто чтобы найти самые простые слова для передачи своих мыслей, говорил метафорами, взятыми из природы. Даже наша повседневная проза полна слов, вошедших в обиход, в которых видны следы этой старой поэзии природы, и этимолог может, если захочет, снова создать картины старых поэтических мыслей, из которых возникли эти слова.

Читать или декламировать поэзию так, как это делаем мы, современные люди, значит изменять ее природу, ведь целью поэзии было песнопение. Но это самое песнопение или пение выросло из разговоров. Если внимательно прислушаться к разговору вокруг нас, можно заметить, что он не идет неизменным монотоном, но все предложения интонируются под несовершенную мелодию, повышение и понижение тона маркирует фразы, различает вопросы и ответы, а также подчеркивает эмфатические слова музыкальным акцентом. Эта полумелодия обычной речи может быть грубо записана в нотах; она не одинакова в английском и немецком языках; и действительно, один из способов, по которому можно отличить речь шотландца от речи англичанина, - это разное интонирование его фраз. Когда речь становится торжественной или страстной, она все больше и больше переходит в естественное пение, которое на благочестивых собраниях можно услышать почти переходящим в отчетливую мелодию. Интонирование в церквях возникло из того же естественного произнесения религиозного чувства, но со временем оно закрепилось обычаем и было принудительно переведено в регулярные интервалы музыкальной шкалы.

Так и искусственный речитатив в опере - это современная музыкальная обработка того, что дошло по традиции до нас от древней трагической декламации, когда-то волновавшей толпу слушателей греческого театра.

Мы склонны считать само собой разумеющимся, что вся музыка должна состоять из нот, расположенных в гамме, причем в той гамме, к которой мы привыкли с детства. Но песнопения грубых племен, которые, возможно, лучше всего представляют пение на ранних стадиях его развития, исполняются в менее фиксированных тонах, так что записать их напевы довольно сложно. Человеческий голос не привязан к шкале нот, поскольку его высота может скользить вверх и вниз. И у народов, которые поют и играют по музыкальным шкалам, тональность этих шкал не всегда одинакова. На вопрос, как люди пришли к точной шкале тонов, нелегко дать исчерпывающий ответ. Но на одну из самых простых шкал их внимание обратил ранний музыкальный инструмент - труба, грубые формы которой можно увидеть в длинных трубках из дерева или коры, в которые дуют лесные племена в Южной Америке и Африке. Труба (подойдет железная газовая труба длиной в шесть футов) воспроизводит последовательные ноты "общего аккорда", который можно записать как *c e g c*, на котором трубач исполняет простые мелодии, известные как трубные звоны. Эта натуральная шкала, совершенная до предела, содержит самые важные музыкальные интервалы - октаву, пятую, четвертую и третью доли. Другая шкала, состоящая из большего количества нот, чем эта, хотя и меньшего, чем наша полная шкала, не менее знакома английскому слуху. Это старая пятитоновая шкала без полутонов, которую можно сыграть на пяти черных клавишах фортепиано, и самая известная форма которой может быть записана как *c, d, e, g, a, c*. Старые шотландские песни написаны на пятитоновой шкале, которая действительно все еще может быть встречена по всему миру, например, когда какой-нибудь путешественник в Китае, наблюдая за похоронной процессией, был удивлен, услышав меланхолический дирг, подобный тому, который он последний раз слышал в исполнении волынщика на берегу горного озера. Энгель в своей книге *"Музыка древних народов"* показывает, что музыка этого пентатонического или пятитонового типа с давних времен принадлежала и другим восточным народам, так что любая подлинная шотландская мелодия вроде *"Auld Lang-syne"* может дать некоторое представление о музыке древности. Более совершенная семитоновая шкала, преобладающая в современном мире, почти полностью заимствована у музыкантов классической Греции, которые аккомпанировали голосу певца на восьмиструнной лире. Пифагор, который впервые подвел музыкальные тона под арифметические правила, имел любопытную фантазию, что расстояния семи планет связаны с семью тонами октавы, идея, которая все еще смутно сохранилась среди нас в выражении *"музыка сфер"*.

Современная музыка, таким образом, явно происходит от древней. Но в ней возникло большое новое развитие. Музыка древних едва ли выходила за рамки мелодии. Голос мог сопровождаться инструментом в унисон или с интервалом в октаву, но гармония в понимании современных музыкантов была еще неизвестна. Ее слабые зачатки можно проследить в Средние века, когда музыканты были поражены эффектом, получаемым при одновременном исполнении двух разных мелодий, когда одна из них образует гармонию с другой. До сих пор среди музыкантов ходит шутка спеть вместе таким старомодным способом две абсурдно несочетаемые мелодии, например, *"The Campbells are coming"* и *"The Vesper hymn"*, причем так, что одна из них становится своего рода аккомпанементом к другой. Старые круги и подхваты, все еще популярные, таким образом заставляют одну часть мелодии служить гармонией для другой. Римская церковная партесная музыка и протестантское пение общиной, сопровождаемое органом, оказали большое влияние на изменение, благодаря которому простая мелодия древних превратилась в гармоничную

мелодию современных. Поняв этот великий шаг, студент может проследить в истории музыки его последовательные этапы в партесном пении и оркестровом сочинении, в церкви и концертном зале, пока в руках великих композиторов последних трех столетий не были развиты все ресурсы современного музыкального искусства.

Все современные музыкальные инструменты можно отнести к грубым и ранним формам. Погремушка и барабан - серьезные инструменты у дикарей; погремушка у нас превратилась в детскую игрушку, но барабан держится уверенно и в мире, и на войне. Над этими монотонными инструментами возвышается труба, которая, как мы только что видели, продвигает варварскую музыку еще на один шаг вперед. Труба, или флажолет, в своей простейшей форме напоминает обычный свисток, а также усовершенствована отверстиями, с помощью которых игрок изменяет длину трубы, чтобы получить несколько нот. С очень далеких времен и по всей земле можно найти знакомую трубу, на которой играют в одиночку или вдвоем, а иногда дуют в ноздри, а не в рот. Уже в древнем мире она часто снабжалась кожаным мешочком для ветра, что превращало ее в волынку, а если ее держали боком и дули в отверстие рта, то она становилась флейтой. Другой способ извлечения диапазона нот можно увидеть в трубах Пана - рядах тростников разной длины, которые в старые классические времена ассоциировались с изяществом сельской поэзии, а теперь спустились до звучания вульгарных дудок уличного шоумена. В современном оркестре корнет - это труба, снабженная упорами. Кларнет - это развитие травяного стебля с вибрирующей щелью или язычком, который дети вырезают в полях весной. Весь класс музыкальных инструментов, к которому относится фисгармония, работает с помощью этих вибрирующих язычков, которые под своим названием "тростник" до сих пор хранят память о своем происхождении. Орган в широчайшем диапазоне и грандиозных пропорциях реализует принцип простой трубы или свистка, так что в пренебрежительном названии "кист о' вистл", которое дали ему шотландцы, не любившие использовать его в церкви, есть научная корректность. Не менее примитивны и самые грубые формы, в которых появляются струнные инструменты. В *"Одиссее"* (xxi. 410) рассказывается, как герой-мститель, натянув свой могучий лук из дерева и рога, дает натянутой струне щелчок, который заставляет ее красиво петь, как ласточка в мягком тоне. Можно предположить, что натянутый лук воина естественным образом станет музыкальным инструментом, но более того, его действительно так используют. Дамара в Южной Африке находит удовольствие в слабых тонах, которые можно услышать, ударяя по натянутой тетиве маленькой палочкой. Зулус презирает лук как трусливое оружие, но все же использует его для музыки; его музыкальный лук, показанный на [рис. 75 а](#), имеет кольцо, передвигаемое вдоль струны для изменения ноты, а также снабжен полый тыквой, выполняющей роль резонатора или резонаторной коробки для усиления слабого звона. Далее, глядя на рисунок *b*, можно увидеть, как древнеегипетская арфа могла развиваться из такого грубого музыкального лука: деревянная задняя часть теперь сделана полый, чтобы быть луком и резонатором в одном, а поперек нее нанизано несколько струн разной длины. Все древние арфы, ассирийские, персидские, даже старые ирландские, были сделаны по этому плану, но мы с первого взгляда видим, что он был несовершенен: изгиб деревянной спинки выводил струны из тональности. И только в наши дни было сделано усовершенствование - арфа была дополнена передней стойкой, как показано на рисунке *c*, которая делает всю раму жесткой и прочной. Глядя на эти три рисунка, видно, как постепенно развивался процесс изобретения; арфа с опорой не могла быть изобретена первой, потому что ни один человек не мог быть настолько глуп, чтобы продолжать делать арфы и оставить без передней опоры, когда однажды им пришла в голову идея о ней. Арфа, хотя и стала более совершенной, чем раньше, теряет свое древнее место в музыке; но причину этого легко увидеть: ее вытеснили современные инструменты, которые произошли от нее. Сама форма рояля показывает, что это арфа, уложенная на одну сторону в футляре, и

ее струны не щипают пальцами, а ударяют молоточками по клавиатуре. Это последнее развитие тетивы лука праисторического воина.

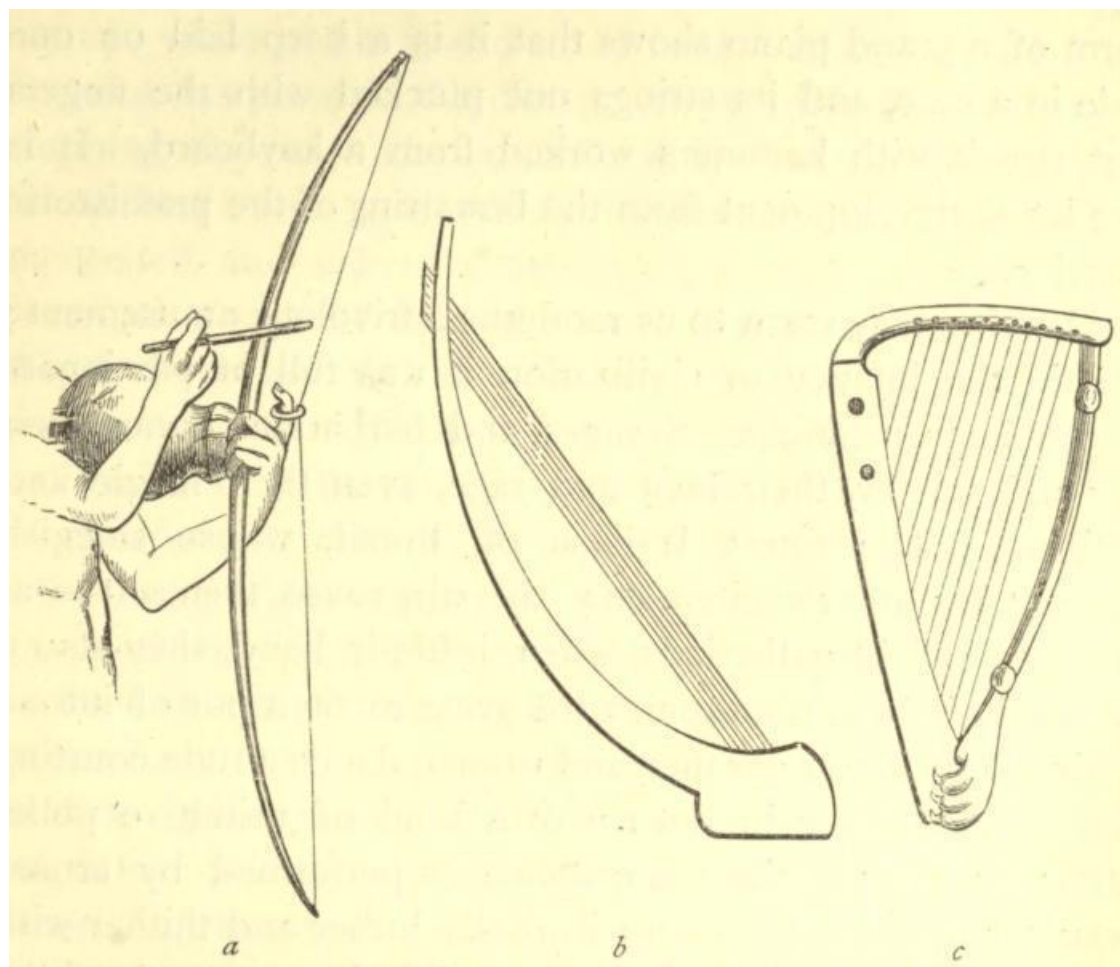

Рис. 75.- Развитие арфы, а, музыкальный лук с резонатором из тыквы (Южная Африка); б, древняя арфа (Египет); в, средневековая арфа с передней опорой (Англия).

Танцы могут показаться нам, современным людям, легкомысленным развлечением, но в период становления цивилизации они были полны страстного и торжественного смысла. Дикари и варвары танцуют свою радость и печаль, свою любовь и ярость, даже свою магию и религию. Лесные индейцы Бразилии, чей вялый нрав мало что может взбудоражить, пробуждаются на своих лунных сборищах, когда с погремушками в руках они на раз-два-три кружатся вокруг большого глиняного горшка с пьянящим ликером кави; Или мужчины и женщины танцуют грубый танец ухаживания, выстраиваясь в линию с чем-то вроде примитивного шага польки; или свирепый танец войны исполняют вооруженные воины в красках, марширующие в строю туда и сюда с рычащим песнопением, ужасающим слух. В нас осталось достаточно дикости, чтобы почувствовать, как австралийцы, прыгающие и кричащие на корробори при свете костра в лесу, могут довести себя до иступления перед битвой на следующий день. Но с нашими цивилизованными представлениями не так-то просто понять, что танцы варваров могут означать нечто большее; они кажутся им настолько реальными, что они ожидают от них воздействия на окружающий мир. Так, среди индейцев мандан, когда охотникам не удавалось найти буйволов, от которых зависело пропитание племени, каждый мужчина приносил из своей хижины маску из головы и рогов буйвола, со свисающим сзади хвостом, которую он хранил на такой случай, и все они начинали танцевать буйвола. Десять или пятнадцать танцоров в масках одновременно образовывали кольцо, барабанили и гремели, скандировали и кричали; когда один уставал, он проходил

через пантомиму выстрела из лука и стрел, снимал шкуру и разделял ее, а другой, который стоял наготове с головой буйвола, занимал свое место в танце. Так продолжалось без остановки день и ночь, иногда две или три недели, пока наконец эти настойчивые попытки привести бизона не увенчались успехом, и стадо не появилось в прерии. Описание и зарисовку этой сцены можно найти в книге Кэтлина *"Североамериканские индейцы"*. Такой пример показывает, как на низших уровнях культуры мужчины танцуют, чтобы выразить свои чувства и желания. Все это объясняет, как в древней религии танец стал одним из главных актов поклонения. Религиозные процессии шли с песнями и танцами к египетским храмам, и Платон говорил, что все танцы должны быть, таким образом, актом религии. Так и было в Греции, где критский хор, двигаясь в размеренном темпе, пел гимны Аполлону, и в Риме, где салийские жрецы пели и танцевали, ударяя щитами, по улицам во время ежегодного праздника Марса. Современная цивилизация, в которой священная музыка процветает как никогда, в основном отбросила священный танец. Чтобы увидеть его в прежнем виде, путешественник может посетить храмы Индии или у лам Тибета понаблюдать за муммерами в звериных масках, которые под дикуую музыку барабанов и раковинных дудок выпроваживают демонов или встречают новый год. Пережитки таких церемоний, пришедших из религии Англии до христианских времен, еще можно иногда увидеть в танцах мальчиков и девочек вокруг костра в летнюю пору или муммеров на Юлайтед; но даже они вымирают. Танцы хористов в шляпах с плюмажем и в одежде пажей времен Филиппа III, которые до сих пор исполняются перед главным алтарем Севильского собора, сегодня являются одними из самых причудливых реликвий обряда, почти исчезнувшего из христианства. Даже спортивные танцы, как грациозное упражнение, отходят на второй план в современном мире. Изображения из Древнего Египта показывают, что профессиональные танцоры уже были искусны в своем искусстве, которое, возможно, достигло своего наивысшего художественного уровня в классической Греции и Риме. Что-то из старомодных живописных деревенских танцев еще можно увидеть на фестивалях в большинстве стран Европы, кроме Англии, но балльные танцы современного общества утратили многое из старого искусства и грации.

На низких ступенях цивилизации очевидно, что танцы и игровые действия едины. Североамериканские танцы собак и медведей - это мимические представления с до смешного точной имитацией ударов лап, катаний и укусов животных. Так сцены охоты и войны дают варварам сюжеты для танцев, например, когда негры с Золотого побережья уходят на войну, а их жены дома танцуют фетиш-танец в подражание битве, чтобы придать отсутствующим мужьям сил и мужества. От священных танцев Древней Греции историки ведут историю драматического искусства цивилизованного мира. Так, на праздниках Дионисии танцевали и пели чудесную жизнь бога вина, а из торжественных гимнов и смешных шуток возникли трагедия и комедия. В классические века искусство игрока разделилось на несколько ветвей. Пантомимы сохранили самую раннюю форму, где танцор разыгрывал в немом представлении такие фигуры, как труды Геракла или Кадмос, сеющий зубы дракона, а хор внизу сопровождал спектакль пением истории; современные балеты-пантомимы, сохранившие остатки этих древних представлений, показывают, как гротескно должны были выглядеть боги и герои старой сцены в своих раскрашенных масках. В греческих трагедиях и комедиях танцоры и хор были отделены от актеров, которые декламировали или распевали каждый свою роль в диалоге, так что теперь игрок мог двигать свою аудиторию словами страсти или остроумия, произнесенными таким тоном и жестами, которые захватывали всех, кто слушал и смотрел. Греческая трагедия, начавшись, вскоре достигла своего расцвета среди изящных искусств, так что пьесы Эсхила и Софокла читаются как образцы высшей поэзии, а современные актерские подражания, такие как "Федра" Расина, дают представление об их силе, когда гений актеров может подняться на

высоту их эмоций. Современная драма относится не столько к священным мистериям-пьесам средневековья, сколько к классическому возрождению или ренессансу четырехсотлетней давности. Те, кто видел руины классических театров в Сиракузах или на склоне Тускулума, лучше всего поймут, как современный театр показывает свое греческое происхождение не только в расположении, но и в греческих названиях его частей - *театра*, или зрительского места, которое все еще сохраняет свою хорошо спланированную форму лошадиной подковы; *сцены* с нарисованным фоном и занавесом впереди; в то время как *оркестр* или танцевальное место, которое раньше было для хора, теперь отдано музыкантам. Изменения в *трагедиях* и *комедиях* современного театра по сравнению с классическими отчасти объясняются тем, что они утратили чопорную торжественную декламацию, которая была присуща им, когда они еще были религиозными церемониями, а их персонажи - божественными. В руках современных драматургов, прежде всего Шекспира, персонажи стали более человеческими, хотя и представляли человеческую природу в ее самых живописных крайностях, а жизнь в ее самых напряженных моментах. Современные пьесы не обязаны быть строго естественными, но все же могут привлекать сверхъестественное, как, например, феи или ангелы могут парить над сценой, где в классические времена боги проносились в воздухе на своих машинах. В современной комедии люди одеваются и разговаривают так близко к повседневной жизни; но даже здесь, когда зрители серьезно относятся к притворству, что некоторые речи, хотя и произносятся вслух, являются "отступлениями", не слышимыми актерами, это показывает, что современный мир не утратил способность к притворству, на которой основано все драматическое искусство.

На этой же способности к воображению основаны и два других изобразительных искусства - скульптура и живопись. Их предназначение не в том, чтобы создавать точные имитации, а в том, чтобы художник стремился воплотить идею, которая поражает зрителя. Поэтому в карикатуре, выполненной несколькими штрихами карандаша, или в грубом изображении, вырезанном из бревна, зачастую больше настоящего искусства, чем в тонко прорисованном портрете или в фигуре на выставке восковых фигур, которая настолько похожа на жизнь, что посетители просят у нее прощения, когда подходят к ней. Искусство живописца и скульптора, похоже, возникло в мире из тех же грубых начал, которые до сих пор можно увидеть в детских попытках рисовать и вырезать. Листы коры или шкуры, на которых варварские племена рисовали людей и животных, ружья и лодки, напоминают нам шифер и двери сараев, на которых английские дети делают свои первые попытки набросков. Многие из этих детей вырастут и проживут всю свою жизнь, так и не выйдя за пределы этой детской стадии. Несколько лет назад священник одного из сельских приходов предложил дачникам развлечь себя вырезанием из дерева фигурок копающих или жнущих. У них получились фигуры, столь диковинные и по стилю напоминающие идолов варварских племен, что их сохранили как пример младенчества скульптуры, и теперь их можно увидеть в музее Кью-Гарденс. И все же человечество при благоприятных обстоятельствах, особенно при наличии свободного времени, уже в далекой древности начало приучать себя к искусству. В частности, наброски и резьба животных, сделанные древними пещерными людьми Европы, настолько художественны, что некоторые считают их современными подделками. Но они признаются подлинными и встречаются в широком районе, в то время как подделки, сделанные для коллекционеров, просто лишены того особого мастерства, с которым дикари, жившие среди оленей и мамонтов, умели улавливать их формы и повадки. Две из этих древних резб изображены [на рис. 3 и 4](#), а другие - в книге Lubbock's *Prehistoric Times*. Естественно, возникло искусство раскрашивания, ведь дикари, раскрашивающие свои тела древесным углем, пипеклеем, красной и желтой охрой, раскрашивали вырезанные фигуры и заполняли контурные рисунки теми же красками. Путешественники в Австралии, укрываясь

от бури в пещерах, удивляются искусности грубых фресок на стенах пещер, изображающих кенгуру, эму и танцующих туземцев, а в Южной Африке в пещерах бушменов изображены они сами с луком и стрелами, повозки с быками белых людей и страшная фигура голландского бура в широкополой шляпе и с трубкой. Среди таких народов, как западноафриканцы и полинезийцы, лучшее мастерство местных скульпторов использовалось для создания изображений демонов и богов, предназначенных для принятия поклонения и служащих телами, в которых духовные существа должны были принять свою обитель. Таким образом, идола варваров, как образцы ранних стадий развития скульптуры, имеют ценность как для истории искусства, так и для истории религии.

В древних государствах Египте и Вавилонии искусство уже поднялось на более высокий уровень. Действительно, египетская скульптура достигла своего наивысшего совершенства скорее в ранние, чем в поздние века, ибо каменные статуи более древнего времени стоят и шагают с более свободной жизнью в конечностях, а спокойные гордые лица колоссальных портретов Тотмеса и Рамсеса (как [на рис. 19](#)) демонстрируют величайший идеал восточного деспота, полутирана, полубожества. В залах скульптуры Британского музея можно увидеть, что ранняя школа египетских скульпторов шла к греческому совершенству, но остановилась. С отточенным механическим мастерством они создавали статуи десятками тысяч, вытесывая гигантские фигуры из самого твердого гранита и порфира, которые поражают современного каменотеса, но их искусство, связанное традициями, становилось не более свободным, а более жестким и формальным. Они могли делить свои планы на мерные квадраты, вычерчивать лица и конечности по линиям и правилам, но их условные формы редко доходили до греческих линий красоты, и их памятники сегодня ценятся не как образцы искусства, а как записи истории старого мира. Алебастровые барельефы, украшавшие дворцы Ниневии, хранящиеся в Британском музее, дают удивительно ясное представление о том, какой была ассирийская жизнь, как царь ехал на своей колеснице, или пускал стрелы в льва, или шел, держа над головой государственный зонтик; Как воины переплывали реки на дутых шкурах, а штурмующие взбирались на крепость, в то время как лучники палили по ним с крепостных стен, а за стенами рядами висели на виду у всех обезглавленные пленники. Но в таких сценах пропорции не имели особого значения, лишь бы смысл был передан. Ассирийцам не казалось художественно абсурдным делать лучников такими большими, чтобы двое заполняли целый парапет; египтяне тоже не испытывали того комического впечатления, которое производит на наши современные умы гигантская фигура царя, идущего через половину поля боя и хватающего дюжину пигмеев-варваров за руки, чтобы одним взмахом своего могучего фальчиона срубить им головы. Именно в Греции были разработаны правила искусства, которые отвергают фигуры более древних народов как жесткие по форме и неживые по группировке. О греческом искусстве иногда пишут так, будто оно начиналось на самой грубой стадии, с неуклюжих идолов из дерева и глины, пока усилиями собственного непревзойденного гения греческие скульпторы не высекли из мрамора формы, которые до сих пор являются чудесами света. Но как ни велик был греческий гений, он так и не смог этого сделать. Греческие народы веками соприкасались с более древними цивилизациями Средиземноморья; их отправной точкой было изучение того, что искусство могло сделать в Египте, Финикии, Вавилонии, а затем их гений освободил их от старых жестких условных форм, заставив моделировать жизнь прямо из природы и даже создавать в мраморе формы идеальной силы и грации. Египетские скульпторы не портили полированный гранит краской, но многие их статуи были цветными, и следы краски остались на ассирийских скульптурах и на греческих статуях, так что мы склонны иметь неверное представление о греческом храме, как будто его мраморные боги и богини были ослепительно белыми, как в современной галерее скульптур. Греческие терракотовые статуэтки в Британском музее - это образцы античного женского изящества в форме и

костюме, которым не хватает только восстановления утраченного цвета, чтобы сделать их самыми красивыми в мире.

В цветном рисунке, или живописи, египетские настенные росписи демонстрируют стиль, находящийся на полпути между самым низким и самым высоким. Здесь запечатлены характерные для древнеегипетской жизни сцены: сапожник вытягивает нить, птицелов подбрасывает уток, владыки и дамы пируют, а перед ними выступают флейтисты и кувыркаются. Однако при всей своей искусной выразительности египетские картины не совсем оставили позади дикарскую стадию искусства. По сути, это все еще скорее рисунки, чем картины, повторяющиеся ряды фигур с головами, ногами и руками, нарисованными по шаблону и раскрашенными детскими красками - волосы черные, кожа красно-коричневая, одежда белая и так далее. Переход от этих картин к греческим удивителен: теперь перед нами не ряды человечков-шаблонов, а сгруппированные этюды настоящих мужчин. Лучшие работы греческих художников известны современникам только по восхищенным описаниям древних, но более обычные образцы, которые сохранились, дают представление о том, какими могли быть картины Зевксиса и Апеллеса. Турист, впервые посетивший Неаполитанский музей, с удивлением смотрит на картину Александра Афинского с изображением играющих богинь, на смело нарисованные фрески со сценами из "Илиады" и на группы танцовщиц, элегантные по рисунку и колориту. Большинство этих картин из Геркуланума и Помпеи были выполнены простыми декораторами, но эти греческие художники десятого класса имели традиции великой классической школы, и они ясно показывают, что из того же источника мы также унаследовали искусство дизайна. Современная европейская живопись происходит от античного искусства двумя путями. С одной стороны, греческая живопись распространилась по Римской империи и на Восток и на долгие века нашла свое главное пристанище в христианском искусстве Константинополя, откуда возник византийский стиль, часто называемый дорафаэлитским, который, хотя и не имел более древней свободы классических Афин, был выразителен и богат цветом. С другой стороны, когда в XV веке в Европе возродилось знание классического искусства и мысли, чопорные изображения святых и мучеников уступили место более естественным и изящным формам, и возникла современная живопись под руководством Рафаэля и Микеланджело, Тициана и Мурильо, в которой два потока из источника греческого искусства, так долго разделенные, снова соединились. Древние в основном писали на стенах, как современные фрески, или на деревянных панелях, покрытых воском; они не знали, как использовать масло для смешивания красок с грунтом. Об этом упоминается только в десятом веке, так что история о том, что братья Ван Эйк изобрели масляную живопись в пятнадцатом веке, не совсем правдива. Но они применили ее на практике, и с их времени художники довели содержание и игру цвета до такого совершенства, к которому, как можно предположить, древние никогда не приближались. В наше время акварель, которую старые мастера использовали для легких набросков и этюдов, также стала самостоятельным искусством, особенно в Англии. Одна из отраслей живописи, в которой современники бесспорно превосходят древних, - это пейзаж. В прежние времена, как бы прекрасно ни были нарисованы фигуры, жесткие условные горы, леса и дома позади были еще на стадии написания картины, они скорее служили признаками окружающего мира, чем изображали его таким, какой он есть. Но теперь взор художника обращен на природу, которую он изображает с правдивостью, неведомой старым мастерам, впервые придавшим живую форму богам и героям, апостолам и мученикам.

Теперь необходимо сказать кое-что об играх, ведь игра - одно из искусств удовольствия. Это занятие ради занятия, а не ради того, что сделано. Повсюду спонтанно возникает один класс игр - спорт, в котором дети подражают жизни, которую им впоследствии придется вести

всерьез. Эскимосские дети играют в строительство снежных хижин, а их матери дают им крошечную масляную лампу с фитилем, чтобы она горела внутри. У дикарей, чей обычай - уводить жен силой из соседних племен, дети играют в "ловлю жен", как у нас дети играют в свадьбы со священником и подружками невесты. На протяжении всей цивилизации игрушечное оружие и орудия служат для детей одновременно и игрой, и обучением; североамериканский воин делал своему мальчику маленький лук и стрелы, как только тот умел их натягивать, а юный житель островов Южного моря учился, бросая тростник в кольцо, как в будущем метнуть копье. Любопытно видеть, что когда развивающаяся цивилизация отбрасывает практическое использование какого-то древнего приспособления, оно все еще может сохраниться в качестве игрушки, как, например, швейцарские дети по сей день играют в разжигание огня по старинному принципу - сверлят один кусок дерева в другой; а в наших сельских переулках дети играют с луками, стрелами и рогатками - серьезным оружием их предков.

Нелегко сказать, выходит ли человек в низком дикарском состоянии за рамки этих практических видов спорта и придумывает ли он игры, в которые просто играет. Но выше по уровню цивилизации такие игры известны с глубокой древности. Пустяковая игра, если она точно завладевает игровым умом, может продолжаться в мире почти вечно. Древние египтяне, как показывают их старинные рисунки, играли в нашу детскую игру "горячие петушки", где слепой, опустившийся на землю, должен угадать, кто ударил его по спине. Эти египтяне играли также в игру, в которой нужно угадать сумму пальцев, поднятых двумя игроками, которая до сих пор популярна в Китае и в Италии, где ее можно слышать полночи под крики "три!". "семь!" "пять!" "*мора!*"; жаль, что у нас в Англии нет этой детской игры, ведь она тренирует острый глаз и быструю руку. Если некоторые из наших игр, такие как обручи и бичи, существуют в Старом Свете уже тысячи лет, то другие являются современным импортом; так, только во времена Стюарта английские дети научились у китайцев или других народов Дальнего Востока искусству запускать воздушных змеев. Или же современные виды спорта могут быть поздними усовершенствованиями старых; раздвоенные голенища, закрепленные под ботинками для выхода на лед, радовали лондонских "прентиков" на протяжении столетий, прежде чем их вытеснили стальные коньки. Как игра иногда может продолжаться веками без изменений, а затем внезапно переходить в более высокую форму, любопытно наблюдать на примере игры в мяч. Древние подбрасывали и ловили мячи, как дети сейчас, а известной греческой и римской игрой для мальчиков был "общий мяч", где было две стороны, и каждая пыталась получить мяч и бросить его в противоположные ворота. В эту игру до сих пор играют в нескольких деревенских уголках Англии; ее правильное название - "херлинг", а футбол с большим кожаным мячом - ее разновидность. Древние, похоже, никогда не использовали палку или биту в своей игре с мячом. Но около 1000 или 1500 лет назад персы начали играть в мяч верхом на лошади, что, конечно же, можно было делать только с помощью длинной палки, молотка или ракетки; так появился прекрасный вид спорта *чауган*, который с тех пор сохранился на Востоке, а в последнее время утвердился в Англии под названием *поло*. Когда клюшка или ракетка была изобретена для верховой езды, ее легко было использовать и в пешем строю, и таким образом в средние века возник целый ряд игр, в которых мячи отбиваются битами, таких как пал-мал и крокет, теннис, хоккей и гольф, раундэрс и крикет.

Игры в помещении тоже имеют свою любопытную историю. Метание жребия или костей - слишком древняя игра, чтобы сохранились какие-либо записи о ее начале, и до сих пор можно увидеть те самые шашечные доски и человечков, на которых играли древние египтяне. Греки и римляне играли в шашки, но их игры не были похожи на нашу современную игру в шашки. С другой стороны, наши мереллы или моррис принадлежат к старой

классической группе игр, а Овидий упоминает детскую игру тит-тат-то. В эти игры играют и в Китае, и неизвестно, на каком конце земли они были впервые придуманы. Великое изобретение в интеллектуальных играх, возможно, было сделано тысячу лет или около того назад, когда какой-то индус, чье имя утеряно, начал работать над старой шашечной доской и людьми и разработал из них военную игру, где с каждой стороны король и его генерал, со слонами, колесницами и конницей, а пешие солдаты впереди, встречались в боевом порядке. Это были самые ранние шахматы, которые с небольшими изменениями перешли в современные европейские шахматы, которые до сих пор занимают первое место среди видов спорта, требуя от ума максимального напряжения предвидения и комбинации. Наши современные шашки - это своего рода упрощенные шахматы, где все фигуры - пешки, пока они не пройдут через всю доску и не станут ферзями. История в учебниках истории о том, что карты были изобретены во Франции для развлечения Карла VI, является выдумкой, поскольку они были известны на Востоке за много веков до этого. Но, во всяком случае, европейцы создают с их помощью комбинации мастерства и случая, которые превосходят все, что придумали их азиатские изобретатели. Игры, в которых упражняется либо тело, либо разум, имели высокую ценность в цивилизации как тренажеры способностей человека. Чисто случайные игры на деньги стоят на совершенно иной ступени; они с самого начала были заблуждением и проклятием. В наше время, пожалуй, нет более жалкого признака медлительности, с которой распространяются научные идеи, чем слышать, как хорошо одетые толпы вокруг игрового стола в Монако говорят об удаче и воображают, что есть разница, на что ставить - на черное или на красное. И это продолжается, хотя школьников теперь учат настоящей доктрине шансов и умению рассчитывать фиксированный процент от каждой недельной ставки, которая будет выгребаться крупье и не возвращаться.

ГЛАВА XIII. НАУКА.

Наука, 309-Счет и арифметика, 310-Измерение и взвешивание, 316-Геометрия, 318-Алгебра, 322-Физика, 323-Химия, 328-Биология, 329-Астрономия, 332-География и геология, 335-Методы рассуждения, 336-Магия, 338.

Наука - это точное, регулярное, упорядоченное знание. Дикари и варвары обладают огромным количеством обычных знаний, без которых невозможна борьба за жизнь. Грубый человек знает многое о свойствах материи, о том, как горит огонь и мокнет вода, как тонет тяжелое и плывет легкое, какой камень подойдет для топора и какое дерево для его рукоятки, какие растения служат пищей, а какие - ядом, каковы повадки животных, на которых он охотится или которые могут попасться ему на глаза. Он знает, как лечить, и гораздо лучше знает, как убивать. В грубом смысле он физик, добывающий огонь, химик, готовящий пищу, хирург, перевязывающий раны, географ, знающий свои реки и горы, математик, считающий на пальцах. Все это - знания, и именно на этих основах начала строиться собственно наука, когда появилось искусство письма и общество вступило на цивилизованную ступень. Здесь мы должны в общих чертах проследить развитие и прогресс науки. А поскольку научные методы стали применяться в первую очередь благодаря счету и измерению, то прежде всего необходимо изучить, как люди научились считать и измерять.

Считать умеют даже те, кто не умеет говорить, что хорошо показал глухонемой отрок Массье, записавший среди воспоминаний о своем детстве до того, как его обучил аббат Сикар: "Я

знал числа до того, как меня научили; мои пальцы научили меня им". Мы сами в детстве начинали арифметику на пальцах и время от времени обращаемся к ним до сих пор, так что нетрудно понять, как дикарь, в языке которого нет слова для обозначения числа больше трех, сумеет сосчитать, возможно, список из пятнадцати убитых и раненых, как он отметит по одному пальцу за каждого человека и, наконец, трижды поднимет руку, чтобы показать результат. Следующий вопрос - как были придуманы слова с цифрами. Ответ на этот вопрос дают многие языки, которые наглядно показывают, как подсчет пальцев на руках и ногах привел к созданию числительных. Когда зулус хочет выразить число шесть, он говорит *tatisitupa*, что означает "взять большой палец"; это означает, что говорящий пересчитал все пальцы левой руки и начал с большого пальца правой. Когда он дойдет до семи, например, когда ему нужно сказать, что его хозяин купил семь волов, он скажет *u kombile*, то есть "он указал"; это означает, что при подсчете он дошел до указательного или безымянного пальца. Таким образом, слова "рука", "нога", "человек" в разных частях света превратились в числительные. Пример того, как они работают, можно взять из языка таманак на Ориноко; здесь термин "пять" означает "вся рука", "шесть" - "одна из других рук", и так далее до десяти или "обе руки"; Затем "один к ноге" - одиннадцать, и так далее до "целой ноги" или пятнадцати, "один к другой ноге" или шестнадцати, и далее до "одного человека", что означает двадцать, "один к рукам следующего человека" - двадцать один, и счет продолжается таким же образом до "двух человек", что означает сорок, и т. д. &c. Такое положение вещей подтверждает истину, которую иногда отрицают: низшие расы людей, как и мы, обладают способностью к прогрессу или самосовершенствованию. Очевидно, что было время, когда предки этих людей не имели в своем языке слов для пятнадцати или шестнадцати, или даже для пяти или шести, потому что если бы они их имели, то не были бы настолько глупы, чтобы менять их на нынешние неуклюжие фразы о руках, ногах и людях. Мы видим, что вернулись к тому времени, когда, не имея возможности считать числа, кроме как на пальцах рук и ног, они обнаружили, что им достаточно описать словами то, что они делают, и такая фраза, как "обе руки", служила им в качестве числительного для десяти. Затем они продолжали использовать их в качестве числительных после того, как их первоначальный смысл был утрачен, подобно неграм вей, которые называли число двадцать *mo bande*, но забыли, что это должно было означать "законченный человек". Языки народов, давно ставших цивилизованными, редко демонстрируют такой простой смысл в своих числительных, возможно, потому, что они такие древние и претерпели такие изменения. Но во всех языках мира, дикарских или цивилизованных, за слишком незначительными исключениями, чтобы их здесь рассматривать, есть неопровержимые доказательства того, что числительные возникли на основе первобытного счета на пальцах рук и ног. Это всегда приводило к тому, что люди считали пятерками, десятками и двадцатками, и так они считают до сих пор. Пятеричный способ счета (пятерками) характерен для таких племен, как негры Сенегала, которые считают один, два, три, четыре, пять, пять-один, пять-два и т. д.; мы никогда не считаем числа так словами, но пишем их так римскими цифрами. Десятичный счет (десятками) является самым распространенным в мире, и наш обычный счет ведется с его помощью, поэтому восемьдесят три - это "восемь десятков и три". Вигезимальный счет (по двадцаткам), который является обычным способом во многих языках, оставил свои следы в середине десятичного счета цивилизованной Европы, как в английском "four score and three", французском "quatre-vingt trois", то есть "четыре двадцатки и три". Таким образом, вряд ли можно сомневаться в том, что современный мир унаследовал непосредственно от первобытного человека его самую раннюю арифметику, созданную на природной счетной доске - руках и ногах. Это также объясняет (стр. 18), почему цивилизованный мир использует систему счисления, основанную на неудобном числе десять, которое не делится ни на три, ни на четыре. Если бы мы начинали арифметику заново, то, скорее всего, основывались бы

на двенадцатиричной системе счисления и использовали бы десятки и grosсы вместо десятков и сотен.

Назвать числа - это большой шаг, но слова вряд ли могут служить дальше самой простой арифметики, так как любой человек может удовлетвориться попыткой умножить "семь тысяч восемьсот три" на "двести семнадцать" словами, не помогая себе мысленно превратить их в цифры. Как люди пришли к использованию цифр? На этот вопрос можно начать отвечать с варварских рисунков, например, когда североамериканский воин делает четыре маленькие отметки $////$, чтобы показать, что он снял четыре скальпа. Это очень хорошо для маленьких чисел, но становится неуклюжим для больших. Поэтому уже тогда, когда письменность только зарождалась, древние придумали делать специальные знаки для пятерок, десятков, сотен и т. д., оставляя простые штрихи только для нескольких единиц больше. Это хорошо видно на [рис. 76](#), где показано, как производилась нумерация в Древнем Египте и Ассирии. Этот старый метод не изжил себя в мире, поскольку римские цифры I., V., X., L., до сих пор широко используемые у нас, устроены практически по тому же принципу. Другим приемом, возникшим на основе алфавита, было использование букв в их порядке для обозначения чисел. Так, разделы Псалма CXIX. пронумерованы буквами еврейского алфавита, а книги "Илиады" - буквами греческого алфавита. С помощью этих различных планов арифметика древних цивилизованных народов достигла большого прогресса. И все же их нумерация была очень громоздкой по сравнению с современной. Давайте запишем MMDCLXIX. и умножим на CCCXLVIII., или $\beta \chi' \xi' \theta'$ на $\tau' \mu' \eta'$, и несколько минут испытаний не смогут не убедить нас в превосходстве наших шифров.

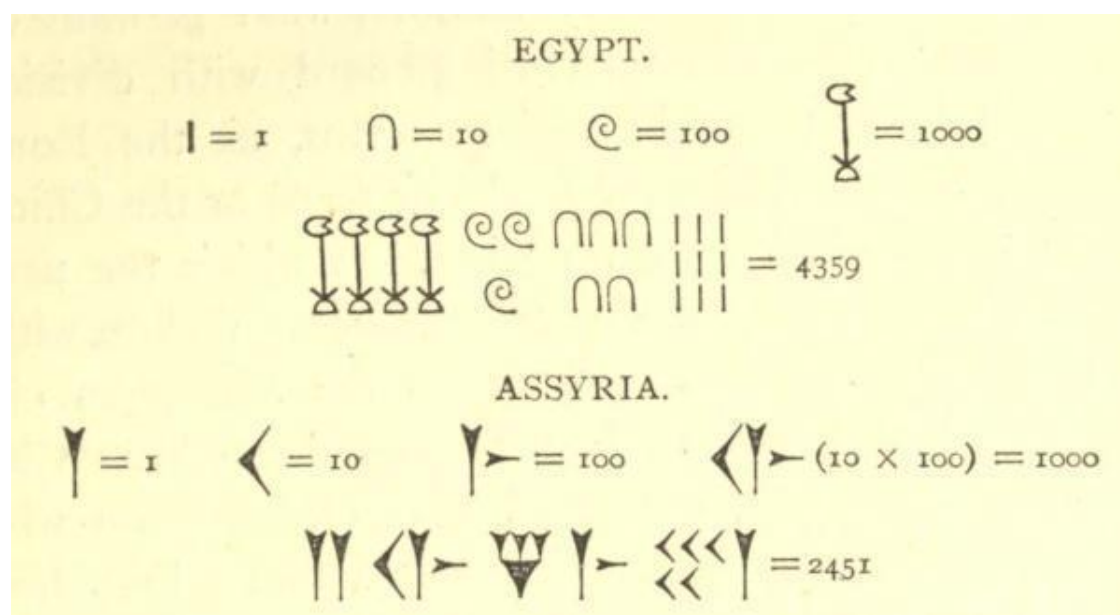

Рис. 76.- Древнеегипетская и ассирийская нумерация.

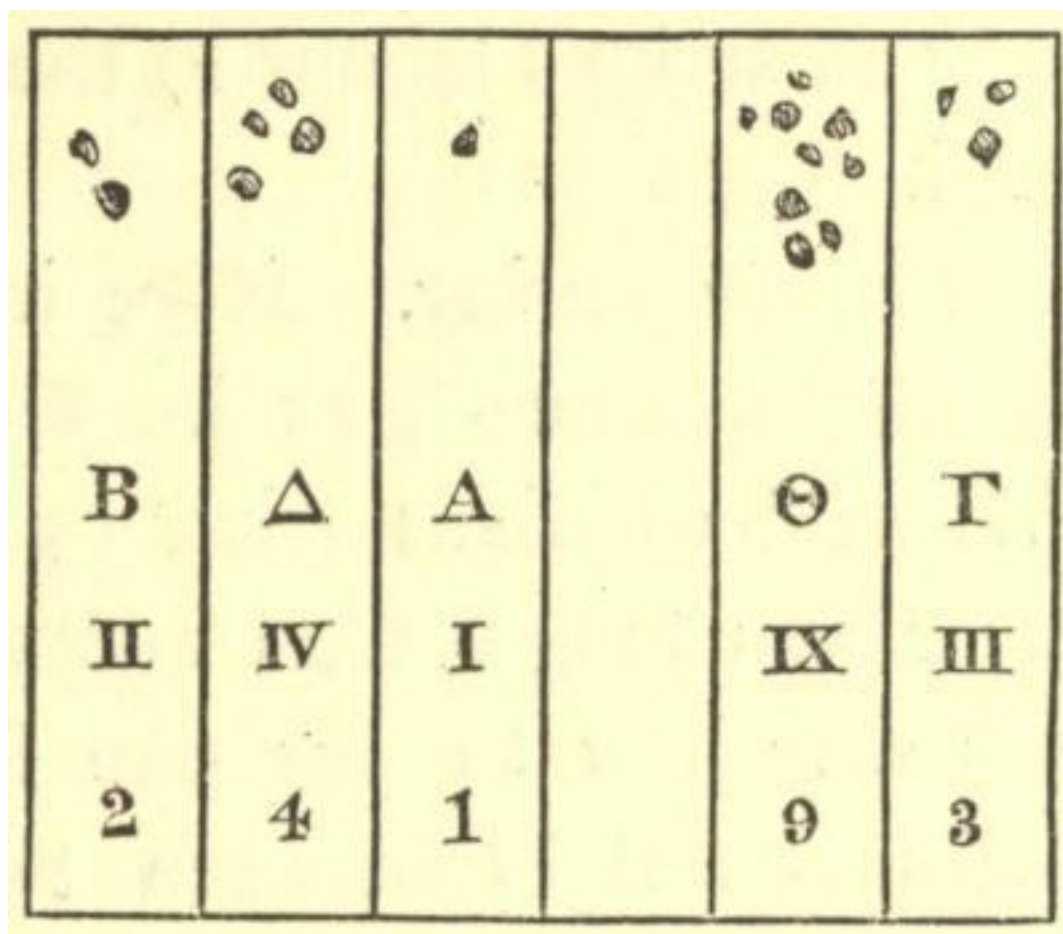

Рис. 77.- Способ вычисления с помощью счетчиков и цифр на абакусе.

Чтобы понять, как было изобретено искусство шифрования, необходимо вернуться к более грубому состоянию вещей. В Африке негров-торговцев можно увидеть на рынке считающими камешки, а когда они доходят до пяти, откладываящими их в небольшую кучку. На островах Южного моря было замечено, что люди, считающие, когда доходят до десяти, не откладывают кучу из десяти предметов, а только один кусочек стебля кокосового ореха, чтобы обозначить десять, а затем кусок побольше, когда хотят представить десять десятков или сто. Теперь нам ясно, что такое использование различных видов маркеров не нужно, а все, что должен делать счетчик с маленькими камешками или бобами, это держать отдельно свою единицу-кучу, свою десятку-кучу, свою сотню-кучу и так далее. Это использование таких вещей, как камешки, в качестве "счетчиков", которое все еще сохранилось в Англии среди невежественных людей, было настолько распространено в древнем мире, что греческое слово для подсчета было *psēphizein*, от *psēphos*, камешек, и соответствующее латинское слово было *calcularē* от *calculus*, камешек, так что наше слово *вычислить* является реликтом очень ранней арифметики. Теперь для упорядоченной работы по подсчету камешков нужен какой-то абакус или счетная доска с делениями. Они были сделаны в различных формах, таких как римский абакус с линиями отверстий для ручек или колышков или китайский лебедь-пан с шариками, нанизанными на проволоку, на котором туземные калькуляторы в купеческих счетных домах считают со скоростью и точностью, которая вполне может превзойти европейского клерка с его карандашом и бумагой. Возможно, именно из Китая русские торговцы позаимствовали раму с шариками, на которой они также

ведут свои счета, и говорят, что один француз, заметив ее в России во время нашествия Наполеона, был поражен идеей, что она прекрасно подойдет для обучения маленьких детей арифметике; так он ввел ее во Франции, а затем она попала в английские школы для младенцев. Какой бы вид абакуса ни использовался, принцип его действия всегда один и тот же: разделить доску или поднос на столбики, так чтобы в одном столбике камни, бобы, колышки или шарики обозначали единицы, в следующем - десятки, в следующем - сотни и так далее, [рис. 77](#). Здесь три камня в правой колонке обозначают 3, девять в следующей колонке - 90, один в четвертой - 1000 и так далее. Следующим усовершенствованием было избавление от проблемных камней или бобов и запись чисел в столбцах, как показано здесь с греческими и римскими цифрами. Но теперь вычислитель мог обойтись без неуклюжей доски, и ему оставалось только править линии на бумаге, чтобы сделать столбцы для единиц, десятков, сотен и т. д. Читатель должен заметить, что для принципа работы абакуса не обязательно, чтобы каждый столбец был в десять раз больше следующего за ним. Это может быть двенадцать, двадцать или любое другое число раз, и на самом деле колонки в наших бухгалтерских книгах для £ s. d. или *cwts. qrs. lbs.* являются сохранившимися представителями старого метода абакуса. Недостаток такого счета заключался в том, что числа нельзя было вынимать из столбцов, так как даже когда для каждого числа от одного до девяти есть своя цифра, то все равно то тут, то там остается пустой столбец (как это намеренно сделано на [рис. 77](#)), который приводит все в замешательство. Теперь нам кажется очень простым делом поставить знак для обозначения пустого столбца, как мы научились делать с нулем или 0, так что число, выраженное на рисунке абакуса, можно записать без всяких столбцов - 241093. Это изобретение знака, обозначающего пустоту, было практически одним из величайших шагов, когда-либо сделанных в науке. Именно использование нуля делает разницу между старой арифметикой и нашим простым шифрованием. Мы приписываем заслугу изобретения арабам, используя термин "арабские цифры", а арабы называют их индийскими, и в обоих признаниях того, что народы были учеными в арифметике один другого, есть своя правда. Но это не доходит до сути вопроса, и до сих пор не решено, была ли шифровка впервые придумана в Азии, или ее можно отнести к арифметике школы Пифагора в Европе. Однако, что касается главного, то нет никаких сомнений в том, что современная арифметика возникла из древнего счета на столбцах абакуса, усовершенствованного путем написания точки или круглого 0 для обозначения пустого столбца, и с помощью этого средства маленькие дети сейчас производят вычисления, которые были бы серьезным трудом для арифметиков древнего мира.

Далее - искусство измерения. Здесь можно с уверенностью предположить, что человек впервые измерил, как и впервые посчитал, на своем собственном теле. Когда варвары определяли с помощью пальцев, насколько одно копье длиннее другого, или когда при строительстве хижин они видели, как нужно ставить одну ногу перед другой, чтобы правильно определить расстояние между двумя кольями, они довели измерение до первой стадии. Мы и сейчас иногда используем этот метод для грубой работы, например, при измерении роста лошади руками или при определении размера ковра. Если позаботиться о том, чтобы выбрать в качестве измерителей людей среднего роста, можно приблизиться к справедливому измерению таким способом. В том, что это был первобытный способ, сомневаться не приходится, ведь цивилизованные народы, обладающие более точными средствами, до сих пор используют названия телесных мер. Помимо *локтя, руки, ноги*,

пролета, ногтя, уже упомянутых в с. 17, в английском языке мы имеем элл, (из которого раннее значение руки или предплечья видно в *el-bow*, сгибе руки), также сажень или шнур, натянутый на вытянутых руках в манере моряков, и темп или двойной шаг (лат. *passus*), из которого тысяча (*mille*) составляла милю. Но хотя эти названия хранят воспоминания о ранних измерениях человеческих конечностей, сейчас они используются только как удобные названия для стандартных мер, к которым они оказываются довольно близки, как, например, можно пройти долгий путь, чтобы найти ногу человека длиной в фут по правилу. Наши современные измерения производятся с помощью стандартных длин, которые мы с большими или меньшими изменениями унаследовали от древних. Это был большой шаг в развитии цивилизации, когда такие народы, как египтяне и вавилоняне, изготавливали куски дерева или металла точной длины, чтобы служить эталонами. Египетские правила куба с их делениями можно увидеть и сейчас, а комната царя в Великой пирамиде измеряется очень точно - 20 локтей на 10, что составляет 20-63 наших дюйма. Наша стопа почти не изменилась за несколько веков и мало чем отличается от древнегреческой и римской. Французы во время первой революции предприняли смелую попытку отбросить старые традиционные стандарты и обратиться прямо к природе, поэтому они установили метр, который должен был составлять десятиmillionную часть расстояния от полюса до экватора. Однако расчеты оказались неточными, так что метр теперь действительно является стандартной мерой старого образца, но удобство использования одних и тех же мер настолько велико, что метр и его дроби все чаще используются в научной работе по всему миру. Использование весов и гирь, а также влажных и сухих мер началось среди цивилизованных народов уже в самые ранние времена. Наши современные стандарты даже в некоторой степени восходят к стандартам старого мира, например, фунт и унция, галлон и пинта произошли от древнеримских весов и мер.

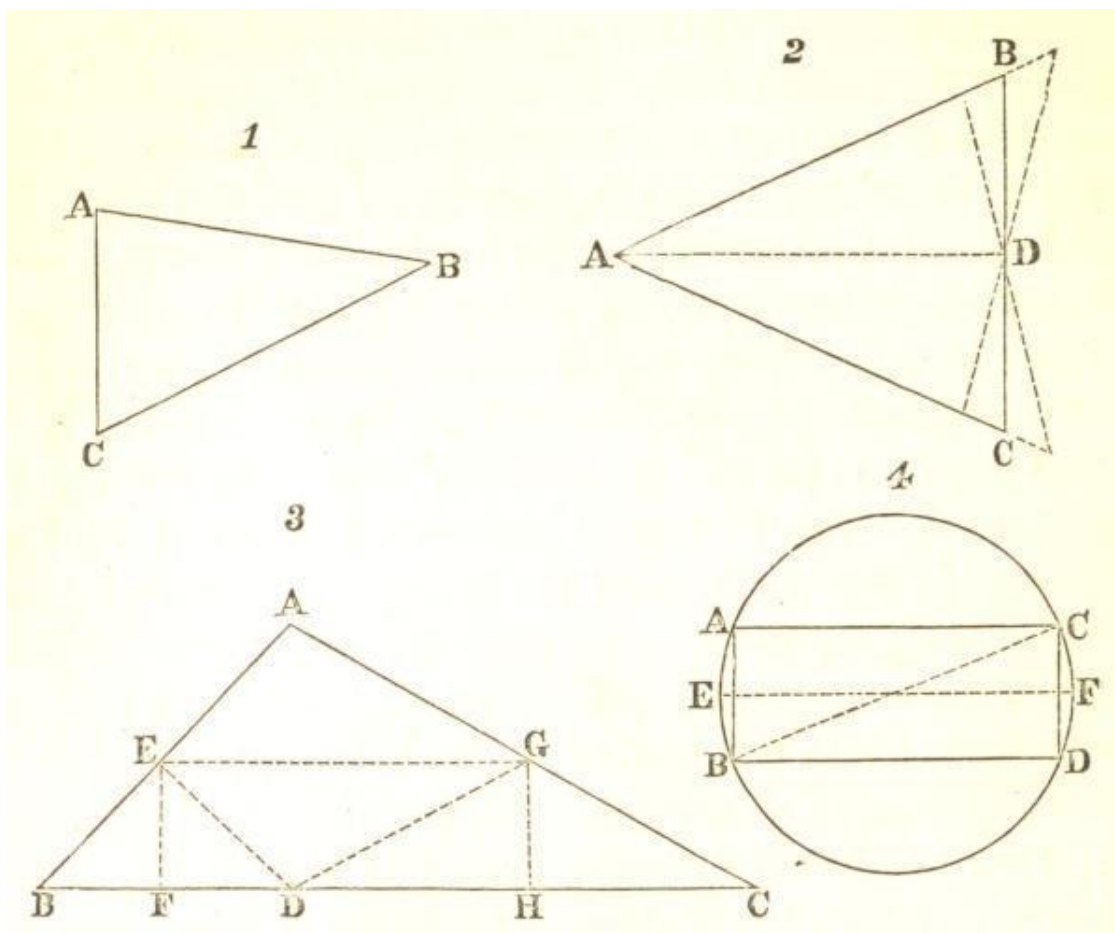

Рис. 78. Рудиментарная практическая геометрия. 1 - скаленовидный треугольник; 2 - сложенный прямой угол; 3 - сложенный треугольник; 4 - прямоугольник, сложенный в круг.

От измерения футов в длину люди вскоре перешли к подсчету содержимого, скажем, продолговатого пола в квадратных футах. Но для вычисления содержимого менее простых фигур требовались более сложные геометрические правила. Греки признавали, что египтяне изобрели *геометрию*, то есть "измерение земли", и, возможно, есть доля правды в старой истории о том, что это искусство было изобретено для того, чтобы разделить участки плодородной грязи на берегах Нила. В Британском музее хранится древнеегипетское руководство по измерению (папирус Ринда), одна из старейших книг в мире, написанная более чем за 1000 лет до времени Евклида, которая показывает, что египтяне знали и чего не знали о геометрии. Из ее рисунков и примеров следует, что они использовали квадратную меру, но считали ее приблизительно; например, чтобы получить площадь треугольного поля ABC [рис. 78](#) (1), они умножали половину AC на AB, что было бы правильно только в том случае, если бы BAC составлял прямой угол. Когда египтяне хотели узнать площадь круглого поля, они вычитали из диаметра одну девятую и возводили в квадрат; таким образом, если диаметр составлял 9 пергов, они считали, что круг содержит 64 квадратных перга, что, как читатель увидит на практике, является хорошим приближением. Все это было замечательно для зарождения геометрии, и можно верить записям, что греческие философы, такие как Фалес и Пифагор, приехав в Египет, набирались мудрости у жрецов-геометров этой страны. Но эти египетские математики, будучи жреческим орденом, считали свои правила священными, а потому не подлежащими усовершенствованию, в то время как их греческие ученики, не связанные подобной научной ортодоксией, могли свободно продвигаться дальше к более совершенным методам. Таким образом, греческая геометрия достигла результатов, дошедших до нас в великом труде Евклида, который использовал теоремы, известные его предшественникам, добавляя к ним новые и доказывая все в логическом ряду. Следует четко понимать, что элементарная геометрия не была фактически изобретена с помощью определений, аксиом и демонстраций, подобных работе Евклида. Ее зачатки действительно возникли в повседневной практической работе землемеров, каменщиков, плотников, портных. Это видно из геометрических правил строителей алтарей в Древней Индии, которые не предписывают каменщику чертить план из таких-то и таких-то линий, а устанавливают столбы на определенных расстояниях и натягивают между ними шнуры. Поучительно видеть, что наш термин "*прямая линия*" все еще несет следы такого раннего практического значения; *линия* - это *льняная* нить, а *прямая* - причастие от старого глагола *натягивать*. Если мы натянем нить между двумя колышками, то увидим, что натянутая нить должна быть самой короткой из возможных; это позволяет предположить, как прямая линия стала определяться как кратчайшее расстояние между двумя точками. Кроме того, каждый плотник знает природу прямого угла, и он привык к параллельным линиям, или таким, которые находятся на одинаковом расстоянии друг от друга. Для портного прямой угол предстает в другом виде. Предположим, он раскраивает сложенный вдвое кусок ткани, который должен раскрыться в горловину или клиновидную деталь BAC на [рис. 78](#) (2). Он должен отрезать ADB под прямым углом, иначе при раскрое у детали будет выступ или углубление, как показано на рисунке. Когда он разрежет ее правильно, так что BDC откроется по прямой линии, он не сможет не увидеть, что стороны AB, AC и углы ABC, ACB должны точно совпадать, так как фактически были вырезаны друг на друга. Таким образом, с помощью того, что можно назвать портновской геометрией, он приходит к результату Евклида I. 5, который сейчас часто называют "мостом ослов". Такие простые свойства фигур должны были быть практически известны очень рано. Но верно и то, что древние долгое время не знали о некоторых проблемах, которые сегодня относятся к элементарному обучению. Так, только что было упомянуто, как египетские землемеры не смогли вывести

точное правило для измерения треугольного поля. Однако если бы им пришло в голову вырезать из листа папируса схему треугольника, как это можно сделать с треугольником ABC на [рис. 78](#) (3), и сложить его вдвое, как показано на рисунке, то они бы обнаружили, что он складывается в прямоугольник EFHG, и, следовательно, его площадь равна произведению высоты на половину основания. Стало бы ясно, что это не случайность, а свойство всех треугольников, и в то же время оказалось бы, что три угла A, B, C, складывающиеся в D, образуют два прямых угла. Хотя более древние египетские геометры, по-видимому, не догадались ни об одном из этих свойств треугольника, греческие геометры в некотором роде хорошо знали их еще до времен Эвклида. Старые историки, рассказывающие о происхождении математических открытий, похоже, не всегда понимали, о чем идет речь. Так, о Фалесе говорят, что он первым вписал прямоугольный треугольник в окружность, после чего принес в жертву быка. Но математик такого уровня вряд ли мог не знать того, что должен знать любой толковый плотник: как продолговатая доска симметрично вписывается в круг; проблема прямоугольного треугольника в полукруге связана с этим, как видно из (4) на данном рисунке. Возможно, история действительно означает, что Фалес был первым, кто разработал строгую геометрическую демонстрацию этой проблемы. Эта история также рассказывается о Пифагоре, и, по другой версии, он принес в жертву гекатомбу, обнаружив, что квадрат гипотенузы прямоугольного треугольника равен сумме квадратов двух других сторон (Euklid I. 47). История философа, запрещавшего приносить в жертву любое животное, маловероятна. Что касается предложения, то оно может быть практически применимо к каменщикам, работающим с квадратной брусчаткой или плиткой; так, если основание имеет длину 3 плитки, а перпендикуляр - 4, то гипотенуза будет равна 5, и плиток, образующих на ней квадрат, будет столько же, сколько квадратов на двух других сторонах. Получил ли Пифагор подсказку из таких практических правил, или его привело к этому изучение арифметических квадратов, во всяком случае, он первым установил в качестве общего закона это свойство прямоугольного треугольника, от которого зависят целые системы тригонометрии и аналитической геометрии.

Ранняя история математики, кажется, пока ясно, что ее основателями были египтяне с их практической геодезии, и вавилоняне, чьи навыки в арифметике ясно из таблиц квадратных и кубических чисел, составленных ими, которые все еще можно увидеть. Затем греческие философы, начав как ученики этих старых школ, вскоре оставили своих учителей позади и возвели *математику* в ранг, как следует из ее названия, "обучения" или "дисциплины" человеческого разума в строгом и точном мышлении. На первых этапах своего развития математика состояла главным образом из арифметики и геометрии и имела дело с известными числами и величинами. Но уже в древние времена египтяне и греки начали применять методы работы с числом, еще не зная, что оно собой представляет, а индусские математики, продвигаясь дальше в том же направлении, ввели метод, который сейчас называется алгеброй. Следует заметить, что использование букв в качестве символов в алгебре не было достигнуто сразу счастливой мыслью, а выросло из более раннего и неуклюжего устройства. Из одной санскритской книги явствует, что почтенные учителя начали выражать неизвестные величины термином "столько-то" или названиями цветов: "черный", "синий", "желтый", а затем первые слоги этих слов стали использовать для обозначения краткости. Таким образом, если бы нам нужно было выразить удвоенный квадрат неизвестной величины и назвать его "столько-то квадратов дважды", а затем сократить его до *столько-то sq 2*, это было бы очень похоже на то, как поступали индусы, решая следующую задачу, приведенную в книге Коулбрука "*Индусская алгебра*": "Квадратный корень из половины числа пчелиного роя улетел на куст жасмина, как и восемь девярых всего роя: самка жужжит одному оставшемуся самцу, который жужжит внутри лотоса, в котором он заключен, будучи привлечен его ароматом ночью. Скажи, прекрасная

женщина, количество пчел". Это индусское уравнение составлено неуклюже из-за отсутствия удобного набора знаков $= + -$, которые были изобретены позже в Европе, но минусовые числа обозначены, и решение в принципе является обычным квадратиком. Арабские математики научились этому замечательному методу в Индии, и через них он стал известен в Европе в средние века. Арабское название этого метода - *аль-джабр ва-ль-мукабала*, то есть "объединение и противопоставление", что означает то, что сейчас делается путем переноса величин на две стороны уравнения; отсюда и происходит современное слово "*алгебра*". Только в XVII веке в Европе была основательно создана высшая математика, когда Декарт разработал систему применения алгебры к геометрии, а исследования Галилея о пути шара или брошенного камня привнесли идеи, которые привели к флюксиям Ньютона и дифференциальному исчислению Лейбница, с помощью которых математика поднялась до современных масштабов и мощи. Математические символы не потеряли следов своего первого начала в виде сокращенных слов, например, n по-прежнему обозначает *число*, r - *радиус*, а $\sqrt{}$, представляющая собой бегущую строку r , означает корень (*radix*), а $\int$, представляющая собой старомодное s , обозначает сумму (*summa*) при интегрировании.

Механика и физика, обработанные математически, теперь составляют основу наших знаний о Вселенной. Но в прежней варварской жизни люди имели о них лишь рудиментарные представления. Дикарь достаточно хорошо понимает траекторию полета снаряда, чтобы прицелиться в него, и как использовать импульс, если насадить топор на длинную, а не на короткую рукоятку. Но он едва ли дойдет до того, чтобы свести эти практические идеи к принципу или закону. Даже древние цивилизованные народы Востока, хотя и умели поднимать камни с помощью рычага, выравнивать кладку с помощью отвеса и взвешивать золото на весах, как известно, не пришли к научному изучению механических законов. Убедительнее всего то, что если бы они это сделали, то греки узнали бы об этом от них, тогда как именно среди греческих философов эта наука только зарождается. Уже во времена Аристотеля они задумывались над проблемами механики, хотя далеко не всегда правильно; считалось, что тело притягивается к центру мира, но чем больше его вес, тем быстрее оно падает. Главным основателем механической науки был Архимед, который вывел на сталелитейном дворе закон рычага, а из него - случаи равновесия всех частиц тела на общий центр, называемый теперь центром тяжести; он даже дал общую теорию плавающих тел, которую с трудом могли понять математики далекого средневековья. Действительно, механическая наука после классического периода разделила общую судьбу знаний в течение долгого мертвого времени, когда многое было забыто, а то, что осталось, находилось в рабстве у теологии школяров. Современного читателя иногда удивляет, что "мудрость древних" все еще время от времени ставится в качестве авторитета в науке. Но ученые средневековья, которые во многих вопросах науки знали меньше, чем древние греки, вполне могли бы равняться на них. Любопытно взглянуть на книгу Герберта (папы Сильвестра II.), который был ведущим математиком в X веке, и который, подобно раннему египтянину, ломал голову над измерением площади треугольника, хотя точный метод, изложенный Евклидом, был хорошо известен в классические времена. Физическая наука могла бы почти исчезнуть, если бы не тот факт, что в то время как древние сокровища знаний были потеряны для христианства, магометанские философы были их хранителями и даже пополнили их запасы. За это они не всегда получали должную похвалу. Рассказывают красивую историю о том, что Галилей изобрел маятник, к чему его привело наблюдение за огромной висячей лампой в Пизанском соборе, которая постоянно раскачивалась туда-сюда; но на самом деле оказывается, что шестью веками ранее Эбн Юнис и другие мавританские астрономы уже использовали маятник в качестве измерителя времени в своих наблюдениях. Из всех заслуг Галилея перед наукой, пожалуй, самой большой было его обучение более четким

представлениям о силе и движении. В прежние времена люди были обмануты доказательствами своих чувств и верили, что сила движущегося тела постепенно исчерпается и оно само собой остановится, но это представление о силе было изменено новым принципом, согласно которому для остановки движущегося тела требуется столько же силы, сколько и для приведения его в движение, и что если бы никакая противодействующая сила не тормозила стрелу или колесо, то одно из них летело бы, а другое катилось бы вечно. В тот век, когда математика стала применяться к науке, новые открытия следовали быстро. Если бы Архимед мог ожить, он бы увидел, как наконец-то пошел прогресс, когда давление воздуха было взвешено барометром Торричелли, а Стевин из Брюгге вывел принцип параллелограмма сил. Понятие о силе притяжения появилось в умах философов благодаря наблюдению за тем, как магнит притягивает железо на расстоянии, а стекло и другие вещества при трении становятся притягательными. Таким образом, Ньютону открылась возможность рассчитать действие гравитации как такой притягательной силы и с ее помощью объяснить движения небесных тел, тем самым подчинив видимый мир единому универсальному закону. В наши дни среди великих законов, установленных в физической науке, есть закон сохранения энергии, согласно которому энергия не создается и не уничтожается в процессах природы или в машинах человека, а преобразуется в новые проявления, эквивалентные тем, которые были раньше. Раньше философы часто задумывались об изобретении вечно движущейся силы, которая должна была бы продолжать создавать свою собственную силу. Но сегодня эта идея настолько отброшена, что, когда какой-нибудь прожектор задумывает абсурдную машину, ему достаточно ответить, что если бы его машина могла работать, то вечный двигатель был бы возможен. Современный механик должен лишь наиболее целесообразно использовать запасы силы, предоставленные ему природой, и в этих хорошо понятных границах его бизнес процветает все больше и больше.

Среди форм или проявлений энергии - звук, свет, тепло, электричество. Классические философы смутно догадывались, что звук распространяется подобно волнам; а связь между длиной струны арфы и ее нотой была арифметически обоснована Пифагором, который измерял ее с помощью инструмента, которым мы пользуемся до сих пор, - монохорда. Но именно современные люди измерили скорость звука, объяснили музыкальную высоту скоростью вибрации и создали науку о тоне. О свете древние знали больше. Их полированные металлические зеркала, плоские и кривые, научили их первым принципам рефлексии. Они также не были невежественны в вопросах преломления; им уже был известен знакомый эксперимент - положить кольцо в таз и наливать воду, пока оно не станет видимым. В Ниневии была откопана линза из горного хрусталя, а греки и римляне были хорошо знакомы со стеклянными линзами. Удивительно, что ни арабские астрономы, знавшие толк в оптике, ни Роджер Бэкон, который в XIII веке дал толковое изложение своей науки, никогда, кажется, не соединяли две линзы в телескоп. Только в семнадцатом веке в Голландии упоминается телескоп, и Галилей, услышав о нем, сделал знаменитый прибор, с помощью которого он увидел луны Юпитера и произвел переворот в представлениях людей о Вселенной. Микроскоп и телескоп можно назвать перевернутыми формами друг друга, и их изобретения произошли почти одновременно. Благодаря этим двум инструментам диапазон зрения человека настолько расширился, что теперь можно наблюдать за животными длиной менее десяти тысяч дюймов на всех этапах их жизни, а звезды, расстояние до которых от Земли составляет сотни тысяч миллиардов миль, находятся в пределах карты Вселенной. Радуга привела к проблеме разложения света и теории цвета. Учение о том, что свет - это яркие частицы, испускаемые по прямым линиям из светящегося тела, не смогло объяснить такие эффекты, как гашение света интерференцией, и уступило волнообразной теории эфирных световых волн чрезвычайной малости и скорости. В наше время линии спектра

стали средством распознавания светящегося вещества, так что астроном, чей телескоп обнаруживает слабый блеск туманности в глубинах небес, может проверить ее состав с помощью спектроскопа, как если бы это была газовая струя на лабораторном столе. С наукой о свете тесно связана наука о тепле. Тепло и свет не только исходят вместе от солнца или огня, но и подчиняются одним и тем же законам, когда было замечено, что зеркало или линза, концентрирующая яркое пятно света, также приводит к тому же самому фокусу тепла, которое может поджечь дерево. Большим шагом в изучении тепла стало изобретение теплового измерителя или термометра. Кто впервые сделал его, неизвестно, но это было около трех столетий назад, а самой ранней его формой, возможно, была воздушная колба с трубкой, в которой поднималась и опускалась окрашенная вода, которая до сих пор является самым ярким способом продемонстрировать классу принцип работы термометров. Доктрина теплоты как следствия вибрации объясняет, как теплота преобразует силу, так что паровой молот, работающий за счет тепла, используемого в печи, можно поставить бить холодное железо, пока оно не станет раскаленным до бела; таким образом, часть силы, которая произошла от теплоты, вернулась обратно в тепло, и вместе с теплотой снова появляется другая форма лучистой энергии - свет. Наконец, история электричества берет свое начало с тех времен, когда древние удивлялись, что видят янтарь, когда растирали солому, а грузилом вытягивали куски железа. Наведение грузила на юг и север, по-видимому, раньше всего заметили китайцы, откуда в средние века и пошло его повсеместное использование в навигации. Электрическая машина - это лишь увеличенная форма старого эксперимента по растиранию кусочка янтаря. Но открытия, связанные с именами Вольты и Гальвани, привели к появлению нового метода получения электричества путем химического воздействия в батарее. Воздушный змей Франклина доказал, что вспышка молнии - это всего лишь большая электрическая искра. Токовая проволока Эрстеда, отклоняющая магнитную иглу, показала связь между электричеством и магнетизмом и положила начало той линии изобретений, которой мир обязан электрическому телеграфу и многому другому.

Далее, что касается химии. Ее истоки лежат в таких практических процессах, как выплавка металла из руды, сплавление песка и соды в стекло, дубление кожи с помощью вяжущих стручков или коры. Древнейшие цивилизованные народы знали эти и многие другие химические искусства, которым не только обучались ремесленники Греции и Рима, но и время от времени пополняли запас знаний новыми процессами, как, например, когда мы слышим о дистилляции ртути из киновари или обработке меди уксусом для получения вердигри. В ранние цивилизованные века наряду с этими практическими рецептами появились и первые смутные очертания научной химии. Греческие философы выражали свои представления о состояниях материи четырьмя элементами - огнем, воздухом, водой, землей; они же усвоили или изобрели доктрину о том, что материя состоит из атомов - принцип, который сейчас как никогда важен в современных аудиториях. Преемниками греков стали арабские алхимики и их ученики в средневековом христианстве. Вера в то, что материю можно трансмутировать или трансформировать, заставила многих из них провести жизнь среди печей и алембиков в попытках превратить низкие металлы в золото. Современным химикам, которые не удивились бы, обнаружив, что все многие так называемые элементы оказались формами одной материи, идея алхимиков не кажется совершенно неразумной сама по себе, а практически она привела их к поиску истины путем эксперимента, так что, хотя они не нашли философского камня, они были вознаграждены такими открытиями, как спирт, аммиак, серная кислота. Их метод, основанный на испытании реальных фактов, все больше и больше очищался от магической глупости, с которой он вырос, и алхимик подготовил путь для последующего химика. Больше всего новых химических знаний дало объяснение того, что происходит при горении, ржавлении и дыхании. Как получается, что воздух в приемнике портится от горящей свечи или мыши, так

что в нем больше нет ни пламени, ни жизни? Как получается, что если одни вещества, например древесный уголь, как бы рассеиваются огнем, то другие, например свинец или железо, превращаются в более тяжелую материю, чем прежде? Ответы на эти вопросы привели к более четким представлениям о химическом соединении, но прошло немало времени, прежде чем стало ясно, по каким законам сродства и пропорции происходит это соединение. Продвинутой студент-химик может провести поучительный час, просматривая старые книги по химии, где каталог веществ представляет собой беспорядочный хаос, еще не приведенный в форму и порядок в соответствии с атомной теорией Дальтона.

От химической природы материи мы переходим к природе живых существ. Более очевидные части биологии, или науки о жизни, с самого начала попали под пристальное наблюдение человека. Поскольку зоология и ботаника заключаются в наблюдении за формами и повадками животных и растений, дикари и варвары были искусны в них. Например, у таких людей, как аборигены южноамериканских лесов, есть названия для каждой птицы и зверя, чьи голоса, места обитания и миграции они знают с точностью, поражающей европейского натуралиста, которого они ведут через джунгли. Каталог местных бразильских названий животных и растений, часто с любопытством описывающих их природу, мог бы составить небольшую книгу. Так, *ягуара пимина*, или расписной ягуар, отличается от *ягуарете*, или большого ягуара; *капибара* означает существо, "живущее в траве", *ипе-каа-гоене*, или "маленькое придорожное растение-эметик", - это наша *ипекакуанха*. Человечество повсеместно обладает подобным видом популярной естественной истории. Так же обстоит дело и с анатомией. Когда дикарь убивает оленя, разделяет его, готовит суставы, сердце и печень, делает из шкуры одежду и ремни, вырезает из длинных костей наконечники для гарпунов и шилья, а сухожилия использует для ниток, вполне логично, что он должен иметь приблизительное представление об анатомии животного. Варварский воин и врач помимо такой мяснической анатомии знаком со строением человеческого тела, как видно из описания ран героев в "Илиаде", где копье попадает одному в диафрагму ниже сердца, а у другого перебито плечевое сухожилие, из-за чего рука бессильно падает. У греков такие грубые знания перешли в научную стадию, когда Аристотель написал свою книгу о животных, а Гиппократ отобрал медицину у жрецов и колдунов, превратив ее в метод лечения с помощью диеты и лекарств. Действие тела стало более понятным в этот классический период, как, например, видно из того, что нервы, ведущие к мозгу и от него, больше не путали с сухожилиями, которые тянут конечности, хотя одно и то же греческое слово *neuron* (нерв) по-прежнему использовалось для обозначения обоих. Любопытно, сколько времени потребовалось древним, чтобы понять, что такое мышцы и как они действуют. Они так и не поняли, что такое циркуляция крови, хотя у них были идеи на этот счет, как, например, в знаменитом отрывке Платона в "Тимее", где сердце сравнивается с фонтаном, посылающим кровь по кругу, чтобы питать тело, которое подобно саду, усыпанному оросительными каналами. Какими бы несовершенными ни были древние знания, можно ясно увидеть, как современная наука основывается на них. Так, медицинские термины системы Галена, такие как *диагностика* заболеваний, до сих пор используются; и действительно, многие слова старых врачей перешли в обиходную речь, например, когда говорят, что человек находится в *сангвиническом настроении*, что возвращает нас к тому времени, когда считалось, что гуморы или жидкости тела вызывают состояние ума; гуморы, которые являются сангвиническими, или "из крови", являются живыми и импульсивными. Но в познании тела современные люди оставили древних далеко позади, теперь, когда микроскоп показывает его мельчайшие сосуды и ткани, а также циркуляцию крови, процесс дыхания, химию пищеварения и прохождение токов по нервам. Естественная история все еще придерживается принципов Аристотеля, когда он прослеживает жизнь от безжизненной материи через ряд растений и животных. Современные натуралисты, такие как Линней,

настолько усовершенствовали старую классификацию, что стало возможным взять растение или животное, которое человек никогда раньше не видел и не знал его названия, и путем исследования определить, что оно должно принадлежать к такому-то и такому-то роду и виду. Более того, натуралисты давно пытались понять, почему тысячи видов должны объединяться в группы или роды, причем виды в каждом роде связаны общим сходством, а сами роды попадают в более высокие группы, или порядки. Мысль о том, что сходство между видами, образующими род, - это семейное сходство, обусловленное тем, что эти виды на самом деле являются разнообразными потомками одной расы или рода, лежит в основе той теории развития или эволюции, которая на протяжении многих веков занимала умы натуралистов и сейчас в значительной степени преобладает. Здесь не место обсуждать доктрину происхождения или развития (см. с. 38), но стоит вспомнить, что само слово *genus* первоначально означало род или расу, так что натуралист, который относит лошадь, осла, зебру, кваггу к одному роду *Equus*, на самом деле предполагает, что все они произошли от одного вида животных и на самом деле являются дальними родственниками, что является первым принципом теории развития.

Мир, в котором мы живем, является предметом астрономии, географии, геологии. Кажется очевидным, что зачатки этих наук возникли на основе данных человеческих органов чувств. Дети, живущие без школы в диком лесу, считали само собой разумеющимся, что земля - это круглое дно, более или менее неровное, над которым возвышается купол или небосвод, уходящий к горизонту. Таким образом, естественное и примитивное представление о мире состоит в том, что он похож на круглое блюдо с крышкой. Во многих странах можно встретить грубые племена, которые так думают и развивают эту идею, чтобы объяснить такие явления, как дождь, который представляет собой воду, стекающую сверху через отверстия в небесной крыше. Этот небосвод усыпан звездами и находится на расстоянии нескольких миль. Дикарю ничто не подсказывает, что солнце должно быть гораздо дальше, чем облако, в которое оно, кажется, погружается. Солнце, кажется, опускается на западе в море или через отверстие в горизонте, а поднимается таким же образом на востоке, так что закат и восход заставляют умы первых грубых астрономов верить в подземный мир или инфернальную область, через которую солнце путешествует ночью, и которая многим народам казалась также обителью ушедших душ, когда после яркого дня жизни они погружаются, как солнце, в ночь смерти. Солнце и луна движутся по небу, как живые боги, или, по крайней мере, влекомые или движимые такими небесными силами, а присутствие живых существ на небе особенно ярко проявляется во время затмений, когда невидимые чудовища захватывают или проглатывают солнце и луну. Все это очень естественно, настолько естественно, что более правильная астрономия еще не выкорчевала это из Европы. Не так давно один школьный учитель, рискнувший читать лекции по астрономии на западе Англии, вызвал недовольство деревенских жителей тем, что этот молодой человек должен был говорить им, что мир круглый и движется вокруг, тогда как они прожили на нем всю свою жизнь и знали, что он плоский и стоит на месте. Одна из частей самой ранней астрономии, которая была настолько обоснована, что с тех пор не теряет своей актуальности, - это измерение времени по солнцу, луне и звездам. День и месяц фиксируются сразу. Менее точные времена года, такие как сезон дождей, ледяной сезон или сезон вегетации, служат средством отсчета времени, например, дикарь рассказывает, что смерть его отца произошла три дождя или три зимы назад. Грубые племена, которые наблюдают за звездами, чтобы найти дорогу, также замечают, что восход и заход определенных звезд или созвездий обозначает времена года. Так, аборигены Южной Австралии называют созвездие Лиры Птицей взаймы, поскольку замечают, что когда оно заходит вместе с солнцем, начинается сезон сбора яиц птиц-зайчиков. Вполне логично, что важные факты хода года, изменение высоты солнца в полдень, удлинение и укорочение дней, должны быть замечены, так что даже среди людей,

которые еще не измерили их с какой-либо точностью, существует в свободном виде понятие года. Внутри года сменяющие друг друга луны или месяцы тоже выстраиваются с определенной регулярностью, как, например, у оджибвас: луна дикого риса, луна листопада, луна льда, луна снегоступа и так далее. Но такие лунные месяцы должны быть вписаны в год так, как им удобно. Действительно, нецивилизованный календарь отличается тем, что, хотя дни, месяцы и годы известны, дни еще не подогнаны под месяцы, и не определено, из скольких месяцев и тем более дней должен состоять год.

Когда мы переходим от этого к астрономии древних культурных народов, мы видим, что в наблюдениях и расчетах достигнут огромный прогресс. Однако жрецы-астрономы, которые веками наблюдали и записывали вид небес, еще не освободились от представлений своих предков-варваров о том, как выглядит мир в целом. В египетской "Книге мертвых" усопшие души спускаются вместе с богом солнца через западные ворота и путешествуют с ним по полям и рекам подземного мира, а в ассирийских записях также рассказывается о нижних областях, где Иштар спускается в темную обитель трепещущих призраков, в дом, куда люди входят, но не могут выйти. И все же египтяне, придерживавшиеся этой примитивной астрономии, установили Великую пирамиду по кардинальным точкам с удивительной точностью. При подсчете года они не только добавляли к 12 солнечным месяцам по 30 дней 5 промежуточных дней, чтобы получилось 365, но, осознав, что и это не точно, записывали его изменения, пока он не приходил к циклу в 1 461 год, определяемому по восходу Сириуса. Еще более развитой была астрономия халдеев, в которой записи о затмениях продолжались более 2 000 лет. В астрономии варваров пять планет - Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн - не имеют особого значения по сравнению с Солнцем и Луной. Но у халдеев все семь планет были объединены как объекты поклонения и наблюдения, положив начало идеям священного числа семь, которые затем проникли в мистическую философию древних. Возможно, именно среди вавилонских астрономов изучение движений планет привело к теории, что они вращаются на семи хрустальных сферах; по сей день люди говорят о том, что находятся "на седьмом небе". Следующим и большим шагом в развитии астрономии стало то, что давно накопленные знания Вавилона и Египта были взяты на вооружение греками, чтобы продолжить их с помощью точных методов геометра. Греческие астрономы были знакомы с идеей о том, что Земля - это шар; они вычислили ее окружность и, обычно принимая ее за центр Вселенной, измерили видимые движения небесных тел. Эта система, в своей наиболее совершенной форме известная как птолемеевская, продержалась до средних веков, когда она вступила в соперничество с системой Коперника о центральном солнце, вокруг которого вращаются Земля и другие планеты. Нет нужды пересказывать, как в руках Кеплера и Ньютона она превратилась в механическую теорию Вселенной, и как человек наконец-то избавился от причудливого представления о том, что его маленькая планета является центром всего сущего.

География - это практическое знание, в котором хорошо разбираются самые грубые племена, поскольку оно заключается в том, как лежит их собственная земля, как протекают ручьи, как проложены перевалы через горы, сколько дней марша через лес и пустыню, чтобы добраться до далекого места охоты или склона холма, где можно найти твердый камень для топоров. Каким бы нецивилизованным ни был народ, он называет свои горы и реки такими словами, как "красный холм" или "бобровый ручей". В атласе можно найти сотни названий мест, которые когда-то имели значение на языках, на которых больше никто не говорит. Научная география начинается тогда, когда люди приходят к рисованию карт - искусству, которому, возможно, не обучен ни один дикарь, но которое было известно ранним цивилизованным народам; самая древняя из известных карт - египетский план золотых приисков Эфиопии. Самое раннее упоминание о географе, пытавшемся составить карту

мира, принадлежит Геродоту, который рассказывает о бронзовой табличке Аристагора, на которой начертана схема всей земли, моря и всех рек. Но для древних известный мир был очень ограниченным кругом вокруг их собственных стран. Мы можем проследить за развитием географии, взглянув на карту в книге Гладстона "*Juventus Mundi*", представляющую мир в соответствии с гомеровскими поэмами, с группой народов вокруг Средиземного моря и великой рекой Океан, опоясывающей все вокруг. Позже, в мире, известном географам, таким как Страбон, земли людей образуют огромный овал, простирающийся от столбов Геракла до далекой Индии и от тропической Африки до полярной Европы. Как появились суша и море, как они лежат, - это дело геологии. Это одна из самых современных наук, но ее проблемы уже давно заставляют задуматься грубых людей. Даже жители Гренландии и островов Южных морей заметили окаменелости в глубине материка и высоко в горах и объяснили их, заявив, что земля когда-то была опрокинута, или что море поднялось во время великого потопа и покрыло горы, оставив на их вершинах останки рыб. В период становления греческой науки Геродот рассуждал о том, что долина Египта образовалась в результате отложения грязи из Нила, а раковины на горах доказывали ему, что там, где сейчас суша, когда-то было море. Но прошло две тысячи лет, прежде чем эти направления мысли были продолжены современными геологами, которым земля открывает долгую историю отложения и удаления, подъема и опускания своих пластов, а также череду растений и животных, которые с отдаленных времен жили на ней.

Из этого обзора различных отраслей науки становится ясно, что их прогресс в век за веком достигался за счет более полного наблюдения фактов и более тщательного их осмысления. Рассуждение или логика - это наука, но, как и другие науки, она начиналась как искусство, которым человек занимался, не задумываясь о том, почему и как. Он делал свои выводы, размышляя и разговаривая, за несчетное количество веков до того, как ему пришло в голову разработать правила аргументации. Действительно, речь и разум работают вместе. Язык, в котором различаются существительное, прилагательное и глагол, уже является мощным аппаратом для рассуждений. Люди уже далеко продвинулись на пути к научному методу, когда их язык позволил им классифицировать дерево как тяжелое или легкое и формировать такие предложения, как "легкое дерево плавает, тяжелое - тонет". Переход рассуждений на научную стадию произошел в основном благодаря греческим философам, а Аристотель привел аргументацию в регулярную систему с помощью метода силлогизмов. Конечно, более простые их формы всегда относились к практическим рассуждениям, и дикарь, знающий, что раскаленные угли обжигают плоть, не стал бы благодарить логику за то, что тот объяснил ему, что в силу этого принципа конкретный раскаленный уголь обожжет ему пальцы. Не следует думать, что введение логики как науки сразу же положило конец плохим аргументам, и, скорее, благодаря практической работе над точными рассуждениями, особенно в математике, греки добились общего прогресса в знаниях. Важность науки была осознана, когда расцвел знаменитый Александрийский музей, ставший типом более поздних университетов, с его великими библиотеками, лабораториями, зоологическими и ботаническими садами. Туда тысячами стекались студенты, чтобы изучать математику, химию, анатомию под руководством профессоров, которые сразу же прибегали туда, чтобы учить других и учиться самим. Если посмотреть на историю науки в течение восемнадцатисот лет после этого расцвета, то, хотя прогресс и был достигнут, он был не таким, как можно было ожидать, и в целом все пошло не так. Так называемый схоластический период, господствовавший в Европе, был неблагоприятным, отчасти потому, что чрезмерное почитание авторитетов прошлого сковывало умы людей, а отчасти потому, что ученые преемники Аристотеля настолько уверовали в аргументацию, что считали, будто проблемы мира можно решать, споря о них, не увеличивая при этом запасы реальных знаний. Великое движение современной философии, с которым связано имя Бэкона как одного из ее главных

выразителей, вернуло людей к старому доброму методу совместной работы опыта и мысли, только теперь опыт искался и наблюдался более тщательно, а мысль упорядочивала его более систематически. Мы, живущие в эпоху, когда каждая неделя демонстрирует новое богатство фактов природы и новую стройность законов, связывающих их, имеем лучшее практическое доказательство того, что наука движется по верному пути.

Студент, желающий сравнить ментальные привычки грубых и древних народов с нашими собственными, может заглянуть в предмет, который сейчас презирают из-за его практической бесполезности, но который очень поучителен, чтобы показать, как работает ненаучный ум. Это магия. В более ранние дни познания люди гораздо больше, чем мы, современные, полагались на рассуждения по аналогии или простое объединение идей. При переходе от того, что уже известно, к чему-то новому аналогия или рассуждения по сходству всегда были и остаются естественным проводником разума в поисках истины. Только ее результаты должны быть поставлены под контроль опыта. Когда австралийцы подобрали осколки разбитых бутылок, оставленных европейскими моряками, сходство нового материала с их собственными каменными чешуйками сразу же заставило их попробовать его в качестве зубцов для своих копий; опыт доказал, что в этом случае аргумент аналогии сработал, так как битое стекло отлично подходило. Так и североамериканские индейцы, не имея табака, находят вместо него какое-нибудь более или менее похожее растение, например ивовую кору. Практические знания о природе, которыми обладают дикари, настолько велики, что они не могли быть получены путем случайных наблюдений; они должны были на протяжении веков постоянно замечать и пробовать новые вещи, чтобы увидеть, насколько их поведение соответствует поведению вещей, частично похожих на них. И там, где вопрос может быть доведен до практического испытания с помощью эксперимента, это уже вполне научный метод. Но грубый человек хочет узнать и сделать гораздо более сложные вещи - как найти, где много дичи, или как узнать, не приближаются ли враги, как спастись от молнии или как ранить того, кого он ненавидит, но в кого не может безопасно бросить копье. В таких вопросах, выходящих за рамки его ограниченных знаний, он довольствуется работой над сходствами или аналогиями мысли, которые, таким образом, становятся основой магии. Рассматривая "окультиные науки", легко обнаружить в них принципы, которые можно понять, если только опустить свой разум до детского состояния, к которому они относятся. Ничто не показывает этого лучше, чем правила астрологии, хотя это далеко не самый грубый вид магии. По мнению астрологов, человек, родившийся под знаком Тельца, будет иметь широкие брови и толстые губы, будет жестоким и бесчувственным, а когда разгневан, то жестоким и яростным. Если бы он родился под знаком Весов, то обладал бы справедливым и уравновешенным умом. Все это происходит потому, что две определенные группы звезд были названы быком и весами; считается, что ребенок, чей час рождения имеет какое-то астрономическое отношение к этим созвездиям, обладает характером, напоминающим настоящего быка или настоящую пару весов. Так же и с планетами. Тот, над кем властвует Марс в своем лучшем аспекте, будет смелым и бесстрашным, но если планета "недостойна", то он будет хвастливым бесстыдным забиякой, готовым грабить и убивать. Если бы он родился, когда Венера была в асценденте, то был бы совсем другим, с ямочками на щеках и мягким голосом, склонным говорить о любви. Как бы глупо все это ни выглядело с практической точки зрения, оно не лишено смысла. В ней есть ход мыслей, за которым легко уследить, хотя этот ход вряд ли достаточно силен для шутки, а тем более для серьезного аргумента. И все же это магия, которая до сих пор пронизывает варварский мир. Североамериканский индеец, желая завтра убить медведя, повесит на траве грубое изображение медведя и выстрелит в него, полагая, что этот символический акт заставит его совершить настоящий. Австралийцы при погребении, чтобы узнать, в каком направлении они могут найти злого колдуна, убившего их друга, примут за

предзнаменование направление пламени могильного костра. Зулуса, которому нужно купить скот, могут увидеть жующим кусочек дерева, чтобы смягчить черствое сердце продавца, с которым он имеет дело. Рассказы о таких обычаях могли бы заполнить целый том, и они не кажутся обветшалыми остатками старых представлений, поскольку нет причин полагать, что в них было больше смысла, чем видно сейчас. Они, возможно, вытекают из такой вольной дикарской логики: "Вещи, похожие друг на друга, ведут себя одинаково - выстрелить в это изображение медведя все равно что выстрелить в настоящего медведя - следовательно, если я выстрелю в изображение, то выстрелю в настоящего медведя". Правда, подобные магические процедуры, если их проверить фактами, оказываются бесполезными. Но если мы удивляемся, что, тем не менее, они так распространены среди человечества, то можем ответить, что они продолжают даже в нашей стране среди тех, кто слишком невежественен, чтобы проверить их фактами - деревенщины, которые верят, что недоброе желание соседа убило их корову, и, следуя истинно дикарским принципам, пытаются наказать злодея, помещая сердце, злобно воткнутое в булавки, в трубу, чтобы оно в дыму, чтобы таким же образом острые боли пронзили его и он иссяк.

В другом, совершенно ином смысле, изучающий науку интересуется магией. Как бы ни были свободны и нелогичны первые рассуждения человека, как бы медленно он ни совершенствовал их под влиянием опыта, таков закон человеческого прогресса, что мысль стремится к ясности. Таким образом, даже причуды магии стали источником реальных знаний. Немногие магические суеверия доставляют больше хлопот, чем китайская геомантия или правила "ветра и воды", с помощью которых нужно выбрать удачное место для строительства дома. Каким бы абсурдным ни было это древнее искусство, его профессора, похоже, первыми начали использовать магнитный компас для определения аспектов небес, так что кажется, что маг дал мореплавателю свой путеводитель в исследовании мира. То, чем точная наука обязана астрологии, хорошо известно: в Халдее систематически наблюдали за расположением звезд и записывали предвестия битв и моров, а также реестры удачных и неудачных дней. Старый магический характер сохранился в астрономии и в наши дни, когда такие астрологи, как Тихо Браге и Кеплер, верившие, что судьбы людей предсказываются планетами, помогали своими наблюдениями и расчетами предсказывать движение самих планет. Таким образом, человеку остается только продолжать наблюдать и размышлять, будучи уверенным, что со временем его ошибки отпадут, а истина, которой он достигнет, останется и будет расти.

ГЛАВА XIV. МИР ДУХОВ.

Религия низших рас, [342 - Души](#), [343 - Погребение](#), [347 - Будущая жизнь](#), [349 - Переселение](#), [350 - Божественные предки](#), [351 - Демоны](#), [352 - природыДухи](#), [357 - Боги](#), [358 - Поклонение](#), [364 - Моральное влияние](#), [368](#).

В план этой книги не входит дать общий обзор многочисленных верований человечества. Антрополог, которому приходится рассматривать религии народов как основную часть их жизни, может лучше всего познакомиться с их общими принципами, начав с простых представлений низших рас о мире духов. То есть он должен изучить, как и почему они верят в душу и ее существование после смерти, в духов, которые творят добро и зло в этом мире, и в великих богов, которые пронизывают, действуют и управляют вселенной. Тот, кто узнает у

дикарей и варваров, что означает для них вера в духовные существа, получит представление о той стадии культуры, когда религия грубых племен является одновременно и их философией, содержащей такое объяснение себя и мира, в котором они живут, которое способны воспринять их необразованные умы.

Идею души, которой придерживаются некультурные расы и которая лежит в основе их религии, нам понять несложно, если мы представим себя на их месте, не зная самых зачатков науки и пытаюсь понять смысл жизни с помощью того, что подсказывают органы чувств. Великий вопрос, который заставляет их задуматься, - это вопрос, на который мы со всеми нашими знаниями не можем ответить и наполовину: что такое жизнь, которая иногда есть в нас, но не всегда. Человек, который несколько минут назад ходил и разговаривал, со всеми своими чувствами, уходит неподвижно и без сознания в глубокий сон, чтобы через некоторое время проснуться с новыми силами. В других случаях жизнь прекращается более полно, когда человек оглушен или впадает в обморок или транс, когда биение сердца и дыхание как бы останавливаются, а тело, лежащее смертельно бледным и бесчувственным, не может быть разбужено; это может продолжаться минуты или часы, или даже дни, и все же в конце концов пациент оживает. Варвары склонны говорить, что такой человек умер на время, но его душа вернулась. Им очень трудно отличить настоящую смерть от такого транса. Они разговаривают с трупом, пытаются его разбудить и даже накормить, и только когда он начинает шуметь и от него приходится избавляться среди живых, они наконец убеждаются, что жизнь ушла и больше не вернется. Что же это за душа или жизнь, которая уходит и приходит во сне, трансе и смерти? Грубому философу кажется, что ответ на этот вопрос дают сами свидетельства его чувств. Когда спящий пробуждается от сна, он верит, что его действительно каким-то образом не было, или что к нему приходили другие люди. Поскольку из опыта известно, что тела людей не совершают таких путешествий, естественное объяснение заключается в том, что живое "я" или душа каждого человека - это его фантом или образ, который может выходить из тела, видеть и быть увиденным во сне. Даже бодрствующие люди среди бела дня иногда видят эти человеческие фантомы в так называемых видениях или галлюцинациях. Кроме того, их заставляют поверить, что душа не умирает вместе с телом, а продолжает жить после того, как покидает его, поскольку, хотя человек может быть мертв и похоронен, его фантомная фигура продолжает являться оставшимся в живых в снах и видениях. То, что у людей есть такие бесплотные образы, знакомо и дикарю-философу, который наблюдал их отражения в тихой воде или их тени, следующие за ними, исчезающие из виду, чтобы снова появиться в другом месте, а иногда на мгновение видел их живое дыхание в виде слабого облака, исчезающего, хотя можно почувствовать, что оно все еще там. Вот в нескольких словах дикая и варварская теория душ, в которой жизнь, разум, дыхание, тень, отражение, сон, видение объединяются и объясняют друг друга таким туманным и запутанным способом, который удовлетворяет необученного рассудка. Зулус скажет, что после смерти тень человека отходит от его тела и становится призраком предков, а вдова расскажет, как муж пришел во сне и угрожал убить ее за то, что она не позаботилась о его детях; или сын расскажет, как призрак отца предстал перед ним во сне, и души обоих, живого и мертвого, отправились вместе навестить какой-нибудь далекий край своего народа. Малайцы не любят будить спящего, чтобы не причинить ему вреда, потревожив его тело, пока его душа находится в отключке. Оджибва описывают, как умер один из их вождей, но пока они наблюдали за телом, на третью ночь его тень вернулась в него, и он встал и рассказал им, как он отправился к реке смерти, но был остановлен там и отправлен обратно к своему народу. Никарагуанцы, когда испанцы спросили их о религии, сказали, что когда мужчина или женщина умирает, из их рта выходит нечто, напоминающее человека, но оно не умирает, а тело остается здесь - это не сердце, которое уходит ввысь, а дыхание, которое выходит из рта и называется жизнью. Низшие расы иногда избегают

подобной путаницы в мыслях, рассматривая дыхание, сон-призрак и другие явления как отдельные души. Так, некоторые гренландцы считали, что у человека две души - его тень и его дыхание; а фиджийцы говорили, что "темный дух" или тень уходит в нижний мир, а "светлый дух" или отражение, видимое в воде, остается рядом со смертью. Читатель может привести примеры того, как подобные представления о душе продолжали существовать в классическом мире, почти не изменившись; как в "Илиаде" мертвый Патроклос приходит к спящему Ахиллу, который тщетно пытается схватить его любящими руками, но душа, словно дым, уносится под землю; Или как провидец Гермотимос выходил из своего тела, пока, наконец, его душа, вернувшись из путешествия духа, не обнаружила, что жена сожгла его труп на погребальной куче, и он превратился в безтелесный призрак. На этом этапе идея души была подхвачена греческими философами и уточнена до более метафизических форм; жизнь и разум были разделены путем деления души на две - животную и разумную, а представление о душе как о тонкой бесплотной субстанции уступило место определению нематериальной души, которая есть разум без материи. Обсуждение этих трансцендентальных проблем в древней и современной философии займет студента-метафизика, но лучшим доказательством того, что более ранняя и грубая теория души удовлетворяла некультурный ум, является то, что и по сей день она остается по существу верой большинства человеческой расы. Даже среди самых цивилизованных народов в языке все еще видны ее следы, например, когда мы говорим о человеке, находящемся в *экстазе* или "вышедшем из себя" и "вернувшемся в себя", или когда души умерших называют *теньями* (то есть "теньями"), *духами* или *призраками* (то есть "дыханиями") - терминами, которые являются реликтами самых ранних человеческих теорий жизни.

Возможно, кому-то из читателей придет в голову, что дикарь-философ должен на тех же основаниях считать, что у его лошади или собаки есть душа, призрачное подобие ее тела. На самом деле низшие расы всегда так думали и думают до сих пор, и они выстраивают свои рассуждения таким образом, что это удивляет современный ум, хотя с точки зрения варвара они вполне последовательны. Если человеческая душа, увиденная во сне, - реальный объект, то копье и щит, которые она несет, и накинутая на плечи мантия - тоже реальные объекты, и все безжизненные вещи должны иметь свои тонкие порхающие тени-души. Таковы души каноэ, оружия и глиняных горшков, которые, как воображают фиджийцы, плывут по течению Пеллмелл в грядущую жизнь, и призрачные погребальные дары, которыми оджибвы нагружают души умерших в их путешествии в страну духов - мужчины несут свои тенистые ружья и трубы, женщины - корзины и весла, маленькие мальчики - игрушечные луки и стрелы. Погребальные жертвоприношения, которые в той или иной форме вспоминаются или совершаются до сих пор во всех частях света, дают нам самое ясное представление о том, как варварская религия объединяет души людей, животных и вещей. В Перу, где жены умершего принца вешались, чтобы продолжать служить ему, а многие из его слуг были похоронены, чтобы он забрал их души с собой, люди рассказывали, что видели, как те, кто уже давно умер, ходили со своими принесенными в жертву женами и украшали себя вещами, которые были положены в могилу для них. Так, всего несколько лет назад на Мадагаскаре говорили, что призрак короля Радамы видели одетым в форму, похороненную вместе с ним, и верхом на одной из лошадей, убитых у его могилы. Имея перед глазами такие современные примеры, мы понимаем древние погребальные обряды, следы которых сохранились в курганах на наших холмах, с их скелетами сопровождающих, лежащими вокруг вождя, и бронзовым оружием и золотыми кольцами. Классическая литература изобилует отрывками, которые показывают, насколько правдиво современный варвар представляет древнего; таковы сожжение Патрокла с троянскими пленниками,

конями и гончими, рассказ Геродота о скифских похоронах и его история о призраке Мелиссы, вернувшейся с дрожью, потому что одежда не была сожжена для нее при погребении. В Индии есть районы, где *самти* или "добрую жену" даже сейчас сжигают на погребальной куче ее мужа. В Европе, уже после того как жены и рабыни перестали следовать за своим хозяином, лошадь воина по-прежнему торжественно убивали на могиле и хоронили вместе с ним. Это было сделано в 1781 году в Тревезе, когда генерал по имени Фридрих Казимир был похоронен по обряду Тевтонского ордена; а в Англии патетическая церемония ведения лошади на похоронах солдата является последним остатком древнего жертвоприношения. Можно встретить и другие причудливые реликвии старых похоронных обычаев. Есть немецкие деревни, где крестьяне надевают на ноги трупа обувь ("адская шхуна", которой снабжались старые северяне для страшного путешествия в мир иной), в других местах им кладут иголку и нитку, чтобы починить порванную одежду, а по всей Европе, например, на ирландских поминках, мертвому кладут в руку кусок денег, чтобы он мог оплатить свой путь.

Только что было упомянуто о древних курганах. Видя, как варвары почитают и боятся душ умерших, мы можем понять, как они заботятся об их телах, оставляя хижину в качестве жилища для мертвых, или высушивая труп и устанавливая его на эшафот, или хороня его в каноэ или гробу, или сооружая над ним прочную гробницу, или для праха, если люди прибегали к кремации. Доисторические захоронения в нашей стране до сих пор являются для нас чудесами того труда, которого они, должно быть, стоили своим варварским строителям. Наиболее заметными являются большие курганы из земли или каменные каирны. Некоторые из самых больших из них, похоже, относятся к каменному веку. Но их использование продолжалось и в бронзовом, и в железном веке; и по сей день в горных районах Шотландии память о старом обычае настолько сильна, что скорбящие, не имея возможности построить каирн над могилой на церковном дворе, иногда устанавливают маленький, где похоронная процессия останавливается по пути. В старых курганах или могильниках может быть циста или грубый ларь из каменных плит для погребения, или камера из грубых камней, иногда с галереями. Много подобных каменных сооружений можно увидеть над землей, особенно *дольмены*, то есть каменные столы, состоящие из трех или четырех больших вертикальных камней, на которые опирается верхний камень, как, например, дом Коти Кита, недалеко от Рочестера. Выкопанные останки показывают, что дольмены были гробницами. Другой разновидностью ранних каменных памятников являются *менгиры*, то есть длинные камни, установленные по одиночке. Так случилось, что кхасии северо-восточной Индии дошли до наших дней, устанавливая такие грубые столбы в память об умерших, так что можно предположить, что и в Бретани они имели такое же назначение. Другой вид грубых каменных сооружений, хорошо известный в Европе, - это *кромлехи*, или каменные круги, образованные из вертикальных камней в виде кольца, как, например, в Стэнтон-Дрю, неподалеку от Бристоля. Есть доказательства того, что каменные круги часто имеют отношение к захоронениям, поскольку они могут окружать курган или иметь дольмен в центре. Но если учесть, что гробницы склонны превращаться в храмы, где поклоняются призраку погребенного вождя или пророка, то вполне вероятно, что такие каменные круги также должны служить храмами, как это происходит в Южной Индии в настоящее время, где петухов приносят в жертву деревенскому божеству, которое представлено большим камнем в центре кромлеха. Грубые каменные памятники можно проследить на карте в виде примечательной линии от Индии до Северной Африки и вверх по западной стороне Европы (см. карту Фергюссона). Назначение их не до конца понятно, особенно линий больших камней в Карнаке и Абури, а также Стоунхенджа с его огромными тесаными вертикальными и поперечными камнями. Но, как было показано здесь, существуют факты, которые позволяют объяснить значение дольменов, менгиров и кромлехов. Причудливые домыслы старомодных

антикваров, например, что дольмены были "алтарями друидов", уступают место трезвому анализу, который читатель может найти в книге Лаббока *"Доисторические времена"*.

В варварской религии, оставившей столь явные следы в нашей среде, что должно происходить с душой после смерти? Ответов много, но все они сходятся в том, что призраки должны быть где-то, откуда они могут приходить к живым, особенно в ночное время. Некоторые племена говорят, что душа продолжает преследовать хижину, где она умерла, которая, соответственно, для нее пустынна; или она витает возле места захоронения, которое иногда является местом деревенского отдыха, чтобы души предков могли доброжелательно наблюдать за ними, как старики, сидящие вокруг деревенской зелени, наблюдают за молодыми людьми во время их спортивных игр; Или же призраки улетают в какую-нибудь область мертвых в глухих лесах, на вершинах гор или на далеких островах над морем, или на равнинах над небом, или в глубинах под землей, где по ночам спускается солнце. Такие народы, как зулусы, могут показать отверстия, куда можно спуститься по пещере в подземный мир мертвых - идея, хорошо известная в классическом озере Авернус и сохранившаяся до наших дней в Чистилище святого Патрика в Лаф-Дирг. По следу фантазии, которую легко проследить, часто считается, что дом мертвых связан с тем дальним западным регионом, где солнце умирает ночью. Островитяне, такие как маори, представляют себе души, уносящиеся от самого западного мыса Новой Зеландии, так же как на побережье Бретани, где мыс Раз выступает на запад в океан, есть "бухта душ", место, где ушедшие духи уплывают через море. Многие грубые племена считают мир духов приятной землей, которую они видят во сне, где мертвые живут в своих деревнях духов, есть дичь и рыба в изобилии, и всегда светит солнце; другие же представляют его тусклой страной теней, пещерным подземным миром ночи. Обе идеи знакомы нам по поэзии: одна - в земном раю легенд, другая - в таких отрывках, как описание визита Одиссея к бескровным призракам в мрачном сумраке Аида или теней умерших в Чистилище, удивляющихся появлению там Данте, чье плотское тело, в отличие от их собственных призрачных форм, задерживает солнечный свет и отбрасывает тень.

До сих пор мы говорили о бестелесных душах или призраках умерших, но с их природой согласуется и то, что они могут вселиться в новые тела и снова жить на земле. На самом деле одно из самых распространенных верований низших рас заключается в том, что души умерших предков перерождаются в детях, и эта идея объясняет тот факт, что дети имеют сходство с семьей отца или матери. Например, негры племени йоруба приветствуют новорожденного ребенка словами: "Ты пришел!", а затем решают, какая душа предков вернулась. Однако из этого не следует, что тело, в котором душа обретет новую обитель, должно быть человеческим: она может вселиться в медведя или шакала, улететь в птице или, как считают зулусы, превратиться в одну из тех безобидных змей, которые ползают по хижинам, любят тепло семейного очага, как они делали, пока были стариками, и по-прежнему с добротой принимают пищу от своих внуков. В таких простых формах проявляется среди низших рас понятие трансмиграции, которое в брахманизме и буддизме становится великой религиозной доктриной.

Вернемся к душам умерших, которые порхают туда-сюда в виде призраков. Естественно, считается, что где бы они ни обитали, они продолжают интересоваться живыми, и их семьи поддерживают с ними добрые отношения. Так, в Северной Америке женщина племени мандан будет ежечасно разговаривать со своим умершим мужем или ребенком, а китаец обязан сообщить о любом семейном событии, например о свадьбе, духам своих предков, присутствующим в их мемориальных табличках. С призраками умерших родственников не только разговаривают, но и кормят их; семья предлагает им кусочки пищи во время своих

трапез, а раз в год устраивает пир мертвых, когда души предков из поколения в поколение воображают себя присутствующими и незримо принимают пищу. Подобные жертвоприношения мертвым не только распространены в диком и варварском мире, но и дошли до высшей цивилизации, их следы до сих пор сохранились в Европе. Русский крестьянин, которому мерещится, что за изображениями святых на маленькой иконной полке то и дело проскальзывают души его предков, кладет им крошки пирога. Достаточно переплыть Ла-Манш, чтобы увидеть, как древний праздник мертвых сохраняет свой первобытный характер в празднике Всех Душ, который является его современным представителем; даже на кладбище Пэр-Лашез на могилы по-прежнему кладут пироги и сладости, а в Бретани крестьяне вечером не забывают развести огонь и оставить на столе фрагменты ужина для душ умерших членов семьи, которые придут навестить их дом. Все это относится к культу предков или религии божественных мертвецов, который с далекой древности был, да и сейчас остается, основной верой большей половины человечества. Но это поклонение проистекает не только из семейной привязанности, ведь на призраков умерших смотрят как на божественных существ, могущих принести как пользу, так и вред. Североамериканский индеец, молящийся духам своих предков о хорошей погоде или удаче на охоте, если случайно попадет в огонь, будет считать, что он не сделал какое-то подношение духам, и они столкнули его туда, чтобы наказать. В Гвинее негры, регулярно приносящие еду и питье изображениям своих умерших родственников, обращаются к ним за помощью в жизненных испытаниях, а во время опасности или беды толпы мужчин и женщин можно увидеть на вершинах холмов или на опушках леса, взывающими к духам предков в самых жалобных и трогательных тонах. Такие рассказы помогают нам понять, какой реальный смысл заложен в поклонении предкам, которое для китайца или индуса является первым делом жизни, и как благочестивые обряды в честь умерших предков или ларов составляли ту самую связь, которая удерживала вместе римскую семью. Наши современные умы довольно сильно утратили понимание этого, и люди часто думают, что апофеоз умершего римского императора был простым актом безумной гордыни, тогда как на самом деле это была идея, понятная любому варвару, что после смерти великий вождь должен превратиться в такое же великое божество.

То, что варвары представляют себе манов или призраков своих умерших такими активными и могущественными существами, естественно вытекает из их представлений о душе; но это требует пояснения. Как при жизни душа осуществляет власть над телом, так и после смерти, став призраком, она, как считается, сохраняет свою активность и силу. Такие призраки, вмешивающиеся в дела живых, обычно называются добрыми и злыми духами, или демонами. Четкого различия между призраками и демонами не существует; на самом деле дикари обычно считают демонов, которые помогают или досаждают им, душами умерших людей. Добрый или злой, человек сохраняет после смерти тот нрав, который был у него в смертной жизни. Не так давно в Южной Индии, где туземцы поклоняются демонам, было обнаружено, что они недавно построили святилище, божеством которого был призрак британского офицера, великого охотника, чьи почитатели, помня о его прижизненных вкусах, возлагали на его алтарь подношения из чероков и бренди. Один и тот же человек может быть добрым духом для своих друзей и злым для врагов, и даже по отношению к собственному народу он может быть иногда добрым, а иногда жестоким, как, например, зулусы, когда верят, что тени мертвых воинов их племени находятся среди них в бою и ведут их к победе; но если эти призрачные союзники разгневаются и отвернутся, то бой будет идти против них. Когда такие люди, как американские индейцы или африканские негры, верят, что воздух вокруг них кишит невидимыми духами, это не чепуха. Они имеют в виду, что жизнь полна случайностей, которые не происходят сами по себе; и когда в своей грубой философии они говорят, что духи заставляют их происходить, это означает, что они находят наиболее

отчетливые причины, которые может понять их разум. Это наиболее наглядно видно на примере того, что нецивилизованные люди думают о болезнях. Мы уже заметили, что они объясняют обмороки и трансы тем, что душа на время покидает тело, и здесь можно добавить, что слабость или нездоровье точно так же считаются вызванными выходом души или ее части. В этих случаях возвращение души обратно является обычным методом лечения, как, например, в случае, когда североамериканский знахарь притворяется, что ловит блуждающую душу своего пациента и помещает ее обратно в его голову, или на Фиджи больного туземца видели лежащим на спине и умоляющим свою собственную душу вернуться к нему. Но при других состояниях болезни поведение пациента выглядит скорее как поведение человека, в которого вселилась душа, не являющаяся его собственной душой. При любом болезненном состоянии, особенно когда больной метается и трясется в лихорадке, или корчится в конвульсиях на земле, или когда в бреду или галлюцинациях он больше не думает своими мыслями и не говорит своим голосом, а с искаженными чертами лица и странными, неземными тонами впадает в дикий бред, тогда объяснение, которое естественно напрашивается само собой, заключается в том, что в него вселился или овладел им другой дух. Любой, кто понаблюдает за симптомами истерико-эпилептического пациента или маньяка, увидит, как естественно в период становления медицинской науки одержимость демонами стала общепринятой теорией болезни, а экзорцизм или изгнание этих демонов - обычным методом лечения. Так происходит и среди дикарей, когда больной австралиец верит, что в него вселился злобный призрак мертвеца и грызет его печень; или когда в патагонской хижине из шкур можно увидеть волшебников, которые танцуют, кричат и бьют в барабаны, чтобы изгнать злого демона из человека, заболевшего лихорадкой. Подобные идеи присутствовали и в древней истории, например, в известной египетской памятной табличке времен Рамсеса XII (XII век до н. э.), которую можно увидеть в Парижской библиотеке и перевести в *"Записях прошлого"*, где египетский бог Хонс был послан в своем ковчеге, чтобы излечить маленькую принцессу Бентареш от злого движения в ее конечностях. Когда он пришел, демон сказал: "Великий бог, прогоняющий демонов, я твой раб, я уйду туда, откуда пришел". Тогда они принесли жертву этому духу, и он ушел с миром, оставив пациентку исцеленной. Как бы далеко ни простиралась история медицины, мы видим борьбу между этой старой теорией болезни, основанной на духе, и более новыми идеями врачей с их диетой и лекарствами; и хотя врачи сейчас взяли верх, в любой нации, кроме самой цивилизованной, ранние представления все еще можно найти неизменными. Когда профессор Бастиан, антрополог, путешествовал по Бирме, у его повара случился апоплексический удар, и жена делала все возможное, чтобы умиротворить обиженного демона, который его вызвал, подкладывая ему маленькие кучки цветного риса и молясь: "О, не гони его! Отпусти его! Держи его не так крепко! Ты получишь рис! Ах, как это вкусно!" В странах, где преобладает эта теория болезни, собственные заблуждения пациентов дополняют и подтверждают ее самым поразительным образом. Будучи полностью убежденными в реальности своих демонов, они узнают их в фигурах, которые им снятся или которые они видят в бреду, и более того, в бреду или больном воображении они настолько теряют ощущение себя, что разговаривают голосом демона, который, по их мнению, находится внутри них, отвечая от его имени, как это делала больная принцесса в Сирии три тысячи лет назад. Англичане в Индии и на Дальнем Востоке часто имеют возможность присутствовать при этих странных сценах старого мира и слышать, как демонический голос шепчет, или пищит, или ревет из уст пациента, что он - дух такой-то и такой-то, и рассказывает, зачем он пришел; Наконец, удовлетворившись желаемым или покоровшись чарам и угрозам экзорциста, демон соглашается уйти, и тогда пациент прекращает свои неистовые крики и бредни, его судорожные корчи затихают, и он погружается в измученный сон, часто облегченный на некоторое время, если болезнь относится к тем, где эффективно

психическое лечение. За иллюстрациями этой ранней теории болезни не нужно ехать в Индию или Китай. В Испании священники до сих пор продолжают изгонять дьяволов из рта и ног больных эпилепсией, хотя через несколько лет это, вероятно, прекратится, когда станет известно, насколько успешно эту до сих пор неразрешимую болезнь можно лечить с помощью бромида калия.

В других случаях понятие о духах служит для объяснения всего происходящего. То, что некоторые необычайно свирепые волки или тигры являются "пожирателями людей", объясняется верой в то, что души злых людей выходят по ночам и вселяются в тела диких зверей, чтобы охотиться на своих собратьев; это люди-тигры и люди-волки, то есть "люди-волки", которые все еще живут в народных суевериях Индии и России. Кроме того, всем известно, что многие живые люди бледнеют, теряют кровь и чахнут; в славянских странах считается, что это вызвано кровососущими кошмарами, чьи страшные визиты пациент осознает во сне, и эти существа изобретательно объясняются как демонические души, обитающие в трупах, чья кровь, соответственно, остается жидкой еще долго после смерти; они называют их вампирами. Было высказано предположение, что первобытные люди получили от своих идей о душах и духах первые ясные представления о причине чего-либо, и это, во всяком случае, так, что грубые племена действительно находят в делах духов вокруг них причину каждого спотыкания о камень, каждого странного звука или ощущения, каждого раза, когда они теряют дорогу в лесу. Таким образом, в десятках добрых и злых случайностей, с которыми варвар сталкивается из часа в час, он находит работу для многих дружелюбных или недружелюбных духов. Особенно его собственная удача или фортуна обретает форму духа-хранителя, который принадлежит ему и ходит с ним по жизни. Это может быть, как считали грубые тасманийцы, душа умершего отца, присматривающая за сыном, или дух-покровитель, о котором постится североамериканский воин, пока не увидит его во сне; а может быть, как *гений* древнего римлянина, дух, родившийся вместе с ним, чтобы быть спутником и хранителем на протяжении всей жизни. Гений Августа был божественным существом, которому молились и приносили жертвы, но как мы, современные люди, оставили позади мысли древних, продолжая использовать их слова, любопытно видеть в измененном значении, с которым мы теперь говорим о гении Генделя или Тернера. Не менее поразительны перемены, произошедшие в наших мыслях об окружающем нас мире, о небе и море, горах и лесах. Мы научились наблюдать за действием физических законов гравитации и тепла, роста и разложения, и только с усилием мы можем вернуть наше воображение к тем далеким дням, когда люди считали причиной природы бесконечное множество духовных существ. Однако эта вера явно вытекает из теории души, ибо эти духи рассматриваются как души, работающие над природой, подобно тому как человеческие души работают над человеческими телами. Именно они разжигают огонь в вулкане, вырывают лес в урагане, кружат каноэ в водовороте, населяют деревья и заставляют их расти. Представители низших рас не только говорят о таких духах природы, но и имеют с ними дело в глубоко личной манере, которая показывает, что они созданы по образцу человеческих душ. Современные путешественники видели, как североамериканцы, проплывая на каноэ мимо опасного места на реке, бросали в него немного табака и молили духа реки пропустить их. Известно, что африканский дровосек, впервые срубивший огромное дерево, предусмотрительно выливает на землю немного пальмового масла, чтобы выходящий из него разгневанный дух дерева мог остановиться и слизать его, пока человек будет спасаться бегством. Состояние души, к которому принадлежат эти духи природы, должно быть, почти так же ясно помнили греки, когда они еще могли представить себе нимф из прекрасных рощ, источников и травянистых лугов, приходящих на совет богов-олимпийцев и сидящих вокруг на полированных сиденьях, или дриады, растущих среди лиственных сосен и дубов и издающих крики боли, когда топор дровосека ударяет по стволу.

Англосаксонский словарь сохранил любопытное слово *woodmare*, обозначающее эхо (*wudu-mær* = wood-nymph), запись того времени, когда англичане верили, как и варвары до сих пор, что эхо - это голос духа-ответчика; слово *mare*, обозначающее дух или демона, встречается также как *nightmare*, горланящий демон снов, который был так же реален для наших праотцов, как сейчас для коренных жителей Австралии. Вытесненные физической наукой, старые духи природы по-прежнему находят приют в поэзии и фольклоре; Лорелея - это лишь модернизированная версия речного демона, топящего пловца в водовороте; духи-целители старых священных колодцев лишь приняли имена святых, маленькие эльфы и лесные феи - лишь смутные воспоминания о старых лесных духах. Возможно, читатели "*Физиографии*" Хаксли удивятся, узнав в сказках тех духов природы, в чьем личном облике праисторический человек представлял себе силы природы.

Над общностью душ, демонов и духов природы религии всех племен признают высших духов, или богов. Там, где преобладает поклонение предкам, души великих вождей и воинов или любых знаменитых личностей могут принимать этот божественный ранг. Так, монголы почитают в качестве добрых божеств великого Чингисхана и его княжескую семью. Китайцы утверждают, что Панг, которому поклоняются плотники и строители как своему божеству-покровителю, был знаменитым ремесленником, жившим давным-давно в провинции Шаньтун, а Кванг-тэ, бог войны, был выдающимся воином, жившим во времена династии Хань. Идея божественного предка может даже зайти достаточно далеко, чтобы достичь верховного божества, как, например, зулусы, восходя от призрачного предка к предку, говорят об Ункулункулу, Старом-старом, как о создателе мира; или бразильские племена говорят, что Тамои Дед, первый человек, жил среди них и учил их обрабатывать землю, наконец, поднявшись на небо, где он примет их души после смерти. Среди духов природы варвар также ясно видит великих богов, которые управляют вселенной. Высшим божеством африканских негров является Небо, которое дает дождь и заставляет расти траву, а когда они просыпаются утром, то благодарят его за то, что он открыл дверь, чтобы впустить солнце. Таким образом, они находятся на той же стадии мышления, что и наши арийские предки, чье великое божество *Дью*, воспетое в гимнах Веды, было одновременно и твердым личным Небом, которое льет дождь и гремит, и Небом-богом, которое его оживляет. Это божество сохранилось даже в имени греческого *Зевса* и латинского *Юпитера*, Отца Неба. Обе религии сохранили двойное значение неба и небесного бога, принадлежа к варварской теологии, которая могла видеть массовую жизнь во всеохватывающей тверди и объяснять эту жизнь обитающим в ней божеством, созданным по образцу человеческой души. Мы можем лучше понять, что подразумевалось под богом-небом, если будем думать о нем как о душе неба. Среди всех реликтов варварской религии, которые нас окружают, мало что поражает больше, чем фразы, которые до сих пор признают божеством живое небо, например "Небо прости меня!". "Месть небес настигнет его". Дождь и гром в основном считаются действиями бога Неба, как, например, Зевс, который бросает молнии и посылает ливни. Но у некоторых народов есть особый бог дождя, как, например, у хондов Ориссы, которые молятся Пидзу Пенну, чтобы он пролил воду через свое сито на их поля. У других есть особый бог Грома, как у йоруба, которые говорят, что это Шанго низвергает молнии и громовые удары своими громовыми топорами, которые представляют собой каменные кельты, вырытые ими в земле; мы, англичане, храним память о боге Грома или Тора в нашем слове *Thursday*, которое является переводом *Dies Jovis*. В варварской теологии Земля, мать всего сущего, занимает свое место, как, например, когда благочестивый индеец племени оджибва, выкапывая свои лекарственные растения, старается оставить подношение прабабушке Земле. Ни одна природная фантазия не может быть яснее, чем то, что Небо-отец и Земля-мать - всеобщие родители, и ни одна церемония не может признать их более естественными, чем китайская свадьба, когда жених и невеста преклоняют колена перед

Небом и Землей. Богиня-земля в классической религии - Dēmētēr, Terra Mater, и, возможно, последним следом поклонения ей среди нас может быть оставление последней горсти кукурузных колосьев на поле или триумфальный пронос их в дом, где собран урожай. В наши дни наиболее четкое представление о морском боге можно найти у негров Гвинейского побережья, когда местные короли, моля его не быть бурным, заставляли бросать в море в качестве жертвы рис, ткани, бутылки с ромом и даже рабов. Так греческий или римский полководец, прежде чем отправиться в опасные волны, приносил быка в жертву Посейдону или Нептуну. Для людей, которые могли смотреть на небо, землю и море как на одушевленные, разумные существа, Солнце, дающее свет и жизнь всему миру, поднимающееся и пересекающее небо и спускающееся ночью в подземный мир, откуда оно появилось, имеет самую ясную божественную личность. В рассказе одной самоедской женщины о ее ежедневных молитвах, который она рассказывала много лет назад, есть причудливая простота: на восходе, кланяясь солнцу, она говорила: "Когда ты, Бог, встаешь, я тоже встаю со своего ложа!", а вечером: "Когда ты, Бог, спускаешься, я тоже ложусь отдыхать". Как бы далеко ни простиралась древняя история, Бог-Солнце появляется там, где на изображениях на египетских мумиях Ра, Солнце, путешествует в своей лодке по верхним и нижним областям Вселенной. Каждое утро этих современных древних, брахманов, можно увидеть стоящими на одной ноге с вытянутыми перед собой руками и обращенными к востоку лицами, поклоняющимися Солнцу: среди древнейших молитв, дошедших без изменений из древнего арийского мира, есть та, которую они ежедневно повторяют: "Давайте медитировать на желанный свет божественного Солнца; пусть он пробудит наши умы!" Бог Луны или богиня отмечает праздники грубых лесных племен, которые танцуют при свете полной луны. Нередко Луна стоит выше Солнца, как, возможно, по астрономическим причинам было принято в древней Вавилонии; но чаще Солнце стоит первым, что кажется нам более естественным; и обычно Солнце и Луна рассматриваются как пара, брат и сестра, или муж и жена. Легко понять, почему в знаменитом храме в Сирии у Солнца и Луны не было изображений, как у других богов, ведь они сами должны были быть видны всем людям. Несомненно, именно поэтому из всех старых богов природы только им и по сей день оказывают личное повиновение; в Германии или Франции до сих пор можно увидеть, как крестьянин снимает шляпу перед восходящим солнцем, а в Англии новолуние приветствуют поклоном или реверансом, а также любопытной практикой "поворачивать свое серебро", которая, похоже, является пережитком подношения луне соответствующего металла. Огонь, хотя и не является божеством первого порядка, рассматривается как личное существо, и ему поклоняются как за пользу и вред, которые он приносит человеку, так и как служителю великих богов. У арийских народов первым словом Веды является имя *Агни*, бога огня (лат. *Ignis*), божественного жреца жертвоприношений; парсы, представители религии древней Персии, чьим самым священным местом является храм у горящих колодцев Баку (с. 273), являются типичными огнепоклонниками; у древних греков Гestia, священный очаг, питалась жиром и возлияниями сладкого вина, а ее имя и поклонение сохранились в Риме в храме Весты, с вечным огнем в ее святилище. Боги ветра так же хорошо известны североамериканским индейцам и жителям островов Южного моря, как и грекам, из религии которых они дошли до нас, так что каждый ребенок пахаря слышит о суровом Бореасе и нежном Зефире. В завершение списка, реки казались существами настолько большими, чем маленькие духи ручейков, что у них часто, как у Скамандроса и Сперхейоса, были свои храмы и жрецы; люди клялись ими, потому что они могли схватить и утопить клятвопреступника в своих потоках, а для индусов до сих пор самая страшная клятва дается на божественной реке, прежде всего на Ганге.

Такой список богов, огромных душ неба, земли и моря, солнца и луны, а также всех остальных великих сил природы, каждый из которых обладает своей собственной

божественной личностью, своей разумной целью и работой в мире, позволяет объяснить политеизм, который встречается во всех уголках земного шара. Однако это объяснение не может быть полным, поскольку имена и сущности многих богов запутались. Божество, которому поклоняются в нескольких храмах, может разделиться на несколько божеств, и люди продолжают поклоняться им под разными именами после того, как забывают их первый смысл. Среди народов, которые смешались в результате союза или завоевания, религии также смешиваются, и различные боги теряют свою индивидуальность.

Классический словарь полон примеров этого. Грозное небо и дождливое небо, Юпитер Тонанс и Юпитер Плувий, стали почитаться как два разных существа. Латинское *Neptunus* и греческое *Poseidōn*, объединенные в одно, поскольку оба были морскими богами, образуют любопытное божественное соединение. Под именем Меркурия, бога торговли, появляется еще одно древнее божество, греческий Гермес, посланник богов, ведущий мертвых в страну Аида, бог воров и торговцев, письменности и науки, который сам носит следы того, что был собран из еще более древних божеств, среди которых бог письменности Древнего Египта, ибисоголовый Тот. Это дает представление о путанице, которая начинается в религии, как только поклонники перестают думать о божестве по его первому смыслу и назначению, и знают о нем только как о боге таком-то и таком-то, чье изображение стоит в таком-то и таком-то храме. Удивительно не то, что происхождение стольких древних богов теперь трудно выяснить, а то, что многие из них так ясно показывают, кем они были вначале - божественным предком, солнцем, небом или рекой. Боги варварской религии также ясно показывают, как в умах грубых теологов работала мысль, которой суждено было приобрести огромное значение на более высоких стадиях цивилизации. Рассматривая мир как поле битвы добрых и злых духов, некоторые религии видят в них две противоборствующие армии с высшими добрыми и злыми богами над ними, и прежде всего суверенное доброе божество и злое божество. Эта система дуализма, как ее называют, разработана в соревновании между силами света и тьмы, под руководством Ормузда и Ахримана, добрых и злых духов, в религии древней Персии. На варварских стадиях религии также в грубых формах проявляется система божественного управления, столь хорошо известная в верованиях более культурных народов. Как среди самих поклоняющихся есть простые люди, и вожди над ними, и великие правители или короли над всеми, с высокими и низкими служителями, выполняющими их приказы; так и среди своих богов они строят схемы низших и высших рангов божеств, с величеством верховного божества над всеми. Не везде есть единое мнение о том, какой бог должен обладать этим главенством. Как уже говорилось, люди, считающие души умерших своими богами, могут считать даже высшее божество такой душой, предком, превратившимся в творца и правителя мира. Часто, и это естественно, бог неба рассматривается как верховный создатель и управляющий вселенной. Среди народов Западной Африки одни говорят, что Небо исполняет свою волю через своих слуг, низших духов воздуха, а другие считают его слишком высоко стоящим, чтобы сильно беспокоиться о земных вещах. Доктрина негров Конго демонстрирует вдумчивый, если не счастливый, взгляд на жизнь. Они говорят, что толпа добрых и злых духов, душ усопших, все еще активна в заботах жизни, и в основном злые духи имеют все лучшее; но время от времени, когда они делают мир невыносимым, великое Небо пробуждается, устрашает злых демонов своим громом и пускает свои молнии в самых упрямых; затем он возвращается к покою и позволяет духам править, как прежде. Более жизнерадостный вид духов природы, действующих под небесами, знаком нам по гомеровскому двору богов на Олимпе, где Зевс, личный небожитель, восседает на престоле, властвуя над низшими богами земли, воздуха и моря. В других странах Солнце может считаться верховным, как это происходит у многих горных племен Индии, где оно правит богами леса и равнины, богами племени и призраками предков. Или же, как у коренных племен Северной Америки, может существовать Великий

Дух, который является как бы душой вселенной, которую он создал и которой до сих пор управляет, верховенствуя даже над такими могущественными богами природы, как солнце и луна. Когда читатель продолжит изучение религии и философии древнего цивилизованного мира, он обнаружит, что мысли людей развиваются по тем же двум направлениям - к пантеизму или монотеизму, в зависимости от того, представляют ли они всю вселенную как одно огромное тело, оживляемое одной божественной душой, или возносят на ту же божественную высоту одно божество, которое господствует над всем остальным. Дальнейшее рассмотрение этого аргумента выходит за рамки нашей темы.

Давайте теперь рассмотрим основные акты варварского поклонения, которые нетрудно понять, если иметь в виду, что божества, которым они воздаются, являются настоящими человеческими душами, или преобразованными человеческими душами, или существами, созданными по образцу человеческих душ. Даже среди дикарей уже встречаются молитвы; действительно, ничто не может быть более естественным, чем то, что поклоняющийся обращается с почтительными словами и мольбами о помощи к божественному существу, которое, возможно, является его собственным дедом. Молитвы варваров часто выслушивались и записывались. Так, у зулусов приносящий жертву говорит: "Вот ваш бык, вы, духи нашего народа. Я молюсь о здоровом теле, чтобы мне было удобно жить, и ты, такой-то, отнесись ко мне с милосердием, и ты, такой-то, отнесись ко мне с милосердием" (упоминаются по именам умершие члены семьи). Ниже приводится часть молитвы хондов, когда они приносят человеческую жертву богине-земле: "Нашим скотом, нашими стадами, нашими свиньями и нашим зерном мы добыли жертву и принесли ее в жертву. Теперь ты обогати нас. Пусть наши стада будут так многочисленны, что их невозможно будет разместить; пусть детей будет так много, что забота о них будет слишком тяжела для родителей, что будет видно по их обожженным рукам; пусть наши головы вечно бьются о медные горшки, бесчисленное множество которых висит на наших крышах; пусть крысы строят свои гнезда из лоскутков алой ткани и шелка; пусть все коршуны в стране будут видны на деревьях нашей деревни, потому что там каждый день убивают зверей. Мы не знаем, о чем просить. Ты знаешь, что для нас хорошо. Дай нам это". Эти два примера молитв выбраны потому, что они показывают, как тесно молитва связана с жертвоприношением, как приносят жертву и просят о милости, как это делается по отношению к живому вождю. Варварские жертвоприношения - это не просто формальные знаки уважения; в основном это пища, и она будет съедена божеством, хотя оно, будучи духом, склонно принимать только дух, аромат или суть яств; или же оно вдыхает пар или дым, поднимающийся от огня алтаря, - духовную пищу, состоящую из той же тонкой бесплотной субстанции, из которой, как считается, состоит сам дух или бог. Именно в высших религиях жертвенный обряд утрачивает свой грубый смысл кормления божества, так что, хотя питьевой жертвенник все еще выливается, а бык сжигается на алтаре, акт превращается в отдавание чего-то ценного для поклоняющегося и знак поклонения, приемлемый для бога.

Существует несколько способов, с помощью которых поклоняющийся может вступать в личные отношения со своими божествами. Они, будучи душами или духами, конечно же, иногда видят их в снах и видениях, особенно их собственные жрецы или провидцы, которые таким образом получают (или делают вид, что получают) от них божественные ответы или оракулы. Будучи душой, бог может также вселиться в человеческое тело, действовать и

говорить через него, и поэтому истерические и эпилептические симптомы, которые, как мы видели, приписывались злему демону, овладевшему пациентом, воспринимаются более благосклонно, когда дух рассматривается как божество, пришедшее вдохновить своего служителя и говорить его голосом. Судороги, неземной голос, которым одержимый священник отвечает на вопросы от имени божества, и его падение в ступор, когда его бог уходит, - все это сочетается, и во всех частях света жрецы-оракулы и прорицатели, вызывающие знакомых духов, кажутся действительно больными телом и разумом, заблуждающимися в своих собственных чувствах, а также искусными в обмане своих жертв с помощью мнимых симптомов и хитрых ответов. Внушение или вдыхание духа в тело священника или провидца кажется таким людям механическим действием, как наливание воды в кувшин. Также, как и при обычном переселении душ, считается, что божество способно вселяться в тело животного, как, например, когда оно перелетает с места на место в виде священной птицы или живет в божественной змее, которую кормят и которой поклоняются негры Невольничьего побережья. Отсюда вытекает вера, которая кажется нам еще более странной. Современный англичанин удивляется, что человек, пусть даже невежественный, должен преклонять колени перед воткнутым в землю колом или камнем, подобранным обочине дороги, и даже разговаривать с ним и предлагать ему пищу; но когда африканец или индус объясняет, что он считает этот колышек или камень вместилищем, в котором на время воплотился божественный дух, это показывает, что в этом действии есть рациональный смысл. Изображения богов, от грубо вырезанных фигур предков, которые оstantки устанавливают в своих хижинах, до греческих статуй, созданных Фидием или Праксителем для представления бога неба или бога солнца, в большинстве случаев сделаны по подобию человека - дополнительное доказательство того, что эти боги природы созданы по образцу людей. Когда такие изображения представляют богов, поклоняющийся может смотреть на них как на простые знаки или портреты, но обычно он руководствуется своей философией духа и рассматривает их как временные тела божеств. Таитянский жрец, когда его спрашивали о его резном деревянном идоле, объяснял, что его бог не всегда находится в образе, а лишь время от времени прилетает к нему в теле священной птицы, а иногда выходит из идола и входит в его собственное тело (жреца), чтобы произнести божественные оракулы своим голосом. Это возвращает нас к тем временам, когда пятнадцать сотен лет назад Минуций Феликс описывал языческих богов, входящих в своих идолов и питающихся паром алтарей, или вползающих в виде тонких духов в тела людей, чтобы исказить их конечности и свести их с ума, или заставляющих своих собственных жрецов бредить и кружиться. Наконец, грубые племена могут верить в духов и поклоняться им, не строя для них домов и не накрывая столы для их пищи. И все же такие храмы и алтари появляются далеко в прошлом варварской религии и остаются до сих пор с полностью человеческим характером поклонения, как и прежде; например, когда в Индии образ Вишну оmyвается и одевается его слугами и устанавливается на почетном месте в его храме, перед ним устраивается пир, а музыканты и танцовщицы развлекают его. Это тем более поучительно для нас, что мы знаем Вишну до того, как его первоначальное значение было настолько испорчено, когда он был богом солнца, оживляющим принципом или душой солнца в личной человеческой форме, и, таким образом, остатком праисторической натурфилософии.

До сих пор мы рассматривали варварскую религию только как раннюю систему натурфилософии и ничего не говорили о нравственном учении, которое сейчас кажется столь необходимым для любой религии. Философская сторона религии была отделена от моральной не только потому, что более четкое представление можно получить, рассматривая их по отдельности, но и потому, что многие религии низших рас на самом деле имеют мало общего с моральным поведением. Коренной американец или африканец может отчетливо верить в души и других духов как причины его собственной жизни и событий

окружающего мира, и он может поклоняться этим призрачным или божественным существам, добиваясь их благосклонности или умиротворяя их гнев молитвами и подношениями. Но хотя эти боги могут требовать от него исполнения его долга по отношению к ним, из этого не следует, что они должны заботиться о том, чтобы он исполнял свой долг по отношению к ближнему. Среди таких народов, если человек грабит или убивает, то мстить за это должен сам обиженный или его друзья; если он скуп, вероломен, жесток, то на него может обрушиться наказание или его могут презирать все хорошие люди; но он не обязательно считается ненавистным богам, и на самом деле такой человек часто становится великим знахарем или священником. Хотя они также считают, что душа продолжает существовать после смерти, порхая в виде призрака или демона среди живых или переходя в мрачный подземный мир или сияющую страну духов, они часто думают, что ее состояние будет скорее поддержанием земного характера и ранга, чем наградой или наказанием за земную жизнь. Если некоторым читателям трудно понять такое богословие в отрыве от морали, им можно напомнить, как среди более цивилизованных народов религии могут впасть в такое же состояние, утратив применение моральных законов, которые они исповедуют; как, например, индус может вести самую нечестивую жизнь, в то время как жрецы за подарки заключают мир с богами, или как в Европе разбойники, как известно, являются набожными прихожанами. Как правило, верования высших народов оказывают большее и лучшее моральное влияние, чем верования более грубых племен. Однако даже среди дикарей начинает проявляться практическое влияние религии на жизнь людей. Поклонение мертвым естественным образом поощряет добрые нравы; ведь предок, который при жизни заботился о том, чтобы его семья поступала правильно по отношению друг к другу, не прекращает этого доброго правила, когда становится божественным призраком, способным благоволить или наказывать. Поклонение Манесу не влечет за собой новых доктрин или реформ; действительно, считается, что ничто так не возмущает божество предков, как изменение старых обычаев, к которым он привык. Но для поддержания старомодной семейной доброты поклонение предкам оказывает влияние на многие народы, среди которых оно все еще преобладает, от зулуса, который верит, что не должен плохо обращаться со своими братьями, чтобы отец не пришел во сне и не сделал ему плохо, до китайца, который постоянно живет в присутствии семейных духов и боится сделать что-то плохое, чтобы они не оставили его в беде и смерти. В великих религиях старого мира, где могущественное жречество является интеллектуальным классом, воспитателями и контролерами общества, мы находим моральное учение полностью признанным среди великих обязанностей религии. Боги берут на себя наказание нечестивцев; бог Неба поражает лжесвидетеля своей молнией, а бог Нации навлекает болезнь и смерть на убийцу. Доктрина переселения душ используется как моральная сила; так, в индуистских книгах злодеям угрожают перерождением в других телах в наказание за их грехи, совершенные в этом, когда нечестивые рождаются снова слепыми или обезображенными, у скандалиста будет дурной запах изо рта, а конокрад станет хромым, жестокий человек родится хищным зверем, а похититель зерна - крысой; И таким образом, питаясь плодами прошлых поступков, люди расхлебывают последствия своих деяний: души, погруженные во тьму, опускаются до уровня животных, в то время как добрые поднимаются в последующих рождениях и становятся богами. Еще более распространено учение о том, что за жизнью человека следует суд после смерти, когда злодеи обречены на страдания, и только те, кто жил на земле праведно, обретут блаженство. О том, как эта доктрина преобладала в Древнем Египте, свидетельствуют папирусные полосы "Книги мертвых", ее рисунки и иероглифические формулы на футлярах мумий. Так, в любом музее до сих пор можно увидеть сцену взвешивания души умершего и его суда над Осирисом, судьей мертвых, и сорока двумя оценщиками, в то время как Тот, бог письменности, стоит рядом, чтобы занести

страшную запись на свои скрижали. В столбцах иероглифов записаны преступления, от которых душа должна очиститься, - любопытная смесь того, что мы называем церемониальными и моральными грехами, среди которых есть и такие: "Я не творил втайне зла против человечества. Я не говорил неправды перед судом Истины. Я не совершил ни одного злого поступка. Я не заставлял трудящегося человека ежедневно делать больше, чем ему положено. Я не клеветал на раба перед его хозяином. Я не убивал. Я не обманывал людей. Я не менял мер страны. Я не оскорблял изображения богов. Я не брал обрывки повязок мертвых. Я не прелюбодействовал. Я не отнимал молока от уст грудных детей. Я не охотился на диких животных на пастбищах. Я не ловил в сети священных птиц. Я чист, я чист, я чист!" Таким образом, у культурных народов старого мира уже в самые ранние исторические эпохи теология соединилась с этикой, и религия как нравственная сила стала господствовать над обществом.

Анимизм, или теория душ, был показан как принцип, из которого возникли различные системы духов и божеств в варварских и древних религиях, и было также замечено, как уже среди грубых рас такие верования начинают влиять на моральное поведение. Здесь мы видим две стороны религии, философскую и моральную, которые читатель должен постоянно иметь в виду при дальнейшем изучении верований мира. Изучая историю той или иной религии, он должен будет судить о том, насколько она служила этим двум великим целям: с одной стороны, научить человека думать о себе, об окружающем мире, об ужасной безграничной силе, пронизывающей все, с другой стороны, практически направить и укрепить его в жизненных обязанностях. Студент часто задает себе вопрос: как случилось, что вера, некогда могущественная и искренняя, пришла в упадок, а на ее место пришли другие. Конечно, в немалой степени такие изменения происходят в результате завоеваний, как, например, в Персии, где религия Мухаммеда практически вытеснила старую зороастрийскую веру Кира и Дария. Но меч завоевателя - это лишь средство, с помощью которого религии создавались и уничтожались в мире с помощью основной силы, а причины лежат глубже, в сознании людей. Достаточно взглянуть на обломки старых религий в истории, чтобы понять, как они разрушались изнутри. Жрецы Египта, некогда представлявшие самые передовые знания своего времени, пришли к мысли, что человечеству больше нечему учиться, и отстаивали свои традиции вопреки всей новой мудрости, пока мир не обошел их стороной и не оставил в суеверии. Жрецы Греции служили в великолепных храмах и получали богатство и почести, но люди, искавшие секрет хорошей жизни, обнаружили, что это не дело святилища, и ушли к философам. Если религия не сможет занять свое место на фоне науки и морали, она может лишь постепенно, с течением веков, утратить свое место в народе, но вся мощь государственного управления и все богатства храмов не спасут ее от того, чтобы в конце концов не уступить место вере, которая принимает более высокое знание и учит лучшей жизни.

ГЛАВА XV. ИСТОРИЯ И МИФОЛОГИЯ.

Традиция, 373-Поэзия, 375-Факт в вымысле, 377-Древнейшие поэмы и сочинения, 381-Древняя хроника и история, 383-Мифы, 387-Интерпретация мифов, 396-Диффузия мифов, 397.

К истории больше не обращаются для того, чтобы получить сведения о самых ранних эпохах человека. Как показано в первой главе этого тома, мы, современные люди, знаем то, что было скрыто от самих древних о еще более древних древних. Однако из этого вовсе не следует, что древняя история утратила свою ценность. Напротив, сейчас как никогда много средств, чтобы подтвердить то, что в ней действительно есть, такими свидетельствами, как древность и язык, а массы очень ранних писаний теперь вновь открыты для историка. Никогда еще не было так необходимо иметь четкое представление о том, чему могут научить традиции, поэзия и письменные источники в отношении времени начала истории.

Ранняя история народов в большей или меньшей степени состоит из традиций, переданных по памяти за века до появления письменности. Наш собственный опыт мало что говорит нам о ценности таких устных традиций, поскольку они настолько вышли из употребления в цивилизованном мире, что теперь человек мало что знает о том, что происходило за пределами времен его прадеда, если только это не было записано. Но письменность еще не полностью охватила весь земной шар, и до сих пор остались народы, вся история которых - это предания их предков. Так, жители островов Южного моря, у которых до недавнего времени не было письменности, были разумными варварами, склонными к передаче воспоминаний об ушедших днях, и в одном или двух случаях, которые удалось проверить среди них, кажется, что память действительно может долго и верно хранить исторические записи. Миссионер мистер Уитми рассказывает, что на острове Ротума было очень старое дерево, под которым, по преданию, покоилось каменное сиденье знаменитого вождя; недавно это дерево снесло, и, конечно, под его корнями оказалось каменное сиденье, которое, должно быть, не было видно уже много веков. В группе Эллис туземцы заявили, что их предки пришли из долины на далеком острове Самоа много поколений назад, и сохранили старый изъеденный червями посох, сложенный из кусочков, который оратор держал в руке в знак права говорить; недавно этот посох был доставлен на Самоа и оказалось, что он сделан из дерева, которое там растет, а жители долины, о которой идет речь, имеют предание о том, что большая партия отправилась в море на разведку и никогда не вернулась. Среди полинезийских традиций наиболее известны те, что передают маори о заселении Новой Зеландии их предками. Они рассказывают, как после гражданской войны их предки переселились на каноэ из Хавайки на крайнем северо-востоке; они называют имена строителей и экипажей этих судов и указывают места, где они высадились; они повторяют из поколения в поколение имена вождей, произошедших от тех, кто приплыл на каноэ, и таким образом они отсчитывают около восемнадцати поколений, или 400-500 лет, с момента завладения островами. Несмотря на то, что, как и следовало ожидать, традиции разных районов сильно расходятся, они признаются в качестве правоустанавливающих документов, по которым туземцы владеют землей по праву своих предков, высадившихся на каноэ "Акула" (*Арава*) и "Божий глаз" (*Мата-атуа*), и вряд ли можно сомневаться, что подобные генеалогии, постоянно повторяющиеся среди людей, чьи земли зависели от них, основаны на фактах. Однако традиции маори примерно наполовину состоят из самых диких сказок; когда строитель одного из каноэ срубает большое дерево, чтобы сделать корпус, то, вернувшись в лес на следующее утро, он обнаруживает, что дерево за ночь выросло снова; а когда каноэ закончено и выходит в море, некий маг остается позади, но, добравшись до Новой Зеландии, он оказывается перед ними на берегу, переплыв океан на спине морского чудовища, как Арион на своем дельфине. Эти традиции современного варварского народа могут дать нам несправедливое представление о смешении реальной памяти и мифической фантазии в ранней истории Египта или Греции, где она дошла по преданию из далекого прошлого, когда еще не было писцов, чтобы выгравировать на каменных скрижалях даже имена царей.

Традиции становятся еще более прочными, когда они передаются в застывших словах, особенно если поэты излагают их в стихах. Даже сейчас в Англии какое-нибудь знаменательное событие может быть превращено в балладу и воспето по всей стране. Во времена до появления печати значение поэта как историка было гораздо выше, и многие старые европейские напевы несут в себе отпечатки подлинной хроники. Старые песни Бретани часто очень верны истории, например, в одной из них упоминается, что волосы Бертрана дю Гесклина были похожи на львиную гриву, а в другой Жанна де Монфор (Жанна-ла-Фламме), выходящая из Геннебонта с мечом и горящим клеймом, чтобы поджечь французский лагерь, описывается как надевшая доспехи, которые, согласно истории, она действительно носила. Но хотя поэт или менестрель сохраняет множество живописных происшествий, подобных этим, он не обладает совестью историка в отношении фактов. Стремясь разбудить и восхитить свою публику, польстить национальной гордости своего народа и семейной гордости вождя, в залах которого он пел, певец приводил реальные имена и события, но переставлял их так, как это лучше подходило к его драматическим декорациям, или даже создавал свою собственную историю. Великий немецкий эпос "Ниbelунгов" начинается в Бургундии, где три короля держат двор в Вормсе на Рейне, их сестра - прекрасная Кримхильт, чей муж Сифрит вероломно убит у колодца копьем Хагена; затем она выходит замуж за гуннского короля Аттилу, и кровавая история, заканчивающаяся ее местью и смертью, оставляет Аттилу и Теодориха Веронского (Этцель и Дитрих фон Берн) рыдать вместе над истреблением их людей. Здесь есть места и личности, достаточно исторические, чтобы сделать поэму историей, если бы история могла быть сделана такими средствами; но читатель Гиббона знает, что Аттила действительно умер за два года до рождения Теодориха. На самом деле поэма является поздней версией истории, сохранившейся в более ранней форме в Скандинавии в виде саги о Вольсунгах; суд в Вормсе, турнир, остальные исторические имена и местные обстоятельства добавлены для придания поэтического содержания и цвета. Если поэты осмеливались фальсифицировать историю в средние века, когда хроники были готовы их осудить, то как мы сможем отличить факт от вымысла в поэмах тех веков, где отсутствует историческая проверка? Илиада и Одиссея могут содержать множество воспоминаний о реальных людях и их деяниях, Агамемнон мог царствовать в Микенах, могла быть реальная осада Трои, возможно, вокруг того самого кургана, где Шлиман откопал золотые кубки и ожерелье. Но это слишком сложная задача - отсеять историческую правду в Гомере, где природные события так же безнадежно смешаны с чудесами, как и в легендах маори. Слишком трудно судить о том, насколько беспристрастно сохранил летописи старых народов бард, чье правило гласит (как отмечает мистер Гладстон в своем *"Первоисточнике Гомера"*), что ни один крупный греческий вождь никогда не был убит в честном бою троянцем. Если бы от древней поэзии нельзя было получить ничего, кроме искаженных воспоминаний об исторических событиях, антрополог, возможно, поступил бы мудро, отбросив ее в сторону. Однако, если взглянуть на нее с другой стороны, она является одним из самых совершенных и точных источников знаний.

Хотя то, о чем рассказывает поэт, может быть вымыслом, то, о чем он упоминает, скорее всего, история. Называя народы, страны и города, он бессознательно рисует нам мир и его обитателей такими, какими они были в его время. Каталог кораблей и людей во второй книге "Илиады" - это карта и перепись Средиземноморья. Гомер знает о египтянах, их орошаемых полях и мастерстве в медицине, о прославленных кораблями финикийцах и их пурпурных тканях. Имя Кадмос принадлежит к финикийскому языку и означает "восточный", а построенные его народом Фивы с "семью воротами" свидетельствуют о том, что они питали благоговение перед мистическим числом семь, которое берет начало в поклонении семи планетам в Вавилоне. Вряд ли поэт, рассказывая свои чудесные истории с учетом

обстоятельств окружающего мира, думал о том, как будущие века будут ценить эту запись реальной жизни. Одиссей, цепляющийся за брюхо огромного барана или плывущий в страну Аида к слабым теням мертвых, - это всего лишь миф. Однако описание Полифема - одна из немногих древних картин нравов низких варваров, а посещение Аида - глава древнегреческой религии, в которой записано, что люди думали о скучной призрачной жизни за пределами могилы. Так же обстоит дело и с описанием быта и нравов. Наусикаа, дочь царя, везет выюк с парой мулов к устью реки, чтобы перевезти одежду для стирки. Одиссей идет по улицам приморских фаяков, удивляясь гавани, мощным стенам и бастионам, пока не переступает бронзовый порог дворца Алкиноя и, войдя, не прижимается к коленям царицы Ареты; затем он приседает на очаг в золе, пока царь, помня о Зевсе-громовержце, стоящем рядом, чтобы позаботиться о просителе, не берет гостя за руку и не усаживает его на сверкающее сиденье собственного сына. Так, следуя за романтической судьбой многомудрого Одиссея, мы видим, как в сценах растворения, как герои былых времен шли с копьем наперевес и быстрыми собаками по пятам, как у дверей дома они отбрасывали одежду, чтобы войти в купальню, и выходили, помазанные маслом, на пир, где без таких изысков, как тарелки и ножи, ели жареное мясо и хлебные лепешки; Как они развлекались, бросая квоиты на гладком дерне, или валялись на расстеленных шкурах под солнечными лучами, играя на меринах; как во время торжественных обрядов они возливали темное вино и сжигали мясо в жертву, молясь о том, чего желали их сердца, но зная при этом, что боги, как они перечисляют, то дадут, то откажут. Все это не просто история, но история самого прекрасного рода. Если взглянуть на нее со стороны, то даже дикая смесь естественного и сверхъестественного, столь обескураживающая современный ум, - это запись ранней стадии религиозной мысли. Боги собираются на совет в залах заоблачного Зевса, чтобы решить, что делать с их враждующими армиями поклонников на равнинах внизу. В самой схватке смертных воинов принимают участие божественные существа; Посейдон вырывает копье с бронзовым наконечником из щита Энея, поднимает троянского героя и несет его невредимым над головами воинов; даже богини набрасываются друг на друга, как смертные землеройки, когда Гере отрывает лук и колчан Артемиды и с презрительным смехом затыкает ими уши, пока девственная охотница не уходит в слезах, оставив свой лук позади. Было бы неверно думать, что все это казалось выдумкой и поэтическим украшением людям, которые впервые слушали эти дивные рапсодии. Они находились в том изменчивом состоянии религии, о котором говорилось в предыдущей главе (см. с. 362), когда духовные существа, которые для их более грубых предков служили личными причинами природы и событий, утрачивали свою первую ясность, но все еще считались божествами, управляющими природой и вмешивающимися в жизнь людей. Сравнение такого образа мыслей с нынешним поможет нам осознать одно из величайших событий во всей истории - изменение сознания людей от мифологического к историческому. Это изменение произошло не сразу, а постепенно, на протяжении многих веков. Вряд ли найдется более поучительная глава в *"Истории Греции"* Грота, чем та, в которой он описывает философский век, когда греки с недоумением и болью начали замечать, что гомеровские поэмы, ставшие для них священной книгой, плохо согласуются с их собственным жизненным опытом, и они задались вопросом, действительно ли мир так изменился с тех времен, когда люди сидели за столом с богами?

Многое из того, что называется древней историей, следует рассматривать именно так. Историческая критика, то есть суждение, практикуется не для того, чтобы не верить, а для того, чтобы верить. Ее цель - не найти недостатки в авторе, а выяснить, как много из того, что он говорит, может быть обоснованно принято за правду. Таким образом, у современного читателя может сложиться более обоснованное мнение о ранней римской истории, чем у самих римлян во времена Ливия и Цицерона. Мы видим яснее, чем они, что название Рима,

скорее всего, произошло от имени человека по имени Ромул, чем от имени Ромул, которое было придумано, чтобы объяснить, почему город называется Римом. Для современного ума вся знаменитая история о волчице-воспитательнице Ромула и Рема рушится, когда становится известно, что она является лишь версией той же старой чудесной сказки, рассказанной Геродотом как история рождения Кира. Однако и здесь можно увидеть косвенную ценность истории даже там, где ее события вызывают большие сомнения. Хотя, возможно, такого человека, как Ромул, никогда не существовало, легенда о прочерчивании городских стен его бронзовым лемехом является подлинной записью церемонии, с которой в древности основывались города. Даже более поздняя история, когда историк опирается на письменные источники, часто должна быть просеяна подобным образом. Предположим, класс читает 35-ю книгу Ливия. Такие моменты, как клятва Ганнибала и подготовка к войне с Антиохом, принимаются без сомнений как хорошая история. Но когда речь заходит о том, что примерно в это время бык, принадлежавший одному из консулов, произнес ужасные слова "Roma, cave tibi!", раздается смех. Здесь формовщику недостаточно просто пропустить эту историю мимо ушей, посчитав ее бредом Ливия. Он должен признать, что историк, вероятно, взял ее из официального отчета о вундеркиндах, так что, во всяком случае, это хорошее историческое свидетельство того, что в Древнем Риме люди не только верили, что бык может говорить, но и что это будет божественным предзнаменованием, и подобные представления настолько стали частью национальной религии и правительства, что авгуры заботились о регулярном поступлении таких предзнаменований, чтобы направлять правителей государства или, по крайней мере, давать им возможность навязываться народу. Таким образом, отрывки истории, которые на первый взгляд кажутся глупыми и ложными, могут оказаться достоверными фактами в истории цивилизации.

Очевидно, что сочинения, которые служат записями о жизни старого мира, не обязательно должны были задумываться как история. Если до нас дошли только подлинные слова и мысли древних о чем-либо, то современникам предстоит извлечь из них историю. Так, санскритские гимны, собранные в Веде, служат записью повседневной жизни ранних арийцев, которые их воспевали. Ведь если в гимне богам ветра они изображаются едущими на колесницах с крепкими фелуками, хорошо отлаженными вожжами и трещащими кнутами, то современному читателю ясно, что арийский народ, среди которого был создан гимн, сам ездил на таких колесницах. Там, где светлые боги для красоты носят на груди золотые цепи, носят копья на плечах и кинжалы на боку, эта мифическая фантазия дает реальное представление об амуниции арийского воина. Так, кусочек за кусочком, этот праисторический сборник гимнов показывает старую патриархальную жизнь ариев, со стадами скота, бродящими по широким пастбищам или закрытыми на зиму в стойле, вспашку полей и жатву кукурузы, семейные узы и законные права, поклонение великим богам природы неба и земли, солнца и зари, огня, воды и ветров, глубокую веру в сияющие области бессмертных мертвых, почитание подателя милостыни и восхваление справедливого человека. В священных книгах древних персов, собранных в Авесте, дошли давно zapomнившиеся традиции другой ветви арийской расы, которая, отделившись от своих брахманов, последовала вере Заратустры. Глубокий раскол между двумя религиями проявился в том, что заратуштрийцы низвели светлых богов (*deva*) брахманов до злых демонов (*daevas*). Ужас перед осквернением священного огня сжиганием трупов, как это делают брахманы, уже привел их к тому, что они стали выставлять мертвых на растерзание диким зверям и птицам, как это до сих пор делают парсы в своих "башнях молчания". В начале Авесты упоминается как первая и лучшая из хороших областей, созданных добрым богом, страна под названием *Айрьяна вэджо*, "Арийское семя", которую впоследствии злое божество прокляло десятимесячной зимой; это описание климата выглядит так, как будто старые персы считали, что их ранний арийский дом находился на мрачных склонах

Центральной Азии к истокам Оксуса и Яксартеса. То тут, то там среди священных стихов проскальзывает информация о жизни этих гордых свирепых пастухов и землепашцев, мало похожих на развращенных персов и бережливых парсов современности. Их энтузиазм в отношении грубой работы по созданию земли, пригодной для обитания человека, причудливо проявляется там, где они поют о том, какой восторг испытывает земля, когда земледелец осушает влажную почву и поливает сухую, как она приносит богатство тому, кто обрабатывает ее правой и левой рукой, левой и правой:

"Когда кукуруза растет, тогда демоны шипят;

Когда всходы прорастают, тогда демоны кашляют;

Когда стебли поднимаются, тогда демоны плачут;

Когда появляются толстые колосья, демоны летят".

Так необходимы были свирепые собаки, которые отгоняли волка от стада и вора от деревни, что о них существуют торжественные постановления, как собака, которая не лает и не в своем уме, должна быть намордником и привязана, и какое наказание должен понести человек, который дает собаке плохую пищу; это так же грешно (говорят они), как если бы он сделал это с зажиточным хозяином. Перед глазами встает образ крепких крестьян, которые создавали эти законы, чтобы потом повторить их детям и передать в будущие века.

Пока эти грубые арийцы передавали из уст в уста воспоминания о прошлом в своих священных стихах, более культурные народы уже давно начали записывать воспоминания о своих временах. Лучший способ представить себе, какой была эта самая ранняя современная история, - посмотреть на переводы египетских и ассирийских документов в *"Записях прошлого"*, опубликованных под руководством *Общества библейской археологии*. Здесь можно найти, например, перевод д-ра Бирча надписи, фиксирующей походы Уны, венценосца царя Тета, до 2 000 г. до н. э. (см. [стр. 3](#)), и рассказ на стенах святилища в Карнаке о битве при Мегиддо, где Тотмес III, около 1 500 г. до н. э., победил армии Сирии и Месопотамии и открыл путь в глубь Азии. Рассказывается, как царь, выступив из Газы, достиг южной части Мегиддо на берегу вод Канера, где разбил свой шатер и произнес речь перед всем своим войском: "Поспешите, наденьте шлемы, ибо утром я брошусь в бой с мерзким врагом!" Прозвучало дозорное слово: "Крепко, крепко, бдительно, бдительно, бдительно у царского шатра!" Утром в праздник новолуния царь выехал на своей украшенной золотом колеснице посреди войска, бог Амун был защитой в его деятельных конечностях, и он одержал победу над врагами; они пали ниц перед ним, оставили своих коней и колесницы и бежали в крепость, где гарнизон затворился внутри, сняв с себя одежду, чтобы перетащить их на стены. Египтяне вырезали своих врагов, пока те не легли рядами, как рыбы, и, победив, вошли в крепость Мегиддо, куда пришли вожди земли с данью, серебром и золотом, лазуритом и алебастром, сосудами с вином и стадами. В списках добычи, составленных с любопытной подробностью, живых пленников 240, рук (отрубленных у мертвых) 83, кобыл 2 041, кобылиц 191, ковчег с золотом врага, 892 колесницы мерзкого войска и так далее. В более поздней части надписи говорится о щедрых дарах, которыми победоносный царь одарил бога Амена Ра: поля и сады для его храма, пары гусей для его озер, чтобы ежедневно на закате солнца поставлять ему двух гусей в связках, которые останутся навечно, и так далее с хлебами и горшками пива для ежедневного рациона. Как говорит король в своей надписи, он не хвастается тем, что сделал, говоря, что сделал больше, когда не сделал, и тем самым заставляя людей противоречить ему. Здесь мы видим, как в истории начинает действовать

проверка общественного мнения. Оно не требует точной правды, позволяет преувеличивать национальные победы и скрывать поражения от глаз, но даже тщеславные писцы Египта вряд ли решились бы записывать события без фактической основы. Обращаясь теперь к надписям вавилоно-ассирийского региона, мы можем взять в качестве примера кирпич храма знаменитого города Ур Халдейский, ныне называемого Мугейр, на котором клинописью написаны следующие слова:

"Богу Уру, старшему сыну Бэла, его царю,

Уруху, могучему человеку, свирепому воину,

Царь (города) Ур, царь Сумира и Аккада,

Бит-Тимгал дом своего наслаждения построил".

Упомянутые здесь Сумир и Аккад были очагами старой халдейской цивилизации. Уже в XVI веке до н. э. Хаммурапи одержал победу над этими народами, что стало великим событием в переменах, в результате которых их древняя культура и религия вошли в состав завоевательной Ассирийской империи. В надписи этого вавилонского царя говорится: "Благосклонность Бэла дала мне в управление народ Сумира и Аккада, для них я выкопал заново канал, названный моим именем, радость людей, поток обильных вод для народа, все его берега я восстановил до новизны, новые опорные стены я воздвиг, многолетние воды я обеспечил для народа Сумира и Аккада".

Благодаря таким современным записям историки теперь могут проверить записанные списки древних царей и составить нечто вроде непрерывной линии династий в Египте и Вавилонии со времен основания великих городов Мемфиса и Ура. Мы можем заметить, где записи и традиции израильтян, записанные в более поздние века в исторических книгах Ветхого Завета, соприкасаются с древней историей из памятников. Предание израильтян гласит (Быт. xi., xii.), что их предки жили в халдейском округе Ур и в Египте, что свидетельствует об их общении с двумя великими народами древнего мира. Упоминание в книге Исход (i. 11) о том, что израильтянам было поручено построить для фараона город под названием Рамсес, указывает на то, что их угнетение в Египте происходило при Великом Рамсесе II из XIX династии, очевидно, около 1400 года до н. э., что делает точку соприкосновения между египетской и древнееврейской хронологией. В книгах Царств появляются более поздние лица и события, хорошо известные по современным записям других стран, как, например, упоминание о Шишаке, царе Египта, который воевал против Ровоама и разграбил храм (1 Ц. xiv. 25). Вероятно, когда Геродот (ii. 141) описывает армию Сеннахериба, царя Ассирии, обращенную в бегство из-за мышей, грызущих луки солдат, это версия великого бедствия Сеннахериба, о котором Библия рассказывает иначе (2 К. xix.).

С Геродотом студент получает представление о Старом Свете, каким он был известен греческому путешественнику и географу V века до н. э. Отец истории, как его называли, писал не как летописец своего собственного народа, а с более широкой точки зрения антрополога, которому было интересно все знание о человечестве. То, как современные открытия подтверждают его утверждения, оправдывает нас, когда мы полагаемся на древних историков, которые, как и он, стараются отличать легенды и слухи от того, что они сами исследовали. Так, Геродот рассказывает странную историю о самозванце, который выдавал себя за Смердиса и восседал на троне Персии, пока его не обнаружили по обрезанным ушам, и Дарий не убил его. Когда несколько лет назад были расшифрованы клинописные символы надписи, изваянной на высокой скальной стене возле Бехистана в Персии, оказалось, что это та самая запись, которую сделал царь Дарий на трех языках страны, и она

достаточно точно совпадает с рассказом Геродота, чтобы показать, какое реальное представление он имел о ходе событий в Персии за столетие до своего времени. Еще более примечательно то, что Геродот проверяет, что он узнал от жрецов Египта об их царях, правивших за 2000 лет до него. Под их диктовку он записал имена царей-пирамид Хеопса, Хефрена, Микерина. В более поздние века критики иногда сомневались, принадлежат ли эти цари факту или вымыслу, но когда утраченный смысл египетских иероглифов был заново истолкован современными учеными, имена остались узнаваемыми, как их услышал греческий историк. Лучшая древняя история склонна получать подобные подтверждения из давно забытых памятников. Фукидид сообщает (vi. 54), что Пейсисрат (младший) посвятил два алтаря, на одном из которых афиняне стерли надпись, но на другом (по словам историка) ее еще можно прочесть, хотя и слабыми буквами: "этот памятник своего архонтства Пейсисрат, сын Гиппия, установил в ограде пифийского Аполлона". Профессор Ньютон сообщает, что именно этот камень с надписью был найден в 1878 году в одном из дворов близ Илиссоса. Насколько живое чувство реальности придают истории такие памятники, может понять студент, который, только что оторвавшись от книг, отправляется в Британский музей и видит среди древних монет величественную голову Александра Македонского с рогами барана в память о том любопытном эпизоде его жизни, когда он был объявлен сыном Зевса Аммона; или с удивлением замечает золотые монеты, доказывающие, что Кимбелин, известный сейчас по Шекспиру, был настоящим британским королем, который чеканил деньги со своим именем.

Рассмотрев таким образом источники ранней истории, относящиеся к изучению человечества, нам нет нужды переходить на хорошо проторенную почву поздней истории. Остается обратить внимание на миф - камень преткновения, о который так часто спотыкаются историки. На миф следует смотреть не как на простую ошибку и глупость, а как на интересный продукт человеческого разума. Это мнимая история, выдуманное повествование о событиях, которых никогда не было. Историки, особенно писавшие о ранних эпохах, переписывали предания о реальных событиях, настолько перемешанных с мифами, что для студента это одна из самых сложных задач - судить, чему верить, а что отвергать. Ему повезло, когда он может применить тест на возможность и заявить, что событие не произошло, потому что он знает достаточно о ходе природы, чтобы быть уверенным, что оно не могло произойти. Например, культурные народы узнали из науки, что то, что кажется голубым куполом или твердью над нашими головами, небо или небеса, на самом деле не является твердым сводом, как думали древние, а лишь разреженный воздух и водяной пар. Следствием этого стало то, что людям пришлось вычеркнуть из своей истории старые мифы о богах, обитающих во дворцах и проводящих суды в небесах, о людях, взбирающихся или взлетающих с земли на небо, о гигантах, нагромождающих горы Осса на Пелионе, чтобы подняться на облачные высоты и сразиться с богами наверху. Помимо этого способа выявления мифа по тому, что он рассказывает о том, чего не могло быть, есть и другие способы судить о нем. Часто можно убедиться в том, что какая-то история не является историей, зная причины, которые привели к ее выдумке.

Мы знаем, как сильно наше собственное желание все объяснить. Это желание так же сильно у варваров, и, соответственно, они придумывают такие объяснения, которые удовлетворяют их разум. Но они склонны идти дальше, и их объяснения переходят в форму историй с именами мест и людей, превращаясь в полноценные мифы. Образованные люди теперь не считают честным создавать выдуманную историю таким образом, но люди неподготовленного ума, находящиеся на так называемой стадии мифотворчества, которая длится с эпохи дикарей и до сих пор не исчезла среди нас, не имеют таких угрызений совести, превращая свои предположения о том, что могло произойти, в самые

правдоподобные истории о том, что, по их словам, действительно произошло. Так, когда сравнительная анатомия была едва известна, находки огромных ископаемых костей в земле заставляли людей думать, что это останки огромных зверей и огромных людей, или гигантов, которые когда-то жили на земле. Современная наука решает, что они были правы в отношении зверей, которые были древними видами слонов, носорогов и т. д., но ошибались в отношении гигантов: ни одна из огромных костей не принадлежала ни одному существу, похожему на человека. Но пока длилась вера в то, что это кости гигантов, воображение людей работало, создавая истории об этих гигантах и их ужасающих деяниях, истории, которые до сих пор рассказывают во всех уголках земного шара, как будто это были предания о реальных событиях. Так, сиу из западных прерий Северной Америки говорят, что их землю когда-то населяли огромные животные, части костей которых они до сих пор хранят для магии, а также рассказывают о великане Ха-о-ка, который мог перепрыгивать через самые большие реки и самые высокие сосны, и которому они поют и танцуют на своих праздниках. Похоже, что ископаемые кости, скорее всего, мастодонта, имеют отношение к этой вере туземцев в древних чудовищных зверей, и не стоит удивляться тому, что в этой истории фигурируют гиганты, учитывая, что еще в прошлом веке доктор Коттон Мазер, пуританский бог, отправил в наше Королевское общество отчет об обнаружении таких костей в Новой Англии, которые, по его мнению, были останками допотопных гигантов.

Еще одной особенностью, которая во всех частях света заставляет работать воображение создателей мифов, является тот факт, что люди живут племенами или народами, каждый из которых известен под определенным именем, например, оджибва, афган, франк. Самый простой и любимый способ объяснить это - предположить, что у каждого племени или народа был предок или вождь с таким же именем, и его потомки или последователи унаследовали от него название своего племени. Иногда так действительно бывает, но в большинстве случаев притворная традиция о таком эпонимическом или именном предке возникает из-за того, что составители генеалогий сначала выдумывают его из названия племени, а затем рассматривают его как историческую личность. Время от времени их можно застать за этим занятием. Так, среди коренного населения Бразилии и Парагвая одни племена называются *тупи*, а другие - *гуарани*, и чтобы объяснить это разделение, существует предание, что два брата по имени *тупи* и *гуарани* пришли за море в Бразилию и вместе со своими детьми заселили страну, но говорящий попугай разжег вражду между женами двух братьев, и это переросло в ссору и разделение, причем тупи остался на земле, а гуарани ушел со своей семьей в район Ла-Платы. Теперь есть возможность проверить эту историю, поскольку Мартиус говорит, что имя Гуарани (что означает "воин") было впервые дано иезуитами южным индейцам, которых они собирали в своих миссиях, так что сказка о двух братьях-прародителях должна быть мифом современного производства. Подобные эпонимические мифы о национальных предках не только создавались в древние времена, но и смешиваются в хрониках народов Старого Света, как будто они являются настоящей историей. Изучающему классику известны легенды о братьях-близнецах *Данаосе* и *Айгиптосе*, предках *данайцев* (греков) и *египтян*, и об *Эллине*, отце *эллинов*, три сына которого - *Айолос*, *Дорос*, *Ксутос* - были отцами *эолийцев*, *дорийцев* и т. д.

Рассмотрев эти два часто встречающихся вида мифов, основанных на ископаемых костях и национальных именах, стоит обратить внимание на то, как они сочетаются в нашей собственной стране. В "Истории бриттов", составленной в XII веке Джеффри Монмутским, рассказывается, что в давние времена наш остров назывался Альбион и был населен лишь несколькими гигантами; но *Брут*, изгнанный троянский принц, высадился на берег со своими последователями и назвал землю *Британией*, по своему имени, а своих спутников - *бриттами*. С ним прибыл вождь по имени *Гориней*, и он назвал ту часть страны, которая

досталась ему, *Коринеей*, а его народ - *коринфянами*, то есть *корнуэльцами*. В той части было больше всего великанов, и один из них, по имени *Гоемагот* (в других местах его называли *Гогмагот*), был высотой в двенадцать локтей и мог вырвать дуб, как орешник палочку. В один из дней, когда произошла битва и бритты одолели отряд великанов и убили всех, кроме этого огромнейшего чудовища, он и Кориней устроили борцовский поединок, в ходе которого Кориней подхватил великана на руки и, добежав с ним до вершины скалы, которая сейчас называется Хоу в Плимуте, сбросил его вниз, отчего (говорит хронист) это место и по сей день называется "прыжок Гогмагота". Как ни причудлива эта легенда, найти в ней смысл несложно. Было модно выводить происхождение наций из Трои; *Брут* и *Кориней* были придуманы для объяснения названий *Британии* и *Корнуолла*; *Гемагот* или *Гогмагот* - это библейские *Гог* и *Магот*, объединенные в одно целое; эти персонажи признаны в традиции великанами. Но откуда взялась история о том, что он был переброшен через Моты в Плимуте? Ответ, по-видимому, заключается в том, что в этом месте действительно выкапывают кости ископаемых животных, которые считались останками великанов. Даже в наше время, когда на реке Хоу велись раскопки для строительства укреплений, были найдены огромные челюсти и зубы, которые сразу же были признаны общественным мнением останками Гогмагота.

Это примеры мифов, которые легче всего понять современному цивилизованному уму, ведь они представляют собой не более чем умозаключения или догадки о том, что могло произойти на самом деле, сдобренные живописными деталями, которые придают им видимость реальности. Но чтобы понять мифы другого рода, мы должны настроиться не на научные рассуждения в классной комнате, а на рассказывание детских сказок в сумерках или чтение стихов в лесу летним днем. В предыдущих главах мы показали, как в давние времена и среди некультурных людей всерьез верили в такие понятия, которые до сих пор остаются у нас в виде поэтической фантазии. Когда для грубого философа действие окружающего мира лучше всего объяснялось предположением, что в нем есть природа-жизнь, подобная человеческой жизни, и божественные природы-души, подобные человеческим душам, тогда солнце представлялось личным владыкой, гордо восходящим по небу и спускающимся тусклой и усталой ночью в подземный мир; бурное море было страшным богом, готовым поглотить неосторожного моряка; лесные звери были полулюдьми в мыслях и речи; даже лесные деревья были телесными обиталищами духов, и дровосек, которому шелест листьев казался голосом, а машущие ветви - руками, рубил их стволы с полувиноватым чувством, что совершает убийство. Мир тогда казался "таким материалом, из которого делают сны"; в нем постоянно происходили трансформации тела и переселения духа; человек или бог мог превратиться в зверя, реку или дерево; люди могли превращаться в камни, а палки - в змей. Такой образ мышления быстро исчезает, но в нем еще живут племена, и они показывают, каков ум людей, создающих природные мифы. Когда сказочник живет в этой стране грез, любая поэтическая фантазия становится подсказкой для чудесной сказки, и хотя (казалось бы) он должен осознавать, что сочиняет роман и что рассказываемые им приключения - не совсем история, но когда он умрет, а его история будет повторяться бардами и жрецами на протяжении нескольких поколений, сомневаться в ее истинности будет неуважительно и даже кощунственно. Так происходило во всем мире, и греческие мифы о великих богах природы, в которые Ксенофан и Анаксагор осмелились не поверить с такими плохими последствиями для себя, были во многом похожи на мифы современных варваров, таких как жители островов Южного моря. Давайте рассмотрим несколько природных мифов, выбрав те, которые наиболее наглядно показывают, как они возникли.

Таитяне рассказывают о своем морском боге Хиро, чьи последователи плыли по океану, пока он убаюкивал их сном в пещере в глубине; тогда бог ветра поднял яростную бурю, чтобы уничтожить каноэ, но моряки взывали к Хиро, пока, поднявшись на поверхность, он не утихомирил бурю, и его приверженцы благополучно добрались до порта. Так и у Гомера морской бог Посейдон, обитающий в океанских пещерах, насылает ветры, чтобы швырнуть хрупкую лодку Одиссея среди грохочущих волн, пока Ино не приходит ему на помощь и не велит раздеться и плыть к фиакийскому берегу. Обе сказки - это словесные картины бурного моря, рассказанные языком природного мифа, только с разными поворотами. У новозеландцев есть история о том, как Мауи заточил ветры, все, кроме дикого западного ветра, который он не может поймать, чтобы закрыть в своей пещере большим камнем, брошенным против его рта; все, что он может сделать, это иногда гнать его домой, и тогда он прячется в пещере и на некоторое время затихает. Все это - мифическое описание погоды, означающее, что другие ветры бывают время от времени, но западный ветер преобладает и силен. Эти новозеландцы никогда не слышали о классическом мифе об Эоле и пещере ветров, но как близко они подошли к той же мифической фантазии, что именно из таких отверстий в склонах холмов вырываются ветры. Негры Вест-Индии рассказывают о великой ссоре между Огнем и Водой, о том, как Огонь медленно продвигался вперед, остановленный потоком, пока не призвал на помощь Ветер, который пронес его через все, и великая битва разразилась, а Бон Дье смотрел на нее из-за завесы облаков. Вряд ли эти негры-рабы когда-либо слышали о двадцать первой "Илиаде", чтобы знать, как то же самое всемирное состязание стихий рассказывается в великой битве между богом Огня и Реками, когда Ветер был послан на помощь и понес яростное пламя вперед, а угри и рыбы разбегались в разные стороны, когда на них обрушивалось горячее дыхание взрыва.

Лучи света, падающие вниз от солнца через прорехи в облаках, похоже, поразили воображение европейцев тем, что они напоминают веревку на шкиве старомодного дышлового колодца, так как в народе это явление называют "солнце, тянущее воду". Полинезийцы также видят сходство лучей со шнурами, которые, по их словам, являются веревками, которыми крепится солнце, и рассказывают миф о том, как солнце когда-то шло быстрее, пока бог не сделал петлю на горизонте и не поймал его, когда оно поднималось, так что теперь оно идет связанное и медленно по своему ежедневному назначенному пути. В английском языке такое выражение, как "солнце поглочено ночью", сейчас является просто метафорой, но в древние и варварские времена люди относились к этой идее более серьезно. Маори сделали из нее историю о смерти своего божественного героя Мауи. По их словам, можно увидеть, как прародительница Мауи, Великая Женщина-Ночь, вспыхивает и как бы открывается и закрывается на горизонте, где сходятся море и небо; Мауи пробрался в ее тело и прошел бы невредимым, но как раз в этот момент маленькая мухоловка, *тивакавака*, разразилась своей веселой нотой, разбудила Ночь, и она раздавила Мауи. То, что это действительно природный миф о заходящем солнце, которое умирает, погружаясь во тьму, доказывает упоминание птицы, которая имеет особенность петь на закате. Из всех природных мифов мира лишь немногие получили такое широкое распространение, как мифы на тему ночи и дня, где с мифической правдой пожираемые жертвы впоследствии изгоняются или освобождаются. Зулусские сказители описывают пасть чудовища как страну, где есть холмы, дома, скот и люди, и когда чудовище вскрывают, все существа выходят из темноты; с аккуратным прикосновением природы, которое показывает, что сказитель думает о рассвете, петух выходит первым, крича "кукулуку! Я вижу мир!" Наша английская версия старого мифа - это детская сказка о Красной Шапочке, но она испорчена тем, что в ней отсутствует правильная концовка (которую немецкие няни сохранили в лучшей памяти): когда охотник разорвал спящего волка, оттуда вышла маленькая девица в своем красном атласном плаще, целая и невредимая.

Такие истории причудливы, но фантазия мифотворца может совершать и более дальние полеты. До сих пор мифические личности описывались как видимые объекты, такие как солнце, или, по крайней мере, то, что можно воспринять чувствами и сделать реальными объектами, например, ветер или день. Но когда поэт занимается мифотворчеством, все, что он может выразить существительным и обозначить глаголом, становится способным рассматриваться как личность. Если он может сказать: наступает лето, сон одолевает людей, надежда восстает, справедливость требует, то он может представить лето и сон, надежду и справедливость в виде человеческих фигур, одеть их, заставить ходить и говорить. Таким образом, формированию мифа помогает то, что профессор Макс Мюллер назвал "болезнью языка". Однако это еще не все. В предыдущей главе мы видели, как понятие души или духа помогло людям перейти к понятию причины. Когда причина чего-либо предстает перед древним разумом в виде некой души или духа, то причина или дух лета, сна, надежды, справедливости легко становится похожей на человека. Никто не может по-настоящему понять древнюю поэзию, не зная этого. Гомер мог представить себе на поле боя ужасную *Кер*, чья фигура изображена на щите Ахилла с окровавленной одеждой, наброшенной на плечи, когда она схватила какого-то воина, раненного насмерть, или вытащила труп за ноги из толпы сражающихся. Это существо - не просто слово, превращенное в реальность, она - личная причина, дух-причина, по которой убивают одного воина, а не другого. Представление о ней настолько распространилось в арийской мифологии, что вновь появляется у северян, когда Один посылает на каждую битву дев, которые в Вальхалле устраивают пир и наполняют чаши элем для духов героев; эти девы - валькирии, которые направляют события победы и выбирают воинов, которые должны пасть. Другая известная группа мифов еще раз показывает, как то, что для нас, современных людей, является лишь идеями, выраженными словами, в сознании древних приобрело личную форму. В классических книгах Греции и Рима мы читаем о трех вершителях судеб, Мойрах или Парках, а их скандинавские аналоги появляются в Эдде как три мудрые женщины, чье жилище находится у источника под миром-аш Игдрасиль, Норны, которые вершат судьбы людей. Объяснение этих трех мифических существ заключается в том, что они лично олицетворяют собой Прошлое, Настоящее и Будущее, о чем свидетельствуют имена, которые они носят: *Was, Is, Shall (Urdhr, Verdhandi, Skuld)*.

Истории постоянно меняются и теряют свой смысл, и из века в век новые барды и сказители облачают старые мифы в новые формы, чтобы угодить новым слушателям. Учитывая, как растут и меняются истории, следует ожидать, что их истоки часто оказываются невозможными. И хотя, как мы уже видели, часто удается выяснить, от кого они произошли, делать это нужно с осторожностью. Умные писатели слишком склонны садиться за стол и выяснять мифическое происхождение любой сказки, как будто это можно сделать путем хитроумного угадывания. Даже если это чепуха и никогда не предназначалась ни для чего другого, толкователь мифов все равно может найти для нее серьезное происхождение. Так, один ученый, но опрометчивый мифолог утверждает, что в нашем английском детском стишке "корова перепрыгнула через луну" есть остаток старого природного мифа, описывающего в виде коровы облако, проходящее над луной. Что действительно необходимо при интерпретации мифов, так это нечто большее, чем простое угадывание; должны быть причины, по которым одна конкретная догадка более вероятна, чем любая другая. Было бы опрометчиво утверждать, что *Прометей*, приносящий огонь, является олицетворением деревянной дрели (стр. 262), если бы не было известно, что на санскрите этот инструмент называется *праманта*; вместе взятое, соответствие имени и природы дает большую вероятность того, что мы вернулись к реальному происхождению легенды о Прометее. Можно привести еще один пример из мифологии Индии, в истории о Вамане, крошечном брахмане, который, чтобы смирить гордыню царя Бали, просит у него столько

земли, сколько он может измерить тремя шагами, но когда благодеяние дается, маленький карлик превращается в гигантскую форму Вишну и, шагая одним шагом по земле, другим по воздуху, третьим по небу, низвергает Бали в адские области, где он царствует до сих пор. Эта самая замечательная из всех историй о Мальчике-с-пальчик на самом деле кажется мифом о солнце, поднимающемся над горизонтом, затем набирающем величественную силу и пересекающем вселенную. Ведь Вамана, "карлик", - одно из воплощений Вишну, а Вишну изначально был Солнцем. В гимнах Вед идея его трех шагов встречается еще до того, как она стала историей, когда она была лишь поэтической метафорой Солнца, пересекающего воздушные области на своих трех шагах. "Вишну пересек (землю), трижды опустив ногу; она была раздавлена под его пыльным шагом. Три шага, значит, сделал Вишну, невредимый хранитель, поддерживающий святыни".

Осталось понять, как распространяются мифы. Когда рассказывается хорошая история, реальная или выдуманная - неважно, она становится частью запаса рассказчика, который придумывает ей любое подходящее имя и часто добивается того, что она попадает не только в народные легенды, но даже в историю. В коллекции Стобеуса сохранился фрагмент Демарата, где с греческими именами, как эпизод из истории Аркадии, рассказывается грандиозная история, которую нам преподавали как событие римской истории, - легенда о Горациях и Куриациях. Римская история, похоже, лишь позаимствовала ее из более ранней сказки, подобно тому как современная швейцарская история позаимствовала из более древнего фольклора сказку о лучнике и яблоке, чтобы украсить своего национального героя Телля. Чтобы показать, как легенда складывается из многих источников, исторических и мифических, давайте разберем по кусочкам одну из знаменитых детских сказок Европы. Синяя Борода был исторической личностью. Это был Жиль де Рец, сьер де Лаваль, маршал Франции, прозванный Синей Бородой за то, что имел бороду иссиня-черного оттенка. Убежденный итальянским алхимиком, что его силы можно восстановить, купаясь в крови младенцев, он заманил множество детей с этой ужасной целью в свой замок Шамптоке на Луаре, руины которого можно увидеть и сейчас. В конце концов ужасные подозрения деревенских жителей относительно происхождения подтвердились, и чудовище было сожжено на костре в Нанте в 1440 году. Во всем этом, однако, нет ни слова об убитых женах. И действительно, исторический Синяя Борода в своем образе чудовища-убийцы, похоже, унаследовал более древнюю историю, принадлежащую женоубийце из бретонской легенды, Комору Проклятому, графу Похерскому, чье имя и деяния относятся к тысячелетней давности, в легендарных хрониках, рассказывающих о нем как об узурпаторе и тиране, который женился и убивал одну жену за другой, пока, наконец, когда он женился и убил прекрасную Трифину, месть настигла его, и он был побежден и убит законным принцем. Нелегко сказать, является ли это версией более древней истории или же имеет под собой историческое основание; если бы Генрих VIII Английский жил в те времена, подобная легенда могла бы окрепнуть вокруг его имени. Другие моменты современной "Синей бороды" проявляются уже в истории о Трифине: она посылает за помощью к своим родственникам, когда узнает об опасности, и обнаруживает убийство прежних жен. Последнее, однако, происходит не так, как в современном варианте; в легенде Трифина спускается в часовню, чтобы помолиться в трудную минуту, и там могилы четырех убитых жен открываются, и их трупы стоят вертикально, у каждой в руке нож, или шнур, или что угодно, которым она была убита. Вместо этой мощной и жуткой сцены в современной версии приводится заезженный эпизод с запретной комнатой, который издавна был достоянием сказочников для использования в подходящих случаях и встречается в *"Арабских ночах"*. Старая легенда о Трифине имеет характерный финал. Злой муж преследует ее в лесу и отрубает ей голову, но святой Гильдас заставляет ее тело отнести ее в замок Комора, который тот свергает, бросив в него горсть пыли, затем он снова надевает Трифине голову, и она удаляется в монастырь до

конца своих дней. Рассказчики более поздних времен предпочитают более веселую, хотя и более банальную концовку.

Только что процитированное чудо-легенда возвращает нас к историческому использованию мифа, о котором мы говорили ранее в этой главе. История о том, как святой Гильдас вернул прекрасную Трифину в ее замок с головой в руке, а затем снова посадил ей на плечи, - это история. Она отражает интеллектуальное состояние эпохи, когда считалось назидательным рассказывать о таких чудесах святых людей, поскольку считалось, что святые люди способны их совершать. Старые сказки, которые кажутся нам экстравагантными, имеют историческую ценность, поскольку указывают на те времена, когда они, казалось бы, были возможны. Это относится даже к басням Эзопа. На той стадии развития мысли, когда считается, что человеческие души могут жить в телах животных, когда в волке может быть душа врага, а дедушка может ползать по очагу в теле змеи, истории о разумных зверях сами по себе кажутся рациональными. У буддистов, где сказки о зверях рано стали апологией морали, они рассказываются как случаи многочисленных перерождений или трансмиграций великого основателя религии. Это сам Будда, будучи птицей, вынул кость из горла льва, и в ответ ему сказали, что ему повезло, что он так хорошо отделался. Именно Будда, родившись в теле крестьянина, выслушал осла в лвиной шкуре и сказал, что он всего лишь осел. То, что у миллионов людей это является частью их священной литературы, представляет интерес для изучения цивилизации, предупреждая нас не отбрасывать историю как ничего не стоящую, потому что она мифическая. Чтобы понять мысли народов старого мира, их мифы говорят нам о многом, что мы вряд ли узнаем из их истории.

ГЛАВА XVI. ОБЩЕСТВО.

Социальные ступени, 401 - семья, 402 - нравы низших рас, 405 - общественное мнение и обычаи, 408 - нравственный прогресс, 410 - месть и справедливость, 414 - война, 418 - собственность, 419 - юридические церемонии, 423 - семейная власть и ответственность, 426 - патриархальные и военные вожди, 428 - нации, 432 - общественные ранги, 434 - правительство, 436.

В сообщениях о преступлениях, которые ежедневно появляются в газетах нашей цивилизованной страны, часто встречаются такие выражения, как *дикая ярость*, *варварская жестокость*. Эти два слова стали означать в просторечии такое поведение, которое является наиболее диким, грубым и жестоким. Несомненно, жизнь менее цивилизованных народов мира, *дикарей* и *варваров*, более дикая, грубая и жестокая, чем наша, но разница между нами и ними не только в этом. Как было доказано в предыдущих главах, дикие и варварские племена часто более или менее достоверно представляют этапы культуры, через которые давным-давно прошли наши предки, а их обычаи и законы часто объясняют нам смысл и причину наших собственных, о которых мы вряд ли догадались бы в противном случае. Следует понимать, что не может быть и речи о том, чтобы дать здесь даже краткое изложение сложных систем общества: все, что можно сделать, - это представить читателю некоторые из его ведущих принципов в древней и современной жизни.

Человечество никогда не жило как просто борющаяся толпа, каждый сам за себя. Общество всегда состояло из семей или домохозяйств, связанных между собой добрыми узами,

контролируемых правилами брака и обязанностями родителей и детей. Однако формы этих правил и обязанностей очень разнообразны. Браки могут быть непостоянными и временными парами или союзами, в которых у мужа может быть несколько жен, а у жены - несколько мужей. Зачастую трудно понять, что такое семейная группа и каковы ее связи в грубом и древнем мире. Так, нам кажется само собой разумеющимся считать семейное происхождение по мужской линии, и сейчас это наиболее четко выражено в том, что сын берет фамилию отца. Но на более низких ступенях цивилизации, по обе стороны земного шара, многие племена считают само собой разумеющимся обратное. В большинстве австралийских племен дети принадлежат к клану матери, а не отца, так что в войнах туземцев отец и сын постоянно встречаются как естественные враги. Вожди часто передаются по материнской линии, как, например, у натчезов, которые имели свои храмы солнца на территории нынешней Луизианы. Однако этот широко распространенный закон женского происхождения, как бы глубоко он ни лежал в истории общества, был настолько упущен из виду среди древних цивилизованных народов, что когда Геродот заметил его у ликийцев, которые брали свои имена от матерей и прослеживали свою родословную только по женской ветви, историк решил, что это особый обычай, в котором они не похожи на все остальные народы. В мире дикарей и варваров широко распространено правило, названное Макленнаном экзогамией или женитьбой, которое запрещает мужчине брать жену из своего клана - этот поступок считается преступным и может даже караться смертью. Станный контраст с распространенным представлением о том, что жизнь дикарей не имеет правил, когда мы находим австралийские племена, где каждый мужчина обязан жениться в определенном клане, который, так сказать, является кланом жены для его собственного клана. У ирокезов Северной Америки дети носят имя клана или тотем матери; так, если она принадлежала к клану медведей, ее сын будет медведем, и, соответственно, он не может жениться на девушке-медведице, но может взять в жены оленя или цаплю. Подобные законы встречаются и у высших народов, которые считают происхождение по мужской линии. Так, в Индии брахман не должен жениться на жене, чье родовое имя (ее "коровье стойло", как говорят) совпадает с его; китаец также не может взять жену из своей фамилии. Хотя семейные и племенные правила дикарей и варваров слишком запутаны, чтобы полностью обсуждать их здесь, есть несколько поучительных моментов, на которые следует обратить внимание. На ранних стадиях развития общества брак является гражданским договором. Так, среди диких охотничьих племен Никарагуа парень, желающий взять в жены девушку, убивает оленя и кладет его вместе с охапкой дров у дверей хижины ее родителей; этот символический акт является его предложением охотиться и выполнять мужскую работу; если дар принят, то это брак, без дальнейших церемоний. У народов с более высокой культурой обещания и церемонии носят более формальный характер, сопровождаются пирами и собраниями родственников; и тогда, как и в других важных жизненных вопросах, приглашается священник, чтобы дать божественное благословение и санкцию на союз. Там, где это делается, свадьба становится совсем не такой, какой она была в грубые времена браков по захвату, как это можно наблюдать в наши дни среди свирепых лесных племен Бразилии, где воины совершали набеги на отдаленные деревни и основной силой приводили домой жен. Древняя традиция хорошо знает эту практику, как в случае, когда мужчины Вениамина уносят дочерей Шилоха, танцуя на пиру, и в знаменитой римской сказке об изнасиловании сабинянок, легенде, облекающей в историческую форму захват жены, который в римском обычае оставался церемонией. Что наиболее ясно показывает, каким признанным обычаем старого мира он был, так это то, что он сохранился в качестве формальности там, где на самом деле преобладают более мягкие нравы. Он перешел в такое состояние у спартанцев, когда, по словам Плутарха, хотя брак действительно заключался по дружескому соглашению между семьями, друзья жениха делали вид, что насильно уводят

невесту. Через несколько поколений тот же старый обычай сохранился в Уэльсе, где жених и его друзья, конные и вооруженные как на войне, уводили невесту; а в Ирландии они даже метали копья в людей невесты, хотя и на таком расстоянии, что никто не пострадал, разве что время от времени случайно, как это случилось, когда один лорд Хоут потерял глаз, и это несчастье, похоже, положило конец этому любопытному пережитку древности. Одним из последствий роста собственности в мире стало появление практики покупки жен, когда зулус договаривается с людьми девушки, чтобы они отдали ему ее за пять волов или десять. Такой обычай был в Англии у наших варварских предков, о чем свидетельствует западносаксонский закон Инне - "Если мужчина купит жену" и т. д. Несколько позже Кнут запретил продавать жену, но муж мог дать что-то по своей воле. Это интересная проблема в истории права, как деньги, однажды уплаченные в качестве выкупа за невесту, перешли в дар или дары для нее; какое-то положение такого рода стало необходимым, когда вдова перестала быть обеспеченной, будучи взятой, как это было бы в более грубом состоянии общества, в жены братом мужа.

О браке здесь говорится в первую очередь, потому что от него зависит семья, на которой зиждется весь каркас общества. То, что было сказано о более грубых видах семейных союзов у дикарей и варваров, показывает, что от них нельзя ожидать совершенства тех упорядоченных семей, которым цивилизованное общество обязано стольким своим благом и процветанием. И все же даже среди самых грубых человеческих кланов, если только они не развращены пороком или несчастьем и не разваливаются на части, известны и соблюдаются нормы семейной морали. Их привычки, если судить по нашим понятиям, тяжелы и грубы, но семейные узы симпатии и общих интересов уже сформированы, а основы нравственного долга уже заложены: терпеливая нежность матери, отчаянная доблесть отца в защите дома, ежедневная забота о малышах, привязанность братьев и сестер, взаимная терпимость, отзывчивость и доверие всех. Из семьи это распространяется на более широкий круг. Естественным образом племя формируется из семьи или группы, которая со временем увеличивается и разделяется на множество семей, все еще признающих друг друга родственниками, и это родство настолько глубоко ощущается как связь всего племени, что даже при смешении племен часто придумывается общий предок, чтобы создать воображаемые узы союза. Таким образом, *родство* и *добродота* идут рука об руку - два слова, общее происхождение которых самым счастливым образом выражает один из главных принципов социальной жизни.

Из жизни грубых племен можно извлечь следующие уроки: как может существовать общество без полицейского, следящего за порядком. Совершенно очевидно, что даже самые низшие люди не могут жить по тому, что немцы называют "фаустрехтом", или "правом кулака", а мы - "законом клуба". Сильный дикарь не врывается в хижину своего более слабого соседа и не захватывает ее, изгоняя хозяина в лес каменным копьем, пущенным вслед за ним. Без какого-либо контроля, выходящего за рамки простого права более сильного, племя распалось бы через неделю, тогда как на самом деле дикарские племена существуют веками. При благоприятных обстоятельствах, когда пища не слишком скудна, а войны не слишком кровопролитны, жизнь низких варварских рас может быть по-грубому хорошей и счастливой. На островах Вест-Индии, где впервые высадился Колумб, жили племена, которые называли самыми мягкими и доброжелательными представителями человеческой расы. Путешественник Шомбургк, хорошо знавший воинственных карибов в их домашней жизни, рисует райскую картину их быта, где они не были испорчены пороками белых людей; он видел среди них мир и веселье, простую семейную привязанность, неприкрытую дружбу и благодарность, не менее истинную от того, что она не выражается в звучных словах; цивилизованному миру, говорит он, не нужно учить их морали, ибо, хотя они и не говорят о

ней, они живут в ней. На другом конце света, в Новой Гвинее, голландский исследователь Копс рассказывает примерно то же самое о папуасах Дори, которые живут в домах, построенных на сваях в воде, как старые озерные люди Швейцарии; он говорит об их мягком нраве, склонности к праву и справедливости, твердых моральных принципах, уважении к старикам и любви к детям, о том, что они живут без креплений в своих домах - воровство считается у них серьезным преступлением и случается редко. Среди грубых неиндусских племен Индии английские чиновники часто с удивлением отмечали доброту и жизнерадостность грубых людей гор и джунглей, а также их абсолютную честность в словах и поступках. Так, сэр Уолтер Эллиот упоминает о низком бедном племени Южной Индии, которое фермеры нанимают для охраны своих полей, прекрасно понимая, что те скорее умрут с голоду, чем украдут зерно, за которое они отвечают; они настолько правдивы, что их слово сразу принимается в спорах даже с более богатыми соседями, ибо люди говорят: "Курубар всегда говорит правду". Конечно, эти рассказы о карибах и папуасах показывают их с дружеской стороны, в то время как те, кто воевал с ними, называют их чудовищами свирепости и вероломства. Но жестокость и коварство на войне кажутся им правильными и достойными похвалы, а то, что мы здесь рассматриваем, - это их мирная жизнь дома. Очевидно, что низкие варвары могут жить между собой на довольно высоком моральном уровне, и это тем более поучительно, что показывает то, что можно назвать естественной моралью. Среди них религия, в основном связанная с умилованием душ предков и духов природы, не имеет того сильного морального влияния, которое она оказывает на высшие народы; на их поведение по отношению к своим братьям мало влияют божественные повеления или страх перед божественным наказанием. Это в большей степени связано с тем, насколько благополучна или несчастна их жизнь. Когда нужда или бедствия войны нарушают их благосостояние, они (как и их старейшины) становятся более жестокими и эгоистичными в своих поступках, а нравственные привычки во все времена были низкими среди безбедных орд дикарей, чья ежедневная борьба за существование слишком сурова, чтобы в них могли процветать более мягкие чувства. Более того, между низкими и высокими расами людей существует такое очевидное различие: тупоголовый варвар не обладает достаточной силой мысли, чтобы соответствовать лучшим моральным стандартам цивилизованного человека. Дикий житель леса, забывающий о вчерашнем дне и не заботящийся о завтрашнем, валяющийся в своем гамаке, когда его потребности удовлетворены, не имеет ничего общего с игрой памяти и предвидения, которые постоянно разворачивают перед нашим сознанием панораму нашей собственной прошлой и будущей жизни и даже мысленно ставят нас на место наших братьев, чтобы принять участие в их жизни и войти в их радости и печали. Большая часть злодеяний в мире происходит от недостатка воображения. Если бы пьяница мог видеть перед собой страдания будущего года с той же яркостью, что и нынешняя тяга, это бы его успокоило. Нередко в порыве гнева меч в ножны вонзал тот, перед чьим мысленным взором промелькнула пророческая картина женщин, рыдающих вокруг окровавленного трупа. Низшим расам людей настолько не хватает предусмотрительности, чтобы противостоять страстям и искушениям, что моральное равновесие племени легко нарушается, а сами они грубы и беспричинно жестоки из-за отсутствия разумного сочувствия к страданиям других, подобно тому как дети жестоки к животным из-за неспособности представить, что чувствуют эти существа. То, что мы теперь знаем о жизни дикарей, не позволит нам впасть в фантазии философов прошлого века, которые ставили "благородного дикаря" в качестве реального образца добродетели, которому должны подражать цивилизованные народы. Но реальность не менее поучительна: законы добродетели и счастья можно найти в простых формах среди племен, которые делают топоры из заточенных камней и трут палки, чтобы разжечь огонь. Их жизнь, увиденная в лучшем виде, с необычайной ясностью демонстрирует великий принцип науки о

нравственности: нравственность и счастье - одно целое, а нравственность - это метод достижения счастья.

Не следует думать, что в любом состоянии цивилизации поведение человека полностью зависит от его собственного морального чувства добра и зла. Контролирующие силы общества действуют даже среди дикарей, только в более зачаточном виде, чем среди нас. Общественное мнение уже является огромной силой, и то, как оно действует, заслуживает особого внимания. В то время как отдельный человек слишком склонен заботиться о своих личных интересах и выгоде своих близких друзей, эти частные мотивы отпадают, когда многие умы собираются вместе, и общественное мнение с большим эгоизмом берет на себя общественное благо, побуждая человека отбросить свои частные желания и отдать свое имущество или даже свою жизнь ради общего блага. Собравшееся племя может сокрушить своим презрением подлых и трусливых или дать ту награду в виде славы, ради которой пылкие люди будут рисковать имуществом и жизнью. Путешественники отмечали, что женщины, бы они ни были обделены, умеют оказывать свое влияние таким образом, и многие воины, чье сердце отказывало ему перед лицом врага, обращались в бегство при мысли о насмешках девушек, когда он возвращался домой в деревню целым и невредимым, но опозоренным. Давление общественного мнения заставляет людей действовать в соответствии с обычаями, которые определяют, как поступать или не поступать в большинстве жизненных ситуаций. Исследователи диких стран, не обнаружив привычных для них полицейских механизмов, иногда опрометчиво заключают, что дикари живут по собственной воле. Мы уже отмечали, что это ошибка, поскольку жизнь в нецивилизованном мире на каждом шагу скована цепями обычаев. В значительной степени очевидно, что обычаи возникли на благо общества или того, что считалось таковым. Например, в диких странах принято считать, что гостеприимство должно оказываться всем желающим, ведь каждый знает, что в любой момент может сам в нем нуждаться. Но независимо от того, полезен обычай или нет, и даже если его цель больше не известна, после того как он утвердился в качестве обычая, его необходимо соблюдать. Дикарям могут отрезать суставы пальцев или подвергать их такому длительному и суровому голоданию, что многие из них умирают; но зачастую единственная причина, по которой они могут причинить себе такие страдания, заключается в том, что таков был обычай их предков. В некоторых частях Австралии обычай запрещал молодым охотникам, а старикам оставлял большую часть дичи и лучшие части крупной дичи. Несомненно, в какой-то мере это шло на пользу обществу, поскольку опытные старейшины, которым уже надоело охотиться, могли оставаться в лагере, мастерить сети и оружие, учить ребят, быть хранителями мудрости и почетными советниками племени. Ничто не может служить более наглядным доказательством того, насколько далеко общество, даже среди таких диких людей пустыни, от того, чтобы находиться под властью грубой силы.

Таким образом, сообщества, какими бы древними и грубыми они ни были, всегда имеют свои правила добра и зла. Но что касается того, какие поступки считались правильными и неправильными, то изучающий историю должен избегать той ошибки, которую пословица называет измерением чужой кукурузы по собственному бушелю. Не оценивая обычаи народов, стоящих на других ступенях культуры, по собственным современным стандартам, он должен прибегнуть к помощи своего воображения, чтобы увидеть институты на их месте и в их действии. Только так можно понять, что правила хорошего и плохого, правильного и неправильного не являются неизменными для всех людей во все времена. В качестве примера этого принципа давайте понаблюдаем за тем, как люди на разных этапах цивилизации обращаются с пожилыми людьми. Некоторые низшие расы очень заботятся о своих стариках даже после того, как они впадают в немощь, относятся к ним с почти нежной

заботой и очень часто ухаживают за ними до самой смерти, когда уважение к живому предку переходит в поклонение ему как духу предков. Но у других племен сыновняя доброта разрушается раньше, как, например, у свирепых бразильцев, которые бьют дубинками по голове больных и престарелых и даже съедают их, то ли считая их заботу слишком обременительной, то ли действительно полагая, как они говорят, что это добрый конец жизни, которая больше не радует драками, пирами и танцами. Мы понимаем ситуацию в кочующих племенах. Орда должна двигаться в поисках дичи, а бедное исхудавшее существо не может идти в ногу с маршем, охотники и тяжело нагруженные женщины не могут нести его, и его приходится оставлять позади. Многие путешественники видели в пустыне такие душераздирающие сцены, как Катлин, когда он прощался с беловолосым старым вождем пунхахов, совсем слепым и сжавшимся до кожи и костей, дрожащим у нескольких горящих палок, где его убежищем служила буйволовая шкура, подложенная на костыли, а пищей - блюдо с водой и несколько полуперебранных костей. Этого старого воина бросили по его собственному желанию, когда его племя отправилось на новые охотничьи угодья, хотя за несколько лет до этого, по его словам, он оставил умирать собственного отца, когда тот уже ни на что не годился. Когда народ, осевший в земледельческом государстве, достигает богатства и комфорта, необходимость убивать или бросать престарелых уже не оправдывается. Однако история показывает, как долго эта практика сохранялась даже в Европе, отчасти из гуманных побуждений, чтобы положить конец затянувшимся страданиям, но в большей степени из-за выживания обычая, унаследованного от более тяжелых и грубых времен. Венды на территории нынешней Германии практиковали отвратительный обряд предания смерти пожилых и немощных людей, варили и ели их, как это делали, по описанию Геродота, старые массагеты. В Швеции в церквях хранились неуклюжие деревянные дубины, называемые "семейными", некоторые из которых сохранились до сих пор, и которыми в древние времена престарелые и безнадежно больные люди торжественно предавались смерти своими родственниками. Интересно проследить в старых немецких записях, как от такого жесткого древнего варварства перешли к более мягким нравам, когда немощный старый отец, разделив свое имущество между детьми, отныне должен сидеть на "кошачьем месте" у очага. Одним из признаков развивающейся цивилизации стало растущее чувство священности человеческой жизни, даже в отрыве от ее использования и удовольствия, и в соответствии с этим чувством на сокращение даже тягостного и страдающего существования, к которому наши предки прибегали без упрека, стали смотреть с ужасом.

Следует также четко понимать, что в старом мире правила морального поведения не были одинаковыми для всех людей. Человек знал свой долг перед ближним, но все люди не были его ближними. Это очень хорошо видно на примере истории представлений людей о непредумышленном убийстве и краже. Убийство человека едва ли рассматривается законом какого-либо народа как преступление, напротив, оно считается допустимым или достойным похвалы действием при определенных условиях, особенно при самообороне, войне, мести, наказании и жертвоприношении. Однако ни одно известное племя, каким бы низким и свирепым оно ни было, никогда не считало, что люди могут убивать друг друга без разбора, ибо даже общество дикарей в пустыне или джунглях рухнуло бы от такого беззакония. Таким образом, все люди признают некий закон "не убий", но вопрос в том, как этот закон применяется. Поучительно посмотреть, как он действует в тех свирепых племенах, которые одобряют убийство людей просто как доказательство доблести. Так, молодому индейцу племени сиу, пока он не убьет своего человека, не разрешалось втыкать перо в головной убор и носить титул храбреца или воина; он едва ли мог заставить девушку выйти за него замуж, пока не "достанет перо". Так и молодой даяк с Борнео не мог получить жену, пока не возьмет голову, и так же было с черепом или скальпом, который воин нага из Асама должен был принести домой, чтобы таким образом получить право на татуировку и жениться на

жене, которая, возможно, годами ждала этого уродливого разрешения на брак. Трофей не обязательно должен был быть отнят у врага, его можно было добыть самым черным предательством, лишь бы жертва не принадлежала к племени убийцы. И все же сиу между собой считают непредумышленное убийство преступлением, если только речь не идет о кровной мести; а даяки наказывают за убийство. Такое положение вещей на самом деле не противоречит друг другу; на самом деле его объяснение кроется в одном слове "племя". Племя устанавливает свои законы, руководствуясь не абстрактным принципом, что непредумышленное убийство - это хорошо или плохо, а ради собственного сохранения. Их существование зависит того, как они будут держаться в смертельной схватке с соседними племенами, и поэтому они ставят социальный приоритет на доказательство доблести воина в борьбе с врагом, хотя в наши дегенеративные дни они позволяют этой форме быть подлой, принося в качестве воинского трофея голову какой-нибудь старухи или несчастного заблудившегося чужака. В этом простом контрасте между своими и чужими людьми ученик найдет ключ к разгадке мысли о добре и зле, проходящей через всю древнюю историю и постепенно переходящей в более широкий и благородный взгляд. Старое положение вещей хорошо иллюстрирует латинское слово *hostis*, которое, первоначально означавшее чужака, совершенно естественно перешло в значение врага. Убийство врага в открытой войне не только рассматривается как праведное дело, но и по древнему праву считается, что убийство соплеменника и убийство чужеземца - преступления совершенно разного порядка, а убийство раба - всего лишь уничтожение собственности. Даже сейчас колонист практически не признает, что убийство смуглого или чернокожего человека - деяние совершенно такого же характера, как и убийство белого соотечественника. Тем не менее идея священности человеческой жизни все шире распространяется в мире как принцип, применимый ко всему человечеству.

История понятия "кража" и "грабеж" частично повторяет ту же историю. В низших цивилизациях закон "не укради" небызвестен, но он распространяется на соплеменников и друзей, а не на чужаков и врагов. Среди ахтов Британской Колумбии Спроат отмечает, что вещь, переданная индейцу по его доброй воле, находится в полной безопасности, однако воровство является распространенным пороком, когда речь идет о собственности других племен или белых людей. Но, говорит он, было бы несправедливо считать воровство среди этих дикарей таким же преступным, как и среди нас, поскольку у них нет морального или социального закона, запрещающего воровство между племенами, которое обычно практикуется поколениями. Так, хотя африканцы в пределах своего племени придерживаются строгих правил собственности, путешественники описывают, как отряд зулусов, незаметно подкравшийся к отдаленной деревне и расправившийся с мужчинами, женщинами и детьми, оставляет позади себя разграбленный крааль, виднеющийся на горизонте, и возвращается с ликующими сердцами и грузом награбленного. Старинный закон воинственного народа хорошо виден у древних германцев в знаменитой фразе Цезаря: "Грабежи за пределами каждой общины не имеют позора, но одобряются как средство упражнять молодость и уменьшать леность". Даже в условиях современной цивилизации объявление войны может вернуть общество на более ранние стадии грабежей и призовых денег. Но в мирное время безопасность имущества, как и жизни, становится все более урегулированной в мире. Договоры об экстрадиции, по которым преступники, лишённые прежнего убежища за границей, теперь отдаются в руки правосудия в стране, где они совершили преступление, свидетельствуют о современной тенденции к объединению наций в единое сообщество, признающее за всеми его членами взаимные права и обязанности.

До сих пор мы рассматривали добро и зло в основном с точки зрения нравственных чувств людей и общественного мнения. Но во все времена требовались более сильные средства. В настоящее время одной из регулярных обязанностей цивилизации считается наличие уголовного закона, позволяющего наказывать нарушителей штрафом, тюремным заключением, ударами и даже смертью. Однако эта система возникла в мире лишь постепенно, и в истории можно проследить, как она развивалась с ранних времен, когда еще не было ни профессиональных судей, ни палачей, но каждый человек имел право и обязанность брать закон в свои руки, и этот закон был тем, что мы сейчас называем мстостью. Когда в варварской жизни разгораются неистовые страсти и человека убивают, это правило мести приходит в действие. Как оно работает в качестве одной из великих сил общества, можно увидеть на примере австралийцев. Как говорит сэр Джордж Грей в своем рассказе о нем, самый святой долг, который призван исполнить туземец, - отомстить за смерть ближайшего родственника. Если он оставит этот долг невыполненным, старухи будут насмехаться над ним; если он не женат, ни одна девушка не заговорит с ним; если у него есть жены, они покинут его; его мать будет плакать и сетовать, что родила такого вырожденного сына, его отец будет относиться к нему с презрением, и он станет предметом общественного презрения. Но что делать, если убийца сбежит, что должно быть легко в такой дикой и малонаселенной стране? Местные обычаи следуют древней доктрине, согласно которой вся семья преступника несет ответственность; поэтому, когда становится известно, что человек убит, и особенно когда преступник сбежал, его родственники спасаются бегством; дети семи лет знают, не состоят ли они в родстве с убийцей, и, если да, сразу же скрываются. Здесь мы сталкиваемся с двумя принципами, которые каждый изучающий право должен четко представлять себе, проследившая его историю с самых низких ступеней. В первобытном законе кровной мести он видит, как общество использует на благо общества инстинкт мести, который у человека общий с низшими животными; и, привлекая всю семью к ответственности за поступок одного из ее членов, общество обрушивает на каждого человека все давление семейного влияния как средство сохранения мира. Никто из тех, кто видит, как работает кровная месть, не может отрицать ее практической целесообразности и пользы для удержания людей от насилия, пока еще нет судей и палачей. Ведь среди всех дикарей и варваров мститель за кровь, как бы мало он об этом ни думал в своей дикой ярости, вносит свою лепту в спасение своего народа от гибели в результате кровавых деяний. К сожалению, его польза часто омрачается тем, что невежество и заблуждение обращают его месть против невинных. Эти австралийцы относятся к числу тех дикарей, которые не понимают, почему кто-то должен умирать, если его не убили, и объясняют то, что мы называем естественной смертью, тем, что какой-то враг убил страдальца магическим искусством, ранил его невидимым оружием или послал демона болезни, чтобы тот выгрыз его жизненные органы. Поэтому, когда человек умирает, его родственники задаются целью выяснить с помощью гадания, какой злобный колдун причинил ему смерть, и когда они находят кого-то в качестве тайного врага, мститель отправляется на поиски и убивает его; тогда, конечно, наступает возмездие с другой стороны, и начинается наследственная вражда. Это одна из главных причин лютой ненависти между соседними племенами, которая держит дикарей в постоянном страхе и тревоге.

Переходя на более высокие уровни цивилизации, среди народов древнего мира мы все еще находим закон кровной мести, но он постепенно модифицируется цивилизацией, которая со временем полностью его вытесняет. Так, закон израильтян, по-прежнему разрешая мстить за кровь, предусматривает, что должны существовать города-убежища и что морально невинный убийца не должен быть таким же, как умышленный убийца. Среди народов, где богатство собрано вместе, и особенно там, где оно стало измеряться деньгами, старый яростный крик о мести превращается в требование компенсации. В Аравии и по сей день

можно наблюдать более раннюю и более позднюю стадии; в то время как бродячие племена бедуинов в пустыне ведут кровную вражду из поколения в поколение с дикой свирепостью, горожане чувствуют, что жизнь вряд ли может продолжаться, когда за каждым углом улицы стоит убийца, поэтому они берут деньги за кровь и прекращают вражду. Такое положение вещей весьма поучительно, поскольку оно похоже на то, что было у наших ранних предков, когда по тевтонским законам человек все еще мстил за обиду, нанесенную ему или ему, если только он не усугублял ее. Англосаксонское слово для обозначения такой компенсации было *wér-gild*, что, вероятно, означает "деньги человека", 200 шиллингов для свободного человека, меньше для низших слоев населения, и меньше для валлийца, чем для англичанина. Кроме того, там, где правилом возмездия является жизнь за жизнь, меньшие обиды также возмещаются натурой, что является римским *lex talionis*, или "законом подобного" - *возмездием*. Это ясно изложено в еврейском законе: жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб, рана за рану, полоса за полосу. Этот закон до сих пор действует в Абиссинии, где не так давно мать судилась с мальчиком, который случайно упал с фруктового дерева на ее маленького сына и убил его; судьи решили, что она имеет право послать другого сына на дерево, чтобы он упал на мальчика, который нечаянно вызвал смерть первого; этим средством она, однако, не пожелала воспользоваться. Разумеется, возмездие стало выражаться в деньгах, как, например, в старых английских законах, согласно которым, если кому-то случится отрубить человеку кулак или ногу, пусть он выплатит ему половину стоимости человека, за большой палец - половину стоимости руки, и так далее, вплоть до 5 с. за мизинец и 4 д. за ноготь на мизинце. В наше время правосудие перешло на более высокую ступень, когда государство берет на себя обязанность наказывать за любой серьезный умышленный вред, причиненный его гражданам. Читая какую-нибудь убийственную историю о корсиканской "вендетте", мы вряд ли задумываемся о том, что это пережиток древнего права, сохранившийся на диком горном острове. Однако наше уголовное право выросло из такой частной мести, что до сих пор ясно для тех, кто обращает внимание на следы прошлого, когда они слышат такие фразы, как "месть закона", или думают, что означает юридическая форма, с помощью которой частное лицо связывается судебным преследованием, как будто оно все еще должно подавать иск, как это делалось в давно прошедшие века, для своей собственной мести или компенсации. Теперь это действительно государство, которое стремится наказать преступника в целях общественного правосудия. Мститель за кровь, некогда стоявший на страже общественной безопасности, теперь сам будет наказан как преступник за то, что взял закон в свои руки, а моралисты, теперь, когда условия жизни общества изменились, утверждают, что месть греховна.

Закон, однако, хотя и занял столь выгодное место частной мести, не полностью распространил свою власть на более крупные распри между государством и государством. Отношение частной мести к общественной войне хорошо видно на примере грубых племен, населяющих леса Бразилии. Если убийство совершено внутри племени, то, конечно, месть ложится на обе семьи; но если убийца принадлежит к другому клану или племени, то это становится общественным преступлением. Пострадавшая община проводит совет и, если осмеливается, принимает решение о войне; затем отправляется отряд, в котором ближайшие родственники убитого, их тела раскрашены черными мазками, чтобы показать их смертоносность, бросаются вперед в бой. В соседних племенах война начинается обычно с какой-нибудь ссоры или посягательства, затем с одной или другой стороны убивают человека, и месть за его смерть перерастает в кровную месть и племенную войну, готовую вспыхнуть из поколения в поколение. Такое варварское положение вещей сохранилось далеко в истории Европы. По старому германскому закону любой свободный человек, которому нанесли телесный, почетный или имущественный ущерб, мог с помощью своих людей отомстить за себя, если он не примет законного возмещения; то есть он имел право на

частную войну. Это был поворотный момент в английской истории, когда король Эдмунд издал закон, сдерживающий эту "неправедную борьбу", но она не была остановлена сразу, особенно в Нортумберленде, и мы знаем, как она продолжалась в современное время между кланами и родами в диких шотландских горных районах. Еще долго после того, как простой свободный человек перестал воевать со своими соседями, оставались дворяне, отстаивавшие свое старое право. Еще во времена Эдуарда IV. Лорд Беркли и его сторонники сражались с лордом Лайзлом в Нибли Грин в Глостершире. Лорд Лисл был убит, и в конце концов лорд Беркли компенсировал это денежной выплатой вдове. Фримен, который в своей *"Сравнительной политике"* упоминает этот любопытный случай из истории пятнадцатого века, считает его последним английским примером частной войны или выплаты *wér-gild*. Закон Англии, запрещающий развязывать частные войны, представляет собой один из величайших шагов в национальном прогрессе. Государство теперь заменяет справедливостью правовых трибуналов варварские методы частной мести и частной войны. Но государство и государство по-прежнему ссорятся в публичной войне, которая в более широком масштабе становится тем, чем раньше была смертельная вражда между кланом и кланом.

Гражданское право собственности, как и уголовное, может быть прослежено от идей старых времен. О том, какими были ранние правила собственности, можно составить представление, обратив внимание на то, какими они остаются в нецивилизованном мире. Среди низших рас различие, которое наши юристы проводят между реальной и личной собственностью, выглядит очень понятным. Землей могут пользоваться все, но ни один человек не может быть ее абсолютным владельцем. Простейшее земельное право, которое также является игровым правом, встречается у племен, живущих в основном охотой и рыболовством. Так, в Бразилии каждое племя обозначало свои границы скалами, деревьями, ручьями или даже искусственными ориентирами, а нарушение границ в погоне за дичью считалось настолько серьезным, что преступник мог быть убит на месте. На данном этапе развития общества в любой части света каждый человек имеет право охотиться в пределах своего племени, а дичь становится частной собственностью только после того, как ее подбили. Таким образом, существует четкое юридическое представление об общей собственности на землю, принадлежащую клану или племени. Существует также четкая идея семейной собственности: хижина принадлежит семье или группе семей, которые ее построили; а когда они огородили и обработали участок земли рядом, он также перестал быть общей землей и стал собственностью семей, по крайней мере, пока они его занимали. Каждой семье принадлежала и мебель для хижины: гамаки, камни для еды и глиняные горшки. В то же время появляется и личная собственность, хотя все еще под властью семьи, через отца или главу. Личной или индивидуальной собственностью было главным образом то, что каждый носил или носил с собой - оружие, украшения и скудная одежда обоих полов, вещи, с которыми они могли поступать по своему усмотрению при жизни, а после смерти очень часто забирали с собой в мир за могилой (см. [с. 346](#)). Здесь мы видим, что варвары уже знакомы с идеями общей земли, семейного фригольда, семейной и личной собственности на движимое имущество, которые проходят через системы права старого мира. Но не факт, что они везде одинаково реализуются. Так, в деревенских общинах, которые сыграли столь значительную роль в заселении Азии и Европы и следы которых до сих пор сохранились в современной Англии, не только охотничьи угодья и луга были общими, но семьи не владели даже вспаханнами полями, которые обрабатывались общим трудом или время от времени перераспределялись между домочадцами, так что семейное владение не выходило за пределы дома и садового участка. В разные периоды истории возвышение военных наций приводило к революции в прежних формах землевладения. В захваченных странах земли завоевателей распределялись королем или вождем, чтобы ими владели его капитаны или

солдаты, несущие военную службу; самым ярким и известным примером является феодальная система Европы в Средние века. Поучительно заметить, как в Англии до нормандского завоевания народные земли, общая собственность государства, уже переходили в руки короля, чтобы он мог раздавать их по своему усмотрению. Или в военном государстве государь может стать всеобщим помещиком, позволяя своим подданным владеть землями при условии уплаты ежегодной дани или налога - система, хорошо известная в Древнем Египте и современной Индии. В римской истории мы видим, как государство или семьи, владевшие большими землями, сдавали их части в качестве ферм арендаторам, которые взамен платили часть продукции. Это свидетельствует о зарождении ренты, неизвестной первобытному праву. В то время как происходили эти изменения в отношении земли, движимое имущество приобретало все большее значение. Военнопленные, которых держали в качестве рабов для обработки земли, стали частью богатства семьи, а пастушеская жизнь привела к появлению скота, не только для еды, но и для вспашки полей. Производство ценных товаров, развитие торговли, накопление сокровищ и использование денег добавили другие богатства. Если теперь мы посмотрим на наши современные способы обращения с собственностью, то увидим, какие большие изменения произошли благодаря тому, что она вышла из-под контроля семьи и позволила отдельному владельцу владеть и распоряжаться ею - механизм, подходящий для нашего века переменчивых торговых предприятий. Даже земля покупается и продается частными лицами, хотя закон, сделав поле и коттедж передаваемыми по другому принципу и с большими формальностями и затратами, чем бриллиантовое ожерелье или сто сундуков чая, сохраняет следы старой системы, при которой они могли переходить из рук в руки, если вообще переходили, то только с трудом и с согласия многих сторон. При всех изменениях полезно обратить внимание на то, насколько старая семейная система собственности сохраняет свои позиции. Это хорошо видно на примере того, что становится с имуществом человека, когда он умирает. В ранние времена было принято два самых простых решения, а именно: либо семья продолжает жить на неразделенное имущество, либо оно делится между детьми, или сыновьями. Когда старший сын является патриархальной главой семьи, для поддержания этого достоинства он может получить дополнительную или двойную долю за свое "право рождения"; это хорошо известное древнее правило, общее для арийских и семитских народов, поскольку оно содержится как в индуистских законах Ману, так и во Второзаконии. Во Франции и по сей день древний принцип деления имеет законную силу, и семья получает свои доли по праву. В Англии сила завещаний стала настолько велика, что теоретически человек может оставить свое имущество кому пожелает; но практически это сдерживается нравственным чувством и общественным мнением, которые осуждают как противоестественный поступок человека, лишаящего своих собственных детей возможности наделить чужого человека или больницу. Если англичанин умирает, не оставив завещания, закон признает права его семьи, справедливо разделив между ними его личное имущество. Иначе обстоит дело с землей или недвижимостью, которые в большинстве случаев переходят к старшему сыну. Почему закон допускает претензии остальных членов семьи на деньги, но не на землю, - интересный исторический момент. Читатель *"Древнего права"* Мейна найдет, как в Европе около тысячи лет назад земли, принадлежавшие в качестве вотчин, переходили к старшему сыну, но ни в коем случае не для того, чтобы обогатить его, лишив наследства остальных, а чтобы объединенные родственники могли жить на этой земле и защищать ее под его началом как главы маленького клана. Если в наше время глава семьи стал владеть семейным поместьем для собственного пользования, то это потому, что старые законы, действующие в новых обстоятельствах, склонны приводить к результатам, которые те, кто их устанавливал, никогда не предвидели. Первородство не преобладало на всей территории Англии, но старые правила семейного наследования в

некоторых частях сохранились со времен, предшествовавших феодализму. Самые известные из них - это когда после смерти отца земля делится между сыновьями, как показывает Domesday Book, это было принято во времена Эдуарда Исповедника. Сейчас это известно как gavelkind, или обычай Кента, но он встречается и в других местах; например, предполагается, что Кентиш-таун на севере Лондона получил свое название от земель, которые там так держали. В Англии даже существует правило наследования, которое, похоже, относится к еще более раннему состоянию общества. Это обычай borough-english, по которому, например, в Хакни или Эдмонтоне, если человек умирает без завещания, земля переходит к его младшему сыну. Это право младшего, каким бы странным оно нам ни казалось, до сих пор встречается то тут, то там в Европе и Азии. Это разумный закон наследования для поселенцев в новой стране, где еще много земли, и сыновья, повзрослев и женившись, отправляются на поиски новых усадеб. Но младший остается дома и заботится о старых отце и матери; он, как говорят монголы, "хранитель огня", и после их смерти он, естественно, наследует семейный очаг. Это один из сотен случаев, когда обычаи кажутся произвольными и неразумными, потому что они потеряли смысл, перейдя из того состояния жизни, которому они соответствовали.

В старые времена, когда еще не было юристов и книг по праву, торжественные акты и права разъяснялись всем людям с помощью живописных церемоний, которые подходили для того, чтобы завладеть неграмотными умами. Многие из этих старинных церемоний сохранились до сих пор, и их смысл ясен как никогда. Например, когда две стороны хотят заключить прочный мир или дружбу, они проходят через церемонию смешивания своей крови, чтобы установить кровное родство. Путешественники часто вступают в такое кровное братство с варварскими племенами; в одном из рассказов о восточноафриканцах, совершающих этот обряд, описывается, как двое садятся вместе на шкуру, чтобы стать "из одной кожи", а затем они делают небольшие надрезы на груди друг друга, пробуют смешанную кровь и втирают ее в раны друг друга. Таким образом, в мире до сих пор сохраняется связь, которую Геродот описывает у древних лидийцев и скифов, и которая также упоминается в сагах древних северян и древних ирландских легендах. Невозможно более четко сформулировать великий принцип морали старого мира, согласно которому человек обязан дружбой не всему человечеству, а только своим родственникам, и чтобы дать незнакомцу право на доброту и добрую волю, он должен стать его родственником по крови. С той же мыслью даже грубые племена считают, что совместная еда и питье - это завет дружбы, поскольку гость становится в некотором роде одним из членов семьи, и к нему нужно относиться как к члену семьи в моральном плане. Это помогает объяснить то огромное значение, которое люди повсеместно придают совместной трапезе. Среди миллионов жителей Индии в наши дни сама конституция общества зависит от кастовых правил, по которым человек может или не может есть. Среди брачных церемоний мира одна, хорошо известная на Дальнем Востоке, заключается в том, что пара, съев вместе одно блюдо, становится мужем и женой. Как церемония выражает смысл в еще более яркой метафоре, можно увидеть на примере индуистского брака, где юбки одежд жениха и невесты связываются вместе в знак союза, а невеста ступает на камень, чтобы показать, что она будет тверда, как камень. Среди английских бродяг прошлого века описан обычай, когда мужчина и женщина соединяли руки через тело мертвого животного, тем самым обещая, что они будут вместе до тех пор, пока смерть не разлучит их. Среди драматических церемоний, известных европейскому праву, - сцена в древнеримском суде, когда мужчина предъявлял свои права на раба, выходя вперед и касаясь его жезлом, изображавшим копье; или, когда в старой Германии участок земли передавался владельцем, передававшим дерн с воткнутой в него зеленой веточкой; или когда в феодальные времена вассал помещал свои руки между руками господина и таким образом, "отдавая себя в его руки", становился его человеком.

В праве старого мира существовали церемонии, которые представляли собой нечто большее, чем просто язык жестов. Варварское право рано стало обращаться к магическим и божественным силам, чтобы те помогли в решении трудных задач по выявлению виновных, выведыванию правды у свидетелей и приданию обещанию обязательной силы. Это привело к широкому распространению системы ордалий и клятв. Некоторые испытания действительно служили для выявления истины, воздействуя на совесть злодея. Так, в Индии все члены подозреваемой семьи берут в рот рис, который нервный страх вора часто не дает ему проглотить. В Англии так поступали с корснедом или пробным кусочком освященного хлеба или сыра; даже сейчас крестьяне не забыли старую формулу: "Пусть этот кусочек задушит меня, если я солгу!" Еще одно из немногих испытаний, сохранившихся в народной памяти, можно увидеть, когда в каком-нибудь заштатном крестьянском доме всех подозреваемых в краже заставляют держать библию, подвешенную к ключу, который должен повернуться в руках вора; это сохраняет форму гадания, практиковавшуюся в классическом мире с помощью сита, подвешенного за острия открытых ножниц. Ордалии отжили свой век и теперь вычеркнуты из законов самых цивилизованных стран. В наши дни нужно отправиться в такие страны, как Аравия, чтобы найти испытание раскаленным железом, признанное законом, как это было в Англии в те времена, когда рассказывали легенду о королеве Эмме, идущей по раскаленным лемехам; теперь фокусники устраивают это древнее представление в качестве циркового шоу. И все же даже в последние годы английские деревенщины, как известно, уворачивались от несчастной старухи, которую считали ведьмой, мало зная, что они проводят древний водный ордалий, где священная стихия отвергает неправых и принимает правых, так что виновный плывет, а невинный тонет - судебный обряд, который является частью старого индуистского свода законов Ману и который в английском праве до начала XIII века был законным средством для суда над обвиняемыми в убийстве или грабеже. Ордалии, с помощью которых дающий клятву навлекает на себя настоящий вред, если он виновен, имеют во многом ту же природу, что и клятвы. Однако обычно клятвы влекут за собой будущее наказание, в этой жизни или после смерти, как, например, в русских судах в Сибири можно наблюдать любопытное зрелище: приносят медвежью голову, чтобы осяк мог укусить ее, тем самым призывая медведя укусить его, если он будет клятвопреступником. Юридические клятвы в нашей стране несут в своих жестах следы глубокой древности. В Шотландии свидетель поднимает руку к небу - жест, с помощью которого греки и иудеи призывали в свидетели верховное божество и обрушивали божественную месть на лжесвидетеля. В Англии поцелуй книги происходит от обычая прикасаться к галидому, или священному предмету, как древний римлянин прикасался к алтарю или к шкатулке с реликвиями Гарольда. Форма "Да поможет мне Бог" унаследована от древнего тевтонско-скандинавского права, по которому старый северянин, прикасаясь к намазанному кровью кольцу на алтаре, клялся "Да помогут мне Фрей, и Ниорд, и всемогущий бог" (то есть Тор). Первый и последний из них - два древнеанглийских бога, чьи имена мы встречаем *в пятницу и четверг*.

Теперь перейдем к последней теме этого тома - истории государства. Как бы ни были сложны политические устройства цивилизованных народов, их изучение облегчается тем, что их простые формы уже встречаются в жизни дикарей и варваров. Основой общества, как мы уже видели, является самоуправление каждой семьи. Ее власть, как правило, принадлежит главе семьи; так, среди низких варварских племен в бразильских лесах отец может делать все, что пожелает, со своими женами и детьми, даже продавать их в рабство, и соседи не имеют права или желания вмешиваться. Даже то, что цивилизованные народы сегодня считают само собой разумеющимся, что каждый человек, приходящий в мир, имеет право на жизнь, низшие расы почти не признают. В такой тяжелой жизни, какую ведут австралийцы и многие дикари, новорожденные дети часто оказываются за бортом из-за крайней нужды,

потому что у родителей и так много ртов, которые они могут прокормить. То, что в таких племенах это происходит от жестокости жизни, а не от черствости сердца, можно увидеть, когда родители пройдут через огонь и воду, чтобы спасти того самого ребенка, в отношении которого они несколько недель назад сомневались, жить ему или умереть. Даже там, где борьба за существование не столь остра, жалкий обычай детоубийства по-прежнему распространен в мире. Ничто так ясно не свидетельствует о том, что европейские народы вышли из варварской стадии, как закон, который был общим у древних римлян и наших тевтонских предков: отец семейства должен был решать, воспитывать ли новорожденного ребенка или подвергать его опасности. Став членом семьи, ребенок получает более твердую гарантию жизни; а когда молодой варвар вырастает в воина и становится главой новой семьи, он, как правило, становится свободным человеком. Но древнейшее римское право показывает, что глава семьи правил с такой строгостью, которую трудно представить современному уму: отец мог наказывать или предавать смерти своих взрослых сыновей, выдавать их замуж или разводиться с ними и даже продавать их. С развитием цивилизации, как в Риме, так и в других странах, сыновья постепенно обретали личные и имущественные права; и если сравнить жизнь старого мира с нашей жизнью, то становится ясно, как христианство, обращаясь не к семейным правам, а к индивидуальным душам, стремилось к личной свободе. При всем росте индивидуальной свободы в современной жизни, лучшие черты семейного деспотизма остаются в силе; именно под родительской властью детей готовят к их будущим обязанностям, и закон осторожен в предоставлении ребенку личных прав против родителя, чтобы не ослабить тот самый цемент, который скрепляет общество. Однако, когда семья перестала быть таким совершенным маленьким королевством внутри себя, человек стал отвечать за свои собственные поступки. Мы видели, как в грубом обществе, когда совершается преступление, семья пострадавшего мстит семье преступника. Современные представления о справедливости могут научить нас, что это неправильно, что это наказание невиновного за виновного. Но в низшей варварской жизни это практически лучший способ поддержания порядка, и тем, кто живет в таких условиях, это кажется правильным и естественным, как, например, среди австралийцев, когда один из членов семьи совершает убийство, остальные считают, что они тоже виновны. Если эта идея не ограничивается дикарями, то студент знакомится с ней в праве древних народов, таких как Греция и Рим. Здесь достаточно привести замечательный отрывок из древнееврейского закона, который одновременно фиксирует старый принцип и реформирует его, привнося идеи высшей юриспруденции: "Отцы не должны быть преданы смерти за детей, и дети не должны быть преданы смерти за отцов; каждый должен быть предан смерти за свой собственный грех" (Втор. xxiv). (Втор. xxiv. 16).

Везде, где путешественник в диких краях встречает несколько семей, вместе бредущих по пустыне, или натывается на скопление хижин у ручья в тропическом лесу, он может обнаружить, если будет достаточно внимателен, некоторые зачатки правительства; ведь есть дела, которые касаются всей маленькой общины, например, выбор места для лагеря или ссора о рыбной ловле, которую нужно уладить с соседним племенем вниз по реке. Даже среди гренландцев, столь мало управляемого народа, как почти все в мире, было замечено, что когда несколько семей живут вместе всю зиму, один старый рыбак, знающий погоду, занимает северный конец снежного дома и назначается присматривать за его обитателями, заботясь о том, чтобы они поддерживали снежные стены в порядке, выходили и входили вместе, чтобы не тратить тепло; также, когда они выходят на охоту, опытный следопыт выбирается в качестве лидера. Среди грубых племен часто встречается староста или вождь, которого выбирают как самого важного или проницательного; но у него практически нет реальной власти над семьями, и он добивается своего путем убеждения и общественного мнения. Естественным образом, семья такого старосты уже имеет значение, а если нет, то он делает ее

таковой, и таким образом возникает тенденция к тому, что его должность становится наследственной. В племенах, сформированных по правилу женского родства, где родной сын вождя может оказаться вне преемственности, новым избранным вождем, скорее всего, станет младший брат или племянник со стороны матери. При правиле наследования по отцовской линии, которое нам гораздо более знакомо, сам рост семьи приводит к патриархальному правлению. Предположим, что одна семья отправляется в дикие земли и основывает новое поселение, оно начинается под властью отца, который, по мере строительства новых хижин вокруг первого дома, остается главой растущего клана; но с наступлением старости его старший сын все больше и больше действует от его имени, а после его смерти будет признан его преемником в руководстве общиной. Таким образом, происходит становление наследственного вождя или патриарха племени, который занимает первое место в качестве представителя предка и обладает большей или меньшей реальной властью. Но здесь также существует практическая возможность отстранить преемника, если он слишком робок, своенравен или туп, когда на его место может быть поставлен его дядя или брат, хотя линия преемственности от этого не прерывается. Патриархальная система распространяется далеко в цивилизации. Она не ограничивается одной конкретной расой или народом, и в наши дни ее можно изучать как у коричневых горцев Индии, так и у негров Западной Африки. Нам она особенно хорошо известна из Ветхого Завета, где она показана в той форме, которую она принимает у пастушеского народа, и которую до сих пор можно увидеть с небольшими изменениями у арабов в пустыне, чьи кланы и племена управляются своими патриархами, шейхами или стариками. Не в меньшей степени она лежит в основе политики арийской расы, где ее остатки все еще можно проследить в деревенских общинах Индии и России: старейшина деревни, председательствующий в совете "белоголовых", является современным представителем прежнего патриарха с вождями младших ветвей клана вокруг него. При таком мягком правлении люди с небольшими потребностями могут процветать в мирное время, в добром коммунизме, который возможен там, где нет богатых и бедных. Слабое место такого общества в том, что оно с трудом может продвигаться вперед, ибо цивилизация заходит в тупик там, где она регулируется родовыми обычаями, управляемыми прадедами. Повсюду в мире, в войне требуется и находится какое-то более сильное и разумное правило, чем это. Изменения, которые превратили потомков диких орд в цивилизованные народы, в значительной степени были делом рук военачальников.

Когда среди таких некультурных племен начинается война, вождя-миротворца отодвигают в сторону и выбирают вождя, а в воинственных племенах вождь-миротворец может быть действующим главой все время. Разумеется, он является испытанным воином, и его выносливость может даже подвергаться специальному испытанию, как, например, у карибов, когда кандидата на пост вождя безжалостно пороли и царапали, курили в гамаке над костром из зеленых листьев или закапывали его до середины в гнездо жалящих растений. Мы даже находим в Америке принцип конкурсного отбора на должность короля, когда чилийские племена выбирали своим вождем человека, который мог поднять на плечо самое большое дерево и нести его дольше всех. В этих грубых странах происходят удивительные перемены, когда война превращает свободную толпу в армию под руководством вождя, обладающего силой жизни и смерти для поддержания дисциплины. Когда натуралист Мартиус путешествовал по бразильскому лесу с вождем племени миранха, они подошли к фиговому дереву, где к стволу был привязан скелет человека, обмотанный веревками, и вождь мрачно объяснил, что это один из его людей, который ослушался приказа, не позвав соседнее племя на помощь против вторгшихся умау, и он приказал привязать его здесь и забить стрелами до смерти. В варварских странах вождь племени и военный вождь могут соседствовать друг с другом, но когда власть лука и копья однажды заявляет о себе, она, как правило, растет дальше. На протяжении всей истории война дает

смелому и умелому лидеру верховенство, которое номинально может закончиться вместе с кампанией, но имеет тенденцию переходить в пожизненную диктатуру. Военное правительство в гражданских делах - это, по сути, деспотизм; и если военный лидер может стать тираном в своей собственной стране, то тем более он может править железным жезлом в завоеванной стране. Негритянское королевство Дахоме, результат двух столетий варварского военного правления, является поразительным примером того, как народ подчиняется деспоту, которого он считает своего рода божеством; они подходят к нему, стоя на четвереньках и посыпая голову пылью; весь народ - его рабы, чьи жизни он забирает по своему желанию; женщины все его, чтобы отдать или продать; земля вся его, и никто не владеет ничем, кроме как по его желанию. Теоретически короли азиатских народов были столь же абсолютны, как и этот, но практически в условиях развивающейся цивилизации король принимает или санкционирует законы, которые связывают его самого и его преемников, делая общество более стабильным, а жизнь более терпимой. Кроме того, как только религия становится властью в государстве, она соединяется или смешивается с гражданским и военным правительством. Так, у негров верховный жрец и военный вождь могут быть двумя главами правительства, а инки Перу, будучи потомками и представителями божественного солнца, управляли своим народом с помощью отцовского деспотизма, который решал за людей, что они должны делать, есть и носить, и на ком жениться. В таком королевстве королевская власть должна быть наследственной в божественной правящей семье. Действительно, монархия, как бы она ни была завоевана, имеет тенденцию становиться наследственной, и особенно военный узурпатор основывает династию по образцу патриархального вождя. Таким образом, суверенитет может быть выборным, наследственным, военным, церковным, и, как бы ни была сложна история королевств, в них всегда можно проследить некоторую комбинацию этих причин.

Последствия войны для консолидации слабо сформированного общества описаны путешественниками, которые видели, как варварские племена готовятся к вторжению врага или защите собственных границ. Провизия и имущество становятся общим достоянием, воины подчиняют свою непокорную волю вождю, а частные ссоры тонут в большом патриотизме. Далекие родственные кланы объединяются против общего врага, а соседние племена, не имеющие такого естественного союза, заключают союз, их вожди служат по приказу выбранного всеми вождя. Здесь в простейших формах проявляются два величайших факта в истории: организованная армия, где несколько войск возглавляются своими собственными капитанами под руководством генерала, и конфедерация племен, подобная той, что в высшей цивилизации приводит к возникновению политических федераций государств, как в Греции и Швейцарии. Из таких союзов племен, когда они выходят за рамки кампании, возникают нации, где часто, как в старой Мексике, глава самого сильного племени становится королем. Племена, которые объединяются таким образом, склонны иметь общую расу, говорить на родственных диалектах, поскольку это везде является естественной связью союза; и когда они объединяются в один народ и носят общее имя, например дорийцы или эллины, они охотно подхватывают старую патриархальную идею и представляют себя более близкими к одной *нации* или "роду", чем они есть на самом деле, даже устанавливая, как мы видели ([стр. 389](#)), фиктивного национального предка. События развиваются по-другому, но с похожим эффектом, когда какой-нибудь кафирский вождь завоевывает другие окрестные племена и, ставя себя выше их всех, заставляет завоеванных вождей приносить ему дань и воинов для участия в сражениях. Это империя в небольших масштабах и с грубым окружением, но на тех же принципах, что и империя Сезара или Наполеона. Таким образом, становится понятно, почему в ранней истории наций так трудно определить, насколько тот или иной народ вырос из одного несмешанного племени или был создан путем союзов и завоеваний. Что показывает, как должно было происходить это

сложение народов, так это количество и разнообразие их богов. Пока племя растет само по себе, имена и поклонение одним и тем же богам племени будут объединять все кланы, и даже когда они уходят далеко, то иногда отправляются в паломничество к святыням своего старого дома. Но когда народы объединяются, их различные боги сохраняются, как, например, у перуанцев, когда боги завоеванных племен занимали место под своими собственными великими божествами. Каждый район Древнего Египта показывает своим разнообразным сочетанием богов, сколько маленьких государств и местных религий входило в состав великой деспотии и иерархии. Очевидно, что именно благодаря этому росту наций, происходившему неизвестно сколько времени до начала истории, возникла высшая цивилизация человечества. Разрозненные семьи варваров на земле, где еще есть место для локтя, могут процветать без сильного правительства; но когда люди живут в густонаселенных странах и многолюдных городах, необходим общественный порядок. В том, что политический порядок возник из военного, сомневаться не приходится. Война не только передала в руки государя власть над целым народом, но его армия послужила ему образцом, по которому он мог организовать свою нацию. Один из самых очевидных уроков истории заключается в том, что благодаря военной дисциплине человечество научилось подчиняться власти и действовать массово под командованием. Египет и Вавилон, где военная система пронизывала не только постоянную армию, но и ордена жрецов и гражданских лиц, развили промышленность и богатство выше всех в древнем мире и стали основоположниками литературы и науки. Они создали для будущих веков систему управления, которой мы, более свободные современные люди, подчиняемся ради собственного блага. Конституционное правительство, будь то республика или королевство, - это устройство, при котором нация управляет собой с помощью механизмов военной деспотии.

По мере того как общество в племенах и нациях становилось все более сложной системой, оно рано начало делиться на классы или ранги. Если мы поищем пример знаменитого первого принципа Соединенных Штатов, "все люди созданы равными", то на самом деле мы едва ли найдем такое равенство, разве что среди дикарей-охотников и лесников, да и то далеко не всегда. Величайшее из всех разделений - между свободным человеком и рабом - возникает, как только варварский воин не щадит жизнь своего врага, когда тот повержен, и приносит его домой, чтобы тот трудился на него и обрабатывал землю. Насколько низко в цивилизации это начинается, показывает каста рабов, которым запрещено носить оружие, составляющая часть некоторых низших американских племен. О том, насколько основательно рабство было признано принадлежностью общества старого мира, можно судить по тому, как оно входило в древнееврейскую патриархальную систему, где раб и рабыня считались достоянием человека наравне с его волон и ослом. Не меньше было и в римском праве, что видно из самого слова "семья", которое сначала означало не детей, а рабов (*famulus*). Мы живем в те дни, когда последние остатки рабства исчезают из высших наций; но хотя цивилизованный мир уже перерос этот древний институт, преимущества, которые раннее общество получило от него, все еще остаются. Именно благодаря рабскому труду развивались сельское хозяйство и промышленность, накапливались богатства, а досуг священников, писцов, поэтов, философов способствовал повышению уровня человеческого разума. Из рабства, вероятно, возник более поздний обычай наемной службы, само название которой, происходящее от *servus* - раб, повествует о больших социальных переменах. Сначала хозяин отпускал своих рабов работать ради своей выгоды, а затем свободные люди сочли за благо работать ради собственной выгоды, и так возник великий класс наемных работников, численность и влияние которого так заметно отличают древнее общество от современного. Во всех общинах, кроме самых маленьких и простых, свободные люди делятся на сословия. Старые северяне делили людей на три класса: "графы, чурлы и рабы", что примерно соответствует тому, что мы сейчас называем дворянами, свободными и

рабами. Дворяне снова делятся на разные ордена, особенно те, кто может претендовать на королевскую кровь, образуя княжеский орден и глядя свысока на вождей и офицеров армии, государства и церкви, которые заполняют низшие дворянские ряды.

По мере того как страны становятся все более густонаселенными, богатыми и умными, необходимо совершенствовать механизм управления. Старые методы "грубого и готового" уже не подходят, и в политике приходится применять разделение труда. Таким образом, одной из первых обязанностей вождя становится роль судьи. Кафирскому вождю вменяется в обязанность разбирать тяжбы между своими людьми; каждая сторона приносит ему в дар быков. На более высоких уровнях цивилизации восточный монарх восседает в воротах правосудия; так было и у древних германцев, где король восседал на короне и выносил приговор в своем собственном суде. Это по-прежнему королевский суд, но фактическое управление давно перешло в руки профессиональных судей. Так же и с другими государственными ведомствами. К тому времени, когда цивилизация достигла уровня Древнего Египта и Вавилона, государственными делами управляли чиновники, стоявшие в чинах, как в армии, которые собирали налоги, занимались общественными работами, наказывали за правонарушения и вершили правосудие между людьми. Только что было замечено, насколько современная нация работает по официальной системе, подобной древней, и как мы, действительно один из самых свободных народов, сохраняем формы абсолютной монархии, где суверенная власть управляется через слуг короны вплоть до акцизного чиновника и констебля. В политике дикарей и варваров уже проступают очертания цивилизованной системы правления. Мы видели, как среди таких грубых племен появляется вождь или король, который занимает свое место в той или иной форме у высших народов. Даже консул или президент республики - это своего рода временный выборный король. Не менее древним является сенат. Старики, сидящие на корточках вокруг костра совета индейского племени в прериях, имеют большее влияние, чем цивилизованный сенат, поскольку там, где нет письменных записей и книг, старики являются источниками и сокровищницами мудрости. У всех народов мира места в таких советах отводятся мудрым старикам, жрецам и офицерам высокого ранга, а также главам великих семейств, так что оба термина - *сенат* и *палата лордов* - имеют свое правильное значение, а два требования - мудрость и ранг - в большей или меньшей степени сочетаются. С самого начала политической жизни появляется и народное собрание. В небольших племенах вся община или, по крайней мере, свободные люди собираются вместе. Это может быть всего лишь лесное племя в Бразилии, созванное вождем для решения какого-либо вопроса об экспедиции для ловли дичи или нападения на соседнее племя, однако торжественная форма будет соблюдена. Ораторы молчат, и если собрание одобряет решение, то в конце концов кричат "хорошо!" или "да будет так!". Более цивилизованные формы народного собрания можно изучить, сравнив ахейскую *агору*, описанную Фрименом во второй книге "Илиады", с "великим собранием", которое проводилось за пределами Лондона во времена Эдуарда Исповедника. Даже в наши дни великое собрание народа не исчезло из Европы. До сих пор можно наблюдать удивительное зрелище: жители швейцарского кантона собираются вместе на широком лугу или рыночной площади, чтобы проголосовать "за" или "против" по великим вопросам, которые решает их верховная власть. С ростом наций народный сход или собрание всего народа, никогда не бывшее хорошим совещательным органом, вскоре становится неуправляемым из-за простой численности; но есть способ, с помощью которого его власть может быть сохранена в менее громоздкой форме, когда народ, уже не способный идти сам, посылает выбранных представителей действовать за него. Это кажется достаточно простым устройством, и действительно, первое дикарское племя, которое когда-либо

посылало сдержанного оратора для ведения переговоров о мире или войне от своего имени, ухватилось за идею политического представителя. Но на самом деле это один из самых примечательных моментов в политической истории, как принцип народного представительства был разработан в Англии со времен знаменитого парламента Симона де Монфора в XIII веке. Это историки должны обсуждать, как рыцари и бюргеры, которые поднимались, чтобы предоставить королю припасы, перешли в нижнюю палату парламента, как это происходит сейчас; здесь же следует обратить внимание на изменения, которые, в то время как огромное беспорядочное собрание народа сократилось до аристократической верхней палаты, дали нам новый выборный народный орган, *палату общин*. Не будет лишним сказать, что ни одно событие в английской истории не оказало столь сильного влияния на формирование курса современной цивилизации. В целом, глядя на то, к чему приходит правительство в наиболее просвещенных странах, можно заметить, что оно достигает своих целей, не столько отбрасывая методы наших далеких варварских предков, сколько совершенствуя и регулируя их. Управление государством в рамках системы суверенной власти, контроль сената и источник политической власти в воле самой нации работают вместе и сдерживают друг друга, чтобы справедливо сохранить преимущества и нейтрализовать излишества всех, в то время как конституция имеет в себе силу непрерывных реформ, чтобы машина правительства могла постоянно формировать себя для более совершенного соответствия своей работе.

На этом эскиз антропологии можно закончить. Изучение возраста человека на земле, его телесного строения, разновидностей расы и языка привело нас к исследованию его интеллектуальной и социальной истории. В его многогранной жизни можно четко проследить развитие, которое, несмотря на длительные периоды остановок и частых откатов назад, в целом приспособило современного цивилизованного человека к гораздо более высокой и счастливой карьере, чем его более грубые предки. В этом развитии предыдущие главы показали разницу между низкими и высокими народами, которую остается только представить читателю в качестве практической морали к истории цивилизации. Действительно, и среди диких, и среди цивилизованных народов происходит прогресс культуры, но не при одинаковых условиях. Дикарь ни в коем случае не идет по жизни с намерением накопить больше знаний и разработать лучшие законы, чем его отцы. Напротив, он склонен считать, что его предки передали ему совершенство мудрости, вносить в которое малейшие изменения было бы нечестиво. Поэтому низшие расы упорно сопротивляются самым желанным реформам, и прогресс пробивает себе дорогу лишь с такой медлительностью и трудом, которые мы, живущие в нашем веке, с трудом можем себе представить. Если посмотреть на состояние грубого человека, то можно увидеть, что его неприятие перемен не всегда было необоснованным, и, более того, часто могло быть вызвано истинным инстинктом. Не зная ни о какой жизни, кроме своей собственной, он был бы опрометчив, если бы вырвался из старого испытанного механизма общества, чтобы погрузиться в революционные перемены, которые могли бы уничтожить нынешнее благо, не поставив на его место лучшее. Если бы опыт древних людей был более обширным, они бы видели свой путь к более быстрым шагам в культуре. Но мы, цивилизованные современные люди, обладаем именно теми широкими знаниями, которые были нужны грубым древним. Знакомясь с событиями и их последствиями во всем мире, мы можем с большей уверенностью направлять свой собственный курс к совершенствованию. Одним словом, человечество переходит от эпохи бессознательного к эпохе сознательного прогресса. Читателям, дошедшим до этого момента, не нужно многословно объяснять то, что факты, должно быть, уже донесли до их сознания - что изучение человека и цивилизации не только представляет научный интерес, но и сразу переходит в практическую плоскость жизни. Мы имеем в нем средства для понимания нашей собственной жизни и нашего места в мире,

смутно и несовершенно, правда, но, во всяком случае, более ясно, чем любое предыдущее поколение. Знание жизненного пути человека, начиная с далекого прошлого и заканчивая настоящим, не только поможет нам предсказать будущее, но и подскажет, как оставить мир лучше, чем мы его нашли.

ИЗБРАННЫЕ КНИГИ и т.д.

Физическая и описательная антропология:.

Waitz, Anthropologie der Naturvölker.

Топинард, Антропология.

Дарвин, Происхождение человека.

Хаксли, Место человека в природе; Географическое распространение человечества (в журнале *Этнологического общества*, т. II. 1870).

Фогт, Лекции о человеке.

Причард, Естественная история человека.

Вуд, Естественная история: Человек.

Peschel, Races of Man.

Quatrefages, Human Species.

Флауэр, Хантерианские лекции по "Сравнительной анатомии человека". *Nature*, июль 1879 г., май и июнь 1880 г.

Broca, Instructions Craniologiques.

Антропологические заметки и вопросы для путешественников и т. д. (Британская ассоциация).

Журнал Антропологического института (Лондон).

Revue d'Anthropologie (Париж).

Zeitschrift für Ethnologie (Берлин).

Рассказы о расах путешественников и миссионеров, таких как Катлин, Североамериканские индейцы; Эллис, Исследования Полинезии; Уоллес, Путешествия по Амазонке и Малайскому архипелагу; Бертон, Озерные области Центральной Африки; Дж. Л. Уилсон, Западная Африка; Грей, Путешествия по Австралии; и т.д. и т.п.

Геология и археология человека:.

Лаббок, Доисторические времена.

Лайелл, Древность человека.

Докинз, Охота в пещерах; ранний человек в Британии.

Эванс, Древние каменные орудия Великобритании.

Фергюссон, Грубые каменные памятники.

Келлер и Ли, Озерные жилища Швейцарии.

Нильссон, Примитивные обитатели Скандинавии.

Уилсон, Доисторический человек.

Филология:...

Макс Мюллер, Лекции по науке о языке.

Сейс, Сравнительная филология; Введение в науку о языке.

Уитни, Язык и изучение языка.

Ховелак и Винсон, Наука о языке.

Pictet, Origines Indo-Européennes.

Steinthal, Charakteristik der hauptsachlichsten Typen des Sprachbaues.

Цивилизация

Мэн, Древнее право.

Лаббок, Происхождение цивилизации.

Бейджхот, Физика и политика.

Фримен, Сравнительная политика; Исторические очерки.

Дрейпер, Интеллектуальное развитие Европы.

Макленнан, Исследования по древней истории.

Морган, Древнее общество.

Спенсер, Принципы социологии.

Klemm, Allgemeine Culturgeschichte; Culturwissenschaft.

Тайлор, Ранняя история человечества; Первобытная культура.